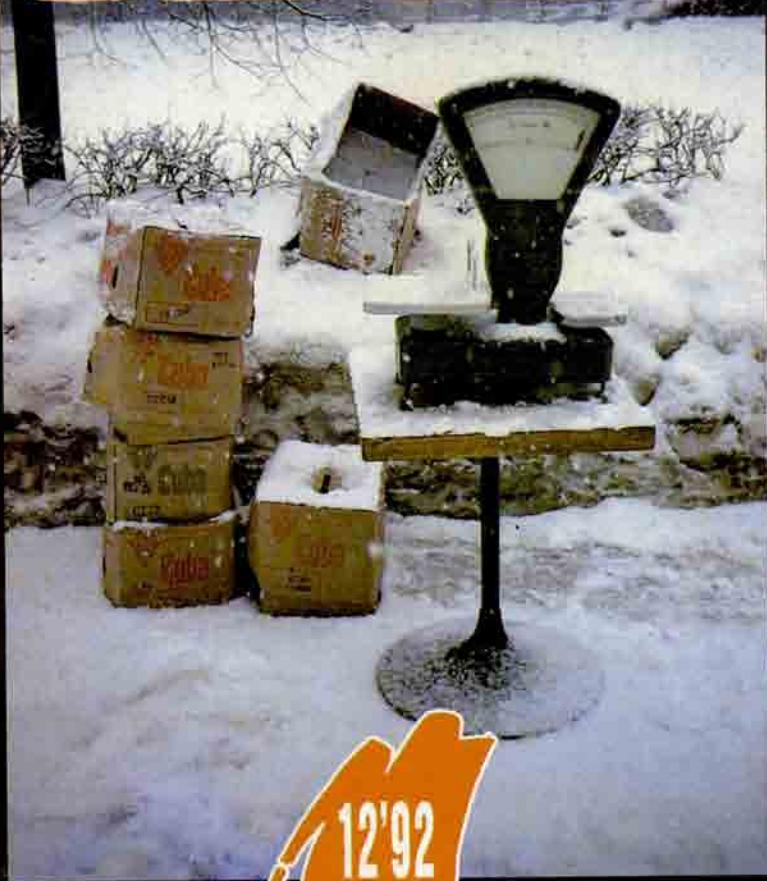

ISSN 0131-6656

СМОНА

СИГІЗМУНД ЛІБРОВІЧ • ЦАРЬ ИЛИ НЕ ЦАРЬ!

ЭД МАКБЕЙН • В ГЛУХОЙ ЧАС КОЛИН УИЛСОН • ИМР ПАВКОВ

ЛЕОНИД ГРОССМАН

12'92

• КАЗНЬ ДОСТОЕВСКОГО

(Читайте стр. 108.)

12'92

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНИШЕВСКИЙ,
зам. главного
редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного
редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный
художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 24.09.92.
Подписано к печати 30.10.92.
Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага «Газетная».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10.
Тираж 222 000 экз.
Заказ № 2044.
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем
212-23-79 — отдел молодежных
проблем
251-04-10 — отдел литературы
и искусства.
Учредитель —
коллектив редакции
журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

12 (1538) ДЕКАБРЬ

© Издательство «Пресса»
© «Смена», 1992.

В НОМЕРЕ:

Проза

20

ЭД МАКБЕЙН. В ГЛУХОЙ ЧАС
Детектив

120

АРКАДИЙ ТЮРИН. АЛЕКСАНДР
Рассказ

192

КОЛИН УИЛСОН. МИР ПАУКОВ
Фантастический роман

Поэзия

16

МИХАИЛ АНДРЕЕВ

103

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Человек и общество

6

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. НАМ БУДЕТ ЛЕГЧЕ ЧЕРЕЗ 60 ЛЕТ

66

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. КОЛЕСА

92

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. НОЧЛЕЖКА

131

СИГИЗМУНД ЛИБРОВИЧ. ЦАРЬ ИЛИ НЕ ЦАРЬ?

164

ЛЕОНИД ГРОССМАН. КАЗНЬ ДОСТОЕВСКОГО
Историческая хроника

185

ЛЕОНИД ЖУХОВИЦКИЙ. НАЗАД К РАЮ?

Культура, музыка, искусство

72

ЗЛЬВИРА ПОПОВА. ГОРОД СКВОЗЬ РАДУГУ

На нашей
обложке:
фотозюд
ВЛАДИМИРА
ПЧЕЛКИНА

115

МИХАИЛ ЛЕВИТИН: «РОССИЯ УЧИТСЯ ОБХОДИТЬСЯ БЕЗ ТЕАТРА»

188

ОЛЕГ ПРОХОРОВ. ЗАТВОРНИК ДУШИ

287

ЛЮДМИЛА КАНДАЛОВА. АНДРЕЙ КРЮКОВ

Спорт

108

ДМИТРИЙ ФИЛИПЧЕНКО. «ЭЙ, ВЫ, ТАМ, НАВЕРХУ...»

152

АЛЕКСАНДР ГУРНОВ. ОЛИМПИАДА СТРОГОГО РЕЖИМА

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

1-93

3

■ **СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ.** «НЕ ЗАГОНЯЙТЕ В УГОЛ ПРОКУРОРА»

В новом остросюжетном детективном романе Сергея Высоцкого продолжается ставшая столь популярной тема борьбы с коррупцией и воротилами «теневой экономики». Главный герой романа — следователь районной прокуратуры Владимир Фризе, расследуя ряд загадочных убийств, нити которых ведут в малое предприятие «Харон», попадает в трудную, неординарную ситуацию.

■ **АЛЕКСАНДР КИЗЕВЕТТЕР.** «ДЕНЬ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»

Очерк крупного русского писателя-историка Александра Кизеветтера переносит нас в Москву XVII века. «Лет двести тому назад на Москве царствовал царь Алексей Михайлович, отец Петра Великого. Замечательное время переживала тогда Русская земля. Русские люди крепко сохраняли еще в своей жизни многие старые порядки и обычаи, но они начинали уже понимать, что нельзя все жить только по старине, что необходимо многому поучиться у других более образованных народов, перенять у них для себя все то, что может быть употреблено с надлежащей пользой. Так думали тогда уже многие русские люди, думал так и сам царь Алексей Михайлович...»

АНОНС:

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1992 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

ВИКТОР ВЕБЕР

СЕРГЕЙ ГОНЧАРЕНКО

ВАЛЕРИЯ ГОРДЕЕВА

МАРИНА КРЕТОВА

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ

АЛЕКСЕЙ ОСТРОМЕНЦКИЙ

**ВИKTOPУ
ВЕБЕРУ —**

за перевод романа
Г. Макдональда
«Сознавайтесь, Флетч!» (№ 10);

**СЕРГЕЮ
ГОНЧАРЕНКО —**

за цикл стихотворений (№ 8)
и за переводы стихов
испанских поэтов (№ 1);

**ВАЛЕРИИ
ГОРДЕВОЙ —**

за документальную повесть
«Девочка, которая боялась
потеряться» (№ 2—3);

**МАРИНЕ
КРЕТОВОЙ —**

за историческую повесть
«Прекрасней сфинкс»
(№ 4—6);

**НИКОЛАЮ
ЛЕОНОВУ —**

за повесть
«Мент поганый»
(№ 1);

**ГЕННАДИЮ
НОВОЖИЛОВУ —**

за иллюстрации
к материалам рубрики
«Издаю»;

**АЛЕКСЕЮ
ОСТРОМЕНЦКОМУ —**

за иллюстрации
к роману
Г. Макгила
«Армагеддон-2000»
(№ 9);

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Нам будет легче через 60 лет

Россия опять
охвачена экспериментом.
И опять невиданным.
В сжатые сроки,
по-ударному
проводится
самая масштабная
приватизация из всех,
которые знал мир.
Зачем она нужна
и нужна ли вообще?
Что она даст — мне,
вам, всем?

ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРВОЕ. ПРОИЗВОДСТВЕННИКИ

Еще не звучало по сто раз на дню диковинное слово «ваучер», еще не принялась Москва требовать с мест ежедекадных отчетов, сколько заводов изъято из государственной собственности, а приватизированные предприятия уже появились.

На одно из них, Екатеринбургский завод лесных машин, мы приехали в конце июля. Минул месяц, как стал он акционерным обществом. Об этом напоминал горделивый лозунг над проходной: «Цель достигнута — завод нами выкуплен!».

Три года назад коллектив «Лесмаша» заключил с министерством договор об аренде завода с правом выкупа. Стало намного свободнее (прежде всего, конечно, руководителям) по сравнению с прежней строгой подчиненно-

ЦЕЛЬ ДОСТИГНУТА — ЗАВОД НАМИ ВЫКУПЛЕН!

стью. Начали отдавать ежегодно «наверх» арендную плату, а все остальное, сколько ни заработай, оставалось на заводском счету.

Идея выкупить завод и владеть им безраздельно стала осуществляться в прошлом году. Всю работу по приватизации возглавил Дмитрий Терехин. Согласно штатному расписанию, инженер по ремонту оборудования, недавний выпускник политехнического института по специальности «промышленная теплоэнергетика».

Беседу с ним.

— Кто делал оценку стоимости завода?

— Я.

— Один?

— В фонде имущества посмотрели документы и согласились...

Во всем мире аудиторские фирмы, в которых трудятся доки-экономисты, берут за оценку предприятий немалые гонорары. У нас, как видите, намного проще.

— Сколько же коллектив заплатил за выкуп завода?

— 22 миллиона рублей отдали в фонд имущества. Часть — заводские деньги, часть — банковский кредит.

(Ни секунды не сомневаясь в порядочности заводчан и работников местного фонда имущества, не мог не подумать о том, что когда-нибудь какой-то директор прикажет в преддверии приватизации оценить свое предприятие как можно дешевле, а чтобы фонд имущества закрыл на это глаза, преподнесет нетипичному чиновнику плотно набитый конверт. Боже меня упаси от намеков, но недавняя приватизация московских Лужников — одной земли 144 гектара почти в самом центре столицы — за 98 миллионов рублей тоже вызвала странное чувство...)

«Лесмаш» преобразован нынче в акционерное общество закрытого

типа, то есть владельцами стали лишь те, кто здесь работает. Увольняешься — будь добр, продай свои акции. Нынешние приватизационные правила запрещают такой порядок разгосударствления, позволяя лишь акционерные общества открытого типа, совладельцем их может стать любой. Однако екатеринбуржцы успели «проскочить» до принятия закона...

Завод, по сути, из некоего «совхоза» превратился в индустриальный «колхоз». Чувствует ли каждый «колхозник» себя хозяином? Вот типичные ответы:

— Я — хозяин завода? Не смейте. У себя дома я хозяин, точно. А здесь...

— Худого в приватизации вроде нет, а хорошее, может, еще произойдет...

— Лучше бы нас за валюту хозяину-японцу продали...

В сущности, зачем простому работнику — не-руководителю — быть собственником завода или конторы? Хозяином себя чувствовать? Платили бы нормально, а владеть куском цеха да карусельным станком вовсе не обязательно...

Есть в Москве объединение «Кросна» (многим оно знакомо по «тарелкам» — антеннам космического телевидения). Начиналось объединение три года назад с кооператива, в котором работало 15 человек. Сейчас в фирме трудятся 6,5 тысячи, она арендует маленький электромашиностроительный завод «Памяти революции 1905 года». Дисциплина там нешуточная, на перекуры отводится пять минут в конце каждого часа. И требовательность касается не только рабочих. Начальник одного из цехов «Кросны» Аркадий Абдулин рассказывал мне, как незадолго до нашего разговора руководителей цеха лишили кого-то пяти, а кого-то и пятидесяти процен-

тов месячного заработка за то, что цех простоял двадцать минут.

Однако за воротами объединения — очередь, чтобы занять обычное рабочее место. И средняя зарплата в «Кросне» была (в июле) около 15 тысяч рублей. И никто, похоже, не чувствует себя ущемленным от того, что он не один из хозяев завода.

Когда предприятием владеет коллектив, не избежать, наверное, того, что будет идти оно по проторенной дорожке. Яркие мысли о том, как преобразовать технологию или выбросить на рынок новое изделие, обычно приходят в голову одному человеку — коллективу они скорее всего покажутся опасным чудачеством. К тому же коллектив-хозяин всю полученную прибыль «единогласно» постарается сразу же «проесть» — пустить на зарплату, не станет вкладывать ее в обновление производства...

Это косвенно подтвердил своим горячим монологом один из акционеров общества «Екатеринбургские лесные машины» — токарь Владимир Александрович (фамилию не захотел называть):

— Зачем мне на заводе овощехранилище, магазин? Зачем нас обедами по семь рублей кормят? Ведь это же из нашей прибыли идет! Почему директор ею распоряжается? Лучше б он мне все деньгами выдавал — я тогда, может, в ресторане бы обедал!

С подобным стремлением — всю полученную прибыль поделить — трудно спорить, даже если речь идет о строительстве заводского магазина. А уж когда коснется покупки новой технологической линии — тем более.

Основная продукция екатеринбуржцев — машины для обрубki сучьев. Тяжелые многожелезные агрегаты стоят у ворот цеха, и асфальт под ними раздолбан, лужи,

грязь, хотя давно не было дождя. «Каждый год здесь асфальтируем,— говорит сопровождающий,— да они такие тяжелые, что все разбивают...»

Подумалось: был бы в лесу настоящий хозяин — не нынешний временщик, а отвечающий и за срубленный лес, и за подрост — наверняка не пустил бы таких монстров на лесосеку... Уже вернувшись в Москву, я поинтересовался у знакомых лесозаготовителей, как им нравятся екатеринбургские машины.

— Неудобные. Ненадежные. И конструктивно плохие, и сборка неважная... Но берем: других-то нет...

Заставит ли приватизация хоть что-то изменить в этом смысле, повысит качество? Не знаю. Не думаю... Во всяком случае, ничего не ответил директор на вопрос, есть ли у него планы выйти на мировой рынок, потягаться со скандинавами...

Хотя... Вот пример иного рода, показывающий, что могут-таки дать преобразования в стране. Если бы хоть одно подобное новшество родилось на каждом предприятии, уже тогда курс на реформы был бы оправдан.

Еще в пору, когда екатеринбургский завод был арендным, здешние конструкторы разработали, а производственники освоили станок для изготовления срубов. На нем за одну смену можно сладить избу или дачный домик... Станок пользуется немалым спросом. И что примечательно, все говорили мне: дескать, если бы не стал завод самостоятельным — станка этого мы бы не увидели...

К процессу приватизации многие на заводе относятся сдержанно. Иллюзий не питают. О том, что в одночасье превратились в акционеров, совладельцев предприятия, особо не вспоминают...

Но вот примечательные слова одной работницы...

— Мои родители были прекрасные люди, но капитала мне не оставили. А у меня дочь растет — хоть что-то я ей передам в наследство...

ОБЪЯСНЕНИЕ ВТОРОЕ. ЭКОНОМИСТЫ

Я встретился в Москве с экономистами Абасом Ахмедуевым, Анатолием Дерябиным (и тот, и другой — доктора экономических наук, заведуют секторами в Институте экономики Российской Академии наук) и Александром Радыгиным, кандидатом экономических наук, старшим научным сотрудником Института экономической политики при Академии народного хозяйства и Российской Академии наук.

Ахмедуев. Рыночная экономика может функционировать лишь при определенной критической массе различных форм собственности. Больше половины предприятий должно принадлежать негосударственным секторам — быть частными, коллективными, кооперативными, акционерными... Но я категорически против передачи всей государственной собственности в частные руки. У нас такого и не случится — даже после реализации программы приватизации в руках государства останется процентов сорок предприятий: транспорт, связь, энергетика, оборонка...

Приватизация найдет предприятиям реальных собственников. А это обеспечит самую надежную их сохранность — то, чего мы не смогли добиться бесчисленными постановлениями. Собственник целиком ориентирован на потребителя, иначе он рискует всем, чем владеет. Мысль о потребителе заставляет его заботиться о научно-

техническом прогрессе, повышении качества...

Радыгин. Приватизация не самоцель реформы. Это средство, чтобы создать новую систему прав собственности, на базе которой может работать нормальная рыночная конкурентная среда. Приватизация позволит создать новые отношения между хозяйственными единицами, а это, в свою очередь, повысит национальный доход и, как говорится, благосостояние наших людей. Однако без демополизации, без нового управления на самих предприятиях разгосударствление ничего не даст.

Корр. Это все, извините, общие слова. Я хочу понять: что приватизация даст мне лично?

Радыгин. Типично «совковая» позиция: как бы всем немедленно стало хорошо. Приватизация — макроэкономическое мероприятие и, как любое подобное, способно дать эффект не так скоро. Другого-то выхода из «черной дыры», в которую мы сами себя загнали, нет. Конечно, всем хотелось бы сразу стать большой Швейцарией. Но так не бывает. За все приходится платить. За тупиковый путь к коммунизму — годами реформ. И цивилизованного богатства в России мы с вами не увидим. Может быть, только рожденные сегодня дети. И то в возрасте лет шестидесяти...

Корр. Это очень утешает... Однако хотелось бы обсудить тактику приватизации. Не кажется ли вам, что государственная собственность раздается за бесценок?

Радыгин. Как можно оценить имущество? Либо по доходу, который оно способно дать, либо по балансовой стоимости. Что такое балансовая стоимость, скажем, дома? Затраты на его возведение в тех ценах, когда его строили. Дом простоял, износился — получим остаточную балансовую стои-

мость. А сегодняшняя его доходность может быть в сотни раз выше...

Да, во всем мире принята оценка приватизируемого имущества по доходности. Но у нас она невозможна. Цены перекошены. Инфляция составляет десятки процентов в месяц. Если бы мы взяли оценивать предприятия по доходности, приватизация не только бы никогда не кончилась — она бы и не началась. Поэтому решили взять за основу оценку по остаточной балансовой стоимости. Однако при продаже акций всем, кроме трудового коллектива (а его возможности купить их существенно ограничены), применяется аукционный метод. Остаточная балансовая стоимость — стартовая. Аукцион — тот же рынок, при котором выявляется реальная цена объекта.

Ахмедьев. Распродажа предприятий по дешевке? Не то слово! Это бросовая цена! Если бы были гарантии, что заводы станут использоваться в интересах России, можно было закрыть на это глаза: ладно, лишь бы хозяин нашелся. Но ведь нет уверенности, что собственность попадет в руки добросовестных людей, в руки россиян. Доллар стоит 350 рублей, и, чтобы выкупить Лужники, иностранцу даже не обязательно быть миллионером. Среднего достатка американец сможет за 300 тысяч долларов приобрести главный спорткомплекс страны...

Дерябин. Но из всех наших основных фондов наибольшую ценность представляют здания, земля и коммуникации. (Средний износ механизмов уральских металлургических заводов свыше 70 процентов...) Иностранцы не рвутся скупать наше оборудование, кому нужны наши мартены?! Они хотят приобрести наши ресурсы: землю и то, что в ней лежит, да некото-

рые здания. Но все в руках правительства. Можно установить такие положения, что иностранцы ничего не скупят даже через подставных лиц... А коррупции опасаться не стоит. Да, предприятие заинтересовано в минимальной оценке. Но ведь не рабочие ходят в фонд имущества, а руководители завода. Они хотят работать за весомый кусок. Ну и Бог с ними, пусть получат. Лишь бы приватизация быстрее пошла...

Корр. Предприятия в процессе акционирования передаются в руки многих владельцев. Однако мне кажется, что завод может работать эффективно, когда у него только один хозяин. Трудовой коллектив, владеющий своим предприятием, — тот же колхоз! А мы знаем, сколь «успешны» многие колхозы...

Ахмедуев. Работники могут приобрести 51 процент акций своего предприятия при одном из вариантов приватизации, но перед ними поставлен серьезный барьер: ценные бумаги они выкупают по цене в 1,7 раза выше номинальной. Никакой экономической подоплеки под повышающим коэффициентом нет, только политическая; чтобы как можно меньше трудовых коллективов стали хозяевами предприятий... В акционерном обществе будет командовать тот, у кого больше акций. Рано или поздно в нем найдется один человек или группа людей, имеющая контрольный пакет. А он в акционерном обществе открытого типа — необязательно пятьдесят и больше процентов. Когда акции распылены, хозяину достаточно иметь пять процентов от их общего количества...

Радыгин. У корпорации Ай-Би-Эм несколько миллионов совладельцев, а контрольный пакет составляет около трех процентов акций...

Ахмедуев. Член трудового коллектива имеет одну акцию, то есть один голос. Он не командует. Получает дивиденды, но сказать, что он становится хозяином, конечно, нельзя. Правительство делает упор на открытые акционерные общества, в которых выявятся акционеры, способные взять дело в свои руки... В общем-то, пожалуй, верно: коллективная собственность — коллективная ответственность.

Радыгин. ...Если, например, из ста акций предприятия десять будут принадлежать трудовому коллективу, а девяносто — посторонним, то только десять голосов будет за то, чтобы «проесть» полученную прибыль. Большинство же станет думать о развитии, о долгосрочных инвестициях.

Дерябин. Наши авиационные фирмы очень хорошо смотрятся и на мировом рынке. Кто их создал? Сколько человек стоит за каждой? 25 тысяч? 100 тысяч? Да нет же! Миль, Микоян, Новожилов, Ильюшин... Сейчас руководят другие люди, но они поддерживают марку. Вот им и нужно дать заводы в собственность!

Корр. Давайте теперь поговорим о ваучерах. Откуда взялось это слово, которому наряду с «брокером», «маркетингом» и «инвестицией», видимо, суждено войти в словарь русского языка? И еще: будет ли означать выпуск ваучеров новый виток инфляции?

Радыгин. По-английски «ваучер» обозначает «чек», «купон», «талон». В Соединенных Штатах ваучерами называют талоны на бесплатные обеды, которые муниципальные службы дают опустившимся, нищим людям...

Корр. Если об этом знал человек, запустивший этот термин в оборот в России, то хорошо же он над нами поиздевался...

Ахмедуев. Предприятие в обмен

на свои акции получает от населения ваучеры. Существует дилемма: либо оно сможет обменять приватизационные чеки на деньги, либо нет. Если нет, ваучеры — пустые бумажки, и ни одно акционерное общество не станет их принимать. Если да, то откуда взять деньги, чтобы обменять на них чеки? Таких средств в природе нет. Напечатать? Но это триллион 480 миллиардов рублей! Уже сейчас в обороте находится около триллиона рублей. Значит, будет выплеснуто еще в полтора раза больше!

Радыгин. Вряд ли выпуск приватизационных чеков приведет к росту инфляции. Ваучеры ограничены как платежное средство. На них ничего не купить в магазине, предприятия не смогут использовать их в расчетах между собой. И, обратите внимание, под ваучеры раздается 35 процентов стоимости государственного имущества — это как раз доля федерального бюджета в доходах от приватизации. Центральные власти как бы отказываются от прибыли в результате приватизации и всю ее раздают населению. В конечном итоге ваучеры попадут в федеральный бюджет и там будут погашены.

Корр. А как вы сами поступите со своим ваучером и что посоветуете делать нашим читателям?

Радыгин. Понятия не имею... Посоветую ни в коем случае сразу не продавать. Вполне возможно, что они станут стоить гораздо выше номинала.

Ахмедов. На 40 тысяч, которые будут принадлежать моей семье из 4 человек, наверное, куплю акции любого мало-мальски устойчивого предприятия. Почему? За каждой акцией в тысячу рублей стоит имущества минимум на 20 тысяч.

Дерябин. Лучше всего передать ваучеры инвестиционному фонду. В обмен на приватизационные

чеки специалисты станут отбирать акции тех компаний, которые наиболее эффективны. Вложив ваучеры в инвестиционный фонд, я не потеряю свои десять тысяч и буду иметь небольшой, но твердый доход.

Итак, среди экономистов нет единого взгляда на приватизацию... И если по каким-то вопросам мы вроде бы приблизились к истине, то в других ясности не наступило. Но ведь должен кто-то расставить точки над «i». И этого человека стоит, наверное, поискать в правительстве.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТРЕТЬЕ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ЧИНОВНИК

Петр Мостовой, заместитель председателя Госкомимущества России. Человек, непосредственно связанный с реализацией приватизационной программы. Его позиция — сжато, конспективно:

— Приватизация нужна только для одного: чтобы каждый, кто занимается делом — производит ли, торгует, — нес ответственность за свои поступки. Сегодня руководитель и любой работник государственного предприятия отвечают только перед своей совестью, которая у одних есть, у других нет. Когда человек сам хозяин — он несет полную меру ответственности. Он сто раз подумает, по такой цене продавать товар или по другой, купят его или нет. Руководители госпредприятий сплошь и рядом так не поступают. Выйти из этой ситуации можно только через приватизацию...

— Занизить первоначальную оценку предприятия будет очень трудно. Есть правила бухгалтерского учета, и за их точностью следят налоговая инспекция, финансовые органы. Если же у нас есть основания, что существенно

искажены данные, можно заказать аудиторскую проверку, ревизию, инвентаризацию — процедуры общепринятые и достаточно надежные. К тому же, как бы ни было оценено имущество, продавать-то его все равно будут по рыночной цене. По остаточной стоимости выделяются только льготы членам коллектива...

— О приватизации Лужников ничего не знаю. Ничего не желаю иметь общего с тем, что делалось в Москве. Столица долгое время была очагом беззакония. По меньшей мере половина законов о приватизации здесь нарушалась. Только в последнее время все стало приходить в норму...

— Конечно, коллективная ответственность крайне неэффективна. Именно поэтому мы ограничиваем размер льгот, чтобы все акции не перешли в руки коллектива. Достаточно кому-то иметь пять процентов акций, чтобы он заказывал музыку. И это совсем неплохо, потому что все остальные акционеры тоже следят за тем, чтобы их интересы соблюдались.

И то, что на большинстве предприятий будет хозяином один человек, — результат естественного движения капитала. Переход хозяйственных объектов в одни руки произойдет достаточно быстро — за год, за два. А если предприятия попадут в руки дельцов — не так уж плохо, потому что они в отличие от наших директоров умеют считать деньги и нести ответственность за то, что делают. А директора — люди, которые долго, не один десяток лет, воспитывались не в атмосфере экономической ответственности, а в духе личной преданности вышестоящим органам и партийным инстанциям. Это совсем другой стиль мышления и поведения. И чем скорей мы с ним расстанемся, тем лучше. Поэтому, во-первых, я не очень бес-

покоюсь, что директора не станут хозяевами. А во-вторых, у многих директоров как раз есть шанс стать хозяевами, но меня это скорей тревожит, чем радует...

— Вы говорите: «некоторые экономисты утверждают, что выпуск ваучеров приведет к инфляции»... Где, черт возьми, вы набрали таких экономистов? И вправду ли они так себя называть?! Они азов не знают!... Выпуск ваучеров однозначно и очень жестко связан с появлением товаров, которых сейчас нет в обороте, — объектов приватизации. Инфляционный эффект появляется, когда денежная масса растет, а количество товаров остается неизменным. Но если увеличивающаяся масса платежных средств компенсируется увеличившейся массой товаров, то ни о какой инфляции речи быть не может...

— Приватизация способна дать не положительный, а обратный эффект в такой монополизированной экономике, как наша. В самом деле, если директор государственного предприятия-монополиста не особо заинтересован в росте цен на свою продукцию, то хозяин частного завода считает каждый рубль и будет, пользуясь исключительным положением на рынке, повышать свои цены. Поэтому все подходы, которые мы заложили в нормативные документы по приватизации и сейчас стараемся с максимальной последовательностью осуществлять, направлены одновременно и на демонополизацию. Очень много критики в наш адрес высказывается именно теми, кто хотел бы сохранить монопольные структуры, существующие сегодня в нашей экономике. Мы же стараемся осуществить приватизацию одновременно с демонополизацией...

— Куда я вложу свои ваучеры? У меня вследствие указа Прези-

дента о коррупции на один путь меньше, чем у всех граждан: акции купить не могу, потому что я государственный чиновник. Имею право только продать свои ваучеры или вложить их в инвестиционный фонд, что мне, видимо, и придется сделать. Но я бы посоветовал всякому найти предприятие, соответствующее его интересам, а может быть, и денег своих добавить, и вложить их в него. В какой завод — никаких советов давать не могу даже близким, не позволяют закон и моральные принципы... Можно обратиться к инвестиционному специалисту, который следит за рынком ценных бумаг, котировками акций и за деньги дает такие консультации...

Судя по этому монологу, а также другим выступлениям властей предрежащих, правительство не сомневается в правильности выбранного курса.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ПОСЛЕДНЕЕ. АВТОРСКОЕ.

Если мы сказали «а» (идем к рынку!) — а мы это сказали, проголосовав за Ельцина, — то должны произнести и «б» (даешь приватизацию!). Это однозначно.

Правильно ли она проводится? Вопрос спорный. Приватизацию планируется провести в основном за два года. А таких масштабов разгосударствления ни одна страна не знала... Опять сугубо свой, «расейский путь». Скверные аналогии напрашиваются. Коллективизация — за год. Индустриализация — за пятилетку...

Принесет ли приватизация облегчение нам, жителям страны? В обозримом будущем вряд ли. Возможно, дети наши году в две тысячи... надцатом скажут: спасибо предкам, что заварили эту кашу.

Зато почти наверняка могу ска-

зать, кому приватизация выгодна сейчас. Во-первых, коммерсантам, которые сколотили свои первые миллионы, вывозя за кордон наш лес и цветные металлы и ввозя сюда компьютеры. Не сомневаюсь, что они развернутся в ближайшие пару лет так, что превратят миллионы в миллиарды... Во-вторых, приватизация полезна ушлым директорам нынешних госпредприятий, которые, если разбираются в нынешней ситуации, также изыщут способ стать единоличными хозяевами.

А теперь представим: в частные руки попало предприятие по выпуску, скажем... Чего? На что взгляд первым упадет? Скажем, лент для пишущих машин. Оно одно такое в России. И в границах бывшего СССР — единственное. Кто мешает хозяину запросить за ленту не 40 рублей, как нынче, а тысячу? И запросит! Потому что каждый лишний рубль идет в его личный кошелек. И мы будем ругаться, но покупать. И дрожать над каждой ленточкой. И на ночь запирать ее в сейф. Вы скажете: есть Антимонопольный комитет, антимонопольное законодательство... Однако подобных предприятий-монополистов тысячи, десятки тысяч. Не уследить за всеми...

Правда, развивая я ситуацию с лентами, их делают за границей тоже! Вместо кожаных курток коммивояжеры из Турции повезут бобины. Развернутся малые предприятия, станут закупать ленты в Германии. Начнут сбивать цену. Тогда Президент введет драконовскую пошлину на ввоз лент. Цена на них опять подпрыгнет... Невероятно? А вспомните, как поступили со спиртом: пить импортный «Ройял» стало выгоднее, чем отечественную водку — ликероводочные заводы России затоварились. — Президент установил немалую пошлину на ввоз загра-

ничного спиртного... Возможно, правда, через годик правительство спохватится, примет меры к монополистам, но, пока суд да дело, никто не помешает хозяину предприятия неслабо обогатиться за наш счет...

И, наконец, третья группа людей, которым приватизация, несомненно, на руку, — правительственные и советские чиновники всех мастей и калибров, а также бывшие министерские служащие, теперь работники всевозможных концернов. Не будем сейчас говорить о взятках за то, чтобы разрешить наиболее выгодный вариант приватизации. Взятки само собой. Я о другом — в рыночной экономике очень ценится информация: какое предприятие на плаву и его акции стоит покупать? Какое закупает новое оборудование и, значит, его ценные бумаги вот-вот пойдут в гору?.. Не все, я думаю, чиновники безупречны, как мой собеседник Петр Мостовой, который не собирается давать советы даже родным. Если уж из «Белого дома» и Прокуратуры России налажена утечка информации, если предметом продажи являются, к примеру, данные, какое предприятие в России производит нужную контрагентам продукцию и как зовут его директора, то представляете, сколько стоят сведения чиновника, который в московском концерне курирует целую отрасль!.. А директора с мест, десятилетия этому чиновнику непосредственно подчинявшиеся, а теперь вроде бы самостоятельные, но по-прежнему его любящие, разве не подарят ему (его жене) пару десятков акций?..

Нам говорят: потерпите, со временем полегчает. Возможно. Лет так через шестьдесят.

Мы боролись за повышение производительности труда, за чистоту улиц, за трезвый образ жиз-

ни... А хотелось и хочется жить. Но приходится вновь бороться: теперь за выживание...

Хорошо, пусть приватизация (без этого действительно не обойтись — ну, никак!). Но пусть здравый смысл, человечность реформ, разумное соотношение желаемого с действительным, что так напористо декларируется правительством, станут наконец-то явью.

Честное слово, не так уж много хотим...

ЧТОБЫ УВИДЕТЬ

Взгляд уходит за лес,
 за село и за слово «скорее».
 Искры плавно летят,
 и ты хворост носи к костру.
 Удержать равновесье
 на ровной площадке труднее
 всегда, чем на раскачивающемся мосту.
 В складках пространства
 дождь наподобие снега.
 Там, где нет меня, воздух плотнее сжат.
 Чтобы увидеть, есть ли на свете нега,
 обязательно надо,
 чтоб кто-то тебе был рад.
 Чтобы увидеть, надо подойти поближе:
 так звенк узнает,
 есть ли ягель в глубоких снегах,
 и таежное солнце для того же спускается ниже
 и стоит в четырех от тебя шагах.
 Удержать равновесие трудно.
 Мысли вечные жалки.
 И ты знаешь, что время пространству сродни,
 и глядишь безответно,
 как за окном на детской скакалке
 скачут твои еще не пришедшие дни.

ВОЛК

Ветры тучи в ключья растрепали.
 Снег струями по полю ползет.
 Старый волк, отбившийся от стаи,
 По лесу иссохшему идет.
 Страшен волк. Глаза его упруги.
 Лоб туманом белым обнесен.
 Но прекрасен: среди крошечной вьюги
 Срока на земле не знает он.

ТАК ДВИЖУТСЯ ВОЛНЫ

Кожа впитывает почти моментально
 вокзалов запах и сирени свист
 на полях и в саду. Всегда реально
 только то, что движется вверх-вниз.
 Так движутся на речке волны
 и вечный странник-корабль Пироскаф,
 ягодник с туеском черники полным,
 бредущий с осиновой палкой в руках.

Так Млечный Путь куда-то движется,
боязливый, качающийся весь,
и алфавит от аза до ижицы,
и наказ дантиста: «Два часа не есть».
Движутся так времена года в собачьей упряжке,
непонятные, непонятные даже самими собой,
так натирают мальчишки о войлок пряжки,
чтоб свистели и летели над головой.

ЖИЗНЬ РЕАЛЬНА

Вот они, радости, перед тобою,
где философские рассужденья
не затоптать ногой.
У кротов нет надежды, поэтому под землей
они живут и думают,
что так и должно быть над головой.
Жизнь реальна, как корь, как дуновение
ветра, как запомнить соседа в лицо,
как просто пить.
Насекомое-богомол в два счета
отмолит прощенье
у всего, а ты должен натягиваться, как нить.
Вот они, радости: их смысл — это нега.
Уходит осень,
но листья продолжают нутро твое жечь;
а за радостью обязательно
пустота толще белого снега,
жесткая, горькая, как медвежья желчь.

ГИБКИЕ СТРУИ

День прожит, и травы уснули.
Костры пастухи развели.
Протяжные гибкие струи
На небо пошли от земли.
А сосны совсем по-иному,
Чем люди, научены жить:
Могучему свету дневному
Еще продолжают служить.

ДОЛЖНО БЫТЬ ТАМ

Время принимай такое, какое оно есть.
Прут, как на базар, дни,
используя могущество.
Прутья кустарника гнутся,
и надвигается весть.
И зима кончается конфискацией имущества.
Принимай холодное утро и ровно дыши.
Льдины через некоторое время растают.
Географическое положение души

должно быть там,
где из снегов ручьи вытекают.

ЦВЕТ НАЦИИ

Бесхозные осы летают
все лето на сопки,
а зимой лежат в коробочке
с надписью «канцелярские кнопки».
Цвет нации плодоносит так же,
как цвет рябины.
Пустотелое пространство под снегом —
место для снов.
Переплелись всюду нити от паутины,
и звездам родственницы —
коры лесных зверьков.

И СКРИП СУСТАВОВ У СОЛДАТ

Должно все пламенем гореть
Без трепетного вдохновенья
И не обязано иметь
Первостепенного значенья.

Не различим сквозь сто преград
И безразлично одинаков
И скрип суставов у солдат,
И блеск звезды созвездья Раков.

Должно все полным быть, пока
Одной судьбой мы с вами свиты,
И в небе плоском облака
Битком под горлышко набиты.

Должно все все-таки иметь.
Необязательное сходство,
И на одном костре гореть
Писательство и скотоводство.

Должно быть слитно все, дружок,
Как шум песка на перекатах
И в сельской школе кувырок
На неумных жестких матах.

подарки «БЕЛОГО МЕДВЕДЯ»

Издательство «Белый медведь» выпускает серию книг, которые станут украшением Вашей библиотеки и прекрасным подарком для Ваших друзей. «Тамара» — первая книга серии.

Второй книгой будет астрологический детектив «Последний президент Америки».

В «Русском астрологическом сборнике «Тамара» автор рассказывает о судьбе России и россиян в 1993 году; о космической любви; о развитии ребенка до его рождения; о созвездии Большой Медведицы; об арийской расе; прогнозирует развитие событий на Земле и многое другое.

«Последний президент Америки» — фантастическая повесть, основанная на предсказаниях Т. Глоба. Прочитав ее, Вы узнаете судьбу Америки, Израиля и мусульманского мира после...

Для получения уникальных книг необходимо перечислить 199 рублей за «Тамару», 198 рублей за «Президента» агентству «Книга-сервис» и выслать в адрес агентства: а) квитанцию почтового перевода (для частных лиц) и копию платежного поручения (для организаций); б) заявку, в которой указать название книги и количество экземпляров, почтовый индекс, адрес и Ф. И. О. заказчика.

✉ Адрес агентства:

117168, Москва, Кржижановского, 14/1.

Р/с 7467374 в Росстробанке, корр. счет 161324

в РКЦ ГУ ЦБ РФ (Москва) МФО 201791.

☎ Телефон издательства «Белый медведь»:

(095) 215-19-91 с 10 до 18 часов.

В ГЛУХОЙ

ЭД МАКБЕЙН

ЧАС

Рисунки **АЛЕКСАНДРА ГРИНА**

Вначале ее приняли за цветную.

Приехавший по телефонному вызову патрульный никак не ожидал, что обнаружит по указанному адресу убитую женщину. Он вообще в первый раз увидел труп, был поражен гротесковой нелепостью лежавшего навзничь на ковре тела, и руки его при заполнении бланка рапорта мелко подрагивали. Однако, дойдя до пункта «Раса», он уверенно вписал в нее: «Негритянка».

Звонок принял дежурный в Центральном бюро жалоб; пожав плечами, поскольку сообщение показалось ему попросту вздорным, он заполнил соответствующий бланк, вложил его в металлический стакан и пневматической почтой отправил в диспетчерскую. Диспетчер прочитал его, пожал плечами, поскольку сообщение показалось ему попросту вздорным, посмотрел на карту 87-го участка, висевшую перед ним на стене, и послал патрульную машину № 11 по обозначенному адресу.

Женщина была мертва.

Наверное, она была красива при жизни, но смерть обезобразила ее, тело вздувалось от собиравшихся под кожей газов. Одета в свитерок и юбку, босая, она лежала с неестественно вывернутой головой; коротко стриженные черные волосы разметались вокруг, карие глаза были открыты, лицо опухло, а юбка при падении задралась. Патрульный ощутил импульсивное желание одернуть ее, прикрыть колени: он был уверен, что женщина хотела бы этого — смерть застигла ее в неприличной позе, лишив естественного женского инстинкта. Было, наверное, в ее жизни много такого, чего бы она ни за что не повторила и что казалось ей чрезвычайно важным, но среди всего этого многообразия была одна маленькая деталь, значение которой невообразимо возросло в связи со смертью: ей никогда больше не повторить чисто женский, а потому прекрасный жест — не прикрыть колени юбкой.

Патрульный вздохнул и дописал рапорт. И пока он шел к машине, образ убитой стоял у него перед глазами.

В помещении для дежурных полицейских в ту августовскую ночь было жарко. «Кладбищенская» смена заступала в наряд в 18.00 и расходилась по домам в 8 утра. Дежурили только

следователи, наиболее привилегированные, пожалуй, люди в полиции, хотя многие из них (в том числе следователь Майер Майер) считали, что быть просто копом в форме куда лучше, чем сыщиком.

— О чем тут спорить? — доказывал Майер. — Патрульный работает по графику, регулярно бывает дома и живет нормальной семейной жизнью.

— Вот эта комната и есть твой дом родной, — сказал Карелла.

— Без сомнения, — ухмыльнулся Майер. — Я вообще живу одной мыслью: скорее бы на работу. — Он провел ладонью по лысому кумполу. — Знаете, что больше всего мне здесь нравится? Внутреннее убранство. Декор. Располагает к отдыху.

— Э, да ты не любишь своих товарищей по работе, — заметил Карелла, вставая со стула, и, подмигнув стоявшему у металлического шкафа с досье Коттону Хоузу, направился в другой конец комнаты, отделенной от коридора деревянным барьером. Двигался он легко; Карелла никогда не занимался наращиванием мышц и внешне с культуристами ничего общего не имел, но в движениях его ощущались затаенная сила и уверенное владение телом.

Наполнив бумажный стаканчик водой из охладителя, он обернулся к Майеру.

— Нет, почему же, я люблю моих коллег, — возразил тот. — Знаешь, Стив, если бы мне предоставили самому решать, с кем работать, я бы непременно выбрал вас, уважаемые и достопочтимые сослуживцы. — Майер кивнул, входя во вкус. — Чтобы вы знали, я подумал об отливке специальных медалей, которыми хочу вас наградить. О, как я счастлив, что служу в полиции! Могу даже время от времени работать бесплатно. Могу вообще отказаться от зарплаты, так обогащает меня моя работа. И вас хочу поблагодарить, ребята. Вы научили меня распознавать истинные жизненные ценности.

— Прекрасная речь, — отметил Хоуз.

— Ему надо вести «парады», а то уж слишком они нудные. Почему ты не ведешь «парады», Майер?

— Мне предлагали заняться ими, Стив, — с серьезным видом ответил Майер. — Я сказал, что нужен здесь, в восемьдесят седьмом, самом садовом из всех участков. Знаете, мне предлагали должность начальника уголовного розыска, а когда я отказался — комиссара, но я остался верен нашему отряду.

— Давайте наградим его медалью, — предложил Хоуз.

В этот момент зазвонил телефон.

Майер поднял трубку.

— Восемьдесят седьмой участок, следователь Майер. Что? Да. Секунду. — Он раскрыл блокнот и взял ручку. — Да, понял. Так. Так. О'кей. — Он положил трубку на место. — Цветная женщина. Или девушка.

— Что?

— В мебелированной комнате на Одиннадцатой Южной.

— Что?

— Мертва.

В ранние часы город не похож сам на себя.

Он похож на женщину, и так будет всегда. Как женщина, он встречает новый день пробным зевком, с улыбкой потягивается; его губы бескровны, волосы взъерошены, он согрет ночным сном, он в девичьей неге лежит под первыми теплыми лучами восходящего солнца. Он одевается в меблированных комнатах жалких трущоб и особняках на Холл-авеню, в бесчисленных квартирах Изолы, Риверхеда и Камс-Пойнта, шикарных домах Беттауна и Маджесты, а выходит на улицу уже другой женщиной, стройной и деловой, привлекательной, но не сексапильной, уверенной в себе; ей некогда тратить время на пустяки, впереди длинный рабочий день. В пять часов происходит метаморфоза. Наряд она не меняет, на ней все то же платье или тот же костюм, те же «лодочки» на высоком каблуке или мягкие туфли, но что-то новое уже пробивается сквозь скорлупу и сказывается на ее настроении, эмоциях, интонациях. Мы видим иную женщину сидящей в ресторанчиках и коктейль-барах, отдыхающей во внутренних двориках особняков и на террасах небоскребов; другая женщина с ленивой, но приветливой улыбочкой на губах, слегка утомленным видом, всепонимающим выражением лица и глаз поднимает бокал и мягко смеется. Вечер замер в ожидании на горизонте, а небо полыхает пурпурным закатом.

Поздним вечером и ночью он (она) превращается в настоящую женщину, какой создала ее Природа.

24 Она расстается со всякой женственностью и становится полноценной женщиной. Лоск, изысканность манер и маска всеобъемлющей осведомленности сброшены; она слегка рассеяна и весьма соблазнительна; она беспечно кладет ногу на ногу, позволяет стирать помаду с губ поцелуями, отвечает на прикосновения мужских рук, становится податливой, манящей и удивительно глупой. Ночь — женское время, а город — это женщина.

А потом она спит и на себя в эти часы не похожа.

Утром она опять проснется, коснется воздуха зевком, разведет в стороны руки, а на некрашенных губах ее заиграет удовлетворенная улыбка. Волосы ее будут в беспорядке — мы узнаем ее, мы часто видим ее такой.

Но сейчас он спит. Он спит тихо, этот город. Вдруг откроется в нагромождении зданий на какое-то время глаз, мигнет, закроется, погаснет; тишина. Он отдыхает. Во сне мы узнаем его. Сон не похож на смерть, мы слышим и ощущаем приглушенное биение его жизни под теплым покрывалом, только теперь этот город — незнакомая женщина, которую мы познали, страстно любили, но сейчас она свернулась бесчувственным клубком под простыней, а наша рука лежит у нее на бедре. Мы ощущаем, что она жива, но не видим этого. Она безлика и бесформенна в темноте. Это может быть любая женщина, любой город. Мы неуверенно касаемся ее. Она натянула на себя черный пеньюар предрассветных часов, и мы не узнаем ее. Она — незнакомка, и глаза ее закрыты...

Хозяйка дома с опаской поглядывала на полицейских, которых

сама же и вызвала. Да вот хотя бы этот, высокий, что назвался следователем Хоузом, рыжеволосый гигант с белой прядью на виске — ужас до чего страшен.

Хозяйка стояла в квартире, где на ковре лежала мертвая девушка; со следователями она говорила шепотом — не потому, что здесь был покойник, а потому, что было три часа ночи.

На хозяйке был купальный халат, надетый поверх ночной рубашки. В квартире царил обстановка всеобщего взаимопонимания и некой общности, одинаково характерной как при сборах на рыбную ловлю, так и после трагедии. Три часа ночи — время сна, и те, кто не спит, как бы связаны между собой невидимыми дружескими узами.

— Как звали девушку? — спросил Карелла.

Было три часа ночи, и, хотя он побрился в пять вечера, подбородок его еще не потемнел. Слегка покрасные глаза в сочетании с чисто выбритыми щеками придавали ему вид выходца с Востока. Хозяйке он понравился. «Приятный молодой человек», — подумала она. В ее лексиконе молодые люди делились на «приятных» и «вшивых». По Коттону Хоузу она пока не определилась, но склонялась к тому, что он паразитическое насекомое.

— Клодия Дейвис, — ответила она Карелле, который ей нравился, и в упор не замечая Хоуза, не имевшего никакого права быть таким огромным, да еще с белой проседью в волосах.

— Вы знаете, сколько ей было лет? — спросил Карелла.

— Двадцать восемь — двадцать девять, наверное.

— Давно она здесь поселилась?

— В июне.

— Всего лишь?

— Да — и такое несчастье! Мне она показалась приятной девушкой. Как вы думаете, кто мог это сделать?

— Не знаю, — ответил Карелла.

— А может, это самоубийство? Запаха газа я не слышу, а вы?

— Нет, — сказал Карелла. — Вы не знаете, где она жила раньше, миссис Модер?

— Нет, не знаю.

— Вы не спросили у нее рекомендательного письма, когда сдавали квартиру?

— Да у нас ведь недорогие квартиры, меблированные, — пожал плечами миссис Модер. — Она заплатила мне за месяц вперед.

— А сколько это?

— Шестьдесят долларов. Заплатила наличными. Я никогда не беру чеков у незнакомцев.

— Но вы не знаете, из этого она города или приезжая?

— Не знаю.

— Дейвис, — повторил Хоуз, качая головой. — С такой фамилией трудно будет что-нибудь установить. Их, наверное, тысячи в телефонной книге.

— Почему у вас волосы белые? — спросила хозяйка.

— А?

— Почему у вас белая полоса в волосах?

— Ах, это... — Хоуз произвольно тронул рукой левый ви-

сок. — Ножом ударили, — пояснил он и тут же забыл об этом. — Миссис Модер, девушка жила одна?

— Не знаю. Мне до этого дела нет, у меня свои заботы.

— Но вы, конечно, должны были видеть...

— По-моему, одна. Я не подглядываю и не шпионю. Она мне заплатила за месяц вперед.

Хоуз вздохнул. Он ощутил неприязненное отношение к себе хозяйки и решил оставить вопросы Карелле.

— Я посмотрю ящики и шкафы, — сказал он и отошел.

— Здесь очень жарко, — заметил Карелла.

— Патрульный велел ничего не трогать до вашего приезда, — пояснила миссис Модер, — поэтому я даже окно не открыла.

— И правильно сделали, — улыбнулся Карелла. — Но сейчас его уже можно распахнуть, как вы считаете?

— Как скажете. Здесь чем-то пахнет. Это... это она пахнет?

— Да, — подтвердил Карелла и открыл окно. — Так будет лучше.

— Не очень-то, — возразила хозяйка. — Погода стоит ужасная, просто ужасная. Спать невозможно. — Она посмотрела на мертвую девушку. — Как страшно она выглядит, правда?

— Да. Миссис Модер, вы не знаете, где она работала и работала ли вообще?

— Нет, к сожалению.

— Кто-нибудь спрашивал ее? Друзья? Родственники?

— Нет. Извиняюсь, никого не видела.

— Вы можете сказать что-либо о ее привычках? В котором часу она уходила из дома по утрам? Когда возвращалась?

— Не замечала, извините.

— Хорошо, а почему вам показалось, что здесь что-то случилось?

— Потому что молоко стояло у двери. Вечером я ушла из дома с друзьями, а когда вернулась, мне позвонил жилец с третьего этажа, пожаловался, что у его соседа радио очень громко играет, и потребовал заставить его сделать музыку потише. Ну, я поднялась и попросила прикрутить приемник, а на обратном пути обратила внимание на бутылку с молоком у двери мисс Дейвис и удивилась — в такую-то жару! Но потом подумала: в конце концов молоко ее, а мне-то какое дело? Ну вот, спустилась, значит, к себе и легла, а сон все не идет, из головы то молоко не выходит. Тогда я надела халат, поднялась и постучала, но Клодия не ответила. Вот тут я и подумала: что-то не так. Не знаю почему. Просто... не знаю. Если она была в комнате, то почему не отвечала?

— Почему вы решили, что она дома?

— Не знаю.

— Дверь была заперта?

— Да.

— Вы проверили?

— Да. Она была заперта.

— Понятно, — сказал Карелла.

— Машины подъехали, — сообщил Хоуз. — Эксперты, наверное. И отдел по расследованию убийств Южного района.

— А им-то что здесь надо? — спросил Карелла. — Ведь знают, что это дело наше.

— У них же табличка на двери прибита, — пояснил Хоуз, — вот и решили, что надо отработать свой хлеб.

— Нашел что-нибудь?

— Новенький дорожный набор в шкафу, шесть предметов. Гардероб и ящики набиты одеждой, в основном тоже новой. Много пляжных принадлежностей. И новенькие книги.

— Что еще?

— Несколько конвертов на туалетном столике.

— Есть что-нибудь полезное для нас?

Хоуз пожал плечами.

— Банковское извещение. Пачка оплаченных чеков. Эти могут оказаться полезными.

— Возможно, — согласился Карелла. — Посмотрим, что сообщат наши эксперты.

Заключение экспертизы вместе с результатами вскрытия поступило на следующий день. В комбинации полученные сведения оказались ценными. Во-первых, следователи узнали, что женщина была белой, европейкой, а возраст ее определялся приблизительно в тридцать лет.

Значит, белая.

Эта новость была неожиданной, поскольку лежавшая на ковре жертва, несомненно, выглядела, как негритянка. Во всяком случае, кожа у нее была темная. Не загорелая, не кофейного цвета, не коричневая, а черная-черная, как у представителей примитивных племен, большую часть времени проводящих под солнцем. Однако сомневаться в заключении не приходилось, просто Смерть — Великий Уравнитель со своим, особым чувством юмора, и самая веселая его шутка — изменение внешности людей. Смерть обращает белое в черное, и когда Костлявая приходит, вопросы пигментации, взаимоотношений людей с различным цветом кожи отпадают. Та женщина на полу выглядела черной, но оказалась белой, однако все это не имело никакого значения, поскольку теперь она была холодной, а хуже этого ничего не может быть.

В заключении говорилось, что труп находится в стадии активного разложения, а излагалось это в таких заумных, понятных лишь посвященным выражениях, как «общее газовое растяжение полостей, тканей и кровеносных сосудов» и «почернение кожи, слизистой и радужной оболочек, вызванное гемолизом и воздействием гидросульфида на пигменты крови»: сводилось же все к тому, что первая неделя августа выдалась необычайно жаркой, женщина лежала на ковре, «аккумулировавшем тепло», и это ускорило процессы разложения. Насколько удалось установить (а при такой температуре это можно назвать лишь догадкой), женщина была мертва по меньшей мере сорок восемь часов; значит, она рассталась с жизнью, вероятно, первого августа.

В другом документе сообщалось, что одежда на убитой куплена в одном из крупных универмагов города. Весь ее гардероб, развешенный по шкафам и разложенный по ящикам, состоял из

дорогих предметов, но кто-то из экспертов счел необходимым особо отметить, что трусики ее отделаны бельгийскими кружевами и продаются по двадцать пять долларов за штуку. Еще кто-то добавил, что при тщательном осмотре белья и тела следов крови, спермы или масляных пятен не обнаружено.

Коронер зафиксировал смерть от удушения.

3

Удивительно, как много можно найти в обыкновенной квартире с помощью науки.

Не менее удивительно и более чем неприятно вдруг не получить никакой информации с места преступления, когда надеешься обрести улики и ключи.

Меблированная квартира, в которой задушили Клодию Дейвис, изобиловала различными предметами с великолепной поверхностью для отпечатков пальцев, и можно было ожидать, что их найдут там в несметном количестве; в шкафах и ящиках хранилось множество вещей из различных тканей, в которых могли быть обнаружены следы каких угодно порошков, от пороха до пудры. Криминалисты обследовали все, просеяли и профильтровали аппаратом Седерман — Хойбергера пыль, в морге тщательно осмотрели кожу погибшей и в результате ничего не нашли. Круглый ноль. Нет, не круглый: были обнаружены отпечатки пальцев Клодии Дейвис, была собрана городская пыль, забившаяся в ее одежду, прилипшая к туфлям и мебели. Были найдены принадлежавшие ей документы: свидетельство о рождении, свидетельство об окончании средней школы в Санта-Монике, просроченный библиотечный читательский билет. И еще ключ. Ключ, который не подходил ни к одному замку. Все это передали в 87-й участок, и днем Сэм Гроссман сам позвонил Карелле, дабы лично извиниться перед ним за отсутствие результатов.

В «дежурке» было душно и шумно. Телефонный разговор фактически оказался монологом: высыпав на стол содержимое присланного пакета, Карелла лишь изредка издавал короткие нечленораздельные звуки или молча кивал. Потом он поблагодарил Гроссмана и уставился в окно, выходящее на Гровер-парк.

- Есть что-нибудь? — спросил Майер.
- Да. Гроссман полагает, что убийца был в перчатках.
- Прекрасно, — прокомментировал Майер.
- А я, кажется, знаю, от чего этот ключ.
- Да? От чего?
- Ты просмотрел оплаченные чеки?
- Нет.
- Посмотри.

Карелла открыл адресованный Клодии Дейвис банковский конверт из коричневой бумаги, разложил на столе чеки, а затем развернул желтое банковское извещение. Майер молча прочитал их.

- Коттон нашел этот конверт в ее комнате. Извещение за

июль. А это выписанные ею чеки — по крайней мере те, что прошли через банк.

— Много?

— Двадцать пять, если быть точным. Что ты об этом думаешь?

Майер пожал плечами.

— А ты?

— Глядя на них, я вижу жизнь, будто дневник читаю. Смотри, здесь все, чем она занималась в июле. Все магазины, куда заходила: цветочный, парикмахерская, кондитерский и даже сапожная мастерская. А вот чек, выписанный похоронному бюро. Интересно, кто умер, Майер? А это? Она жила у миссис Модер, но чек выписан за квартиру за квартиру в шикарном доме в Южном районе, в Стюарт-сити. Несколько чеков выписано конкретным людям. А нам ой как не хватает конкретных людей!

— Принести телефонную книгу?

— Нет, погоди. Взгляни на банковское извещение. Она открыла счет в «Сиборд банк оф Америка» пятого июля, положив тысячу долларов. И вдруг — бац! — вносит еще тысячу.

— Что тут странного?

— Может быть, ничего. Но Коттон обзвонил другие банки города. Оказывается, у нее лежит кругленькая сумма в «Хайленд Тресте» на Кромвель-авеню. Не просто кругленькая, Майер.

— Какая?

— Под шестьдесят кусков.

— Что?

— Ты не ослышался. Причем в течение июля она не сняла там ни цента. Где же она взяла деньги, которые положила в «Сиборд»?

— Вклад разовый?

— Посмотри.

Майер взял извещение.

— Первый взнос пятого июля, — сказал Карелла. — Тысяча долларов. Двенадцатого июля — еще тысяча. А затем девятнадцатого. И двадцать седьмого.

Майер поднял брови.

— Четыре куска. Большие бабки.

— И все в течение месяца. Неполного. Да мне почти год работать надо, чтобы столько получить.

— Не считая шестидесяти тысяч в другом банке. Как думаешь, где она их взяла?

— Не знаю. Странно все это. Носит трусики с бельгийскими кружевами, а живет в полутораконнатной квартирке с ванной. Как это понимать? Два банковских счета, двадцать пять «зеленых» на заднице, а за ночлежку платит шестьдесят в месяц.

— Может, она в бегах, Стив?

— Нет, — покачал головой Карелла. — Я связался с Бюро учета правонарушителей — дела на нее нет, в розыске не значится. Пока нет ответа из ФБР, но, думаю, он тоже будет отрицательным.

— А что ты сейчас сказал о ключе?

— Ах, да. С ним, слава Богу, не сложно. Взгляни на это. Из кучки чеков он выудил желтый листок размером побольше и передал его Майеру.

СИБОРД БЭНК ОФ АМЕРИКА

Изолайское отделение.

Р 1698

5 июля

С Вашего счета снимается нижеозначенная сумма. Просим внести соответствующие изменения в Ваши книги во избежание разночтений.

ЗА Аренда сейфа № 375 5 00

Налог США 50

Сумма вычета 5 50

Начислено на
Клудия Дейвис

Однадцатая Южная 1263

Кассир Изола ВРР

— Выходит, открыв счет, она в тот же день арендовала сейф, так?

— Так.

— Что это значит?

— Хороший вопрос.

— Слушай, Стив, хочешь сэкономить время?

— Конечно.

— Тогда давай сначала заручимся разрешением судьи, а потом уж отправимся в банк, идет?

4

Управляющему «Сиборд банка» давно перевалило за пятьдесят, и он был лыс. Положившись на теорию, утверждавшую, что люди одного типа испытывают симпатию друг к другу, Карелла предоставил вопросы Майеру. И все же вытянуть ответы из мистера Андерсона оказалось делом непростым, поскольку он по природе был человеком сдержанным. Но следователь Майер был самым терпеливым человеком во всем городе, если не в мире. Терпеливость была приобретенной чертой его характера, не наследственной. О, разумеется, он наследовал кое-что от своего отца, весельчака Макса Майера, но только не терпеливость. Уж Макса-то Майера выдержанным никак назвать было нельзя, скорее он был вспылчивым. Когда жена, например, сообщила ему, что ждет ребенка, Макс взвился так, что едва не пробил головой потолок. Он очень любил шутки и особенно розыгрыши, слыл чуть ли не самым большим насмешником в Риверхеде, но такая шутка Природы припалась ему не по вкусу. Он свылся с мыслью, что жена его давно перешагнула тот возрастной

рубеж, когда женщина способна зачать. Стариком себя он пока и в мыслях не видел, но такого рода перемен в жизни и доктора ему не рекомендовали.

Смирившись внешне с неизбежным появлением на свет малявки, Макс Майер втайне готовил к его рождению самую главную из своих шуток, от которой его отпрыску потом долгие годы было вообще не до веселья.

Младенца он назвал Майером.

Смешно, правда? Можно лопнуть со смеху, если только вы сами не чувствительный человек, еврей по национальности, не получили ортодоксального еврейского воспитания и волею Судьбы или Случая не проживаете в квартале с преимущественно нееврейским населением.

Все дети в округе искренне считали, что Майер Майер создан исключительно им на потеху. Если им нужен был повод отлупить его (а обычно детвора обходилась без такового), то этим поводом становилось имя мальчика: «Гори, Майер Майер, пылай, жидовский фраер!» — кричали они, бросались за ним, ловили и нещадно колотили.

Майер научился умению владеть собой. Редко бывает, чтобы один подросток или даже взрослый человек мог сразиться с козлом, но заговорит нападающих и таким образом избежать избития нередко удавалось.

А порой, если терпеливо ждать, можно, поймав кого-нибудь из обидчиков одного, встретившись с глазу на глаз, подражаться один на один, не испытывая обидного чувства бессилия перед сворой.

Если вдуматься, то шутка Макса Майера была безобидной. Нельзя же отказать человеку в праве на удовольствие! Да и жизнь, прожитая в смирении, очищает душу и не оставляет шрамов. По крайней мере на теле.

Теперь же друг против друга сидели два абсолютно лысых и выдержанных человека — пятидесятичетырехлетний мистер Андерсон, управляющий банком, и тридцатисемилетний Майер Майер, следовательно второй категории, задававший ему вопросы.

— А такие огромные вклады не насторожили вас, мистер Андерсон? — терпеливо спрашивал он.

— Нет, — отвечал Андерсон. — Тысяча долларов — не очень крупная сумма.

— Мистер Андерсон, — терпеливо продолжал Майер, — вам должно быть известно, что банки в нашем городе обязаны информировать полицию о всех крупных вкладах. Вы не знали об этом?

— Знал.

— Мисс Дейвис положила на свой счет четыре тысячи долларов в течение трех недель. Вам это не показалось подозрительным?

— Нет. Она внесла их частями. Тысяча долларов — небольшие деньги.

— Для меня, — заметил Майер, — тысяча долларов — огромные деньги. На них можно купить очень и очень много пива.

— Я не пью пива,— равнодушно ответил Андерсон.

— Я тоже,— сказал Майер.

— Кроме того, мы ставим полицию в известность о всех крупных вкладах, если только вкладчик не является нашим постоянным клиентом. Эти вклады мне подозрительными не показались.

— Благодарю вас, мистер Андерсон. Вот ордер судьи. Мы хотели бы осмотреть арендованный мисс Дейвис сейф.

— Разрешите взглянуть?

Майер протянул ему листок; Андерсон прочитал его и вздохнул.

— Хорошо. А ключ у вас?

Карелла сунул руку в карман, вынул ключ, присланный ему из лаборатории, и положил его на стол.

— Это он?

— Да,— подтвердил Андерсон.— Каждый сейф открывается двумя ключами. Один хранится в банке, второй — у клиента. Пойдемте?

Захватив банковский ключ от сейфа № 375, он провел следователей в глубину здания. Стены помещения, в которые они попали, были, казалось, облицованы металлом. Ряды блестящих дверок напоминали Карелле морг с холодильными камерами, куда закатываются скрипучие носилки с трупами. Андерсон вставил банковский ключ в скважину и повернул, затем проделал ту же операцию с ключом Клодии Дейвис. Вынув из стены длинный, узкий ящик, он вручил его Майеру, а Майер отнес его на стойку у противоположной стены.

— Открывать? — спросил он Кареллу.

— Валяй.

Майер поднял крышку.

В ящичке лежали 16 000 долларов. А также листок бумаги для заметок. Деньги были разделены на четыре аккуратные пачки, в трех из них было по пять тысяч, в четвертой только тысяча. Карелла взял листок. Кто-то, очевидно, Клодия Дейвис, сделал на нем пометки карандашом:

20.000
5/7 — 1.000

19.000
12/7 — 1.000

18.000
19/7 — 1.000

17.000
27/7 — 1.000

16.000

— Это говорит вам о чем-нибудь, мистер Андерсон?

— Нет, боюсь, что нет.

— Клодия Дейвис пришла сюда пятого июля, имея на руках двадцать тысяч долларов наличными. Тысячу она положила на вновь открытый счет, остальные — сюда. Эти даты точно указы-

вают, когда она брала деньги и делала вклады. Девушка знала правила, мистер Андерсон. Она знала, что стоит ей положить сразу двадцать тысяч на счет — и вы позвоните в полицию. И нашла выход.

— Нам, пожалуй, надо переписать номера банкнот, — сказал Майер.

— Вы можете поручить это кому-то из своих служащих, мистер Андерсон?

Управляющий, казалось, собирался возразить, но, взглянув на Кареллу, вздохнул и сказал:

— Конечно.

Номера им не помогли. Ни у них, ни в списках ФБР эти банкноты в розыске не значились.

5

Стюарт-сити блистает в волосах Изолы драгоценной диадемой. Не будучи в действительности ни городом, ни сити, а лишь кварталом роскошных особняков, выходящих фасадами на реку Дикс, названный в честь члена британской королевской семьи, он был самым фешенебельным районом города. Если вы могли похвастаться домашним адресом в Стаурт-сити, значит, вы могли похвастаться большими доходами, равно как загородным домом на Песчаной косе и «мерседес-бенцем» в подземном гараже. Адрес можно называть с определенной дозой небрежной гордости — как-никак, а вы принадлежите к элите.

Клодия Дейвис выписала чек на 750 долларов фирме «Менеджмент энтерпрайз» за квартиру в доме № 13 на Южной Стюарт-плейс. Подписан чек был девятого июля, четыре дня спустя после первого вклада в «Сиборд бэнк».

Карелла приехал туда с Коттоном Хоузом.

С реки дул прохладный ветерок, предзакатное солнце испещрило мутные воды Дикса яркими пятнами. Над рекой, соединяя Камс-Пойнт с Изолой, зависли в ожидании сумерек мосты.

— Опусть солнцезащитный козырек, — сказал Карелла; Хоуз сунул руку в окно и отвернул его вниз.

К козырьку, видимый через лобовое стекло снаружи, был прикреплен листок с выполненной от руки надписью: «Полицейский при исполнении обязанностей, 87-й участок». Машина «шевроле» принадлежала Карелле.

— Надо и себе такое написать, — заметил Хоуз. — А то на прошлой неделе какие-то ублюдки оставили на моей квитанцию на штраф.

— А ты что?

— Пошел в суд и заявил о своей невиновности. В свой выходной день.

— Выкрутился?

— Конечно. Я выезжал на вызов. Плохо уже то, что приходится гонять свою машину, но — святой Петр! — чтобы тебя еще и штрафовали!

— А я предпочитаю свою, — сказал Карелла. — Все три наши машины пора отправлять на свалку.

— Две, — поправил Хоуз. — Одна уже месяц стоит в гараже.
— Майер на днях побывал там, поинтересовался, как идет ремонт.

— Что ему ответили? Готова?

— Нет. Механик объяснил, что она четвертая на очереди. Как тебе это нравится?

— Прелестно. А мне до сих пор не оплатили счет за бензин, который я купил за свои деньги.

— Забудь о них. Мне не вернули ни цента из тех, что я выложил из собственного кармана.

— Как поступил Майер?

— Сунул механику пятерку. Может, это ускорит дело.

— Знаешь, что надо сделать нашим властям? Купить несколько старых такси, заплатить по двести — триста долларов за штуку, перекрасить и передать в участки. Среди них еще можно найти машины в приличном состоянии.

— Это мысль, — скептически отозвался Карелла, входя в подъезд дома № 13.

Миссис Миллер, управляющую, они застали в ее конторке в глубине вестибюля. Это была сорокалетняя женщина с хорошо сохранившейся фигурой и хриплым голосом. Из собранных в пучок на макушке каштановых с медным отливом волос у нее торчал карандаш.

— О да, конечно, я помню его, — сказала она, рассмотрев фотокопию чека.

— Вы знали мисс Дейвис?

— Да, разумеется. Она долго здесь жила.

— Сколько?

— Пять лет.

— Когда она выехала?

— В конце июня.

Миссис Миллер скрестила великолепные ноги и снисходительно улыбнулась. Ноги действительно были восхитительны для женщины ее возраста, а улыбка почти лучезарна. Движение ее было по-женски грациозным, тщательно отработанным, расчетливым, наводящим на мысль о доступности этого податливого тела, но в то же время лишенным и намека на непристойность. Казалось, она всю жизнь посвятила изучению женских повадок и искусству завлекать, а теперь легко и непринужденно пользовалась ими. Находиться в обществе этой красотики, видеть и слышать ее, мечтать было приятно. Очарованные ею до носков ботинок, Карелла и Хоуз расслабились.

— А этот чек, — спросил Карелла, постучав по фотокопии пальцем, — за что он был выписан?

— Квартплата за июнь. Я получила его десятого июня. Клодия регулярно оплачивала квартиру до десятого числа. Проблем с ней никогда не возникало.

— Ее квартира стоила семьсот пятьдесят долларов в месяц?

— Да.

— Не дорого ли?

— Не в Стюарт-сити, — мягко возразила миссис Миллер. — А у нее была квартира с окнами на реку.

— Ясно. Я так понимаю, что у миссис Дейвис была хорошо оплачиваемая работа?

— Нет, нет, она вообще не работала.

— Но как же в таком случае она могла?..

— Клодия — состоятельная женщина.

— Откуда у нее деньги?

— Ну... — Миссис Миллер пожала плечами. — Честное слово, вам не кажется, что об этом лучше спросить ее саму?

— Миссис Миллер, Клодия Дейвис мертва.

— Что?

— Она...

— Что? Нет-нет. — Женщина покачала головой. — Клодия? А чек? Я... Чек пришел в прошлом месяце. — Она опять покачала головой. — Не может быть.

— Она мертва, — мягко повторил Карелла. — Ее задушили.

Очарование миссис Миллер на мгновение померкло, отвращение промелькнуло в глазах, веки дрогнули; казалось, еще миг, и зрачки ее превратятся в блестящие капельки, а тщательно накрашенные губы потрескаются и осыплются. Но некая внутренняя сила тут же взяла верх — сила, требующая самообладания, напоминавшая ей, что очаровательная женщина не позволяет себе плакать, размазывая тушь на модно подведенных глазах.

— Как жаль, — сказала она тихо, почти шепотом. — Как жаль. Такая приятная девушка.

— Вы можете рассказать нам, что знаете о ней?

— Да. Да, конечно. — Она еще раз покачала головой, не в силах до конца поверить ужасному известию. — Чудовищно. Чудовищно. Ведь она была так молода.

— Нам показалось, что ей под тридцать, — мы не ошиблись?

— Она выглядела моложе — может быть, потому что... была застенчивой. Такой она и пришла сюда в первый раз — растерянной. Хотя ее можно было понять: только что умерли родители...

— Откуда она приехала, миссис Миллер?

— Из Санта-Моники в Калифорнии.

Карелла кивнул.

— Вы начали говорить о... Вы сказали, что она была состоятельной. Не могли бы вы?..

— У нее были акции.

— Какие акции?

— Ее родители открыли счет ценных бумаг. Когда они умерли, Клодия стала получать с него деньги. Она же была еще ребенком.

— И жила только на эти дивиденды?

— Они немаленькие были. К тому же Клодия сэкономила, зря деньгами не сорила. Получив чек, индоссировала его и немедленно несла в банк. Она была очень рассудительной.

— А в какой банк, миссис Миллер?

— «Хайленд Трест». Недалеко отсюда, на Кромвель-авеню.

— Ясно, — сказал Карелла. — Вы не знаете, она встречалась с мужчинами?

- Не думаю. Она вообще была малообщительна. Даже после приезда Джози.
- Джози? — подался вперед Карелла.— Кто это?
- Джози Томпсон. Джозефина. Ее двоюродная сестра.
- Откуда она приехала?
- Тоже из Калифорнии. Они обе оттуда.
- Как нам ее найти?
- Так она... Вы что, не знаете?
- О чем, миссис Миллер?
- Джози умерла. В июне. Я думаю, и Клодия потому переехала. Ей, наверное, невыносимо было жить здесь без Джози. Ее можно понять: все-таки страшновато, правда?
- Да,— подтвердил Карелла.

Сыскной отдел Сообщение	Отряд	Участок	Входящий № участка	Входящий № сыскного отдела
pdsh 360 rev 25	87	87	32-101	DD 60 R-42
Фамилия и имя источника Миллер Айрин (миссис Джон) Фамилия Имя Инициалы			Юж. Стюарт- плейс Улица	13 4.8.60 Дом
Содержание				

В кратком изложении суть разговора с Айрин (миссис Джон) Миллер в кабинете «Менеджмент энтерпрайз» по указанному выше адресу по делу об убийстве Клодии Дейвис сводится к следующему:

Клодия Дейвис приехала в этот город в июне 1955 года и сняла квартиру стоимостью 750 долларов в месяц по означенному выше адресу, проживала одна. В обществе друзей, мужчин или женщин, ее видели редко. По характеру затворница, жила на доходы от доставшихся ей по наследству ценных бумаг. Родители, мистер и миссис Картер Дейвис, погибли в результате автокатастрофы после лобового столкновения с фургоном на автостраде под Сан-Диего 14 апреля 1955 года. Полицейское управление Лос-Анджелеса подтверждает факт дорожного происшествия, водитель второго автомобиля осужден. По описанию миссис Миллер, погибшая была среднего роста и веса, брюнетка с коротко стриженными волосами, карими глазами, шрамов и родимых пятен не помнит — описание совпадает с трупом. Далее сообщала, что Клодия Дейвис была спокойной, скромной квартиросъемщицей, жилье и услуги оплачивала в срок, была приветлива, мила, открыта, по-детски застенчива, в тратах осмотрительна, окружающим нравилась, но отличалась нелюдимым характером.

В апреле или мае 1959 года к погибшей из Brentwood в Кали-

форнии приехала кузина, Джози Компсон (проверка в БУП* безрезультатна, досье на нее нет. Ждем информацию из ПУЛ-А** и ФБР). Судя по описанию, она немного старше Клодии, совсем на нее не похожа ни внешне, ни по темпераменту. «Они были разные, как белое и черное, — сказала миссис Миллер, — но ладили между собой прекрасно». Джози поселилась у сестры. Их отношения характеризовались как «сердечные», «гармонические» и «дружеские». Девушки мало с кем встречались, всюду всегда были вместе; создается впечатление, что Джози перенимала затворнические привычки Клодии. Часто выходили вместе из дома. Лето 59-го провели на Черепашьем острове в заливе. На Рождество ездили кататься на лыжах в Солнечную долину, а в марте этого года три недели отдыхали в Кингстоне на Ямайке, возвратившись домой в начале апреля. Источником доходов были дивиденды с положенных в банк ценных бумаг. Владелицей акций Клодия не являлась, но проценты с них принадлежали ей пожизненно. По завещанию после ее смерти бумаги и дивиденды переходили в собственность Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (альма-матер ее отца). Но как бы то ни было, а Клодия была очень хорошо обеспечена (см. счет в банке «Хайленд Трест») и, судя по всему, помогала деньгами Джози, поскольку, по словам миссис Миллер, обе нигде не работали. На вопрос о том, не были ли они лесбиянками, миссис Миллер — человек сведущий и в таких вещах ориентирующийся — сказала: нет, никто из них такой не был.

3 июня Джози и Клодия вновь уехали на уик-энд. Привратник подтвердил, что помог им уложить чемоданы в багажник машины Клодии, «кадиллак» 1960 года выпуска с откидывающимся верхом. Клодия села за руль. В понедельник утром девушки не вернулись, хотя и обещали. Клодия позвонила в среду и сквозь слезы сообщила миссис Миллер, что с Джози случилось несчастье, она умерла. Миссис Миллер помнит, что спросила, не может ли чем-нибудь помочь. Клодия ответила: «Нет, все уже сделано».

17 июня миссис Миллер получила письмо от Клодии (прилагается; почерк совпадает с подписью Клодии), в котором говорилось, что она не может вернуться в свою квартиру после того, что случилось с ее сестрой. Напомнив миссис Миллер, что срок аренды истекает 4 июля, она обещала прислать чек за июнь до 10-го числа. Написала, что вещи ее и документы возьмет, частично перевезет к ней, частично примет на хранение компания по оказанию помощи при переездах (см. выписанный Клодией чек № 010 от 14.7 фирме «Аллора бразерз»: «...оплата за упаковку, перевозку и хранение»). В доме № 13 Клодия Дейвис больше не появлялась. Миссис Миллер не видела ее и не слышала о ней до той минуты, как мы сообщили ей об убийстве.

Дата сообщения 6 августа След-ль, лейт.
Следователь 2 кат. Карелла С. Л. 714-56-32 Питер Бернс

Звание Фамилия Инициалы № жетона Командир

* Бюро учета правонарушителей.

** Полицейское управление Лос-Анджелеса.

Вообще-то воскресенье считалось у Кареллы выходным днем, но, поскольку дорога к Треугольному озеру была чрезвычайно живописной, а дело было в августе, он решил совместить приятное с полезным и, посадив рядом Тедди, загрузив в машину пакет с ленчем и литровый термос холодного кофе, напрочь позабыв о Клодии Дейвис, направил автомобиль в горы. Карелла давно уже подметил, что с женой он легко забывал почти обо всем на свете.

Для него Тедди — а мнение Кареллы подтверждалось на каждом углу восхищенными присвистами — была просто самой красивой женщиной в мире. Он никак не мог понять, как ему, волосатому, некрасивому, глупому, неуклюжему копу, удалось увлечь такую красотку, как Теодора Франклин. Но ведь увлек же! И теперь, сидя рядом, поглядывал на нее, возбуждаясь, как всегда, от одного только ее присутствия.

Черные волосы Теодоры, и без того всегда взлохмаченные, сейчас, казалось, переняли буйство ветра, обдувавшего овальное лицо, карие глаза прищурились. Она была в белой блузке, округлившейся на высокой груди, черных зауженных брючках, подчеркивавших широкие бедра и стройные ноги. Сбросив сандалии, она подняла колени к груди, поставив ступни на переднюю панель. В ней гармонично сочетались дикарь и мудрец. Никогда невозможно было предугадать, как поступит она в следующий момент — поцелует или поколотит, и благодаря этой неопределенности Тедди всегда оставалась для него загадочной и желанной.

Тедди тоже смотрела на мужа, на его руки с крупными суставами, лежавшие на рулевом колесе. Она смотрела на него не только потому, что это доставляло ей удовольствие, но и потому, что он говорил. А поскольку она не могла его слышать, будучи глухой от рождения, то должна была видеть его губы. Он же говорил с ней вовсе не о последнем деле. Тедди уже знала, что один из чеков был выписан Клодией Дейвис похоронному бюро Фанчера в городке Трайангл-Лейк, и Стив хотел лично побеседовать с управляющим. Более того, она знала, что это очень важно, иначе Стив не стал бы тратить выходной на эту поездку. Но он обещал совместить дело с отдыхом. Дорога была приятной частью поездки, и из уважения к жене и собственному слову говорить о деле он воздерживался, хотя мысли о нем не покидали его ни на минуту. Вместо этого Стив говорил о живописных местах, о том, как растут их близнецы, как прекрасно сегодня выглядит Тедди и что ей лучше застегнуть верхнюю пуговицу на блузке, пока они в машине, но ни словом не обмолвился о Клодии Дейвис, пока они не оказались в похоронном бюро Фанчера, где их встретил человек с печальными глазами, назвавшийся Бартоном Скоулзом.

Высокий и тонкий, Скоулз был одет в черный костюм, который не снимал, наверное, со времени собственной конфирмации году этак в 1912-м; выглядел он таким типичным мелким провинциальным предпринимателем, что Карелла едва не расхохотался,

хотя место, куда они прибыли, к веселью не располагало. Здесь странно пахло, в этом помещении среди ковров, обоев, люстр и канделябров, и лишь со временем Карелла понял, что это запах формальдегида, в голове его непроизвольно возникли соответствующие ассоциации, и, как ни странно для человека, столь часто глядевшего смерти в глаза, он ощутил тошноту.

— Мисс Дейвис выписала вам пятнадцатого июля чек, — сказал Карелла. — Не могли бы вы уточнить, за что именно?

— Конечно, могу, — ответил Скоулз. — Долго мне его ждать пришлось. Авансом она внесла только двадцать пять долларов, хотя обычно я беру пятьдесят. Знаете, сколько раз меня надували?

— Что вы имеете в виду?

— Случается, похоронишь кого-нибудь, а потом не получаешь за это ни цента. Дело у меня невеселое, сами понимаете. Сколько раз я уже организовывал похороны — и службу заказывал, и кладбище, и все прочее, а потом мне не платили. Так легко и веру в людей потерять.

— Но мисс Дейвис все же заплатила вам.

— Да, конечно. Но заставила попотеть. Тем более что она не местная, а хоронила здесь, одна, больше никто не пришел. Видела в часовне, глаз с покойницы не сводила, будто ее кто выкрасть собирался. Только двое их там и было, она да покойница. Скажу вам, мистер Карелла. Я правильно вас назвал?

— Правильно.

— Так вот, мистер Карелла, страшно это было. Два дня ее сестра лежала в гробу, а потом вдруг мисс Дейвис попросила похоронить ее здесь же, на нашем кладбище. Ну, я все сделал, что полагается, и все за двадцать пять долларов, которые она мне дала. Доверился я ей, мистер Карелла, рискнул и доверился.

— Когда это случилось?

— Девушка утонула в первую неделю июня. Нечего ей, кстати, делать было на озере так рано, вода в июне еще ледяная, не прогревается до конца следующего месяца. Она выпала из лодки и то ли застыла, то ли судорогой ее свело — в общем, пошла ко дну. — Скоулз покачал головой. — Нечего было на озере делать, рано еще было.

— Вы видели свидетельство о смерти?

— Да, доктор Доннели его выписал. Причина смерти — утопление, вопросов нет. И дознание было. Во вторник, после того, как она утонула. Несчастный случай.

— Вы сказали, что она каталась на лодке. Одна?

— Да. Мисс Дейвис осталась на берегу. А когда сестра упала за борт, бросилась в воду и поплыла к ней, но не успела. Поверьте, вода в озере очень холодная, даже сейчас, хотя на дворе август.

— Но мисс Дейвис это не остановило?

— О, она, наверное, хорошая пловчиха. По опыту знаю, что красивые девушки обычно и сильные тоже. Об заклад бьюсь, что ваша жена — сильная женщина. Потому что, бесспорно, красивая.

Скоулз улыбнулся, и Тедди улыбнулась, сжав руку мужа.

— Вернемся к оплате,— продолжил Стив.— Как вы думаете, почему она так долго не высылала чек?

— Представления не имею. Я дважды писал ей. В первый раз просто по-дружески напомнил. Второе письмо было посерьезнее — его составил знакомый адвокат на своем бланке: такие вещи всегда производят впечатление. Ответа не получил ни на одно из них. И вдруг пришел чек на всю сумму. Удивляюсь. Может, в себя долго прийти не могла после смерти сестры? А может, всегда не спешит выплачивать долги. Но мне-то что, я рад, что чек получил. Да, знаете, порой живые доставляют куда больше хлопот, чем мертвые.

После разговора со Скоулзом они прошли к озеру и там, на берегу, устроили пикник. Карелла был на удивление молчалив. Тедди болтала босыми ногами в воде. Вода, как и предупреждал Скоулз, была холодная, несмотря на августовскую жару. По дороге от озера Карелла спросил:

— Дорогая, ты не возражаешь, если я сделаю по пути еще одну остановку?

Тедди вопросительно подняла брови.

— Я хочу поговорить с местным начальником полиции.

Тедди нахмурилась. В глазах ее был вопрос, и он немедленно ответил на него:

— Хочу уточнить, были ли свидетели ее смерти. Я имею в виду, кроме Клодии Дейвис. По рассказу Скоулза можно понять, что озеро в июне было пустынно.

40 Начальник полиции оказался толстяком коротышкой, носившим обувь огромного размера. В течение всего разговора с Кареллой он демонстрировал ее, положив ноги на стол. Глядя на него, Карелла думал, почему, черт побери, в этом проклятом городишке все так походило на героев кинофильмов компании «МГМ»? За спиной начальника стояли в ряд карабины; справа от них на доске объявлений красовались листки с фотографиями преступников и надписями «РОЗЫСК». А носок левого ботинка начальника был дырявым.

— Да,— сказал он.— Свидетель был.

Карелла был разочарован.

— Кто?

— Парень один. Удил рыбу и все видел. Дал показания на следствии.

— Что он сказал?

— Сказал, что видел, как Джози Томпсон взяла лодку. Клодия Дейвис осталась на берегу. Джози упала за борт и камнем пошла ко дну, а мисс Дейвис бросилась ее спасать, но не успела. Так он рассказал.

— Это все?

— Он отвез мисс Дейвис в город на ее машине, «кадиллаке» с откидным верхом, кажется. Она говорить не могла, рыдала, бормотала что-то, ломала руки, так что историю эту мы от него услышали. Клодия Дейвис только на другой день очухалась немного.

— Когда коронер проводил следствие?

— Во вторник. За день до похорон. Вскрыли труп в понедельник по согласованию с мисс Дейвис; по Закону 2213 ближайший родственник, на которого возлагаются обязанности по похоронам, может дать разрешение на вскрытие с целью установления причины смерти.

— А коронер объявил смерть через утопление?

— Да.

— Зачем проводилось дознание? У вас возникли подозрения?

— Я бы так не сказал. Просто мальч этот, что ловил рыбу, тоже приехал из города. Не исключено, что он и мисс Дейвис могли сговориться — столкнуть сестрицу за борт, а потом сочинить для нас эту песню.

— И как, по-вашему, вралли они?

— Трудно сказать. Когда рыбак привез мисс Дейвис, она натурально убита горем была. Чтобы сыграть такое, великой актрисой надо быть. На следующий день успокоилась, но видели бы вы ее в день трагедии! А на следствии выяснилось, что раньше она с этим парнем никогда не встречалась. Он тоже убедил присяжных, что прежде никого из девушек не знал. И меня, кстати, убедил.

— Как его фамилия? — спросил Карелла. — Рыбака?

— Кортной.

— Как вы сказали?

— Кортной. Сидни Кортной.

Карелла неожиданно поднялся.

— Благодарю вас. Пошли, Тедди. Мне надо в город.

7

Кортной жил в дощатом домике на одну семью в Риверхеде. Ранним утром в понедельник, когда Карелла и Майер приехали к нему, он, отомкнув замок, начал поднимать ворота гаража. Услышав шум мотора, Кортной удивленно обернулся; ворота так и зависли на полпути вверх.

Карелла вышел из машины.

— Мистер Кортной?

— Да!

Он озадаченно, как любой человек, к которому по фамилии обращается незнакомец, уставился на Кареллу. «Парню» было под пятьдесят; он был в кепке, не красящей его спортивной куртке и черных фланелевых штанах — это в августе-то! Волосы его поседели на висках, а вид был усталый, очень усталый для семи часов утра. У ног его стояла коробка с ленчем, а в гараже следователи увидели «форд».

— Мы из полиции, — сказал Карелла. — Позвольте задать вам несколько вопросов?

— Хотел бы сначала взглянуть на ваш жетон, — ответил Кортной.

Карелла показал его. Кортной кивнул с видом человека, исполнившего гражданский долг.

— Я слушаю. Только тороплюсь на работу. Это опять по разрешению на строительство?

— Какое строительство?

— На расширение гаража. Решил купить сыну драндулет, не хочу, чтобы он торчал на улице. Сколько времени потерял, чтобы получить эту чертову бумажку! И всего-то мне надо расширить его на двенадцать футов. Можно подумать, что я собираюсь тут многоэтажку поставить или парк разбить. Так вы по этому поводу?

— Кто это, Сид? — слышался женский голос из дома.

— Успокойся, — раздраженно откликнулся Кортной. — Пустяки. — Он взглянул на Кареллу. — Моя жена. Вы женаты?

— Да.

— Тогда вам все понятно, — загадочно произнес хозяин. — Так о чем вы хотели спросить?

— Вы когда-нибудь видели его? — спросил Карелла, протягивая копию чека, выписанного на его имя.

Кортной мельком взглянул на него и сразу вернул.

— Конечно.

— Что это значит, можете объяснить?

— Что объяснить?

— Объяснить, почему Клодия Дейвис послала вам чек на сто двадцать долларов.

— В качестве компенсации.

— Ах, вот как, — вмешался Майер. — В качестве компенсации, мистер Кортной? За что? За небльицы?

— А? Вы о чем?

— Компенсации за что, мистер Кортной?

— За то, что я пропустил три рабочих дня, а вы, черт возьми, за что думали?

— Так ли?

— Нет, а вы что думаете? — рассвирепел Кортной и погрозил Майеру пальцем. — Вы что думаете? Мол, откупились за что-то? Вы так подумали?

— Мистер Кортной...

— Я потерял три рабочих дня из-за того идиотского следствия! Мне пришлось проторчать в Трайангл-Лейке понедельник, вторник и еще среду в ожидании решения присяжных. Я каменщик, зарабатываю по пять «зеленых» в час, я потерял три рабочих дня по восемь часов каждый, поэтому мисс Дейвис по доброте душевной прислала мне чек на сто двадцать долларов. А у вас что на уме, не будете ли так любезны сказать мне, черт побери?

— Вы знали мисс Дейвис до встречи на Треугольном озере?

— В жизни ее никогда не видел. Да в чем дело в конце концов? Вы что, суд мне здесь устроили, что ли?

— Сидни! — вновь слышалось из дома. — Что случилось?

— Ничего. Помолчи, Бетт.

В дощатом домике обиженно замолчали. Кортной что-то проворчал под нос и снова обратил покрасневшее лицо к полицейским.

— У вас все?

— Не совсем. Мы хотели бы услышать от вас, что вы делали в тот день на озере.

— Зачем? Возьмите протокол дознания и прочитайте, если интересуетесь. Мне пора на работу.

— Она может подождать.

— Еще чего!

— Мистер Кортной, нам не хочется ехать в центр за ордером на ваш арест.

— Арест?! За что? Послушайте, в чем я?..

— Сидни! Сидни, позвонить в полицию? — крикнула женщина из дома.

— Да заткнись ты, черт возьми! — рявкнул Кортной и пробормотал: — Позвонить в полицию! Тут и так одни полицейские, а ей все мало. Чего вы от меня хотите? Я честный каменщик. Я видел, как утонула девушка. Как видел, так и рассказал на дознании. Это что, преступление? Чего вы ко мне привязались?

— Просто расскажите еще раз. Как видели.

— Она была в лодке, — вздохнув, начал Кортной. — Я удил рыбу. Ее сестра была на берегу. Она упала за борт.

— Джози Томпсон.

— Да, Джози Томпсон.

— В лодке она была одна?

— Да. В лодке она была одна.

— Продолжайте.

— Другая — мисс Дейвис — закричала, бросилась в воду и поплыла к ней. — Он покачал головой. — Но опоздала. Лодка была далеко. Когда она доплыла, озеро уже успокоилось. Она нырнула раз, нырнула другой, но было поздно, слишком поздно. А когда она плыла обратно, я испугался, что и эта утонет: в какой-то миг она скрылась под водой и долго не показывалась — я подумал, конец. Но потом разглядел желтое пятно — она всплыла, и я успокоился.

— Почему вы сами не бросились на помощь?

— Я не умею плавать.

— Понятно. Что было дальше?

— Она — мисс Дейвис — вышла на берег, страшно усталая, и забилась в истерику. Я попытался успокоить ее, но она все рыдала, вскрикивала и не могла прийти в себя. Я подвел ее к машине и спросил ключ, но она сначала не поняла, чего мне надо. «Ключ!» — говорю, а она уставилась и смотрит. Тогда я крикнул: «Ключ от машины! Ключ!» В конце концов она раскрыла кошелек и дала его мне.

— Продолжайте.

— Я отвез ее в городок. Я же и в полиции все рассказал: она ни слова вымолвить не могла, все рыдала. Смотреть на нее страшно было, я женщин в таком состоянии еще никогда не видел. В тот день она двух слов связать не могла. Потом отошла немного, назвала себя, рассказала, что им уже было известно от меня, и сообщила, что утонула ее двоюродная сестра Джози Томпсон. Озеро протралили и утопленницу достали. Ужас. Ужас. Такая молодая, и такая судьба.

— Во что была одета утопшая?

— В платье из хлопка. Мягкие туфли. Или сандалии. Тонкий свитерок сверху — кардиган.

- Украшения?
- По-моему, не было. Нет, не было.
- Сумочка или кошелек?
- Нет. Оба их кошелька лежали в машине.
- А во что была одета мисс Дейвис?
- Когда? В первый день? Или когда искали ее сестру?
- Она тоже при этом присутствовала?
- Конечно. Она опознала труп.
- Я хотел уточнить, во что она была одета в день трагедии.
- В юбку и блузку, кажется. С ленточкой в волосах. В шлепанцах. Точно не помню.
- Блузка какого цвета? Желтая?
- Нет. Синяя.
- Вы сказали «желтая».
- Нет, синяя. Я не говорил «желтая».

Карелла нахмурился.

— Мне показалось, что раньше вы сказали «желтая». — Он пожал плечами. — Хорошо, что произошло после следствия?

— Ничего особенного. Мисс Дейвис поблагодарила меня за помощь и пообещала прислать чек за пропущенные рабочие дни. Я было отказался, а потом подумал: какого черта? Я вкальваю, а деньги на деревьях не растут, и назвал свой адрес. Подумал, что ей это будет не в тягость, если она разъезжает на «кадиллаке» и может нанять человека, чтобы он отвез ее домой.

— Почему она не поехала сама?

— Не знаю. По-моему, она еще не пришла в себя. Послушайте, все это было странно. У вас когда-нибудь на глазах погибал человек?

— Да, — сказал Карелла.

— Сидни, скажи им, пусть убираются с дороги! — крикнула из дома жена Кортной.

— Слышали? — спросил каменщик и открыл гараж.

8

Понедельник — день тяжелый. Его никто не любит.

Утро понедельника придумано для незавершенных дел. Это не начало новой недели, а окончание предыдущей. Никто его не любит, и для этой неприязни ему вовсе не обязательно быть дождливым, хмурым или тоскливым. Оно может быть даже ярким и солнечным августовским утром. Оно может начаться неприятным разговором у порога чужого дома в семь часов, а к половине десятого испортить настроение вконец. Понедельник есть понедельник, и его не исправить никаким законодательством. Понедельник, гадкий день.

К половине десятого в то утро у следователя Стива Кареллы голова шла кругом; как всякий нормальный человек, он винил во всем понедельник. Возвратившись в участок, он уселся за чеки, выписанные Клодией в течение июля. Двадцать пять штук, и в них Карелла пытался найти ключ к загадочному убийству. Он изучал их со скрупулезностью корректора типографии. Кое-что из них уже становилось ясным, но ничего суще-

ственного разглядеть пока не удалось. Он вспомнил собственные слова: «Глядя в них, я вижу жизнь, будто дневник читаю», — и подумал, что банальность, обыденность этого дневника, будь он опубликован, вряд ли позволила бы ему подняться в списках бестселлеров.

В большинстве своем чеки были выписаны магазинам. Клодия, оставаясь верной своему полу, имела склонность делать покупки и обладала подходящим для этого занятия кошельком. Перечень магазинов, которые она посетила, свидетельствовал о большом разнообразии ее вкусов и интересов. Судя по корешкам, только в июле она приобрела три пеньюара, две нижние юбки, пальто, наручные часы, четыре пары разного цвета брючек, две пары туфель, темные солнцезащитные очки, два купальных костюма, восемь платьев, две юбки, два кашемировых свитера, полдюжины популярных романов, большую упаковку аспирина, шесть сумок и чемоданов и четыре коробки бумажных салфеток. Самой дорогой покупкой было вечернее платье за 500 долларов. И такие чеки составляли большинство. Кроме того, были там чеки, выписанные парикмахерской, цветочному и кондитерскому магазинам, сапожной мастерской, а также три непонятных чека, два из которых предназначались мужчинам, один — женщине.

Первый был выписан Джорджу Бадеку.

Второй был выписан Дейвиду Облински.

Третий был выписан Марте Фелделсон.

Кто-то из следователей раскрыл телефонный справочник и нашел адреса двоих из этой тройки. Адрес третьего, Облински, в справочнике указан не был, но после получасовых препирательств с руководством телефонной компании был получен и он. Теперь листок с адресами лежал перед Кареллой вместе с оплаченными чеками, и надо было заняться проверкой этих имен, но его беспокоила другая мысль.

— Почему Кортной солгал мне и Майеру? — спросил он Хоуза. — Почему соврал в такой мелочи, как одежда Клодии Дейвис в тот день?

— Как он соврал?

— Сначала сказал, что Клодия была в желтом, что увидел желтое пятно, всплывшее из-под воды, а затем заявил, что на ней была синяя блузка. Почему, Коттон?

— Не знаю.

— А если он солгал в этом, значит, мог лгать и в остальном. Разве не могли они вместе с Клодией прикончить Джози?

— Не знаю.

— Откуда появились двадцать тысяч долларов, Коттон?

— Может, это дивиденды с акций?

— Может быть. Тогда почему она просто не положила чек на свой счет? Деньги были наличные, Коттон, наличные. Где она их взяла? Сумма-то немаленькая. Двадцать кусков в придорожной канаве не валяются.

— Не валяются.

— А я знаю, где можно получить двадцать тысяч наличными, Коттон.

— Где?

— В страховой компании. Когда кто-то умрет.— Карелла решительно кивнул.— Так, надо будет кое-куда позвонить. Ведь должны же были эти чертовы деньги откуда-то взяться!

Удачным оказался шестой звонок. Ответил Карелле Джеремайя Додд, представитель «Сикьюрити иншуренс корпорейшн, инк». Имя Джозе Томпсон он вспомнил сразу.

— О да. Страховку мы выплатили в июле.

— Кто обратился за ней, мистер Додд?

— Кому она отписана, разумеется. Одну минуточку, я возьму папку. Не кладите трубку, пожалуйста.

Карелла нетерпеливо ждал. На другом конце провода он слышал голоса, но слов не разбирал. Хихикнул женский голосок, и Стив подумал, кто это и кого целует за водоохладителем. Наконец он вновь услышал Додда.

— Здесь она. Джозефина Томпсон. Страховку получила Клодия Дейвис. Ага, а вот еще.

— Что еще?

— Девушки застрахованы взаимно.

— Что это значит?

— Они двоюродные сестры. Обе застраховали жизнь. Одна в пользу мисс Дейвис, вторая в пользу Томпсон.

— Очень интересно. На крупную сумму?

— Нет, очень маленькую.

— Какую?

— По-моему, на двенадцать с половиной тысяч. Секундочку, проверю. Да, именно так.

— И мисс Дейвис обратилась за страховкой после смерти сестры, так?

— Да. Вот. Джозефина Томпсон утонула в Треугольном озере четвертого июня. Клодия Дейвис прислала страховой компании полис, свидетельство о смерти и решение суда.

— И вы выплатили ей деньги.

— Требование было законным.

— Вы посылали кого-нибудь в Трайангл-Лейк на проверку?

— Да, но это была обыкновенная формальность. Нам вполне достаточно решения суда.

— Какого числа вы выплатили страховку?

— Первого июля.

— Вы послали ей чек на двенадцать с половиной тысяч?

— Нет, сэр.

— Вы же сказали...

— Она была застрахована на двенадцать с половиной тысяч, все верно. Но в полисе было особое условие, и, поскольку смерть наступила в результате несчастного случая, нам пришлось удвоить сумму. Первого июля мы отослали мисс Клодии Дейвис чек на двадцать пять тысяч долларов.

В работе полиция секретов нет.

Ничто не укладывается в заранее составленную схему. Завиз-

кой дела обычно становится появление трупа, но никакого драматического развития событий затем, как правило, не следует — это не кино. В жизни действуют обыкновенные люди, возникают запутанные мотивы, мелкие, непонятные детали, совпадения, неожиданности; в сочетании они дают некоторую последовательность событий, но секрета как такового в полицейской работе нет. И никогда не было. Есть только жизнь, иногда смерть, но не по учебнику. Полицейские не любят детективные истории, полные тайн, поскольку в них много такого, чего они не видят в своей работе, порой рутинной, порой яркой, иногда просто нудной. Хорошо, конечно, приятно и удобно, когда все детали дела прочно укладываются на свое место; интересно представлять сыщиков крупными математиками, решающими алгебраические уравнения, где постоянными — смерть и жертва, а неизвестными — убийца.

Но большинство следователей заходит в тупик, складывая вычеты из своей зарплаты, выдаваемой дважды в месяц. Никто не спорит, мир полон волшебников, но ни один из них не работает в полиции.

В деле Клодии Дейвис было одно математическое недоразумение.

Не хватало 5000 долларов.

1 июля ей послали двадцать пять тысяч; очевидно, получив чек дня три спустя, она где-то обратила их в наличные, отнесла в «Сиборд бэнк оф Америка», открыла новый счет и арендовала сейф. Но в банк она пришла с 20 000, а чек был на 25 000, так где же еще пять? И кто выдал ей наличные? Додд объяснил Карелле довольно запутанную систему выплаты страховок: оплаченный чек несколько дней, до погашения полиса, хранился в одной из местных контор, затем его отправляли в головное отделение компании в Чикаго, где он лежал порой до нескольких недель. После этого его отсылали в ревизионное управление фирмы в Сан-Франциско. Додд полагал, что чек уже отослан в Калифорнию, и обещал принять меры к его розыску. Карелла убедительно попросил его поторопиться. Ведь кто-то же выдал по нему деньги Клодии Дейвис и, вероятно, оставил у себя пятую часть стоимости.

Поскольку девушка не отнесла чек в «Сиборд бэнк», ей, очевидно, необходимо было что-то скрыть. Возможно, она хотела избежать вопросов о страховой компании, страховых полисах, особых условиях, несчастных случаях или скорее всего о своей двоюродной сестре Джози. Чек был самый что ни на есть подлинный, и тем не менее она предпочла прежде получить по нему наличные, а лишь потом открыть счет. Почему? И зачем ей было вообще открывать новый счет, если у нее уже был один, действующий, в другом банке?

В полицейской работе много «почему» и «зачем», но вопросы совсем не означают наличие некой тайны. Они означают, что полицейским необходимо приложить дополнительные усилия, а работу никто не любит. Само собой разумеется, что и сыщики 87-го участка предпочитали просиживать штаны и в спокойной обстановке потягивать джин с тоником, но возникали «почему?».

они поднимались, надевали шляпы, брали оружие и отправлялись искать «потому».

Коттон Хоуз опрашивал всех жильцов дома, в котором убили Клодию Дейвис. Но у каждого из них было крепкое алиби — крепче сжатого кулака арабского конюшого. В докладной лейтенанту Хоуз написал, что, по его мнению, никто из квартирантов в смерти мисс Дейвис не виновен.

Майер Майер нажал на стукачей. В их районе, как, собственно, и во всем городе, было немало барыг, менявших награбленное на наличные за комиссионные. Не один ли из них оплатил чек Клодии, оставив себе пять тысяч? Этим вопросом Майер и озадачил своих осведомителей. Но они возвратились ни с чем.

Лейтенант Сэм Гроссман еще раз привез своих спецов на квартиру убитой. Они обшарили ее раз, и другой, и третий. В результате Сэм сообщил, что на двери у девушки был установлен самозапирающийся замок, и убийце не было нужды фокусничать с дверью и ключом — уходя, он просто захлопнул ее. Еще Гроссман добавил, что в ночь убийства в кровати мисс Дейвис, очевидно, никто не спал. У кресла в другой комнате стояли туфли, а на его подлокотнике лежала обложкой вверх открытая книга. Он предположил, что Клодия задремала, читая роман, потом проснулась, прошла в спальню, где и встретила убийцу и смерть. Кто мог быть этим убийцей, он сказать не мог.

Карелле было жарко, он был раздражен и перегружен, ему не хватало времени. Жизнь в районе не замерла, в участок поступали сообщения об ограблениях, случаях хулиганства, поножовщине, разбое, детских потасовках с битами для бейсбола, возникающих лишь по той причине, что кому-то не понравилось, как другой произнес слово «синьор» (чем же еще заниматься в долгие летние каникулы?). Звонили телефоны, стучали машинки, печатались в трех экземплярах докладные, нескончаемой чередой шли горожане с жалобами на других горожан, и дело Клодии Дейвис постепенно отходило на задний план, оставаясь в то же время неутихающей зубной болью.

Карелла подумал: а что это значит — быть сапожником? И занялся проверкой чеков, выписанных Джорджу Бадеку, Дейвиду Облински и Марте Фелделсон.

К счастью для него, Берт Клинг не имел никакого отношения к делу Клодии Дейвис. Он даже не говорил о нем со своими коллегами. Клинг был молодым следователем, а происшествий в их районе случалось столько, что их хватало бы на все сорок восемь часов работы в сутки, и потому он старался не совать нос в чужие дела. Ему и своих забот хватало. Одной из таких забот-печалей был «парад».

В среду утром имя Клинга появилось в списках тех, кому следовало отправиться в Центр.

«Парад» проводился в спортивном зале Главного полицейского управления на Хай-стрит четыре дня в неделю — с понедельника по четверг, и целью его был показ преступников городским

детективам, а исходили его устроители из убеждения, что преступление — профессия, злодей всегда будет злодеем, а противника надо хорошо знать в лицо, особенно при встрече с ним на улице. Своевременное опознание уголовников помогло раскрыть множество преступлений, а в отдельных случаях спасло жизни полицейским. Так что «парад» был полезным изобретением, хотя это вовсе не значило, что детективам поездки в Центр были по душе. Каждому из них приходилось бывать на «парадах» раз в две недели, и зачастую «дежурный» день выпадал на выходной — кому понравится в свободный день глазеть на преступников?

В среду утром «парад» проходил по заведенной схеме. Следователи расселись в зале на раскладных стульях, начальник уголовного розыска устроился позади них на подиуме, зеленый занавес поднят, сцена освещена, и один за другим по ней прошли арестованные накануне правонарушители. Шеф зачитывал обвинения и вел допросы. Сценарий был прост. Когда выводили очередного преступника, арестовавший его полицейский — в форме или «гражданке» — поднимался к начальнику на подиум, и тот зачитывал имя уголовного, район, в котором он попался, и номер. Например: «Джонс, Джон, Риверхед, три». «Три» означало, что в Риверхеде это было третье задержание в тот день. В «параде» участвовали только уголовники, совершившие тяжкие преступления, поэтому их список был не особенно велик. Назвав номер, начальник оглашал состав преступления, завершая его словами «с заявлением» или «без заявления», сообщая таким образом, дали задержанные при аресте какие-нибудь показания или нет. Если заявление было, шеф ограничивался несколькими вопросами общего характера, дабы арестант не сказал чего-нибудь такого, что противоречило бы его первоначальному заявлению и могло быть использовано против него в суде. Если же показаний не было, шеф отключал тормоза. Обычно под рукой у него имелись все документы против стоявшего перед ним в слепящем свете человека, и только умный преступник понимал цель этого шоу и знал, что не обязан отвечать на треклятые вопросы, тем более что в результате такого «интервью» ему светил долгий срок в комнате с одним окном в здании вверх по реке.

«Парад» навел на Клинга смертельную тоску. Как всегда, он словно в сотый раз смотрел одну и ту же постановку. Время от времени она прерывалась отдельными хорошими номерами, но в остальном все это были перепевы старой песни. Когда на сцене появился восьмой арестант и шеф подверг его принудительному допросу, Клинг начал клевать носом. Сидевший рядом следователь легонько толкнул его локтем в бок.

— ...Рейнолдз, Ралф, — зачитал начальник. — Изола, четыре. Пойман во время ограбления квартиры на Третьей Северной. Без заявления. Что скажешь на это, Ралф?

- На что?
- Часто этим занимаешься?
- Чем «этим»?
- Воровством.

— Я не вор.

— Зачитаем документ. Арестован в тысяча девятьсот сорок восьмом году за кражу со взломом. Свидетельница изменила показания, заявив, что обзналась. Вновь арестован за кражу со взломом с отягчающими обстоятельствами в тысяча девятьсот пятьдесят втором, осужден на десять лет с отбыванием в тюрьме Каслвью, освобожден условно за примерное поведение. Так что, Ралф, опять за свое принялся?

— Никак нет. После освобождения завязал.

— Чем же ты занимался в полночь в этой квартире?

— Да просто выпил немного и перепутал дом.

— Что значит «перепутал дом»?

— Думал, что пришел к себе.

— Где ты живешь, Ралф?

— На... э-э... ну...

— Так где же?

— Ну, на Пятой Южной.

— А взяли тебя на Третей Северной. Надо быть пьяным в стельку, чтобы так далеко забраться.

— Да, наверное, я был сильно пьян.

— Хозяйка заявила, что ты ударил ее, когда она проснулась. Это правда?

— Нет. Нет, я не бил ее.

— А она говорит — ударил.

— Неправда.

— А доктор подтверждает, что ей нанесли удар в челюсть. Что скажешь на это?

— Ну, может быть.

— Так да или нет?

— Ну, возможно, когда она закричала, я разозлился. В общем, я думал, что пришел домой, вот...

— Ралф, ты пытался обратить ту квартиру и был пойман на месте преступления. Может, скажешь нам правду?

— Нет, я попал туда по ошибке.

— Как ты вошел?

— Дверь была не заперта.

— Это в полночь-то?

— Ага.

— А может, ты открыл замок отмычкой?

— Нет. Нет, зачем же, я думал, что это моя квартира.

— А для чего тебе понадобились воровские инструменты?

— Мне? Это не воровские инструменты.

— А что же? У тебя с собой были стеклорез, ломик, пробойник, дрель, сверла, три пластмассовых пластинки и восемь отмычек. По-моему, типичный воровской набор.

— Нет. Я плотник.

— Плотник, плотник. Это точно. Мы произвели обыск в твоей квартире, Ралф, и нашли там кое-что интересное. У тебя всегда хранится дома шестнадцать наручных часов, четыре пишущие машинки, двенадцать браслетов, восемь колец, норковый палантин и три серебряных столовых набора?

— Да. Я коллекционер.

— Чужого добра. Мы обнаружили также четыреста долларов США и на пять тысяч долларов французских франков. Откуда эти деньги, Ралф?

— Какие?

— Любые, о которых ты пожелаешь нам рассказать.

— Ну, доллары я... выиграл в трек. А те... Один француз должен был мне золото, а отдал деньгами, франками. Вот и все.

— Мы уже сопоставляем найденные у тебя вещи со списком похищенных, Ралф.

— Ну и сопоставляйте, — вдруг разозлился тот. — От меня-то чего вы хотите? Отрабатывайте свой хлеб! Никто вам его на блюдечке не принесет. Ишь чего захотели! Мне больше нечего вам сказать...

— Уведите его, — распорядился начальник уголовного розыска. — Следующий. Блейк, Дональд, Теттуан, два. Без заявления...

Клинг поудобнее устроился на стуле и опять задремал.

11

Чек № 018 был выписан Джорджу Бадеку всего на пять долларов. Карелла не придавал ему большого значения, но, поскольку он оставался одним из необъясненных, решил проверить его.

Бадек, как оказалось, был фотографом. Его ателье располагалось прямо напротив здания окружного суда Изолы. Судя по объявлению в витрине, здесь изготавливались фотографии на водительские права, охотничьи билеты, паспорта, лицензии таксистов, разрешения на хранение и ношение оружия и тому подобное. Ателье было тесное; Бадек, крупный мужчина с густой, черной, растрепанной, пропахней проявителем шевелюрой, похож был в нем на жука в ловушке для муравьев.

— Да разве ж запомнишь? — ответил он на вопрос Кареллы. — Ко мне тут миллионы людей ежедневно приходят. Платят наличными, платят чеками, уроды, красавицы, худые, толстые — на моих снимках все одинаково выходят. Словно я снимаю их для вас. Вы видели эти протокольные рожки? Образины. Так что разве запомнишь... Как вы ее назвали? Ах, да, Клодия Дейвис. Одно лицо из тысяч, больше ничего. Еще одна уродина. А зачем она вам? Чек фальшивый?

— Нет, чек в порядке.

— А чего же вам надо?

— Ничего, — сказал Карелла. — Извините.

Он вздохнул и вышел на улицу. Готическое здание окружного суда было белым под ярким августовским солнцем. Карелла вытер лоб платком и подумал о словах фотографа: «Одно лицо из тысяч, больше ничего». Еще раз вздохнув, он пересек улицу и вошел в здание суда. Там под высокими сводчатыми потолками было прохладно. Прочитав указатель, Карелла прошел вначале в отдел автотранспортных средств и спросил служащего, не обращалась ли к ним за документом, требующим фотографии, некая мисс Клодия Дейвис.

— Фотографии требуются только для водительских прав, — ответил клерк.

— Будьте любезны, проверьте, — попросил Карелла.

— Сейчас. Вы присядьте пока: на это потребуется какое-то время.

Карелла сел. В помещении было прохладно, как в октябре. Он посмотрел на часы. Время приближалось ко второму завтраку, ему уже хотелось есть. Клерк вернулся и кивнул ему.

— Клодия Дейвис у нас зарегистрирована, — сообщил он. — Но права она получила давно и за новыми не обращалась.

— Какие права?

— Любительские.

— По какое время они действительны?

— По сентябрь будущего года.

— Она вообще к вам летом не обращалась?

— Нет. Извините.

— Не за что. Благодарю.

Выйдя в коридор, Карелла миновал отдел найма, поскольку сомневался, чтобы Клодия Дейвис пожелала приобрести такси, и поднялся на следующий этаж. Служащая отдела регистрации оружия оказалась женщиной чрезвычайно любезной и расторопной. Порывшись в картотеках, она сообщила, что Клодия Дейвис к ним не обращалась.

В коридоре он почувствовал, что ужасно проголодался. В животе начинало урчать. Подумав минуту, как ему поступить — сходить перекусить или вначале довести дело до конца, — он выбрал последнее.

За стойкой паспортного стола сидел тощий старик с зеленым пластмассовым козырьком от солнца на лбу. Карелла задал ему свой вопрос, старик отошел, порывшись в картотеке и, крихтя, вернулся к окошку.

— Правильно, — сказал он.

— Что правильно?

— Обращалась. Клодия Дейвис. За паспортом.

— Когда?

Старик посмотрел в бумажку, которую держал в трясущихся руках.

— Двадцатого июля.

— Вы выдали его?

— Мы приняли документы. А паспорт выдаем не мы. Бумаги отправлены в Вашингтон.

— Но документы вы приняли?

— Конечно. Почему не принять? Там было все, что полагается.

— Что именно?

— Две фотографии, подтверждение гражданства, заполненный бланк заявления и деньги.

— Что она предъявила в качестве подтверждения гражданства?

— Свидетельство о рождении.

— Где она родилась?

— В Калифорнии.

— Она заплатила наличными?
— Да.
— Не чеком?
— Нет. Начала было выписывать его, но паста в ручке кончилась. Хватило только на заявление. Поэтому и заплатила наличными. Да это недорого.

— Понятно. Спасибо, — поблагодарил Карелла.

— Не за что, — ответил старик и со скрипом двинулся назад к шкафам, чтобы положить на место карточку Клодии Дейвис.

Номер чека был 007, а выписан он был двенадцатого июля некой Марте Фелделсон.

Мисс Фелделсон поправила пенсне на носу и взглянула на чек. Затем она сдвинула в сторону какие-то бумажки, положила чек на стол и еще раз внимательно его рассмотрела.

— Да, этот чек выписан мне. Клодия Дейвис оформила его прямо здесь, в бюро. — Она улыбнулась. — Если эту контору вообще можно назвать бюро. Стол и телефон, больше ничего не помещается. Но я лишь начинаю дело.

— А если точнее, давно вы открыли бюро путешествий?

— Полгода назад. Очень интересная работа.

— Мисс Дейвис раньше к вам не обращалась?

— Нет.

— К вам ее кто-то направил?

— Нет. Она нашла меня по телефонному справочнику.

— И попросила организовать ей путешествие. Так? А чек? За что он выписан?

— За авиабилеты и гостиницы.

— Гостиницы где?

— В Париже, Дижоне и Лозанне в Швейцарии.

— Она собиралась отправиться в Европу?

— Да. Из Лозанны хотела поехать на итальянскую Ривьеру. Этим я тоже занималась. Заказывала билет, номер в отеле.

— Когда она намеревалась лететь?

— Первого сентября.

— Теперь понятно, зачем ей понадобились чемоданы и сумки, — вслух произнес Карелла.

— Извините? — улыбнулась мисс Фелделсон.

— Ничего, ничего, не обращайтесь внимания, — сказал Карелла. — Какое впечатление сложилось у вас о мисс Дейвис?

— Трудно сказать. Я видела ее лишь один раз.

Она на минуту сосредоточилась.

— По-моему, девушка могла быть привлекательной, если бы постаралась, но она не старалась. Волосы темные, короткие, а сама какая-то... отрешенная, что ли? За все время разговора так и не сняла темные очки. Наверное, ее можно назвать застенчивой. Или испуганной. Не знаю. — Мисс Фелделсон опять улыбнулась. — Сумела я вам чем-нибудь помочь?

— Что ж, теперь мы знаем, что она собиралась за границу.

— Сентябрь — прекрасное время для путешествия. Отдыхающих на курортах меньше.

Карелла поблагодарил ее и покинул неопрятное бюро.

Чеки заканчивались, заканчивались и идеи. Все указывало на девушку в бегах, но от чего ей было бежать, от чего прятаться? Джози Томпсон была в лодке одна. Суд определил ее смерть как утопление в результате несчастного случая. Страховая компания не опротестовала требование. Клодии выдали законный чек, по которому она могла получить наличные в любой точке земного шара.

И тем не менее она пряталась, она скрывалась, а Карелла не мог понять почему.

Он вынул из кармана список оставшихся непроверенными чеков. Сапожник, парикмахер, цветочник, кондитер. Все это было не важно. А последний чек, от одиннадцатого июля, № 006, был выписан Дейvidу Облински на 45 долларов 75 центов. Перекусив, Карелла поехал в деловую часть города, даунтаун. Облински он нашел в столовой у автобусной остановки: тот сидел на табурете за стойкой и попивал кофе. На предложение присоединиться к нему Карелла согласился.

— Вы нашли меня по чеку, так? — спросил Облински. — Мой номер и адрес дали вам телефонисты, так? Ведь в справочнике их нет, и сообщать их кому-либо запрещено.

— Им пришлось уступить полиции.

— Ха, а если бы, скажем, копы спросили у них номер телефона Марлона Брандо? Думаете, дали бы? Черта с два. Нет, сэр, мне это не нравится, совсем не нравится.

— Чем вы занимаетесь, мистер Облински? Почему засекретили телефон?

— Я таксист, вот чем я занимаюсь. А иметь засекреченный телефон — это шик! Что, не знали?

Карелла улыбнулся.

— Не знал.

— А зря.

— За что вам Клодия Дейвис выписала чек?

— Таксистом я работаю в городе. А на уик-энды в свои выходные дни я вывожу клиентов по их желанию на природу. В горы, на побережье — мне все равно куда.

— Понятно.

— Так вот, где-то в июне — в начале июня — мне позвонил знакомый из Трайанг-Лейка и сказал, что какая-то денежная бабенка просит доставить ее на собственном «кадиллаке» сюда. Так что, если я соглашусь приехать поездом и отвезти ее, мне светит тридцатник. Я ответил, нет уж, сорок пять или «гуд бай». Я ведь понимал, что он у меня на крючке, сечете? Он сам сказал, что из местных никто не согласился ехать. Ну, он ответил, что переговорит с ней и позвонит опять. И позвонил... Знаете, все никак не успокоюсь из-за этих проклятых телефонистов. Они не должны были давать мой телефон никому. А если бы это был номер Мерлин Монро? Думаете, назвали бы? Ну, я им задам, поверьте.

— Итак, он снова вам позвонил.

— Позвонил, значит, и говорит, что она согласна, но просит

подождать до середины июля — сейчас, мол, у нее денег нет. Временно. Ну, думаю, не надует же меня эта дамочка, если у нее «кадиллак». Можно подождать и до июля. Но знакомому сказал, что в таком случае пусть платит и дорожную пошлину, чего обычно от клиентов не требую. Это семьдесят пять центов.

— Таким образом, вы уехали в Трайангл-Лейк поездом и привезли мисс Дейвис на ее «кадиллаке» в город, так?

— Да.

— Она, наверное, вне себя была от горя?

— А?

— Потерянная была?

— А?

— Убита горем, в истерике, плакала?

— А, нет. Нет. Нормальная была.

— Я имею в виду... — Карелла запнулся. — Я понял так, что она была не в состоянии вести машину.

— Верно. Поэтому и наняла меня.

— В таком случае...

— Но не потому, что расстроена была или еще что-нибудь в этом роде.

— Тогда почему? — Карелла нахмурился. — Много вещей было? Ей понадобилась ваша помощь?

— Да, много. Ее и сестры. Сестра утонула, вы знаете?

— Знаю.

— Но погрузить багаж мог кто угодно. Нет, я ей действительно был нужен.

— Зачем?

— Зачем? Она же водить не умеет.

Карелла в изумлении уставился на него.

— Ошибаетесь.

— Еще чего! — воскликнул Облински. — Не умеет, говорю вам. Я складывал вещи в багажник, а ее попросил завести мотор, так она не знала, как это делается! У, да черт с ней, скажите лучше, мне шум поднять в телефонной компании?

— Не знаю, — ответил Карелла и соскочил с табурета.

Он вдруг вспомнил о чеке, выписанном Клодией Дейвис парикмахерской, и этот чек внезапно показался ему чрезвычайно важным.

13

Парикмахерская находилась на Двадцать третьей Южной улице, рядом с Джефферсон-авеню. Над тротуаром перед ней висел зеленый навес с надписью «АРТУРО МАНФРЕДИ, ИНК». Стеклопанельная табличка в витрине повторяла то же название и извещала тех, кто не читал «Вог» или «Харперс базар», что фирма имеет отделения — одно в Изоле, второе в «Нассау, Багамы». Ниже, шрифтом помельче и поскромнее, сообщалось о «международном признании» предприятия.

Карелла и Хоуз вошли в салон в шестнадцать тридцать. В небольшом холле, скрестив дорогие, холеные ноги, сидели —

очевидно, в ожидании шоферов, мужей или любовников — две тщательно причесанные и наманикюренные женщины. Обе разом подняли головы и, выразив разочарование легким поднятием бровей, вновь углубились в изучение журналов мод. Карелла и Хоуз подошли к столику; сидевшая за ним блондинка с блестящими шеллаковыми глазами обратилась к ним голосом выпускницы английской средней школы:

— Слушаю. Чем могу вам помочь?

Карелла показал ей удостоверение; девушка прочла его, глянула на фотографию, тут же вновь обрела утраченное на мгновение самообладание и сухо спросила:

— Что вы хотели?

— Мы хотели бы знать, что вы можете сказать о девушке, выписавшей этот чек.

Карелла достал из кармана сложенный листок, развернул его и положил перед блондинкой. Она мельком глянула на него.

— Как фамилия? Не разберу.

— Дейвис. Клодия Дейвис.

— Не помню такую. Среди постоянных наших клиентов ее нет.

— Но она выписала вам чек, — возразил Карелла. — Седьмого июля. Не будете ли так любезны посмотреть, зачем она сюда приходила и кто ее обслуживал?

— Извините, — ответила блондинка.

— Что «извините»?

— Извините, но мы закрываемся в пять часов, и сейчас у нас самое напряженное время дня. Надеюсь, вы поняли меня... Если бы вы пришли попозже...

— Нет, мы не придем попозже, — не согласился Карелла. — Поскольку попозже мы можем явиться только с ордером на обыск и разрешением на изъятие отчетной документации, а это порой будит любопытство пронырливых репортеров, а такое любопытство вряд ли будет способствовать укреплению «международного признания» вашей фирмы. У нас сегодня был тяжелый день, мисс, и пришли мы сюда по важному делу. Так как?

— Нет вопросов. Мы всегда рады сотрудничеству с полицейскими, — холодно произнесла блондинка. — Особенно с такими воспитанными.

— У нас все такие, — заверил ее Карелла.

— Разумеется. Седьмого июля, говорите?

— Седьмого.

Блондинка поднялась из-за стола и скрылась за дверью в глубине холла. Из двери напротив появилась брюнетка.

— Мисс Мария уже ушла?

— Кто такая мисс Мария? — спросил Хоуз.

— Блондинка.

— Нет. Она ненадолго вышла.

— Эта белая прядь у вас просто очаровательна, — заметила брюнетка. — Меня зовут мисс Ольга.

— Здравствуйте.

— Спасибо. Когда мисс Мария вернется, скажите ей, пожалуйста, что на третьем этаже фен испортился.

— Обязательно, — пообещал Хоуз.

Мисс Ольга улыбнулась, махнула рукой и исчезла. Мгновением позже в холл возвратилась мисс Мария.

— Клодия Дейвис действительно была здесь седьмого июля. Обслуживал ее мистер Сэм. Желаете побеседовать с ним?

— Да, желаем.

— Пойдемте, — коротко бросила она.

Они пошли за девушкой по залу мимо женщин со скрещенными ногами и спрятанными под колпаком сушилок макушками.

— Да, кстати, — сказал Хоуз, — мисс Ольга просила сообщить, что на третьем этаже испортился фен.

Хоуз чувствовал себя в женском царстве очень стесненно: все было там тонко и изящно, и он, шести футов и двух дюймов ростом и ста девяноста фунтов весом, думал лишь о том, как бы не опрокинуть какой-нибудь флакончик с лаком для ногтей или бадейку с раствором для промывки волос. В зале на втором этаже, проходя вдоль шеренги все тех же женщин со скрещенными ногами, прикрытых чем-то вроде халатов брадобреев, он заметил, как они, одна за другой, поворачивали головы под колпаками ему вслед, глядя на белую прядь у него в волосах, и вдруг смутился, покраснел, словно шел перед ними с голой задницей. Его прядь имела естественное происхождение: обрабатывая нанесенную ножом рану, медики сбрили в этом месте рыжие волосы, а выросли они уже белыми; эти женщины, как он понял, готовы были выложить потом заработанные доллары за то, чтобы иметь такие же, и ощутил себя не копом, пришедшим по заданию, а клиентом, явившимся подправить проклятый локон.

— Вот мистер Сэм, — услышал он, обернулся и увидел, что Карелла жмет руку какому-то удлинённому типу. Именно удлинённому, а не высокому: такими видишь людей на киноэкране, когда сидишь с краю. Мужчина был в белом комбинезоне, из нагрудного кармана у него торчали три узкие расчески, а в левой тонкой руке он держал ножницы.

— Здравствуйте, — сказал парикмахер и обозначил полупоклон — европейский по происхождению, американский по исполнению. Затем он пожал руку Хоузу и еще раз сказал «здравствуйте».

— Они из полиции, — пояснила мисс Мария, освобождая парикмахера от необходимости быть вежливым, и удалилась.

— Седьмого июля здесь была женщина, Клодия Дейвис, — сказал Карелла. — Как мы выяснили, обслуживалась она у вас. Вы что-нибудь помните о ней?

— Мисс Дейвис, мисс Дейвис, — произнес мистер Сэм и поднес руку ко лбу, имитируя напряженную работу мысли. — Так, так, мисс Дейвис.

— Да, мисс Дейвис.

— Ну, да, мисс Дейвис. Красивая блондинка.

— Нет. — Карелла покачал головой. — Брюнетка. Вы говорите о ком-то другом.

— Нет, я говорю о ней, — возразил мистер Сэм и приставил указательный палец к виску. Я помню ее. Блондинка.

— Брюнетка,— стоял на своем Карелла, внимательно наблюдая за парикмахером.

— Ушла брюнеткой. А пришла блондинкой.

— Что? — переспросил Хоуз.

— Она была блондинкой, натуральной красивой блондинкой. Это редкость — натуральная блондинка. Я никак не мог понять, зачем ей перекрашиваться.

— Вы перекрасили ее?

— Перекрасил.

— Она объяснила, зачем ей это понадобилось?

— Нет, сэр. Я пытался возражать, сказал: «У вас прекрасные волосы, я могу сделать вам замечательную прическу. Вы блондинка, дорогая, ко мне ежедневно приходят шатенки и умоляют обесцветить их». Нет. И слушать не хотела. Пришлось красить.

Парикмахер взглянул на сыщиков так, словно это они были виноваты в упрямстве Клодии Дейвис.

— Что вы еще над ней проделали, мистер Сэм? — спросил Карелла.

— Перекрасил, постриг и уложил. А кто-то из девушек сделал ей маску и маникюр, по-моему.

— Что означает «постриг»? У нее были длинные волосы?

— Да, длинные белые волосы. Она пожелала их укоротить. Я укоротил.— Парикмахер покачал головой.— Жаль. Новая прическа ее испортила. Я не говорю такого о своей работе, но, уходя отсюда, она выглядела ужасно. В ней почти невозможно было узнать прежнюю красавицу блондинку, какой она пришла к нам тремя часами ранее.

— Может быть, в том весь смысл,— сказал Карелла.

— Что, извините?

— Ничего, не обращайтесь внимания. Благодарю вас, мистер Сэм. Нам предупредили, что вы очень заняты.

— Вы знали об этом еще до встречи с парикмахером, не так ли, мистер Стив? — спросил Хоуз, когда они вышли на улицу.

— Я подозревал это, мистер Коттон, подозревал. Поехали в участок.

Они перебрасывались фразами, как рекламные агенты, обсуждающие текст нового объявления. Они сидели в кабинете лейтенанта Бернса и пытались определить, где очутились сами и куда укатился колобок. Они бросали на дорогу консервант жизни и наблюдали, поднимет ли его кто-нибудь. Они поднимали флаг и смотрели, найдется ли такой, кто отдаст ему честь. В кабинете лейтенанта было аж четыре окна — как-никак, а Бернс был их шефом. Очень элегантно был его кабинет, с вентилятором и письменным столом. И сквознячком с улицы. Ну а если сказать правду, то он был убог для проведения совещания на высшем уровне, но лучшего участка выделить не мог. А со временем можно было привыкнуть и к облупившейся

краске на засаленных стенах, и к плохому освещению, и к вони из мужского туалета дальше по коридору.

— Я только что позвонил Айрин Миллер, — сказал Карелла, — и попросил ее описать мне Клодию Дейвис. Она повторила то же самое: стриженная брюнетка, застенчивая, некрасивая. Тогда я попросил описать Джози Томпсон. — Карелла нахмурился. — Угадываете, что она сказала?

— Красивая, — ответил Хоуз. — Красивая блондинка с длинными волосами.

— Именно. Собственно, миссис Миллер сказала нам об этом еще в первый раз. По ее словам, сестры отличались друг от друга, как черное и белое — внешне и по характеру. Белая и черная, какие же еще? Брюнетка и чертова блондинка.

— Отсюда желтое, — вставил Хоуз.

— Что желтое?

— Пятно. Кортной сказал, что увидел желтое пятно в воде. Он говорил не об одежде, Стив, он имел в виду ее волосы.

— Да, теперь многое стало понятным, — кивнул Карелла. — Теперь ясно, зачем застенчивая Клодия Дейвис собиралась ехать в Европу, накупив рубашечек и купальников. Понятно, почему Скоулз назвал ее красивой. Понятно, почему медики после вскрытия определили возраст в тридцать лет, тогда как все знавшие Клодию отзывались о ней как о молоденькой девушке.

— Значит, утонула не Джози? — спросил Майер. — Ты считаешь, что это была Клодия?

— Да, черт побери, я считаю, что утонула Клодия.

— А Джози обрезала волосы, присвоила имя сестры и попыталась сойти за нее до выезда из страны? — продолжил Майер.

— Зачем? — спросил Бернс, не любивший тратить время на лишние слова.

— Затем, что дивиденды с ценных бумаг шли Клодии, а у Джози гроша за душой не было.

— Но она могла получить страховку, — напомнил Майер.

— Разумеется, но и только. В случае смерти Клодии ценные бумаги становились собственностью университета. Как, по-твоему, относилась к этому Джози? Знаете, я не пытаюсь шить ей дело. Я просто считаю, что Джози воспользовалась ситуацией. Клодия была в лодке одна. Когда она упала за борт, Джози пыталась спасти ее, слов нет. Но не успела доплыть. Клодия утонула. Джози, конечно, была потрясена, она рыдала, двух слов связать не могла. Истерика, мы видели такое. Но пришло утро, и Джози задумалась. Они были в чужом городке, их никто там не знал. Клодия утонула, но кто знал, что утонула Клодия? Никто, кроме Джози. Даже кошельки их лежали вместе в машине. Теперь стоило Джози назвать сестру — и она получила бы двадцать пять кусков по страховке, а акции уплыли бы в университет, и прощай, беззаботная жизнь. А если она скажет, что утонула Джози Томпсон? Если заявит: «Я, Клодия Дейвис, свидетельствую, что утонувшая в озере девушка — моя двоюродная сестра Джози Томпсон»?

Хоуз кивнул.

— В этом случае она бы и страховку получила, и дивиденды ей шли.

— Верно. Что нужно для получения наличными по чеку? Только иметь открытый счет в банке. С заверенной подписью. Так что ей требовалось лишь открыть этот счет, подписаться Клодией Дейвис, а затем подтверждать все чеки с дивидендами.

— Вот зачем ей понадобился новый счет.— подвел черту Майер.— Пользоваться старым она не могла, поскольку в банке был образец подписи Клодии, да и саму ее там знали, так что Джози пришлось с шестьюдесятью тысячами в «Хайленд Тресте» распрощаться и начинать все сначала.

— А для того, чтобы немногочисленные друзья Клодии о ней забыли, пока она создавала новый образ и новое состояние, Джози решила отправиться в Европу, она намеревалась прожить там несколько лет.

— Все сходится,— констатировал Карелла.— У Клодии были водительские права. Она сидела за рулем, когда девушки выехали из Стюарт-сити. Но Джози для возвращения в город пришлось нанять шофера.

— Да и не могла Клодия, столь щепетильная в финансовых вопросах, заставлять кредиторов так долго ждать расчетов,— заметил Хоуз.— Нет, сэр, это была Джози. А денег у нее не было; она ждала страховку, чтобы расплатиться с ними и смыться за границу.

Питер Бернс был краток.

— Где Джози получила наличные по страховому чеку? — спросил он.

В кабинете воцарилась тишина.

— У кого недостающие пять тысяч? — задал он второй вопрос.

Все молчали.

— Кто убил Джози? — спросил он в третий раз.

15

Джеремайя Додд позвонил двумя днями позже. Он попросил к телефону следователя Кареллу и сообщил, что чек в Сан-Франциско найден.

— Какой чек? — переспросил Карелла.

Он допрашивал свидетеля преступления в продуктовом магазине на Калвер-авеню. Дело Клодии Дейвис — или скорее Джози Томпсон — еще не попало в список нераскрытых, но все клонило к тому, и, если честно, не оно занимало в тот момент мысли Кареллы.

— Чек, по которому были выплачены деньги Клодии Дейвис,— пояснил Додд.

— Ах, да. Кто их выдал?

— На обратной стороне его две подтверждающие отметки: подпись Клодии Дейвис и штамп филиала фирмы «Лесли Саммерс, Инк», тоже подписанный одним из ее сотрудников.

— Что это за фирма?

— По обмену валют.

— Благодарю вас, — сказал Карелла.

Он поехал в «Лесли Саммерс» с Бертом Клингом после обеда. Почему с Клингом? Случайно. Просто Берт хотел съездить в даунтаун за подарком для матери и предложил подбросить по пути Кареллу. Когда они припарковали машину, Клинг спросил:

— Ты долго там пробудешь, Стив?

— Нет, наверное.

— Встретимся здесь?

— Я буду на Холл-авеню, семьсот двадцать, в конторе «Лесли Саммерс». Если управишься раньше меня, можешь подойти туда.

— О'кей.

Они, не прощаясь, разошлись в разные стороны.

Контора фирмы располагалась на первом этаже; во всю длину ее тянулась стойка, за ней сидели несколько девушек. Одна из них говорила с клиентом по-французски, другая объясняла что-то мужчине, пожелавшему обменять доллары на лиры, по-итальянски. На стене висела доска с указанием курса валют. Карелла встал в очередь. Когда она подошла, девушка, говорившая по-французски, спросила его:

— Слушаю, сэр?

— Я следователь, — представился Карелла и раскрыл бумажник, к которому с внутренней стороны был приколот его жетон. — В июле вы выдали наличные мисс Клодии Дейвис по чеку страховой компании. Чек был на двадцать пять тысяч долларов. Вы случайно не помните этого?

— Нет, сэр. Наверное, выдавала не я.

— Вы можете уточнить кто?

Девушка обменялась несколькими словами со своими сослуживцами, поднялась и отошла к письменному столу, за которым сидел дородный лысеющий мужчина с тонкими, как лезвие бритвы, усиками. Они долго, минут пять, говорили о чем-то между собой, при этом мужчина размахивал руками. Звякнул колокольчик на двери, в контору вошел Клинг; оглядевшись, он увидел Кареллу и подошел к нему.

— Купил? — спросил Карелла.

— Да. Подвеску на браслет. А ты как?

— Они проводят совещание на высшем уровне.

Толстяк поднялся из-за стола и вперевалку подошел к стойке.

— Что случилось? — спросил он Кареллу.

— Ничего. Вы выдали по чеку двадцать пять тысяч долларов?

— Да. Чек фальшивый?

— Нет.

— И мне так показалось. Нормальный чек страховой компании. Мы позвонили туда, проверили, нам подтвердили, что чек действительный и мы можем принять его. Он что, фальшивый был?

— Нет, нет, не фальшивый. Что вам девушка представила в качестве удостоверения личности?

— Обычно мы просим показать водительские права или паспорт, однако у нее не было ни того, ни другого, она предъявила

свидетельство о рождении. Но в конце концов мы же позвонили в страховую компанию! Чек фальшивый?

— Нет, не фальшивый, но он был выписан на двадцать пять тысяч, и теперь мы пытаемся выяснить, куда делись пять из них...

— Ах, вот оно что. Франки.

— Что «франки»?

— На пять тысяч долларов девушка приобрела французские франки, — пояснил толстяк. — Она собиралась за границу?

— Да, собиралась, — подтвердил Карелла и тяжело вздохнул. — Ну что же, все, по-моему, ясно.

— Чек выглядел нормально, — не мог успокоиться толстяк.

— Да, да, он подлинный. Пошли, Берт.

Они вышли на улицу.

— Ничего не пойму, — сказал Карелла.

— Ты о чем, Стив?

— Да об этом деле. — Он снова вздохнул. — Тьфу, да черт с ним!

— Правильно. Пойдем выпьем кофе. А что там говорили о франках?

— Она купила французскую валюту на пять тысяч долларов.

— Французы, кажется, пошли в гору, а? — улыбнулся Клинг. — Вот бар. Подойдет?

— Да, вполне. — Карелла толкнул дверь. — Ты что имеешь в виду, Берт?

— Франки.

— А что франки?

— Должно быть, курс повысился.

— Не понял тебя.

— Да как же? Повсюду франки.

— Берт, о чем ты говоришь, черт побери? Объясни, пожалуйста.

— А разве ты не был со мной? В среду?

— Где?

— На «параде»?

— Не был, — устало произнес Карелла.

— Ах, вот оно что. Тогда понятно.

— Что понятно? Берт, ради всего святого...

— Вот почему ты не помнишь его.

— Кого?

— Домушника, которого нам показали. На квартире у него нашли франки на пять тысяч долларов.

Карелла остановился как вкопанный.

С самого начала все пошло у них шиворот-навыворот. Такое случается. Ее приняли за черную, она оказалась белой. Думали, что это Клодия Дейвис, оказалось — Джози Томпсон. Искали убийцу — нашли вора.

Его привели из камеры, где он ожидал суда за воровство по

первой категории. Подняли на лифте в сопровождении полицейского. Сначала его привезли к боковому входу Уголовного суда, провели коридором и подземным переходом в здание, где размещалась прокуратура, и ввели в кабину лифта. На верхнем этаже за дверью лифта он увидел маленькую комнатку. Вторая дверь в нее была заперта, снаружи за ней висела табличка «НЕ ВХОДИТЬ». На протяжении всего допроса доставивший его полицейский стоял спиной к двери лифта, держа ладонь на рукоятке револьвера.

— Никогда о такой не слышал, — сказал Рейнолдз.

— Клодия Дейвис, — повторил Карелла. — Или Джози Томпсон. Выбирай.

— Не знаю ни ту, ни другую. И вообще, что все это значит? Взяли на воровстве, а теперь хотите повесить на меня все преступления в городе?

— Какие преступления, Рейнолдз?

— Какие, какие... Зачем меня сюда притащили?

— У тебя дома нашли французские франки на пять тысяч зеленых, Рейнолдз. Откуда они у тебя?

— Кому какое дело?

— Не хами, Ралф. Где ты взял валюту?

— Приятель долг отдал. Он француз.

— Его фамилия, имя?

— Не помню.

— Постарайся вспомнить. Это в твоих интересах.

— Пьер как будто.

— Как? — переспросил Майер.

— Пьер Лазаль, что-то в этом роде. Я плохо его знал.

— Но одолжил пять кусков?

— Ага.

— Чем ты занимался ночью первого августа?

— А что? Что-то случилось в ту ночь?

— Это ты нам расскажи.

— Не помню.

— Ты работал?

— Я безработный.

— Ты понял, о чем мы спрашиваем?

— Не понял. О чем?

— Ты забрался в чужую квартиру.

— Нет.

— Признайся.

— Нет.

— Он лжет, Стив, — сказал Майер.

— Конечно.

— Конечно, лгу. Послушай, коп, у вас против меня ничего нет, только воровство, да и то еще в суде доказать нужно. Так что не пытайтесь пришить мне что-то еще, не выйдет.

— Если отпечатки пальцев не совпадут, — быстро сказал Карелла.

— Какие?

— Которые мы сняли с твоей жертвы, — солгал Карелла.

— Я был в...

В комнате воцарилась мертвая тишина.
Рейнолдз тяжело вздохнул и опустил голову.

— Ты хочешь сделать признание?
— Нет. Идите к черту.

В конце концов он признался. Раскололся после двенадцатичасового допроса. Сказал, что убивать ее не собирался. Даже не подозревал, что в квартире кто-то есть. Заглянул в спальню — постель была пуста. А в кресле он ее не видел. Франки нашел в большой вазе на полке над умывальником. Деньги взял, но вазу случайно уронил, девушка проснулась, вошла в комнату, увидела его и закричала. Он схватил ее за горло, чтобы она только замолчала, но девушка вырывалась... Она сильная была. Он все держал ее, только чтобы не кричала, а она вырывалась... как будто он хотел ее убить, боролась, как за жизнь. Но ведь это непредумышленное убийство, правда? Он не хотел ее убивать. Ведь это — непредумышленное убийство?

— Я не хотел убивать ее! — кричал Рейнолдз, когда его уводили в лифт. — Она завизжала! Я не убийца! Посмотрите на меня! Разве я похож на убийцу?

— Я домушник! — заявил он в поехавшей вниз кабине лифта — заявил вроде как с гордостью за то, что был не обыкновенным вором, а «специалистом», «ремесленником».

— Я не убийца! Я домушник! — кричал он, и голос его эхом метался по шахте лифта и коридорам, которыми его вели к машине. — Я не убийца! Я не убийца!

Карелла и Майер еще несколько минут сидели в комнатке.

— Душно здесь, — заметил Майер.

— Угу, — кивнул Карелла.

— В чем дело?

— Ни в чем.

— Может, он прав, — сказал Майер. — Может, он и впрямь всего лишь вор.

— Он перестал им быть с того момента, как украл жизнь человека, Майер.

— Джози Томпсон тоже украла жизнь.

— Нет, — покачал головой Карелла. — Она лишь позаимствовала ее. В этом вся разница.

Они помолчали.

— Хочешь кофе? — спросил Майер.

— Да. — Они спустились на первый этаж и вышли под яркое августовское солнце. Улица кипела жизнью. Они оказались в самой гуще ее, но почему-то молчали.

— По-моему, ей не следовало умирать, — сказал в конце концов Карелла. — По-моему, человек, который так боролся за жизнь, не должен был ее лишиться.

Майер положил ему руку на плечо.

— Послушай, — сказал он серьезно. — Это наша работа. Такая работа.

— Конечно, — подтвердил Карелла. — Такая работа.

**Перевод с английского
СЕРГЕЯ РАЮШКИНА.**

КОЛЕСА

Колеса, по известному выражению Генри Форда, «сделали» Америку. Именно автомобильный конвейер выдал социальный заказ, который поднял практически все отрасли: металлургию, химию, радиоэлектронику, моторостроение...

Российские колеса такие же круглые, как и американские. Правда, ездят медленнее, отравляют воздух, чаще ломаются. Тем не менее ухитряемся продавать и за рубеж — по демпинговым ценам. Во Франции, к примеру, «Москвич» стоит 50 тысяч франков (аналоги — 89—90 тысяч). В Германии его берут только с фордовским дизелем. Наши автомобилестроители до сих пор с иронией вспоминают призыв бывшего президента СССР стать законодателями мировой моды. А еще он однажды похвалил двух молодых ленинградских умельцев, которые в каком-то сарае собрали очень

приличную машину, распорядился выделить им лабораторию. И что же? С тех пор о ребятах ни слуху ни духу... Сможет ли автомобиль «сделать» Россию?

В лаборатории государственных испытаний мы видели новенькие японские машины.

— А вы можете создать такие? — спросили мы испытателей.

— Вручную мы можем сделать все. Но как только доходит до конвейера...

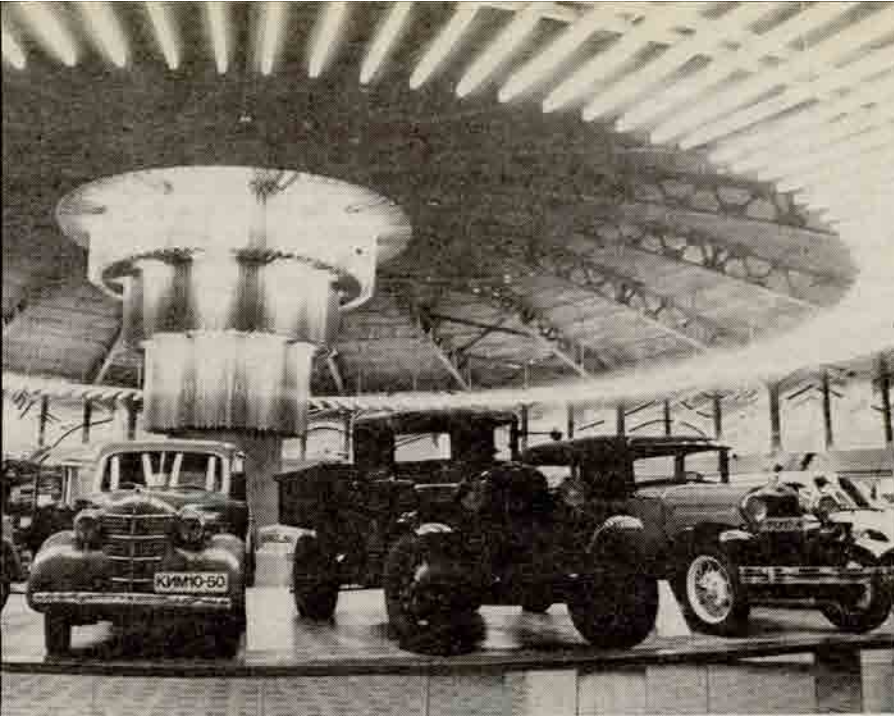
Показали нам и очередную модель «Москвича», внешне напоминающего «Вольво».

— А сколько он будет стоить? — поинтересовались мы.

Последовал неожиданный ответ:

— Купите лучше «Жигули»-восемьмерку.

Один известный автогонщик выразился еще определенной:

— «Москвич» сходит с конвейера, как после аварии.

Ну, это он малость преувеличил. И все же... Вот мнение еще одного компетентного человека — директора московской СТОА-6 Владимира Железняка:

— Я мог бы назвать немало недостатков машины, но главный — плохая сборка. По конструктивному замыслу «Москвич» лучше «Жигулей», но сделан... дубовой. Между прочим, такой же «Москвич» ижевского производства гораздо надежней. Ведь там автозавод входит в военно-промышленное объединение — у них же мышление совершенно иное! А на АЗЛК я сам когда-то работал, видел, кто там на конвейере, — старики и лимитчики. Последним на заводскую марку наплевать — им московская прописка нужна. Сейчас по лимиту вроде не принимают, но, видимо, «традиции» сохраняются...

Наши конструкторы, автомобилестроители в отличие от фордовских всю жизнь вынуждены были применяться к тому, что есть в наличии: устаревшим моторам, некачественному металлу и так далее, и так далее...

Они, быть может, не отнеслись бы столь иронически к призыву Горбачева, если б он заодно сообщил, сколько средств будет вложено в смежные отрасли — моторостроение, металлургию, химию, электронику. Иначе говоря, в развитие научно-технического прогресса по всей технологической цепочке. Ведь в нашей сверхцентрализованной экономике от самих предприятий мало что зависело.

Правда, однажды была попытка создать автомобиль мирового уровня. Впрочем, слово «создать» здесь вряд ли подходит: мы просто купили итальянский завод и его технологию. И что из этого получилось?

— Я работал на ВАЗе,— рассказывал мне технический директор департамента автопромышленности Минпрома России Вадим Спирия.— Понимаете, мы были вынуждены приспособлять итальянскую модель к нашим условиям. Например, зная состояние наших дорог, усилили конструкцию. В результате советский вариант «фиата» вышел на 80 килограммов тяжелее. А что это означает? Увеличен расход металла, топлива, нарушено оптимальное соотношение между мощностью мотора и весом машины.

По свидетельству работника Минпрома Марка Дворцына, буквально через несколько месяцев после пуска завода качество «Жигулей» резко упало. Планы развития и модернизации сорваны. Причина? Завод мирового уровня оказался чужеродным телом в нашей экономике. Ведь ВАЗ (как и другие автозаводы) связан с сотнями поставщиков, в том числе и поставщиков брака. Они способны разрушить любое производство — хоть итальянское, хоть американское.

Не могу не вспомнить еще одну попытку сделать массовый, дешевый и надежный автомобиль: в 1988 году руководство страны приняло решение перепрофилировать строящийся в Елабуге тракторный завод. Н. И. Рыжков подписал постановление: уже в 1991 году выпустить 300 тысяч машин, а к 1995 году довести производство до 900 тысяч! Это при том, что весь Минавтопром давал ежегодно 1100 тысяч легковых автомобилей.

Министр Николай Пугин поздравил городское и заводское начальство с оказанным им доверием — в небывалые сроки построить завод, какого еще не было в мировой практике. А начальник главка Явтушенко на вопрос, ре-

альна ли задача, поставленная перед министерством, отвечал: «В любом случае выполнить ее мы обязаны». Даже если нереальна, что было очевидно? И в текущем году с завода не выехал еще ни один автомобиль. Более того, не решено даже, какая это будет модель. Но уж точно недешевая...

Шесть лет назад «Смена» опубликовала фотоочерк об Александре Сорокине, в 33 года ставшем главным конструктором АЗЛК. Были идеи, планы... Что удалось сделать?

— Есть программа разработок и внедрения новых моделей, и в целом она осуществляется. Но в связи с общей экономической ситуацией темпы замедлились. Спроектировать мы можем все, что угодно, уровень наших специалистов высок. Но очень тяжело с выбором материалов, технологий, оборудования. Вынуждены довольствоваться тем, что есть. Кроме того, все поставщики резко вздули цены. Поэтому и автомобили так дорожают. Но все же мы стараемся придерживать цену, складываем минимальный процент прибыли. В результате меньше средств теперь идет на разработки, развитие производства. Не хватает средств на покупку современного импортного оборудования.

Очень много вреда,— продолжал Сорокин,— принес разрыв связей между бывшими республиками. Например, Латвия перестала поставлять электрооборудование, датчики, Эстония — ремни безопасности. Приходится срочно договариваться с российскими предприятиями, но все это протекает долго и трудно. Удивительное дело! Развитые европейские страны могли бы отлично жить и по отдельности. А они объединяются, вводят единую валюту. Мы же

разгораживаемся таможенными барьерами, печатаем свои деньги...

— Но почему все-таки хороший по конструкторскому замыслу автомобиль не удается на конвейере?

— Автомобильная промышленность — это показатель уровня экономики в целом. Нас трудно сравнивать с Западом, поскольку там производство организовано по-другому. Есть сеть мелких и средних предприятий, которые специализируются на производстве конкретных узлов и агрегатов. Одно делает, скажем, поршневые кольца, другое — подвески... Автозаводы производят только корпуса и основные агрегаты. У нас же автозаводы почти все проектируют и изготавливают сами. Разве что металл не плавим да шины не выпускаем. Система очень неэффективная. С чем бы ее сравнить? Знаете, есть такие универсальные станочки для домашнего хозяйства. Они и пилят, и строгают, и сверлят, но все делают плохо. Так и тут. Без развитой инфраструктуры не создашь автомобиля мирового уровня. У нас пока нет сети предприятий, аналогичной западной. Правда, начали появляться частные заводы, кооперативы, но их еще крайне мало. Большинство же зарабатывают деньги на перепродажах, ничего не производя.

— Значит, ситуация тупиковая?

— Она не вечная, но изменится не скоро. Во всяком случае, тупиковой назвать ее не могу...

Интересно, что москвичи, выпускающая не самый лучший автомобиль, живут получше своих коллег с других заводов. Мне рассказывали о целой системе благ, предоставляемых автозаводом. Здесь самая высокая зарплата в автопромышленности, самая «быстрая» очередь на квартиру. Ежемесячная

компенсация в три четверти оклада или среднего заработка, дотации детским садам, пионерлагерям. Наконец, возможность покупать машину по себестоимости. Причем выдается беспроцентная ссуда на восемь—десять лет (проценты банку платит завод). Но, если вдуматься, все эти блага оплачиваются... из чужого кармана. Ведь высокие заработки, дотации, доплаты не могут не влиять на стоимость машины. Наконец, настоящая основа благополучия любого предприятия — его продукция. В нашем случае — хороший, экономичный автомобиль. Вернее — автомобили разных типов, разной стоимости, рассчитанные на разные слои населения. Мне говорили конструкторы: опасаемся конвертируемости рубля. Если его можно будет свободно менять на валюту — к нам может хлынуть поток автомобилей с Запада и Востока. Даже сейчас, не дожидаясь конвертируемости рубля, наши соотечественники удвоили ввоз из-за рубежа дешевых иномарок.

Выдержит ли АЗЛК конкуренцию? Или банкротство? «Мы обязаны готовиться к конкуренции, — говорил Сорокин, — иначе погибнем».

Проблема, наверное, общая для всех автозаводцев. Поэтому я и пришел в департамент автопромышленности — узнать о концепции развития отрасли.

Как выяснилось, такая концепция недавно разработана (интересно, а чем же долгие годы занимался бывший Минавтопром?). Ее основа — количественная, то есть прогноз потребности в автотехнике до 2000 года. Как сказал мне технический директор Вадим Спирин, за пять — семь лет надо вдвое увеличить мощности. За счет чего? Есть два варианта.

Первый: огромные капиталовложения в автопромышленность и все смежные отрасли. Но таких денег в стране нет.

Второй: совместные производства с инофирмами. Но построить автопроизводство — это не «Макдональдс» открыть, это дело пахнет большими миллионами. А иностранцы, по наблюдениям Спирина, крупными суммами рисковать не хотят.

А на Дне отрасли в июле прозвучала и такая пессимистическая информация: «...при переходе к рыночной системе и повышении цен усилилась невосприимчивость производств к научно-техническому прогрессу. Особенно тяжелое положение в отраслевой науке сложилось в области перспективных конструкторских и технологических разработок». Проще говоря, у заводов нет средств оплачивать такие разработки. А централизованное финансирование сократилось по сравнению с 1990 годом в несколько раз.

Своим ощущением тупиковой ситуации я поделился с замзаводом автомобилей НАМИ Сергеем Радовским.

— Тупик, говорите? А разве вся страна не зашла в тупик? Когда идет коренная ломка — естественны провалы. Но я не думаю, что АЗЛК грозит банкротство. Смотрите, в Бразилии, Аргентине давно свободный рынок, но их заводы выпускают старый «Форд», образца шестидесятых годов. И ничего, продают его, не разоряются. Да, все наши автомобили неконкурентоспособны по качеству, но они дешевле иномарок — я не беру в расчет «Тойоты», купленные где-то на японских свалках. Кстати, они и ломаются на наших дорогах значительно чаще «Москвичей». Я вот купил «Москвич» два года назад — и доволен. Вряд ли наше благосо-

стояние в ближайшие десятилетия увеличится настолько, что мы будем в состоянии покупать приличные западные машины.

— Вы говорите — наши автомобили дешевы?!

— Да, объективно это так. Что такое полмиллиона за «Москвич»? На сегодня это 5 тысяч долларов. Другой вопрос: какую зарплату мы имеем... Самое перспективное для автозаводцев — создавать нечто вроде консорциумов с инофирмами. Возможно и сращивание предприятий. Взять опыт ВАЗа — что бы ни говорили, а он приподнял на ступеньку и автомобильную, и некоторые смежные отрасли. Вот так, со ступеньки на ступеньку... Трудностей много, но это не означает, что надо сложить руки и лечь в гроб.

— Иностранцы побаиваются вкладывать крупные капиталы...

— Это верно. Дело ведь не только в том, чтобы построить завод. Они потребуют высокого качества комплектующих изделий — обивки, стекол, шин, всего прочего. И будут совершенно правы: поскольку часть продукции должна идти на экспорт, фирма не может рисковать своим авторитетом. А западный покупатель придирчив. На мой взгляд, привлекать инофирмы можно с помощью льготного налогообложения, льготного инвестирования. То же относится и к отечественным предприятиям: налоговая политика должна инициировать самые нужные, перспективные. Собственно, в развитых странах так и делается. У нас же всех обирант практически одинаково. Но это уже вопрос к правительству...

— Не колеса «сделали» Америку, а деньги, — поправили меня автозаводцы.

В самом деле, куда ни кинь — всюду у нас финансовый клин.

А ведь сколько было затрачено на возведение авто- и иных гигантов! Но тратили-то не свои — государственные. Наверное, поэтому теперь остается утешаться «опытом» Аргентины с Бразилией...

P. S. Уже готовый материал мы показали главному конструктору АЗЛК А. Сорокину: мнение специалиста всегда важно. Были дельные замечания, которые нам помогли. Но были и такие, с которыми полностью согласиться трудно.

Главный конструктор не поверил, будто испытатели посоветовали нам купить «восьмерку» вместо «Москвича»: «Такого заявления не было и не могло быть». Ну что ж, будем считать, что у нас с фотокорреспондентом одновременно возникли слуховые галлюцинации...

Продажа по демпинговым ценам? «За товар платят столько, сколько он стоит, — считает А. Сорокин. — Это закон свободного рынка». Нельзя не согласиться... «Продажа автомобилей по пониженным ценам, — продолжил он, — прием, который с успехом применяют японцы для захвата новых рынков сбыта». Все вроде верно, с одним уточнением: они-то применяют этот «прием» вследствие перепроизводства, а не от желания получить хоть какую валюту. Их иена — валюта стабильная в отличие от рубля, являющегося неизвестно чем...

Оплачиваются ли социальные блага автозаводцев из чужого кармана? Нет, утверждает Сорокин, это делается за счет прибыли предприятия, как и во всем мире. Но можем ли мы сравнивать наше ценообразование с «тамошним»? Они в условиях жесткой конкуренции вряд ли смогли бы механически включать дотации на, допустим, питание в цену автомобиля.

А вообще, полагает Сорокин,

цены на наши машины вовсе не высокие — покупают ведь. Вот когда перестанут... Да, кстати, а что будет, когда наши новоявленные миллионеры насытятся автомобилями?..

Сломанная вль.
Кснлография. 1902.

ЗЛВИРА ПОПОВА

Город
СКВОЗЬ
радугу

В Петербурге в конце девятнадцатого века было несколько мастерских, изготавливавших торцовые доски для резания гравюры. Наибольшей славой пользовались мастерские Уро и Вагнера. Замечательный русский гравёр В. В. Матэ посоветовал своей любимой ученице Анне Остроумовой мастерскую Уро. Хозяин, сам прекрасный гравёр, привыкший иметь дело с гравёрами-мужчинами, удивился, увидев прехорошенькую девушку в очках, которая еще и требует самые большие доски... Договариваясь о цене, Уро сказал: «Когда придете за досками, не забудьте взять с собой что-нибудь теплое, укутать самшит от зимней стужи. Доски могут «простудиться», расклеиться. Что собираетесь с ними делать? Если тесто раскатывать, то дешевле еловые доски. — Мастер увидел, как поежилась Анна. — А если же гравировать, то придется всю жизнь на это потратить». Мастер, наверное, через секунду забыл о своем пророчестве... А дело обернулось рождением художника-новатора в гравёрном деле. Которое, кстати, не развивалось в России почти два столетия. Мастера ограничивались изготовлением иллюстрации с оригиналов живописи, графики и даже скульптуры.

Еще подростком Ася Остроумова, до страсти увлеченная рисованием, по пути в гимназию (которую и через десятилетия вспоминала с тягостью) подолгу задерживалась у массивной двери красивого здания, откуда выходили дети и взрослые с папками и свернутыми рулонами бумаги. «Счастливицы!!! — вздыхала она. — Они будут настоящими художниками, и бумаги им дают, наверное, сколько хочешь!..»

И вот — не было бы счастья, так несчастье помогло — Ася тяжело заболела дифтерией. Ее

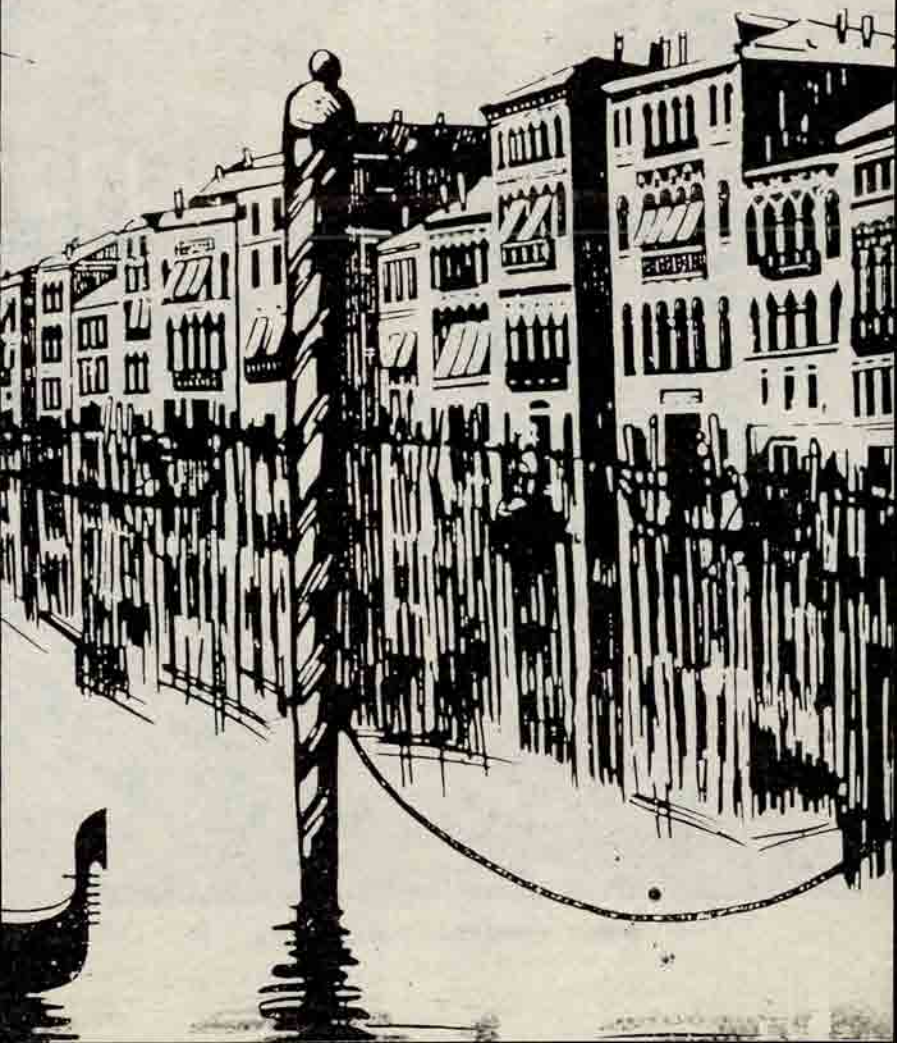
оставили на второй год, и она, вернувшись в гимназию, окончательно утратив интерес к занятиям, самостоятельно стала ходить в вечерние начальные классы школы Штиглица. Основной задачей школы было поднять художественный уровень прикладного искусства. Сюда входили разные дисциплины, но Остроумову интересовали только гравюра на дереве, ксилография. Ведь даже физический недостаток — Ася с малолетства была очень близорука — оказался к месту. На склоне лет она писала в «Автобиографических записках»: «Если предмет или книга, ноты были от меня далеко, в небольшом расстоянии, я уже с трудом их разбирала. Зато вблизи я видела остро и четко самые мелкие вещи — нити тончайшей ткани, незаметные волокна бумаги или самый мелкий шрифт. И эти мелочи назойливо лезли мне в глаза. Когда я рассматривала в детстве какую-нибудь иллюстрацию, мне первым делом бросались в глаза бегущие по всем направлениям линии и штрихи, и только потом я воспринимала иллюстрацию в целом. Такое зрение очень удобно (!) для гравёра, так как не требует употребления лупы. У меня были собственные живые «лупы».

Школа Штиглица, по выражению Остроумовой, не учила подростков искусству, она терла, шлифовала, «прочищала» их сознание, крепила волю. Выбатывала способность видеть, смотреть внимательно и давать себе отчет в том, что видишь.

Даже лучший русский гравёр того времени Матэ не решился учить свою ученицу напрямую гравированию. Он просто подобрал по ее руке штихель, подыскал точильный камень, показал, как грунтовать доску, «и дал свободу резать, как хочется». Познакомил

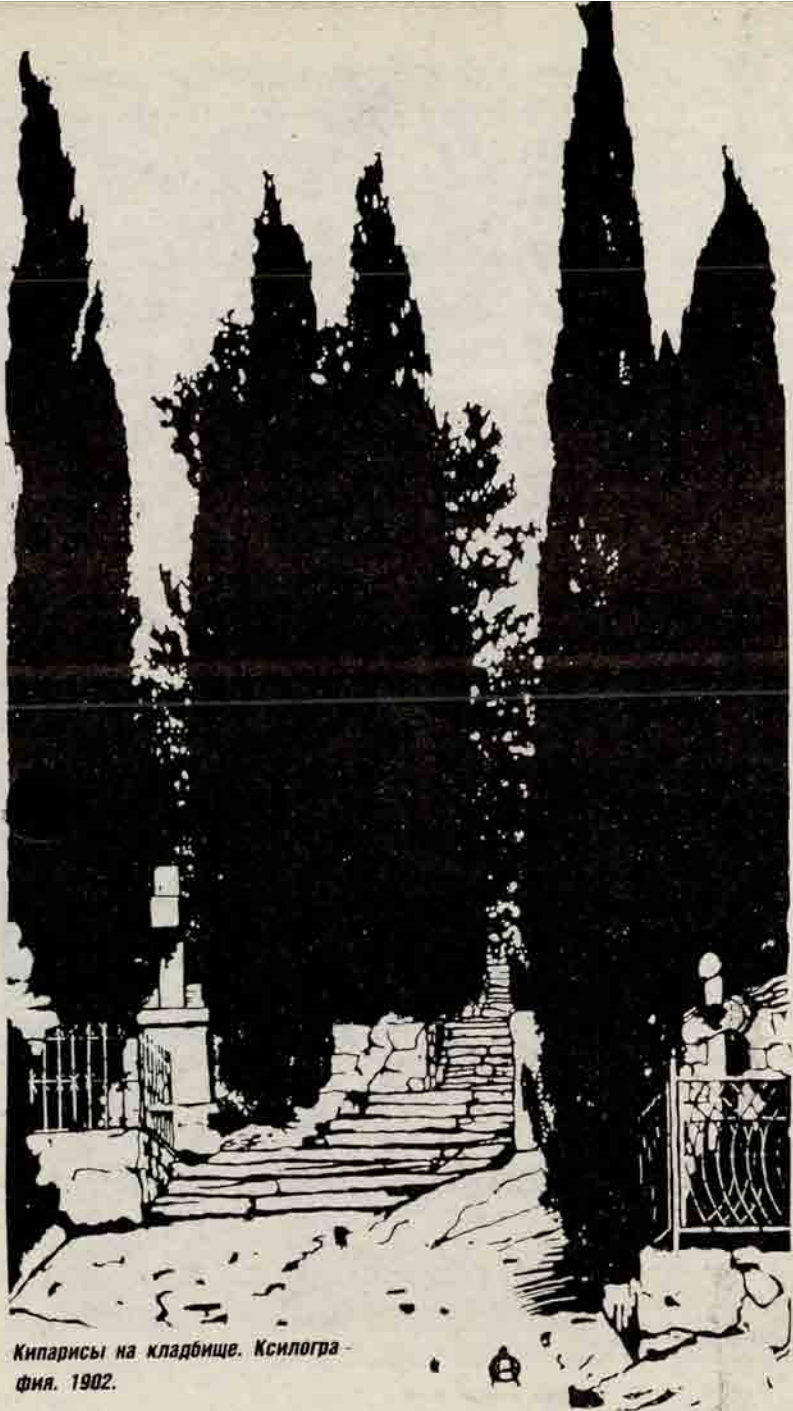

Венеция. Большой канал. Ксилография. 1916.

Венеция ночью. Оттиск с первой доски.

Кипарисы на кладбище. Ксилография. 1902.

Горс. Ксилография. 1898.

Петербург. Фонтанка у Летнего сада. Ксилография. 1901.

Павловск. Пейзаж около Пиль-башни. Ксилография. 1923.

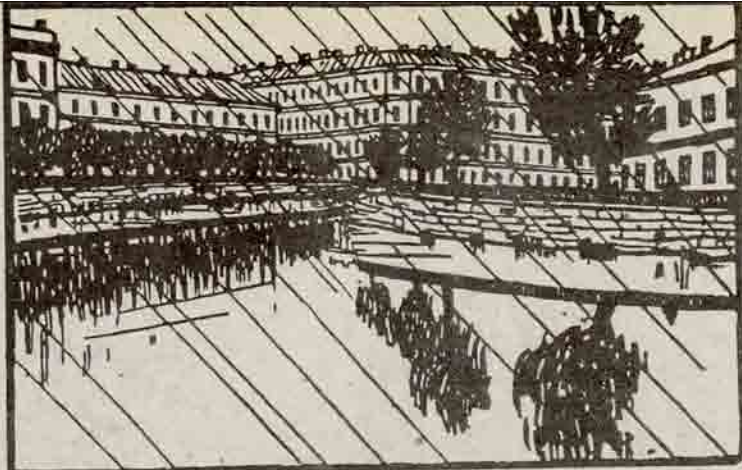

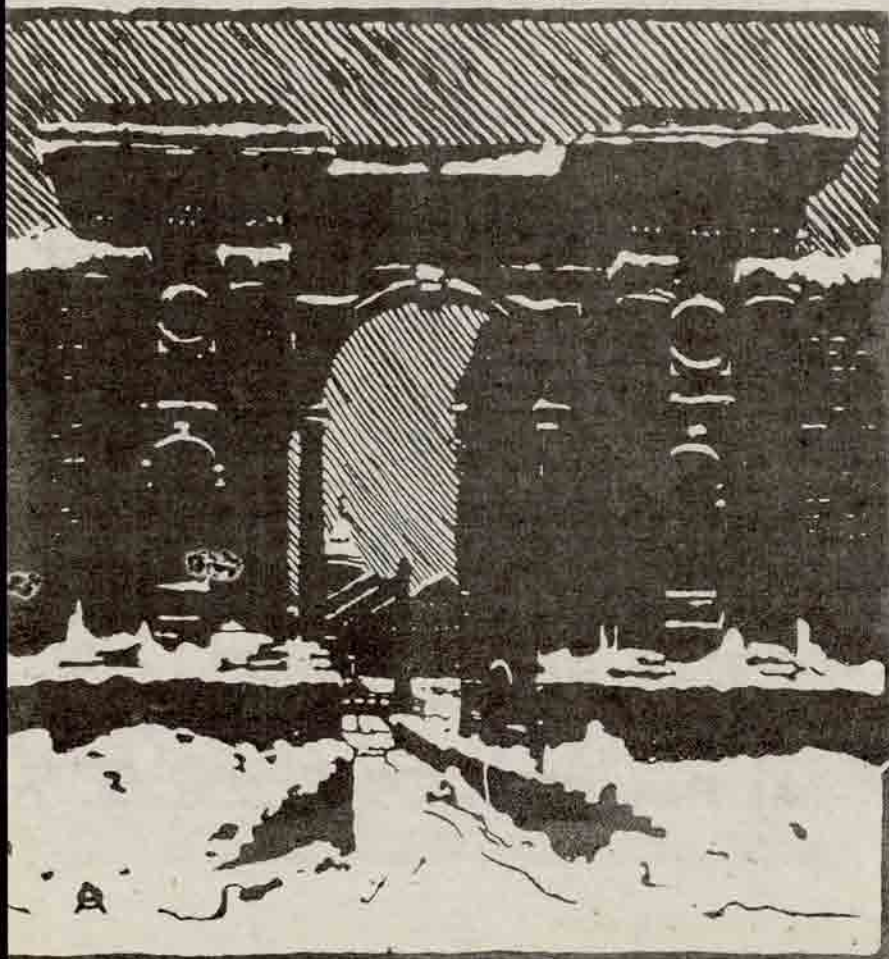
*Весенний мотив (Вид с Каменного на
Крестовский и Елагин острова). 1904.*

Екатерининский канал.
Ксилография. 1920.

Петербург. Новая Голландия. Ксило-
графия. 1901.

*Мостик с грифонами.
Ксилография. 1912.*

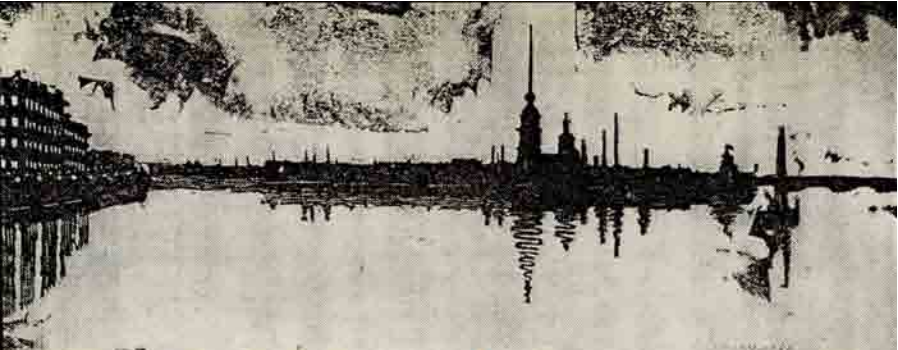
*Роstralная колонна.
Ксилография. 1912.*

*Павловск. Круглый пруд.
Ксилография. 1922.*

*Решетка Летнего сада
и домик Петра I.
Ксилография. 1920.*

Вариант оттиска «Вид на крепость
ночью».

Павловск.
Перспектива от
Константиновского дворца.
Ксилография. 1923.

Петербург. Лев и крепость. Ксилогра-
фия. 1901.

с выдающимися художниками, с которыми довелось Асе работать вместе: Валентином Серовым, Бакстом, Лансере, Сомовым. «...художники, гораздо более развитые, чем я. Можно сказать, и это будет правда, что я в гравюре самоучка».

У «самоучки» были годы занятий в Российской императорской Академии художеств. Кроме усиленных занятий в академических классах, Остроумова организовала в своей квартире «академию на дому», где после занятий продолжались бесконечные споры о живописи, об искусстве.

16 марта 1896 года Остроумова перешла в мастерскую Ильи Ефимовича Репина. «Репин принял меня! Он — мой руководитель! В каком я восторге! Я на гребне волны!..»

В мастерской Репина Остроумова занималась около трех лет. Занятия шли с переменным успехом. Она откровенно говорила Репину, что в Академии не дают основательных знаний ученикам, часто сбивают их с толку противоречивыми указаниями. Репин посоветовал ей поехать в Париж, и вскоре она воспользовалась этим советом. Осенью 1898 года Остроумова уезжает в Париж и поступает в мастерскую выдающегося мастера-живописца Уистлера...

Петербургское Общество поощрения художеств ежегодно устраивало конкурсы гравюр. На такой конкурс Остроумова представила своего Персея, которого привезла из Парижа. После долгих недоброжелательных дебатов ей присудили вторую премию, а работу из-за трудности воспроизведения так нигде и не напечатали. Исследователь творчества Остроумовой, ее большой друг и почитатель Н. В. Сеницын, годы спустя печально записал в монографии: «Один из конкурсных оттисков

был приобретен собирателем русской гравюры Е. Рейтерном, второй был передан автору этой книги. Последующие оттиски авторской ручной печати приобретены в Лувр, Британский музей в Лондоне, другие крупнейшие музеи мира и частные собрания».

Молодая художница продолжала работать в творческой гравюре, то есть без оригинала. К академическому выпускному конкурсу собрала одиннадцать вещей, в том числе маленький шедевр «Зимка», исполненный непосредственно с натуры. Именно с появлением «Зимки» Остроумова призналась: «Начала находить свое маленькое самостоятельное место в искусстве... проявлять безо всякого давления свое собственное мироощущение».

Конкурсный совет проходил бурно, работы Остроумовой воспринимались профессорами или с полным равнодушием, или с нескрываемой враждебностью. Защищавший новое дело — гравюру, независимую от чужой работы, Матэ удостоился едва не брани. Несдержанный и эксцентричный Репин даже выкрикнул: «Довольно, довольно, вы влюблены в Остроумову, оттого и защищаете ее». «Мне приходилось его успокаивать, — вспоминала Остроумова. — Я была огорчена, но складывать оружие не хотела. Шла на борьбу и была убеждена, что добьюсь признания. Передо мной стояли очень серьезные задачи... — провести это прекрасное искусство в жизнь, ознакомить широкие массы с ним, сделать его доступным людям».

С осени 1899 года Остроумова вошла равноправным членом в общество «Мир искусства», чем вызвала гнев и негодование Ильи Ефимовича Репина. И их отношения так и остались натянутыми. Знаменательно, что первый твор-

ческий заказ она получила от Дягилева — на изготовление гравюры с квадриги Большого театра для журнала «Пантеон». Работу не одобрили. И, пережив неудачу, Остроумова с жадностью вошла в новую работу: ей захотелось показать природу Павловска, а главное — слить в гравюре природу с музыкой. Ведь в Павловске выступали Штраус, Глинка, Чайковский, Паганини, Лист, Карузо, Собинов, Петров, Шаляпин...

Художница старалась передать свое ощущение, что музыка, природа, архитектура неразрывны. Она работала иступленно, с трудом пробивалась к желаемому. Ксилографии «Павловск. Пейзаж» и «Павловск. Эстрада» положили начало развитию жанра в цветной гравюре. Работая три года над этими живописными вещами, она думала, как перевести натурные постановки напрямую в граверное изображение. При этом не утратить художественной выразительности, избежать цветового многословия. Привести в равновесие живописно-тональное решение с плоскостными приемами гравюры. У нее были Учителя: Никола-Николини, Уго да Карпи, Занетти — итальянцы, работавшие в XVII столетии. Но, как писала она сама, «должна признать, что наиболее раннее и глубокое влияние на меня как на гравера имел Дюрер. Он был мой первый и настоящий учитель. Особенно я любила и не уставала смотреть его «Апокалипсис». Часами сидела перед одним из этих листов и изучала его в малейших подробностях».

Остроумова умела учиться и у природы. Бродя однажды по Павловску со своим неизменным альбомом, художница в восхищении остановилась перед живой картиной-притчей. На широком лугу в просторе света гордо росла могучая ель, будто задумала пере-

расти всех на свете. Но налетевшая буря сломила верхушку стройного дерева, и под нижними ветвями в их тени выросла семья кустарников да молодых деревцев. Но, как ни укрывала ель их, принимая на себя лучи палящего солнца и непогоду, деревца так и не поднялись выше ее разлапистых ветвей. Натурный рисунок вышел столь верен, что дома, в Петербурге, осталось только перетиснуть его на поверхность доски и начать гравирование. «Когда гравюра была окончена, — рассказывала Анна Петровна, — я смотрела на оттиск и не верила себе, как будто я никогда эту доску и не резала».

В 1901 году к Остроумовой снова обратился Дягилев, умевший, как никто, находить и шлифовать таланты. Обратился с темой, от которой Остроумова не отступится едва не до последнего своего часа. Художнице предложили исполнить для журнала десять гравюр с видами Петербурга. Она сделала их, преодолев все: неохватность материала, подбор требуемых технических средств для каждого пейзажа, невероятные по краткости сроки. Совсем юная, она не растерялась перед махиной — Петербург. Остроумова ходила по городу и рисовала, собирая материал. В кармане невысокой худенькой девушки было разрешение от градоначальника, и она могла рисовать, где хотела. Площади, улицы, театры, балаганы, сады, особняки, соборы, ансамбли, торговые ряды. В папках копились рисунки, зарисовки, карандашные записи на листах. А в голове зрела мысль: гравюра не зарисовка, не набросок, она требует характерных мотивов, по коим ее великий и родной Петербург узнавался бы сразу, без колебаний!

Художница добилась своего.

В лучших — «Лев и крепость», «Фонтанка и Летний сад» — поражает смелостью контрастов черного и белого, уверенностью штриховки, верно найденным масштабом. Это уже работы не новичка — новатора. Многие годы спустя, увенчанная лаврами, она написала: «Теперь эти мои гравюры кажутся обычным явлением в области черной гравюры. Если их внимательно разобрать и рассмотреть их технику, мои новые приемы резьбы, когда я в них прибегала то к белым, то к черным штрихам, то к сочетанию штрихов с отдельными линиями, а то и к взаимному действию черных и белых пятен, — станет ясным; что эти гравюры были основанием, истоком, откуда впоследствии выросла и развилась у нас оригинальная художественная черная гравюра. Да просто раньше у нас никто так и не резал. В дальнейших своих работах я стремилась к еще большей краткости и упрощению».

С какою доскональностью умела Остроумова учиться у природы, у архитектуры, можно понять хотя бы по тому эпизоду, когда она сделала гравюру мыса «Фиолент» под японского мастера Хиросиге. Она подложила ее в свое собрание японских гравюр и в один из вечеров предложила посмотреть коллекцию друзьям. Ни Бенуа, ни Сомов, ни Бакст не заметили обмана.

«Только когда мое собрание попало в руки Е. Е. Лансере, который недавно вернулся из путешествия по Восточной Сибири и Японии, — рассказывала Остроумова, — он удивленно сказал: «Как странно. На этой гравюре пейзаж совсем не японский». Все было «японским» — подход к граверным материалам и печати, отсутствие излишних росчерков ради эффекта, необоснованной декоративности,

на деле скрывающей обычно пустоту содержания.

Однажды Анна Петровна пришла — что нередко делала — к Александру Николаевичу Бенуа показать свои новые гравюры, в которых он разбирался не хуже любого знатока-практика. Тот любовно, точно и умно оценивая каждый штрих, каждую линию, как бы между прочим сказал: «Не согласитесь ли вы исполнить ксилографию в одну или две доски — фрагмент Ростральной колонны для журнала «Художественные сокровища России». Мы сумеем напечатать тираж с ваших оригинальных досок, и, полагаю, неплохо».

Уже на другое утро Анна Петровна была на Стрелке Васильевского острова. На фоне туманного неба и тускнеющих городских далей Ростральные колонны «читались» с поразительной графической четкостью: словно приготовились позировать, угадывая, что эта хрупкая женщина с альбомом изобразит их так, что и не умеющие видеть заметят их красоту и безмерную величавость... Остроумова умела «читать», видеть образ в перевернутом изображении — чтобы при оттиске стать ему прямым! Точно чувствовала материал под рукой, мастерски управляла режущим инструментом, диктовала ему свою волю. И чем выше, острее было восприятие перевернутого изображения у художника-гравера, тем меньше неожиданностей и случайностей подстерегало его, когда с вырезанной доски получался оттиск на бумаге...

В постоянном сотворчестве с великими создателями Петербурга жила и творила Остроумова до конца своих дней. Именно потому искусствоведы смогли констатировать наивысшую оценку: «Ростральная колонна под снегом».

«Венеция ночью» и ряд других листов... можно смело поставить в ряд лучших достижений русского и зарубежного искусства».

Чего стоила художнице эта самоотдача, говорит тот факт, что, когда после окончания работы над «Ростральной колонной под снегом» Дягилев на собрании общества «Мир искусства» поставил на обсуждение вопрос об издании специального номера журнала, посвященного гравюре Остроумовой, та и слышать об этом не захотела. Усталость была безмерной, все существо требовало отдыха.

Отдыхом для Анны Петровны до конца жизни остались путешествия и поездки. В тот раз весной она уехала в местечко под Варшавой, а осенью — в Крым. Оттуда привезла единственную в своем роде для нее гравюру «Кипарисы на кладбище» — необыкновенные по красоте силуэты кипарисов, окруженные тонкой, изящной разгравировкой, высаятся над выбеленными солнцем камнями. Памятью об одной из поездок во Францию предстала пронизанная неожиданным для «суровой» и строгой Остроумовой лиризмом ксилография «Франция Сен-Клу». Через два года товарищи аплодировали ей за привезенный из Парижа «Фейерверк», посвященный дню празднования взятия Бастилии. Облитую слепящим и палящим солнцем Венецию Анна Петровна приглушила и так естественно, что А. Н. Бенуа завидовал: «Вам удалось видеть туманную Венецию!..»

Но, где бы она ни была, что бы ни чертил ее карандаш, ни резал штихель, Петербург оставался ее первой и великой любовью. В Риме ей понравился собор св. Петра, но она не коснулась его, а, возвратившись домой, пошла к воронихинскому Казанскому собору. Там не стала зарисовывать общий вид, «испытанный»

уже множеством других художников. Она нашла такую точку, что и зритель, глядя на фрагмент собора, мысленно мог представить весь величавый архитектурный образ.

В любимом городе Анну Петровну волновало и интересовало все, поэтому неудивительно, что, когда в начале века было решено снести «Сальный буйан» — два великолепных архитектурных сооружения, построенных Тома де Томоном, автором Биржи и Цепного моста, «госпожа граверша», как ее в шутку называли друзья, увековечила в гравюре для будущих петербуржцев оба памятника. Таким образом художница хотела «продвинуть» граверное искусство к широкому зрителю. Поэтому, когда в конце 1902 года издательство общины «Св. Евгении» обратилось к Остроумовой с просьбой напечатать серию открыток с видами Петербурга и его окрестностей с ее гравюр, рисунков и живописных работ (она еще писала маслом, и только тяжелое свинцовое отравление вынудило ее бросить живопись), Остроумова откликнулась на предложение. Ведь эти открытки разнесут образ ее любимого Петербурга по всему свету. Тогда она записала в «Автобиографических записках»: «Временами казалось, что моя работа, мое дело никому не нужны, не ко времени, не отвечают запросам сегодняшнего дня». А потом приходили другие мысли: «Работать в искусстве, совершенствоваться, стараться создать хорошие вещи — ведь это делать вклад в культуру своей страны, своего народа. Это тоже важно, тоже нужно». И еще: «Я всегда жалела, что после такого блестящего расцвета гравюры, какой был в XVI, XVII веках, это искусство стало хиреть, сделалось служебным, ремесленным! И я всегда мечтала дать ему свободу!»

Все эти работы Остроумовой были как бы прологом к цветным станковым гравюрам «Петербург», условно называемым циклом «Больших Петербургов».

Первой в серии стала гравюра «Петербург. Нева сквозь колонны Биржи». Поразительна ее композиция. Перед массивным основанием биржевого здания видна Дворцовая площадь с ее обычной дневной жизнью: движутся пешеходы, развезжают извозчики. Гравюру перечеркивает ярко-синяя лента Невы. Взгляд охватывает Эрмитаж, величавые звенья Дворцовой площади, превращенные волею художника в архитектурный фон ее гравюры.

Искусствоведение числит эту работу в выдающихся произведениях граверной классики «по композиции и техническому исполнению»: «Художница смело оперирует цветными силуэтами и бликами, уверенно сочетает живописный принцип с графической условностью линейного рисунка. Живописность и графичность, объединенные в одном изображении, не спорят с граверными принципами, а выявляют особенности архитектурного пейзажа».

В это же время в ее личной жизни произошли перемены. Многолетняя дружба с талантливым ученым-химиком Сергеем Лебедевым, переросшая в любовь, завершилась браком. Сергей Лебедев оказался чутким и снисходительным мужем. Он стал главной ее опорой. Остроумова откровенно признавалась: «У него никогда не было ко мне зависти, мужской ревности, как к работающей женщине, завоевывающей свое самостоятельное место в жизни. Он все усилия прилагал к тому, чтобы облегчить мне работу и обеспечить ее успех». Часто Анна Петровна работала в его присутствии. С ним было легко и спокойно, он сопро-

вождал ее в дальних походах. Длительные часы, пока она рисовала, Сергей Васильевич записывал химические формулы в записную книжку. Так было и тогда, когда она работала над пейзажем «Колонны Биржи и крепость». Он прохаживался среди колонн, всматриваясь в перспективу Невы. Таким она его и изобразила — одинокая мужская фигура среди колонн...

Подшел 1916 год. В светлом, сдержанном творчестве художницы появилась мрачная тональность. Видимо, в сердце уже появилось предчувствие недоброго. Глубокое отчаяние чувствуется в гравюре «Петербург. Дворец Бирона и барки». Не пройдет и года, как возникнет еще одно произведение — «Петроград. Снасти». Сгрудившиеся суда со свернутыми снастями; кажется, налетит сильный шквал — сорвет баркасы, барки, шлюпки с якорей и швартовых, разметает все, покажет свою всепокрушающую силу людям, думающим, что они построили себе прочное основание для жизни.

Но, какие бы бури и грозы ни ждали любимый город, Остроумова-Лебедева верила: красота его бессмертна — и радовалась каждой возможности передать ее людям. И, когда в 1920 году издательство «Брокгауз и Эфрон» предложило художнице сделать одноцветные иллюстрации к книгам П. П. Анциферова «Душа Петербурга», Остроумова-Лебедева согласилась работать над ксилографиями для книги... Казалось, воспроизводились одни и те же пейзажи, одни и те же детали архитектурного убранства города, а художница никогда не повторялась. Анна Петровна меняет композицию; выявляет новый ритм черных и белых пятен вечернего неба, заставляя жить пейзаж поновому. Поистине неутомима, изы-

сканно-изобретательна была Остроумова-Лебедева в увековечении и прославлении величавой красоты города.

В 1934 году неожиданно скончался Сергей Васильевич. Несколько лет Остроумова-Лебедева не занималась гравюрами. Медленно, «со скрипом», как она сама говорила, возвращалось творческое равновесие. И лишь в сентябре 1938 года она извлекла из своей папки акварельный эскиз деревянного моста на Елагине острове и приступила к гравированию. Тревожилась: будут ли руки работать по-прежнему. «Глаза и руки пока слушаются моей воли художника. Гравюра «Елагин мост в инее» вышла красивой и жизне-радостной».

Приближался 1941 год.

Когда началась война, Остроумова-Лебедева не уехала из Ленинграда, несмотря на все призывы и уговоры. Она готова была разделить с городом его судьбу. Анна Петровна выходила на дежурство — охранять входную лестницу. Тревога кончалась, и она бежала по городу, страшась увидеть разрушение какого-нибудь дорогого ей создания архитектуры. Да и были ли такие, которые ей не были бы дороги, тысячу раз видены, зарисованы, врезаны в гравюру?! Исаакий и его купола выкрашены в темно-серую защитную краску... Памятник Петру Великому упаковывается в песок... Неподалеку стоит и смотрит пожилая исхудавшая женщина. «...Было стыдно от сознания, что сама не работаешь, не помогаешь людям укрывать родной город. Зарисовывать побоялась — город на военном положении». Но, придя домой, по памяти, мерзнувшей рукой набрасывает вид закрытого Медного Всадника, которого когда-то в ранней юности гравировала с акварели Бенуа, и, как гово-

рили, удачно... В один из «обходов» города Анна Петровна обратила внимание на мальчиков, самодельными удилищами удивших рыбу в Неве — добывали случайную еду. Дома зарисовала виденное, а по рисунку исполнила гравюру, датированную... 1942 годом! Им же помечены автолитографии «Ленинград. Лев у Адмиралтейства» и «Ленинград. Памятник Петру I». Исполнены были и военные сюжеты «Подводная лодка на Неве ночью» (1943), «Танки»; были выпущены открытки с видами Ленинграда для фронтовиков.

Записи в дневниках Анны Петровны — беспристрастные свидетели горя и радостей, нечеловеческих страданий и надежд: «Завывает сирена, и начинают бить зенитки. Сегодня всю ночь над Выборгской стороной кружат вражеские самолеты. Бомбят. Обстреливают. Слышен грохот падающих стен и разрывы снарядов...», «...Вражеский самолет низко летел вдоль улиц и стрелял по идущему народу, как раз в то время, когда все кончают службу...». И, наконец, появляется запись: «Прорыв блокады! Какое счастье! Какая радость! Всю эту ночь в городе никто не спал. Кто от радости плакал, кто целовался, кто просто громко кричал. Город ликовал!..»

Но в 1944 году у Остроумовой-Лебедевой наступила тяжелая реакция после перенесенных страданий. За весь год было сделано всего пять работ. Она решила больше никогда не заниматься гравированием, и к этому было много причин. Главная — физическая слабость и потеря зрения в результате пережитой блокады.

Но вопреки своему слову «навсегда расстаться с гравюрой» она возвращается к работе. В 1946 году появляется гравюра «Вид на крепость ночью». «Последние дни

резала новую гравюру... Окончу ли? Вот вопрос. Выдержит ли мой единственный глаз? Правый не работает, и постепенно его состояние ухудшается...» И все-таки она «свой город увидела сквозь раду-гу последних слез».

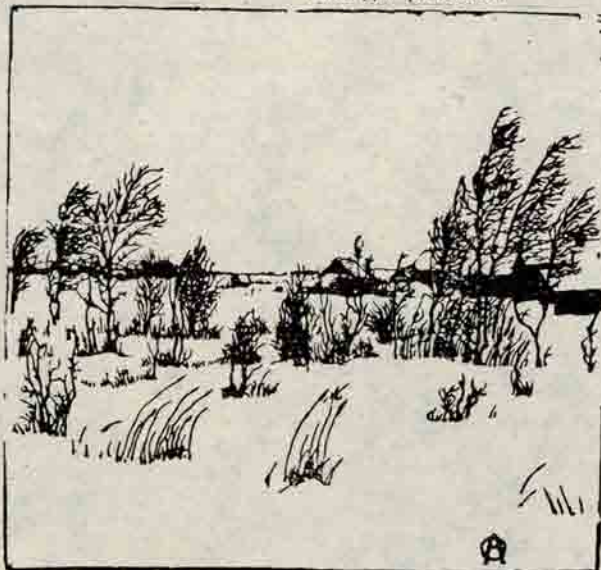
Гравюра «Вид на крепость ночью» стала одним из лучших ее произведений, вспышкой безмерно уставшего талантливого художника.

Анна Петровна тревожно переживала свои недомогания, вынуждавшие ее выходить из привычного рабочего режима, хотя внешне относилась к этому спокойно и шутя говорила: «Задержалась я слишком долго на этом свете! Я пережила сама себя! Осталась одна оболочка». Даже прикованная болезнью к постели, она думала о том деле, за которое примется, когда встанет. И бывало так, что она жадно работала с утра до вечера. Временами, когда подступало утомление, приводила в порядок свой архив: уничтожала переписку, черновики дневников, эскизы к гравюрам, неудавшиеся этюды.

5 мая 1957 года Анны Петровны не стало.

Уже несколько поколений современников видят Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград глазами Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой. А сколько людей представляют великий город только по ее работам, по открыткам и конвертам с ее гравюрами, теми, например, которые Анна Петровна резала в осажденном Ленинграде, чтобы потом передать эти конверты и открытки фронтовикам в окопы! Бойцы писали на них письма родным и узнавали, напоминали черты города, который им выпало защищать в осаде. А Анна Петровна была с ними. Записывала в дневнике: «...Тяжело переживаю несчастье моей Родины и моего народа. Остро болею душой. Так и полетела бы в самую гущу, чтобы принять удары на себя. Кажется, мне легче было бы тогда. А то сидишь копной немощной и никуда не годной. Физическая оболочка уже изнасилась, а душа жаждет подвига, жаждет работы...»

Зимка. Ксилография. 1900.

НОЧЛОЖ

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

КА

Человек!..
Это звучит
гордо!

М. Горький.

Не следует путать бича с бомжем. В принципе бичевать можно, имея трехкомнатную квартиру в Москве или богатого дядю в Чикаго. А бомж — это бомж. То есть человек без определенного места жительства, проще говоря, бездомный. Дитя вокзалов, свалок, а в старину — ночлежек. Были в России ночлежки для таких. Еще их называли «странноприимный дом». В Москве на Сухаревке, бывшей Колхозной, есть красивый старинный дом с колоннами, где располагается институт Склифосовского. Так вот, раньше в этом особняке была ночлежка. Точнее — странноприимный дом графа Шереметева...

Спустя семьдесят лет открылись ночлежки и у нас. Вернее, пока одна, в Москве, на Ярославском шоссе, у Лосиног острова. С названиями у нас всегда было напряженно, как-то не получается на канцелярском нашем языке просто и точно назвать предмет, явление... Так и ночлежку вполне по-канцелярски окрестили «Домом ночного пребывания». Об этой первой в России ночлежке известили свет чуть ли не все газеты и все радиостанции мира. «Немецкая волна» даже фильм сняла...

Но, на мой взгляд, лучше всех ее суть определил тамошний фельдшер Паша Гордеев, молодой человек двадцати трех лет от роду. Он обронил фразу: «Мы здесь документов ни у кого не спрашиваем...» Трудно описать, что творилось в моей душе в тот момент. Сорок с лишним лет прожил я в стране, где без бумажки ты букашка, и вот дожил до того дня, когда услышал: «Мы документов не спрашиваем...» То есть приходи, человек, если у тебя нет крова, вот тебе кипяток для чая, кровать, постель, преклони голову...

И я хочу этот принцип: мы документов не спрашиваем — распро-

странить и на свой очерк, на монологи обитателей ночлежки. Закон нашей работы — точность, проверенность любого факта. Но ни я, ни вся редакция журнала просто не в состоянии уточнить, проверить и перепроверить те или иные факты биографий обитателей ночлежки. Конечно, если человек называет себя сыном одного из первых горкомовских деятелей Ярославля довоенных времен, сыном чуть ли не однокашника Сталина, то это проверить достаточно просто. Но... не будем «спрашивать документы», ибо интересно и важно не только то, что есть человек в действительности, но и то, как он видит себя, как подает себя, как представляет себе и другим свою жизнь.

Итак, монологи.

**Претендент на Нобелевскую премию
ЕВГЕНИЙ УЛЬЯНЕЕВ, 43 года**

Я отказался от гражданства России. Отказался получать паспорт. Написал Президенту, в другие инстанции, чтобы выдали мне просто удостоверение личности, а быть «гражданином» в стране, где попраны все мои права, я не желаю.

Я коренной москвич, родился в Сокольниках, Сокольнический вал, 37, барак № 8, комната № 111. Почему барак? Так отец мой — ярославский мастеровой, в двадцать четыре часа доставленный в Москву на строительство, мать — раскулаченная мордовская крестьянка, пришедшая сюда за подаянием, мы — народ барачный, это наше родовое гнездо.

Но шло время, и нам дали квартиру. Пусть обманули, не трехкомнатную, как положено родителям-инвалидам и разнополым детям уже в возрасте пятнадцати и тринадцати лет, а двухкомнатную, с проходными комнатами, но все-таки...

Вернулся я из армии, поступил в заочный институт связи, проучился три года... Вполне достаточно, чтобы занимать инженерные должности. Даже сделал несколько изобретений в области вторичных источников электропитания, получил авторские свидетельства. А вот семейная жизнь не удалась. Развелся я с женой, а поскольку была у нас с ней комната в коммуналке, делить нечего, то я переехал к матери. Стали оформлять прописку у нее, да не тут-то было. Мать-то сильно уже болела, и на ее квартиру уже наметили виды. Не прописывают меня, и все. Сына родного к матери не прописывают! Когда мы как-то одни остались, с глазу на глаз, участковый мне так и сказал: в эту квартиру въеду я...

Так оно и вышло. Мать умерла, в нашу квартиру въехал участковый, а меня выкинули на улицу... Я стал бомжем.

Конечно, я протестовал, писал жалобы. Тогда меня быстро упрятали в психушку, чтобы потом на всех моих заявлениях в суд и в прокуратуру можно было чертить резолюции: мол, состоит на психучете, отвечать нецелесообразно...

Тогда-то я и написал свое заявление об отказе от советского, а потом и российского гражданства.

Сейчас я инвалид по зрению, мне выписывается ежемесячная пенсия в девятьсот рублей, но получить ее я не могу. Милиция Дзержинского района приказала на почте не выдавать мне денег ни по каким документам, кроме паспорта. А паспорт я отказываюсь получать.

А с работы я ушел еще в 1985 году. Вернее, меня ушли. Три раза сокращали и все-таки сократили. Человека, имеющего авторские

свидетельства и больше всех благодарностей по службе.

И с тех пор я не стал никуда устраиваться, потому что нашел способ прокорма. Я ведь родился в Сокольниках, я — лесной человек, каждую травинку знаю. Все ягоды и все грибы в подмосковных лесах — мои. Пудами собирал я те грибы и ягоды и продавал, с того и кормился. И в те же годы я занялся главным своим делом — пчеловодством. Ведь я — Уль-я-не-ев! От «улья» происходит моя фамилия. И все мои деды и прадеды в Ростове Великом были пасечниками. Я прочитал все книги о пчеловодстве, познакомился со многими известными пчеловодами. Многое я пересмотрел, изучил опыт предков и сделал свое открытие — открыл способ лечения пчел от варроатоза!

Для тех, кто не знает, поясню: варроатоз — самая страшная болезнь для пчел, пчелиная чума. От него нет способа лечения. Как от рака. Для того, чтобы избавиться от варроатозного клеща, пчел обрабатывают щавелевой кислотой. Можно предположить, что это потом за пчелы. Мой же способ прост, как проста была и умна работа наших предков.

Сейчас пчел держат зимой в так называемых зимовниках. А у предков наших от-исконной старины и по двадцатый аж век пчелки зимовали в омшаниках. Что, русские люди не могли придумать что-нибудь другое? Какой-нибудь другой материал, другую конструкцию за сотни-то лет? Конечно, могли. Но не стали, потому что омшаник — идеальное жилище. Он состоит из мха. А мох впитывает влагу, мох способен впитать в себя влаги в двадцать раз больше своего веса. В омшанике скапливается весь выдыхаемый пчелами углекислый газ, и его концентрация на уровне летка при таких

условиях превышает один процент. При такой концентрации у варроатозного клеща пробуждается инстинкт несущестующего расплода, он начинает перемещаться с пчелы на пчелу, ножки у него снашиваются, и он осыпается. И весной пчелы оказываются полностью очищенными от клеща!

Вот и все...

Нет-нет, открытие свое я и не пытался патентовать, это очень сложно. Но в журнале «Изобретатель и рационализатор» в первом номере за прошлый год опубликовал сообщение: ищу спонсора за пределами СССР для регистрации открытия лечения пчел от варроатоза, внедрения и выдвижения моего открытия на Нобелевскую премию. Это сообщение дает мне право на первый доклад. И есть, есть отклики, но пока лишь от пчеловодов-любителей из наших пределов. Из государственных структур никто не обратил внимания. А вчера ко мне приезжал заместитель председателя ассоциации фермеров Тульской области. Он услышал обо мне из передачи радиостанции «Свобода». Мы с ним полдня проговорили, сошлись на том, что встретимся еще дней через двадцать. Не знаю, сойдемся ли. У него административные взгляды на пчеловодство, а у меня — научные. Но поживем — увидим. А найти меня просто, если кого заинтересует моя идея. Адрес простой: Москва, улица Ротера, дом ночного пребывания, Ульянееву Евгению Николаевичу.

Художник

НИКОЛАЙ ОСТАШЕВ, 58 лет

Детдом — это нулевая стартовая позиция в жизни. Вот что такое детдом. Некому воспитать, научить, направить. Вот и несешь потом эту печаль всю жизнь.

Ну, судьба у меня обычная для

сироты военных лет. Отец погиб на фронте, мать и брат умерли, а меня — в детдом.

Таланты мои рано проявились. На разных музыкальных инструментах играл, а в основном рисовал. После детдома работал художником в театре, в Березниках. В армии — само собой, там художники ценятся. Вернулся в родной город после армии, в Березники, переехал в Пермь, женился, развелся, а потом подался в дальние края, в Магадан. Там меня сразу признали, дали работу в мастерских художественного фонда. Заработки были, что там говорить! И гулянки... А мне тогда еще, в Магадане, говорили: «Николай, ты на них не смотри, ты иди учиться, ты их все равно не перепьешь, им-то чего не пить, они все со специальным образованием, члены Союза художников...» Но я ведь не слушал: зачем мне Союз художников, когда я зарабатываю по две тыщи в месяц?..

Вернулся я в Пермь, в Березники, а мне мой учитель говорит: еще не поздно, поступай, вон твои товарищи по студии уже получили образование. А я ему, учителю своему: а зачем? Ученого учить — только портить...

Вот и пожинаю теперь плоды. И теперь у меня возник конфликт с государством. Оно не признает меня как специалиста, а я не признаю его за родного отца или за родную мать. В лучшем случае считаю его за мачеху или за коварную бабу-ягу. Жилья у меня нет: нельзя же считать жильем художника комнату в общежитии техникума, мастерской нет, официального признания моего как художника нет. Я стал поэтом, а государство и этого не хочет понять и принять.

*Согнулся серп, сломался молот,
Устал народ, повсюду голод.*

*В России мгла и нет закона,
И время ждет Наполеона.*

Ну, кто такими сжатыми десятилетиями может оперировать? Тут сжата целая эпоха. Вот давайте, если есть поэты посильнее меня, назовите!

...Недавно я на Красной площади познакомился с людьми, которые собирали подписи в поддержку Ельцина, в поддержку его реформ. Когда я прочитал им стихи, показал портреты Ельцина, они мне сказали: где же вы раньше были? А я им говорю: не знаю, где я был, а вот где вы с Ельциным были, что сделали меня бездомным и нищим? Они попросили написать им лозунги, плакаты, взяли мои стихи, вывесили их в местах, где собирают подписи. Сказали, что покажут мои работы в соответствующих инстанциях.

Да, и вы говорите, и другие мне иногда говорят: мол, как же так, вы с 1968 года живете в родных Березниках, могли бы устроиться художником на большое предприятие, получить за эти годы квартиру, наладить жизнь, как многие другие... Конечно, даже после развода со второй женой, когда ей осталась однокомнатная квартира, а я поселился в общежитии, можно было бы как-то... Но ведь в тридцать и даже сорок лет человек думает, что жизнь бесконечна, старости не бывает...

А что дальше? Да, наверное, ничего. Так и придется кончать жизнь бездомным. Я не думаю, что у меня появятся какие-то успехи...

Пошехонец

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ПУТАТОВ, 65 лет

...А нынче как раз двадцать лет будет, как я бомжую по белу свету. С семьдесят второго года бросил работать в леспромхозах распроклятых и пошел гастролировать. Везде гастролировал! По

всей России, по колхозам и совхозам! По всем городам Украины, когда холода наступят! Где-нибудь да и подженюсь на местной. А зачем мне жить где попало? Я когда в леспромхозах работал, никогда в общежитиях не жил. Месяц, два, а потом все равно воткнусь к какой-нибудь местной. А сейчас-то уже не то, старый стал...

На что живу, спрашиваешь? А и тогда жил, и сейчас живу — на бутылки! Да еще столовая гуманитарная. Утром выхожу отсюда, из ночлежки, и сразу на Павелецкую, столовая там гуманитарная от Франции. Покушаю да по садам, по скверам, по электричкам бутылки собирать. За день рублей на девяносто наберешь. Так ведь и обед дорог, и ужин. Чтoб хорошо покушать, рублей тридцать надо. А гуманитарные-то, они только с утра. И норвежские, и голландские, и Армия Спасения, и баптисты — только с утра! А я же не могу после французской столовой сразу в голландскую бежать — сытый! Вот если б часов с двух...

Сам-то я пошехонский, слышал: пошехонская старина? Вот я как раз с тех краев, с самой ни на есть деревни. Было нас семеро: пять братьев и две сестры. Отец — активист, коммунист, большевик от мозга до мозга. Вот его в тридцать шестом году и взяли на Лубянку. Вместе с его другом Кононовым. Раз, два — десять лет без права переписки. То есть расстрел. А расстрел подписывал тогда только Сталин. Видит, фамилии знакомые — Кононов и Путатов, то есть отец мой. Ну-ка давайте, говорит, все дела на них. Глянул — точно! Они самые! С имя он в семинарии учился, и вместе с ним они тогда в семинарии бастовали! Бастовать начинали вместе с ним!..

И назначил Сталин Кононова в обком, в Ярославль, значит,

а отца моего — в горком, первым. И из самого Пошехонья переехали мы в город, в четь рехкомнатную квартиру! Уж больно хорошо было! Отлично!

А потом война. Отец ушел на фронт, а за ним, поочередке, и все братья. И никто из них, значит, живым-то не вернулся. Вот... А сестренки погибли сразу, когда мы их с тетей Клавой в эвакуацию отвозили. Они на баржах, так те баржи только до Рыбинска дошли, там их бомбами все и потопили. Вот так.

Как мне четырнадцать стало, пошел я работать на текстильную фабрику, где мать была. От нее, от фабрики, матери-то и другую квартиру дали, поменьше. После войны выучился на штукатура, маляра, облицовщика. И нас, девятнадцать лучших строителей, отправили Москву отстраивать. Потом, когда мы тут уже освоились, годы прошли, мне дружок говорит: завербуемся в леспромхозы, там ба-альшие деньги дают! А деньги — они же деньги!

Только сейчас думаю: и какой же я дур-рак! До сих пор себе говорю: дур-рак, каких еще мало свет родил!

Большие деньги, житье в бараках, пьянки — это ж болото! Самое настоящее болото! Хлюп-хлюп, а оно ж тянет, т-я-янет... И годы там, как недели, в дыму пролетают да... И тебе уже сорок два, старик, если по-деревенски считать, а ты все ишшо босяк босяком... А тут и телеграмма пришла, из дома-то. Полетел, помчался, как раз и успел на похороны матушки... Не успел отплакаться, приходят домком, участковый и еще человек шесть. Говорят: квартира ведомственная, вы на комбинате не работаете и в месяц освободите, значит, жилище. Значит, кыш оттуда. Как? Почему? Я все детство здесь выросал! Да

разве против власти попрешь?
И подался я в лес...

Но уже ненадолго. Три года ишло пробыл на сплаве, а потом пошел гастролировать по России, бомжевать то есть. Так и до сего дня. Одно только плохо: паспорт потерял, паспорта не могу выправить. Они, бичи-то, умные. Они и пенсии получают, и пособия всякие. Так у них в голове-то мозги, а не как у меня — одни куриные лохмотья. Я-то сколько проработал, а ничего не получаю, даже по старости. Кто ж мне даст без паспорта?

Правда, один раз я хотел выправить паспорт, поехал в Ярославль, в спецприемник, сдаваться в плен. Я там как-то сидел. А мне дежурный говорит: «Оздодал, дедулька, постановление вышло, чтобы больше в спецприемники бомжей не брать. Те, которые уже попались, тех мы паспортизируем, а ты гуляй, дед, на свободе». Вот и гуляю...

Да говори, говори, я ж не обижаюсь. Значит, спрашиваешь: а может, я просто по натуре такой босяк, как у Максима Горького, да? Так я согласен! Согласен! Босяк! Натура такая! Конечно, и жизнь так сложилась, но и натура. Натур-ра ой-ёй-ёй! А мы все такие, посмотри, сколько нас, бродяг, по вокзалам. Да там чуть ли не каждый из дома престарелых сбежавший. Не живут, не хотят, а ведь там — ко-ормят! Кормят! А оне бегут! Потому что прирожденные босяки, бичи! Им лучше вшей кормить на вокзале, чем жить спокойно...

Вот ночлежка — это для нас! Переночевал — и свободен, гуляй! Ночлежка — это хорошо. Только мест больно мало...

Посмотри: Казанский, Курский, Ленинградский, Ярославский — это же паучье гнездо! Вши там

кругом! К стенке только прислонишься — через двадцать минут чесаться начнешь, хе-хе-хе! Только на Рижском вокзале вшей нет, нас туда не пускают. Теперь-то он вокзал иностранный!

А тебе я честно скажу, что уставать стал. У меня ж астма врожденная, ноги отекают. Уставать стал. Хочу воткнуться тут к одной, тоже бичиха, бутылки вместе собираем, но у ей здесь своя квартира. Если она согласится, пропишусь к ней, паспорт выправлю. Мы с ней полгода знакомы. Тамара, говорю ей, вот такие дела. А она: поживем — увидим. И я тоже тебе говорю: поживем — увидим...

Стена

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ. 53 года

Моих детей, девочек, изуродовали, практически уничтожили как личности. Меня самого объявили психически ненормальным. Домой, в Махачкалу, я вернуться не могу, мне там сразу же подстроит уголовное дело или снова бросят в психушку. Мать от нервных потрясений, от горя ослепла. Скажите теперь, с кого мне спрашивать, кому предъявить счет?

...Родился я в Махачкале в 1939 году. Мать — заслуженная учительница России и Дагестана. Закончил радиофизический факультет Дагестанского университета. Моя жена, Соколова Наталья Николаевна, родив мне двух дочерей-погодков, бросила их практически в грудном возрасте и ушла жить к своей матери. Я детей выкормил на искусственном молоке, вырастил. А когда им исполнилось шесть-семь лет, они вдруг понадобились... Жена и ее родственники решили у меня детей отобрать. У этого семейного клана очень мощные связи в милицеевском мире, в прокуратуре. Какого

рода связи — уточнять не буду. А еще мощнее — в медицинском. Вот они и начали действовать по этим двум направлениям. Одним высоким милицейский начальник дал указание отобрать у меня детей. Ворвались ночью в квартиру, схватили одного ребенка... Но ведь тут милиция совершила уголовно наказуемое деяние сразу по двум статьям, тут каждому до десяти лет срока. А с медицинской стороны жена в республиканской психбольнице достала справку, что я с пятьдесят шестого года состою на психучете. Разумеется, подложную справку, и предъявила ее в районный суд. Суд под нажимом горкома и прочих сил вынес решение детей моих передать на воспитание матери.

Но сделать это не так-то просто. Весь город знает и видел, как она их бросила, как я их воспитывал. Верховный суд, естественно, отменил решение районного суда.

Не добившись ничего в суде, жена и ее друзья моих детей просто-напросто похитили. И увезли в неизвестном направлении. Я — в милицию. Они говорят, что ничего не знают, будут искать. И вдруг через год из города Ковдора, что в Мурманской области, из тамошней школы приходит письмо в нашу школу с просьбой выслать какую-то справку о моей старшей дочери, Светлане. Значит, жена увезла их в Ковдор! Но Ковдор — пограничная зона. Я бросаюсь в милицию: кто выписал, кто вписал моих детей ей в пропуск, в то время как они прописаны у меня. Пропуска в пограничную зону — документация строжайшего учета. Однако в махачкалинской милиции не осталось никаких следов очередного служебного преступления. Только значилось про бывшую жену и детей: выбыли в неизвестном направлении. Я, конечно, тут же требую дать мне пропуск на

поездку в Ковдор. А мне его не дают! Самым наглым образом не дают отцу по решению суда забрать своих детей!

Я пишу в Ковдор, в Мурманск, во все инстанции, чтобы вернули детей, но везде натываюсь как бы на бетонную стену. Почему в Мурманске и в Ковдоре никто из руководителей не помог мне восстановить справедливость? Да потому, что они уже там успели совершить преступление против моего ребенка, и вернуть его мне — значит подписать самим себе уголовное дело. Но я-то ничего об этом не знаю, пишу, настаиваю, дело даже до стихов дошло, в которых я в довольно резких выражениях писал о тамошних деятелях все, что думал. И тут мурманская милиция связывается с дагестанской, и они предпринимает очередной ход. В один из дней на работе у меня появляются наряд милиции и люди в белых халатах, связывают меня и увозят в психушку. Ни слова не говоря, никаких обоснований не предъявляя. Плевать они хотели на все ваши так называемые законы!

Продержали меня в психушке три с половиной месяца. Тут вроде бы до наших краев дошли первые поползновения перестройки, все стали следы замечать. Выпустили.

Я тут же сгреб все деньги, какие были у меня и у матери, ноги в руки — и на самолет, пока меня снова не посадили.

В Москве я бьюсь во все стены. Требую пропуска в Ковдор и моей психиатрической реабилитации. Ведь до сих пор человек, побывавший в психушке, вне закона, вне норм права, он не правоспособен. Вот уже пять лет я требую только одного — экс-пер-ти-зы! И все: Минюст, Минздрав, Академия медицинских наук, Верховный суд — все отказывают. Боятся. Они все влипли в эту историю,

и назад им дороги нет. Только вперед, только смешать меня с грязью полностью. Я как-то добился, чтобы меня положили на длительное обследование в институт Сербского. Полтора месяца обследовали. И выпустили, не сказав ничего. Они от меня же спрятали заключение о моем состоянии. Понимаете, написать, что я больной, не осмелились, слишком уж, а пойти поперек своих же собратьев, врачей-уголовников, тоже побоялись.

Правда, есть у меня заключение Международного научно-исследовательского центра по психиатрии о полном моем здоровье, но этот научный центр для них не указ, у них свои игры и свои авторитеты. «Авторитеты» — чисто в уголовном смысле и понимании.

Итак, в Москве я требую пропуска в Ковдор. И что вы думаете: Москва мне отказывает! Вернее, говорит, что это должны, мол, обязаны сделать в Дагестане, а сами заставить махачкалинскую милицию выдать мне пропуск не могут. Или не хотят?

И тут я узнаю, что моя старшая дочь в дурдоме в Апатитах. Апатиты не в пограничной зоне. Мчусь туда и узнаю все. Узнаю, почему ковдорское, а потом мурманское начальство так боялось меня, не отзывалось на мои письменные требования. Моя старшая дочь тотчас по приезде потребовала от этой чужой женщины, называющей себя матерью, возвращения домой, ко мне. И довольно жестко потребовала. Шлепками ее не запугать. Мои дочери с двух лет занимаются спортом, с четырех лет — в спортшколе, при случае они могут дать отпор и взрослому мужчине. Эта женщина оказалась в безвыходном положении. Вернуть детей — значит дать мне самое главное свидетельство преступления дагестанской милиции

и медицины. И она нашла выход: обвинила дочь в психической неполноценности. Мол, нормальный ребенок не будет избивать свою мать. А моя Светка, да, избивала ее, когда та пыталась ее пороть...

И вся ковдорская верхушка санкционировала помещение ребенка в психбольницу. И оказалась таким образом втянутой в преступление. Вот почему они не меньше, а даже больше дагестанской милиции старались меня нейтрализовать!

В общем, вызволил своего ребенка из дурдома, отправил домой, к бабушке. Но это уже не мой ребенок. Ну что может стать с человеком, которого с малых лет начинают психонейролептиками, вам объяснять не надо. Она стала идиоткой. И уже там, в Махачкале; сразу же связалась с какими-то уголовниками и пропала из дома. Где она: в банде, в притоне, в милиции, — неизвестно.

Добился я через шесть лет пропуска в Ковдор и повидал вторую дочь. Но и это не мой ребенок. Сигареты, выпивки, мальчишки... — у нас в роду никогда такого не было!

Итог вы уже знаете. Отец скитается по вокзалам и ночлежкам, не может вернуться домой, объявлен психоневрастеником или еще кем похуже. Дети, две девочки, практически уничтожены как человеческие личности. Мать, бабушка детей, заболела: поднялось давление глазное — и ослепла.

Что должен делать при таком страшном раскладе мужчина? Подчеркну — кавказский мужчина, ибо я по праву рождения на той земле называю себя кавказцем.

Кавказский мужчина, которому дороги честь, родители, дети, должен восстановить справедливость и покарать преступников. Да любой отец на моем месте имеет пол-

ное моральное право взять автомат и самолично учинить суд, если в течение десяти лет бандиты на государственных должностях прикрывают друг друга, если само государство оказалось бандитом, самым последним уголовником. Не знаю, вполне возможно, что дойдет и до моей самочинной расправы. Но пока они все, от Мурманска, Москвы и до Махачкалы, нужны мне живыми. Живыми. Я хочу их всех посадить на скамью подсудимых. И буду этого добиваться. Больше мне нечем жить. Вы понимаете, что это значит, когда человеку больше нечем жить...

Таковы некоторые из обитателей ночлежки. У каждого — своя история. И, как выразился Остаев, им уже трудно рассчитывать на «какие-то успехи в жизни». Для них сама возможность с восьми вечера до восьми утра проспать в тепле, на чистых постелях «за бесплатно» — уже подарок судьбы. Вернее, подарок московской мэрии, по решению которой и на деньги которой содержится первая в России ночлежка. Она небольшая, занимает первый этаж здания психоневрологического интерната, и приют в ней найти могут пока лишь пятнадцать человек... А сколько их, бездомных, бесприютных, бродит еще по вокзалам, по трущобам столицы?! Тысячи и тысячи... И все они нуждаются в участии, в помощи. По мнению главного врача Михаила Григорьевича Морозова, у каждого из вокзалов Москвы должен быть такой приют. И не на двенадцать—пятнадцать, а как минимум на сто мест. Чего он, Морозов, и добивается, еженедельно осаждая кабинеты мэрии.

Но здесь, как мы сразу понимаем, неизбежен разговор о деньгах. Ведь дом для бесприютных не может быть просто бараком с нара-

ми, лишь бы, мол, крыша над головой. Например, в этой первой ночлежке условия не уступают студенческому общежитию. Во всяком случае, комнаты не на четверых, а на двоих... И штат солидный: главный врач, две санитарки, завхоз, три фельдшера, что дежурят ночами. Прибавьте к этому расходы на содержание, отопление, на мебель, на белье, медикаменты и прочее, и прочее. А деньги-то не чьи-то абстрактные, «мэрии», а наши, кровные, как принято нынче говорить — налогоплательщиков.

И невольно возникает что-то вроде внутреннего протеста: мол, нормальные, всю жизнь честно проработавшие пенсионеры сейчас не могут свести концы с концами, а тут нашли о ком заботиться — о бичах и бомжах...

Ну, во-первых, есть непреложный нравственный закон, предписывающий обществу заботиться о своих обездоленных, несчастных, падших. В противном случае мы просто-напросто лишаемся права называть себя людьми.

А во-вторых, в большинстве случаев в жизни нынешних бичей и бомжей был момент, когда их бичами и бомжами сделало, подтолкнуло к тому само государство, жестокость существующих в нем нравов и законов. Так что наши нынешние попытки позаботиться о них — всего лишь попытки возвращения долгов, попытки расплаты за исковерканные судьбы...

Впрочем, не буду, не имею, наверное, морального права комментировать монологи своих героев. Пусть читатель сам делает выводы. Я тоже свой вывод сделаю. Самый что ни на есть банальный.

После знакомства с ночлежкой и ее обитателями у меня сложилось совершенно твердое убеждение, что это — зеркало, в котором как бы отражены вся страна и все

мы, люди, ее населяющие. Только не простое зеркало, а как бы сгущающее, концентрирующее в одной точке все явления жизни, разбросанные во времени и в громадном нашем пространстве. То есть обитатели ночлежки абсолютно такие же люди, как и все мы.

Только люди, лишенные крова, люди, поставленные судьбой, обстоятельствами, государственным

террором или же собственной натурой на край жизни, на край испытаний и терпения человеческого.

И, наверное, не случайно божь и художник Николай Павлович Остаев, в один из вечеров нарисовав мой портрет, проставил дату, обозначил свое авторство, а внизу листа крупно, с завитушками написал: «Дом ночного пребывания России»...

ФИРМА

НОМИОС

ваш надежный партнер и помощник — это:

РАБОТА ЗА РУБЕЖОМ. Фирма "NOMIOS Ltd." готовит к изданию «Каталог трудовых ресурсов СНГ», который будет распространяться за рубежом путем прямой рассылки в адреса нескольких тысяч потенциальных работодателей. У вас появится шанс получить предложения непосредственно от заинтересованных инофирм, если мы опубликуем в Каталоге данные, характеризующие ваш профессиональный уровень. Наш Каталог уникален и издается в СНГ впервые.

НЕДВИЖИМОСТЬ. Фирма «Номиос» поможет гражданам и организациям выгодно продать, купить или сдать в аренду квартиру, дом (котедж), дачу, гараж, нежилой фонд, земельный участок как в Москве, так и на всей территории СНГ. При запросе обязательно указывайте, какую операцию (купля, продажа или аренда) и с каким типом недвижимости вы хотите совершить.

ЗНАКОМСТВО. Крупнейшая в России компьютерная служба знакомства, содержащая в своем банке данных информацию о десятках тысяч абонентах всех возрастных категорий, желающих создать семью и проживающих на территории всех государств СНГ, исцелит вас от одиночества. Если вы еще не нашли надежного спутника жизни, друга, единомышленника — не падайте духом! Фирма «Номиос» сотрудничает с крупнейшими матриониальными агентствами всего мира.

ГОРОСКОПЫ. Если вы не скептик и верите в астрологию, то вы сможете узнать, как распорядятся звезды вашей судьбой и карьерой, заказав свой индивидуальный гороскоп. «Номиос» — тонкий знаток древнеиндийских секретов астрологии — осветит любой период вашей жизни.

■ Условия обслуживания и анкеты для заполнения высылаются бесплатно после получения пустого конверта с вашим подробным адресом. Письма с соответствующей пометкой «К», «Н», «ЗН» или «ГОР» отправляйте по адресу: 111394, Москва, а/я 27. «НОМИОС».

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ

СВЕТЛАНА ОРЛОВА,

31 год,
преподаватель,
Кемерово

ГОСТЮ

*Роскошных кленовых листьев
Пылающих — не срываю.
Поверьте, могу обжечься,
Сегодня — во всем огонь.
Коснулась страницы — пламя,
Коснулась зеркала — больно,
Коснулась потухшей трубки,
Оставленной на столе
Моим нерадивым гостем,
Отдернула руку — жжется.
Держу на весу ладони,
К себе боюсь прикоснуться,
Огня своего боюсь.
А гость говорил недавно,
Что таборные цыгане
Гадали ему по звездам,
Что смерть от огня он примет.
Мой гость, мой лохматый странник,
Блаженную примешь смерть.*

СТРАШНАЯ ПЕСЕНКА

В час урочный гостем ко мне —
Красный всадник на красном коне.
Здравствуй, Утро!

В час урочный гостем ко мне —
Белый всадник на белом коне.
Смотрит мудро.

В час урочный гостем ко мне —
Синий всадник на синем коне.
Вечер мгlistый.

В час урочный гостем ко мне —
Черный всадник на черном коне —
Самый истый.

Ох, до утренних, до холодных рос
Ведет допрос:

- Где плуг оставленный твой?
- Ржавчиной на меже.
- Где друг оставленный твой?
- Друг мой умер уже.
- Где сын нерожденный твой?
- Иродом сын побит.
- Где благих начинаний рой?
- Дребезгами — о быт.
- Сон, сон, усыпи...
- Терпи, не спи.

Пей горечь всласть.

...Одним спаслась:

В час урочный гостем ко мне —
Красный всадник на красном коне.
Здравствуй, Утро!

Спасибо за грошики, добрые паны,
От века дырявы мои карманы.
Я — истовый сеятель ваших щедрот.
Карман мой получит — земля обретет.
Не я, благодетели, дыры повинны,
Не держатся в них ни рубли, ни алтыны,
Но я не клоню над латанием лба,
Мне дыры как дар заручила судьба.
Она не вела подаянием смету.
В дырявый карман положила монету.
Ее мне случалось менять и терять,
Ко мне возвращалась монетка опять.
В пустеющий, нищенский, драный карман —
Монетка моя, неразменный талант.

ПОЛДЕНЬ

Кто-то слушал, затаившись в облаках,
Флейту иволги, поющей в тростниках.

*И томилась я, как флейта, о руках.
Чьи они, скажи, живущий в облаках?*

ВЕЧЕР

*Хочу к цветам — как на свободу — вздох.
Как в тень и влагу порыжевший мох.
Иду, а сад в сверчковом бормотаньи
И треньканьи, как в усиках — горох.*

ВЛАДИМИР СОРОЧКИН,

30 лет,
механик-проводник,
Брянск

≡
*Протяжны сутки. День короток.
Зима глядит из пелены,
И в окнах сумрачных коробок
Зажглись горчичные огни.*

*Снега надраены до меди,
Петляют улицы вразброд,
И время замершее медлит
И медлит стронуться вперед.*

*И свет размыт и зыбок, словно
Кругом лишь призраки и мгла,
Как будто загнан день и злобно
Косит огнями из угла.*

≡
*Осенняя каша. Пустые усадьбы.
Рябой кабыздох, ковыляя со свадьбы,
Глазами грызет подворотню, в которой
Один он такой откровенно матерый,
И взгляд выдает в нем — короткий,
как притча,—
Наследного принца.*

*И горек настой отсыревшей округи —
На слезной поре, на беспечной прорухе
Небес, обносившихся стен, околотка,
Живущего пристально, если не кротко,
Где грязь перемешана, точно сохою,
Сама же с собою.*

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

Туманные ночи. Чужая земля.
Дружина осадой стоит у кремля.
От голода мрут за кирпичной стеной,
И сыты вояки по горло войной.

Ну что же — и нам не впервой умирать.
К последнему штурму готовится рать,
И полночью сходится с разных концов,
И крючья летят на макушки зубцов,

И подняты над головами щиты,
И смерть наблюдает за всем с высоты,
И к ней устремляется брменная плоть...
Так пусть же хранит мое войско Господь!

Но латы на мне прошивает стрела,
И падает конь мой, порвав удила,
И наши глаза стекленеют, устав,
И ширится сон, и смыкается явь...

Но поздно — светает, и крепость сдана:
Не так высока оказалась стена,
Не слишком сильны были плечи врагов,
И тянет дымком с опустевших верхов...

Чужой воевода выходит вперед,
И держит ключи от разбитых ворот,
И, скалясь, со злобой несет их ко мне...
И еду я в город на мертвом коне...

У КОСТРА

Бледный,
бескровный дым стелется по земле.
Сморщенная трава высохла на миру.
Вздрагивает костер на золотой золе,
Чтобы скупой огонь ночь осветил мою.

В жаркие небеса искры скользят окрест,
Кратких путей своих переплетая след,
И — посреди глухих, непроходимых мест —
Чем нестерпимей мрак, тем неизбежней свет.

Рвутся, как лоскуты, и обгоняют глаз
Жесткие языки пламени на ветру.
Нет ничего во мне, чтобы жалеть сейчас,
И возродится явь, перегорев к утру.

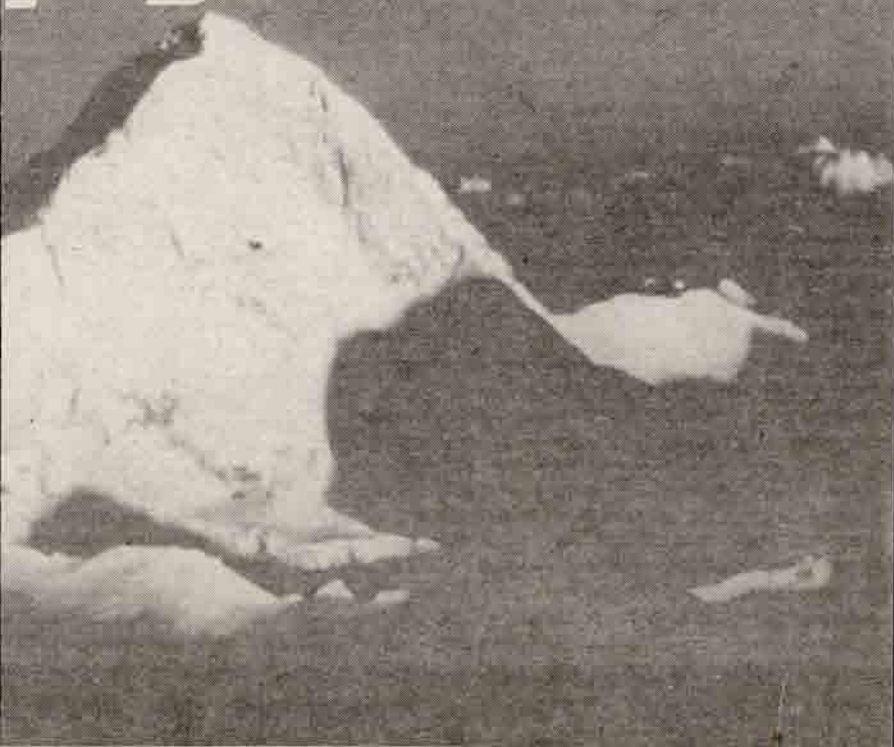
"Эй,

ДМИТРИЙ ФИЛИПЧЕНКО
Фото **ВЛАДИМИРА ЯНЧЕНКОВА**

вы, там,

наде

PKU..."

В древности на горах жили только боги. В наши дни появились люди, которые захотели стать ровень с ними...

НАРКОТИК?

Настоящие горы — это не так красиво и романтично, как кажется непосвященным. Это вам не швейцарские Альпы или низовья Кавказа — это другое.

...Здесь нет ничего, кроме льда, снега и камня. Здесь очень холодно, и хотя солнце совсем близко — оно не греет, но слепит и обжигает. Здесь кружится голова от недостатка кислорода, а воздух абсолютно ничем не пахнет.

И когда альпинист возвращается вниз, в лицо ему ударяет такой пьянящий запах травы, что он просто не может понять, почему люди, проходящие мимо и вдосталь дышащие этим воздухом, не прыгают от радости. И все же через несколько дней он снова пойдет наверх, потому что есть своя суровая прелесть в том, чтобы стоять выше всех, там, где облака проплывают у твоих ног и где нет ничего живого, смотреть вниз, туда, где люди — мельче, чем муравьи, — живут по своим непонятным людским законам, и ощущать себя чуть ли не Богом, глядя на проплывающее ровень с тобой солнце.

Наверное, ближе всех подошел к ответу на вопрос «зачем человек ходит в горы» Рейнхольд Месснер — легендарный альпинист, покоритель всех четырнадцати «восьмитысячников» планеты (вершин, высота которых превышает восемь километров). Он выдвинул гипотезу о том, что на высоте в организме восходителя вырабатываются особые гормоны наркотического свойства, вызывающие впоследствии

вновь и вновь стремиться на вершину. Скорее всего Месснер был прав, но мне почему-то хочется дополнить его ответ своей разгадкой.

Люди идут в горы, чтобы спуститься вниз.

ПОРТРЕТ БЕЗУМЦА

Я знал одного такого «горонаркомана». Он был журналистом, работал себе в «Комсомольской правде», писал о футболе, хоккее и прочем и думал, что горы — это то, что поднимается у тебя над головой, когда загораешь на диком пляже в Крыму.

Но однажды ему позвонили из управления альпинизма и предложили написать о какой-то команде, которая собирается совершить восхождение где-то в Гималаях. «И чего им не сидится внизу?» — подумал он и поехал ради интереса на сборы этой команды на Кавказ. Он увидел там гигантских исполинов, высотой в несколько останкинских телебашен, от которых мурашки шли по коже, и поэтому полез вместе со всеми наверх.

Он чуть было не залез на Эльбрус, но был неопытен и задыхался на высоте свыше четырех километров от тошноты и головной боли. Он нещадно спалил себе лицо, получив ожог второй степени, и, когда возвращался в Москву, в самолете мамы пугали им своих непослушных детишек.

Но вскоре он снова поехал на Памир и увидел там такие горы, каких никогда не встретишь на Кавказе. Потом — в Гималаи, где «растут» самые высокие горы, не ровня даже Памиру, потом снова на Памир...

Сейчас мой друг, «горонаркоман», снова в Гималаях.

...Альпинисты — очень необычные люди. Они сильно отличаются

ся от простого обывателя, но настолько же сильно непохожи на других спортсменов — «звезд» футбола, шахмат и даже горных лыж. Они — в большинстве своем — аскеты и фанатики, но не альтруисты, поскольку главное для них все же — свой успех, успех своей команды на вершине. Они готовы заложить все свои вещи, чтобы «сходить на гору», поэтому они непритязательны в быту. Даже «звезды» альпинизма почти все где-то работают, но и работа, и семья для них все же не главное, хотя и важное, потому что после двух-трех месяцев нахождения наверху они рвутся домой. Альпинисты загадочны: ведь горы — это прежде всего Восток. Они ассоциируются с пагодами Катманду и индийскими коврами. Они космополиты, потому что и русский, и французский, и японский альпинисты говорят на одном и том же языке — языке гор, и поклоняются одному и тому же Богу — Гимават, Богу Гималаев.

Спорт ли это — альпинизм? Официально — да, такой же вид спорта, как и другие. Но сами альпинисты вряд ли называют себя спортсменами. Женя Клинецкий, капитан профсоюзной команды, поднявшейся в 1990 году на Лхоцзе, как-то сказал мне, что альпинизм — это образ жизни. «Посмотри: Абалаков всю жизнь отдал альпинизму, — добавил он. — И Моногаров. И Михаил Хергиани, погибший в горах Италии в 1969 году». К сожалению, список тех, кто погиб в горах, растет с каждым годом: из последних это поляк Ежи Кукучка — второй наряду с Месснером покоритель всех «восьмитысячников» — и наши гималайцы Леонид Трошиненко, Григорий Луняков, Юрий Гребенюк... Для них-то горы действительно стали делом жизни.

И горько сознавать, что именно горы стали последним пристанищем их стремившихся вверх тел.

ТЫ ПОМНИШЬ, КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ?..

Общепринято считать годом рождения альпинизма 1786 год, когда два швейцарца Паккар и Бальма впервые поднялись на высочайшую вершину западной Европы — Монблан (4807 метров), находящуюся в Альпах. Да и само слово «альпинизм» произошло от названия этого горного массива. В России первый альпинистский успех пришелся на 1829 год, проводником К. Хашировым был покорен Эльбрус — восточная его вершина.

Но настоящий альпинистский бум пришелся на 50-е годы нашего века, когда началось массовое освоение Гималаев. Первым из «восьмитысячников» была покорена Аннапурна — в 1950 году. Сравнительно легкая гора, она отомстила своим покорителям, французам Морису Эрцогу и Луи Лашеналю, жестокими обморожениями. Лашеналь чуть было не погиб при спуске, попав в трещину; Эрцогу ампутировали все пальцы рук и ног, но ни разу за оставшуюся жизнь альпинисты не пожалели о том, что совершили это восхождение: ведь благодаря этой победе их имена были навсегда вписаны в летопись мирового альпинизма. Но, пожалуй, по-настоящему новая эпоха была открыта 29 мая 1953 года — в этот день новозеландец Эдмунд Хиллари и его напарник по связке шерп Тенцинг Норгей вззошли на Эверест.

...Когда Хиллари в прошлом году приезжал в Москву, я поинтересовался у него, не чувствует ли он себя «человеком одной вершины», ведь после успеха 1953 года

он не взошел больше ни на один «восьмитысячник». «Мы с Тенцингом были первыми,— ответил Хиллари,— и гордимся этим».

В тот день без преувеличения осуществилась давняя мечта человека. Эверест — это по-европейски. По-непальски — Сагарматха. По-тибетски — Джомолунгма, «Богиня — мать снегов». Священная гора, расположенная на границе Непала и Китая. До 1920 года частные поездки европейцев в эти страны были запрещены, и только в 1920 году далай-лама — духовный правитель Тибета — дал британцам разрешение на проведение экспедиции к Эвересту.

Первая, впрочем, как и вторая, экспедиция закончилась неудачей. А в 1924 году состоялся легендарный штурм Эвереста британской экспедицией. Нортон в одиночку, без кислорода дошел до высоты 8572 метра (сама вершина — 8848 метров) — рекорд, который оставался непревзойденным свыше пятидесяти лет. Джордж Мэллори и Эндрю Ирвин через два дня тоже вышли на вершину, но так и не вернулись. До сих пор в альпинистских кругах идут споры — были или нет Мэллори и Ирвин на вершине, когда они погибли — при подъеме или спуске? Ноуэл Оделл — последний, кто видел эту связку на пути к вершине, — считал, что гибель альпинистов произошла уже после покорения Эвереста. Но, очевидно, тайна смерти Мэллори и Ирвина так никогда и не будет раскрыта.

Потом был Морис Уилсон — фанатик, пытавшийся взойти на Эверест в одиночку и умерший на пути к вершине от истощения после нескольких неудачных попыток. Потом были канадец Денман и датчанин Ларсен — такие же одержимые, как и Уилсон, пытавшиеся — неудачно — взойти

в одиночку на Эверест. А потом был 1953 год — победа Хиллари и Тенцинга...

На сегодняшний день на Эверест взошло уже около 250 человек, около ста погибли при попытке штурма Эвереста. Эта гора всегда оставалась (и наверняка останется и в будущем) самой «многолюдной», хотя в последние годы резко подскочило количество экспедиций и на другие гималайские «восьмитысячники» — часто сюда уже пытаются взойти и непрофессионалы, просто любители горного отдыха — по легкому маршруту, проложенному другими, при помощи кислородных аппаратов. «Меня радует, что мы были пионерами альпинизма,— сказал Хиллари.— В 50-е годы мы могли сидеть у подножия самых высоких гор и спорить, на какую из них пойдем. Сейчас же альпинисты вынуждены искать какие-то непройденные маршруты, часто всего лишь участок горной стены, чтобы пройти там, где еще никто не ходил».

ОЧЕРЕДЬ НА ПЬЕДЕСТАЛ

Многие думают, что хороший альпинист должен родиться и вырасти в горной стране. Совсем необязательно. В горы ходят — и успешно — японцы и американцы, китайцы и поляки, англичане и австралийцы. Если бы существовала параллель «чем больше гор — тем больше альпинистских «звезд», наша страна должна была бы просто завалить весь мир высочайшими достижениями в альпинизме.

В ушедшем в прошлое Советском Союзе гор было больше, чем где бы то ни было — на любой вкус, высоких и не совсем — Памир, Тянь-Шань, Кавказ, Хибины, Саяны, — и их любили. И занимались альпинизмом с давних пор

много людей, но на международный уровень (а венцом в альпинизме, таким олимпийским пьедесталом всегда справедливо считались Гималаи) до недавнего времени никто из них не выходил. Была в 1956—1959 годах попытка организовать совместную советско-китайскую экспедицию на Эверест, но в последний момент она сорвалась из-за волнений в Тибете и последовавшим сразу вслед за этим ухудшением отношений между СССР и Китаем.

Была и еще пара попыток во времена Брежнева прорубить окно в Гималаи, но и они тоже срывались — из-за отсутствия валюты, из-за строгого лимита на восхождения, который ввели в те годы правительства Непала и Китая, но главное — из-за перестраховочной вечной боязни тогдашнего нашего руководства — «кабы чего не вышло».

И все-таки каким-то чудом на закате «застойных времен» удалось провести первую советскую гималайскую экспедицию на Эверест. Патронировали чины не ниже членов Политбюро, готовили ее поначалу на 1980 год, но потом перенесли — из-за Московской Олимпиады. А через два года советская команда почти в полном составе взойшла на Эверест.

Об успехе той экспедиции много написано. И на самом деле это был огромный успех. Прежде всего из-за количества взойшедших на вершину — одиннадцать человек — и из-за отсутствия жертв. Большой резонанс внутри страны, ордена Ленина и приоткрытие двери в альпинистский мир...

Но реальность оказалась такова, что широкомасштабных советских экспедиций, в которых участвовала практически сборная СССР, в истории было только три, и больше уже не будет. На Эверест — в 1982 году, на Канчен-

джангу — в 1986-м, на Лхоцзе — в 1990-м.

Последнее восхождение — пожалуй, самое трудное, самое драматичное... Но и маршрут что надо — высшей категории сложности, со Знаком качества, представленным ему в одном из интервью легендарным Месснером: «Маршрут XXI века». Южная стена Лхоцзе. Практически отвесная скала, тянущаяся от пятикилометровой высоты до самой вершины «восьмитысячника». Сам Месснер отступил перед ней, а Кукушка не отступил и разбился — здесь же.

Под профсоюзными знаменами собрался тогда весь цвет нашего альпинизма — «эверестовцы» Бершов и Туркевич, покорители Канченджанги Погорелов, Хайбуллин, Каратаев, Пастух... И выдюжили. Шли наверх там, где человек не может идти, ползли под градом снежных осколков и взобрались на вершину, правда, только двое, Бершов и Каратаев. Но заслуга в том — всей команды.

Поморозились жестоко. Чуть не полкоманды лежало потом в «Склифосовском». А Володя Каратаев повторил историю Мориса Эрцога и лишился почти всех пальцев на руках и на ногах. Сейчас, спустя уже столько времени после Лхоцзе, Володя снова тренируется — в специальных ботинках, сделанных ему итальянскими фирмами и позволяющих ходить по равнине и по горам, в специальных перчатках, позволяющих держать в руке лыжную палку и ледоруб. Ведь настоящий альпинист умирает в душе только тогда, когда покорил все горы, которые мог. А у Володи еще — ой, сколько непокоренного впереди...

Но эпоха крупных советских экспедиций, очевидно, закончилась на Лхоцзе. Наступила эпоха экспедиций республик и даже отдельных городов.

Сходила на Манаслу команда Украины, на Дхаулагири — команда Казахстана, на Чо-Ойю — команда России. На Аннапурну — команда Москвы, на Нанда-Дэви — команда Одессы. Уже ходят и без команды — по двое-трое, как сходили на Эверест вдвоем (правда, с американцами) Букреев и Балыбердин. С одной стороны, это плохо: масштаб мельче, потеря больше, чем раньше. Да и непальцы стали жаловаться, что Катманду завален альпинистскими крючьями, привезенными из Союза и сданными по дешевке. А с другой стороны — надо же и нам потихоньку осваиваться в Гималаях после стольких лет затворничества, мечтаю о молодых ребятах, которые со временем побьют рекорды и Месснера, и Кукучки, и Вальтера Бонатти.

Что побьют — не сомневайтесь: русский характер таков, что где Месснер не прошел, там наш Иван проползет, без рук домой вернется, но гору покорит... А наводнение наших альпинистов в Гималаях, конечно, утихнет, особенно теперь, когда правительство Непала подняло цены на восхождения чуть ли не в пять раз.

Я СПРОСИЛ: -ЗАЧЕМ ИДЕТЕ В ГОРУ ВЫ?..-

Но зачем все-таки они лезут наверх?

Я задался этим вопросом, когда впервые приехал на Кавказ и увидел там смерть 14-летней девчушки, которая попала в трещину. Она не была альпинистом, и поэтому гибель ее еще сильнее ударила по нервам.

Я задавался этим вопросом потом, когда приехал на Памир, на место гибели сразу 43-х человек — русских, казахов, швейцарцев, словаков... Лавина засыпала тогда целый лагерь, поставленный

альпинистами под пиком Ленина.

Я задавался этим вопросом совсем недавно, в минуту молчания российской команды, сходившей на Чо-Ойю и оставившей там своего товарища Юру Гребенюка. Квалифицированный врач-онколог из Ижевска, молодой отец... Он не срывался в трещину, его не снесла лавина, он просто поднял вверх голову как раз в тот момент, когда с вершины летел камень...

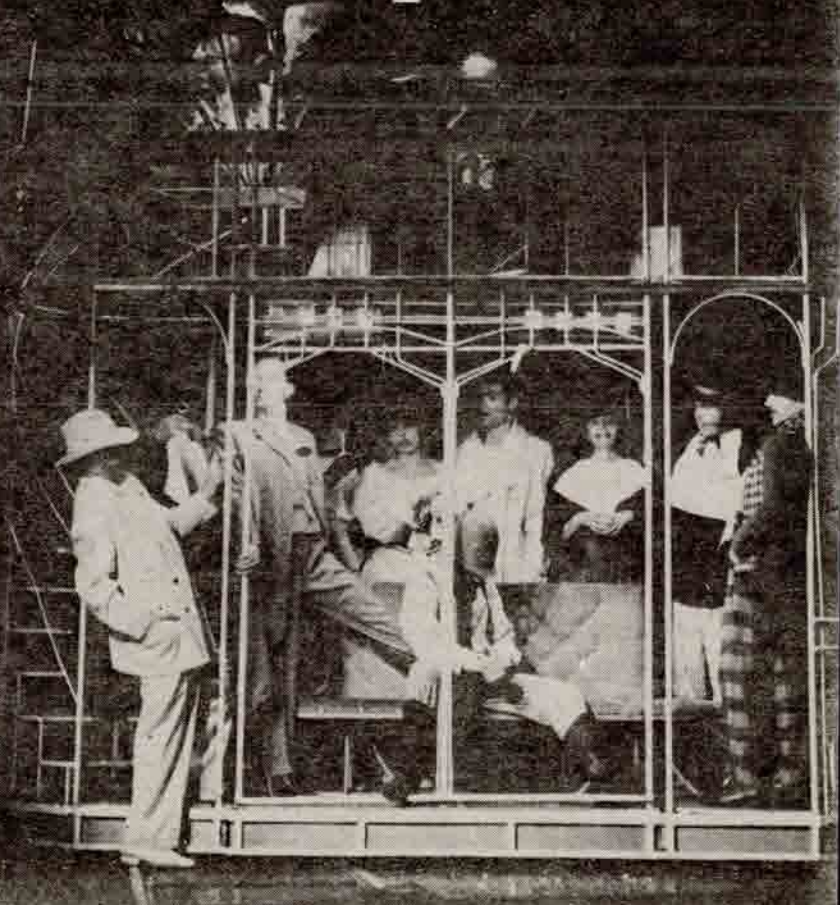
Помню, мы разговаривали с Бершовым, одним из самых титулованных наших альпинистов, после того, как он поднялся на Лхоцзе — свой третий по счету «восьмитысячник». «Экспедиция обошлась в 70 тысяч долларов... Может, стоило потратить их на более нужное в наши дни — колбасу, пиво, одежду или одноразовые шприцы?» — задал я вопрос с подковыркой, только чтобы вызвать Сергея на словесную битву. Битвы не получилось. «Мы же люди, мы должны жить», — устало сказал Бершов.

И действительно, разве могут люди жить без гор?..

МИХАИЛ ЛЕВИТИН:

«Россия
учится
обходиться
без театра»

Во время гастролей в Швейцарии театр «Эрмитаж» был назван женеvской критикой «Театром Абсолютным» и «самым изысканным в России». На родине же отклики разнообразны и противоречивы. Одни оценивают то, что происходит на подмостках в Каретном ряду, как режиссерский фарс, другие, восторгались, исподволь все-таки намекают на некий междусобойчик, забаву, в которой непременно участвует и зритель. Вспомним хотя бы блистательный спектакль «Парижская жизнь», ставший гвоздем прошлого сезона. Однако разговор с художественным руководителем театра Михаилом Левитиным мы вели не столько о творческих исканиях и находках, сколько о том, что сегодня волнует всех: и тех, кто смотрит, и тех, кто показывает, — как выжить, как сохранить культуру, сохранить самих себя.

— О кризисе театра мы привыкли судить по пустым креслам зрительного зала. Не ходят — значит, скучно. А если так, то, следовательно, драматурги и постановщики не разобрались в потребностях народа. Делать подобные выводы в сегодняшней криминальной обстановке, пожалуй, было бы неправильно. Ведь большинство, особенно женщины, не ходят на спектакли по той же причине, по которой покупают газовые баллончики.

— Дело не только в том, что люди напуганы. Проблема — в нежелании общаться, переживать вместе каков-то событие. Они страшно чужие, озабоченные, им просто не о чем молчать рядом друг с другом. И, думаю, не хотят

приходить в театр в основном по этой причине.

Бороться за зрителя, которого, в сущности, нет, едва ли стоит. Улица слишком разнородна. Это враждебно настроенные группы людей, в одном случае состоящие из тех, кто вот-вот собирается уехать, в другом — из тех, кто пока еще здесь. Поэтому для меня большое счастье, когда вдруг удается объединить их спектаклем.

— Лет пять назад у нас появилось много разнообразных студий: «Театр на досках», «Театр у Никитских ворот» и другие. Могут ли из них с годами получиться академические театральные объединения, подобно студии великого Станиславского?

— По своей природе я человек антистудийный. Не способный и не желающий создавать какую бы то ни было студию. Я как бы изначально сориентирован на профессиональный театр и работаю исключительно в нем. Что же касается возникновения большого количества студий, то теперь ясно — надуманная, искусственная затея, впрочем, как почти все в нашем обществе. И поэтому, мне кажется, говорить о студийном успехе просто смешно. Его нет. Настоящий успех может иметь или не иметь только репертуарный театр, потребность увидеть спектакли которого люди испытывают каждый день. А играть на сорок — пятьдесят человек раза два в месяц в подвальчике и с такой же периодичностью рассуждать о каком-то успехе — нелепо. Если же ставить вопрос об эксперименте, то почему отказывать в нем профессионалам? Они и рискуют больше, и идей не меньше.

Не надо забывать, что в начале века руководители студий были еще и их авторами, людьми с глобальной театральной идеей. И я не знаю, кто из сегодняшних

студийных вожakov имеет право претендовать на роль Станиславского, Вахтангова или Таирова. Я говорю так не из пиетета перед великими именами... При полном уничтожении культуры у нас абсурдно называться ее представителем. Мы все — представители культуры разрушенной.

— А что вы можете сказать о своих современниках-режиссерах? Неужели на театральном небосклоне не горит ни одна звезда?

— В нашем искусстве еще никогда так не проявлялись честолюбие, тщеславие, фальшь, желание понравиться, заработать (в худшем смысле этого слова). Таланты, разумеется, есть. Но и они, к сожалению, теряются в суете, мечутся, что-то выкрикивают, не замечая, что их не слышат.

Недавно в одной из статей я прочел: Виктюк культивирует красоты. Захаров смешивает Бердяева с Ельциным, Левитин делает театр для себя — сам ставит, сам смотрит. При всей своей пародийности такая оценка, думаю, правильная.

Традиции великого театра были уничтожены, перерезаны в определенное время, погибли вместе с теми, кто их развивал. Вы же помните, что, например, произошло на Малой Бронной: ушел Эфрос — не стало театра. А театры Мейерхольда? Таирова?.. Десятилетиями менялись режиссеры, ставились эксперименты, воплощались какие-то, казавшиеся гениальными, идеи. Но повторить великих художников невозможно. Особенно в театре. Это заколдованное место, где даже стены помнят чей-то талант. И жестоко мстят чужакам.

Огромная вина «стариков», которые сейчас вспоминают лучшие годы, что их победило бескультурье. Безусловно, бороться с госу-

дарством чрезвычайно трудно, практически невозможно, но традиции, пусть искусственно, по силам сохранять каждому театру в отдельности. Мхатовская линия, единственная линия, которая разрабатывалась — тоже плохо и примитивно. — лежит в сфере интересов моих ровесников — Васильева, Гинкоса и некоторых других. Их поиск удачен — возвращение к прошлому убедительно во многих спектаклях.

— В «Эрмитаже» тоже зрители редко видят спектакли, поставленные по произведениям современных писателей.

— Да, мы играем их не часто. И классику берем незнакомую. В моем театре я, как художественный руководитель, действительно работаю для себя и этого не скрываю. Но иногда то, что я делаю, интересно и другим.

Мне всегда хотелось сохранить идеал театра своего детства. До сих пор в него влюблен и берегу это ощущение. Все годы пытаюсь воплотить «репертуар детства», как я его называю, с постоянной верой в то, что искусство способно изменить мир. И в этом смысле, я уверен, наш театр культурен.

— Насколько мне известно, вы собирались экранизировать роман Теодора Амадея Гофмана «Житейские воззрения Кота Мура». Расскажите, пожалуйста, о своем проекте.

— У нас существует достаточно подробно разработанное и, моему, грандиозное художественное предложение — двухсерийная телевизионная картина по одноименной книге. Это должна быть роскошная постановка о судьбе искусства, об удивительных его возможностях, о превращениях внутри самого романа, где участвуют коты, цыгане, вокалисты, танцовщики. Много тайн нашей профессии и музыкальных секре-

тов в фильме, вероятно, были бы разгаданы. Роль композитора Крейсlera исполняет наш замечательный дирижер, человек инфернальный по своей пластике и очень необычный — Евгений Колобов. А снимать собираемся в саду «Эрмитаж» и в самом театре. Место действия и весь антураж романа удивительно совпадают с тем, чем мы реально обладаем. Кажется, все так удобно, рядом... Но до сих пор не нашлись ни спонсоры, ни люди, готовые почувствовать вкус идеи. В постановке заняты лучшие артисты театра — Виктор Гвоздицкий, Александр Пожаров, Геннадий Храпунков, Борис Романов, Галина Морачева, Дарья Белоусова. Я тщательно разработал сценарий. Было готово все. Мы предлагали фильм российскому телевидению, но нам могли предоставить все, кроме денег. Переговоры велись даже со вторым каналом немецкого телевидения. Но у них неожиданно поменялись сотрудники, и идея заглохла.

— Значит, те, кто обозначен на ваших афишах как меценаты и спонсоры, оказывают «Эрмитажу» только моральную поддержку?

— По существу, да.

— Михаил Захарович, так стоит ли нашим театрам бороться за выживание? И вообще их ли это работа?

— Если говорить о театре как о виде искусства, то борьба бессмысленна. Он вечен, и любая, даже самая сложная обстановка, не может истребить то, что нарабатано веками. Если же рассматривать театр с административной точки зрения, как организацию, ситуация в самом деле критическая. Страшно наблюдать за совершающимся на глазах преступлением против культуры, за полным ее игнорированием. Дикая,

повальная американизация общества, которой мы усиленно занимаемся, не осознавая, что это путь, который ведет в никуда, опасна именно своей чужеродностью, неспособностью привиться на нашей почве. Да это вряд ли необходимо. Хорошо известно, что в Америке нет театров в том понимании, какими их представляют у нас. Конечно, есть отдельные блестящие постановки и какие-то вспышки удач на «Ов Бродвее». Но и они — лишь эпизоды, никак не влияющие на жизнь Америки. Эта страна научилась обходиться без театра. И сейчас Россия тоже учится обходиться без театра.

— Многие все-таки настроены более оптимистично.

— Я научился относиться к жизни, как к неожиданности. В этом мире может произойти все. Единственное, в чем я уверен, — к благополучному концу мы вряд ли приблизимся. Особенно в области культуры. Разговоры о новых временах для искусства — просто жлобство. Сейчас царят хаос и беспредел, которых оно выдержать не способно. Театры представлены сами себе. Подумать только, они должны конкурировать с какими-то совместными предприятиями, кооперативами. Во МХАТе (!) открылись магазины!.. В принципе я не против этого, но в душе никогда не приму. Может быть, то, что происходит, и интересно как материал писателям и драматургам. Но только как материал. Искусство же тяготеет к ясности и гармонии.

Я далек от того, чтобы давать оценку нашим предпринимателям. И обвиняю только в том, что их богатство случайно. Они не повинны в своих успехах. Мы обогатили их разгильдяйством и бардаком. Но я убежден, рано или поздно финансисты начнут вкладывать средства в культуру, понимая, что

здесь, на этой земле она одна им ответит взаимностью, что остаться в ее памяти можно только так и никак иначе. Это доказано временем.

Пусть живут, как хотят. А мы — та самая голь, которая на выдумки хитра. Выкрутимся.

Подумав, Левитин добавил: «Я

бы создал партию беззащитных и обреченных деятелей искусства и в правление предложил себя...»

Может, это действительно выход?

**Беседу вела
НАТАЛЬЯ КИЛЕССО.**

Избавиться от забот о завтрашнем дне помогут Вам 23 способа гарантированного заработка. Они принесут Вам доход и уверенность в своих силах.

Хотите — выберите один из них, хотите — проверьте каждый.

1. Частная фирма бытовых услуг.
2. Частная торговая фирма на дому.
3. Почта на дому.
4. Автосервис без собственной мастерской.
5. Частное бюро объявлений.
6. Частная библиотека.
7. Как заработать с помощью телефона.
8. Нетрадиционный заработок с помощью собственного автомобиля.
9. Ремонтная мастерская самообслуживания.
10. Как заработать на своих школьных знаниях.
11. Адреса 28 зарубежных фирм-посредников по найму рабочей силы.
12. Служба доставки продуктов.
13. Частная фирма-посредник.
14. Художественное ателье на дому.
15. Домашний детский сад.
16. Домашняя гостиница у дороги.
17. Домашнее кафе у дороги.
18. Молодежная служба «мотокурьер».
19. Частная справочная служба.
20. Частный склад или камера хранения.
21. снабженческо-бытовая служба «село — город».
22. Как стать посредником.

СТОИМОСТЬ КАЖДОЙ МЕТОДИКИ — 67 рублей.

23. Рекомендации по эффективному использованию приватизационных чеков (ваучеров) — 180 рублей.

СТОИМОСТЬ ВСЕГО ПАКЕТА — 667 рублей.

Пакеты высылаем наложенным платежом. Не забудьте в письмо вложить конверт с Вашим обратным адресом и соответствующей пометкой.

Наш адрес:

454070, Челябинск-70,
а/я 404, фирма «РИЗИН».

АРКАДИЙ ТЮРИН

АПО

КСАНДР

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Азия удобна для завоевания, ибо она огромна и населена народами.

Лучше всего командовать людьми, когда они в строю. Чем больше людей собирается вместе, тем меньше остается каждого из них. Поэт древности сказал: «В большой семье человек подобен животному в стаде, в толпе — дереву, в войске — траве».

— Александр, ты опаздываешь! Тебя ждет твой учитель! Беги, не чувствуя тяжести своего тела, пока не состаришься. Учись быть, как все!

Преимущество пехоты в том, что она не может спастись бегством от конницы. За двумя пустынями, если конница обратится в бегство и погибнет от страха в песках, возникнет Индия. Там есть все, чего можно желать. Достаточно пронести свои желания через трехлетнюю битву. Многие шли этим путем, и у многих оставалось всего два-три желания: выжить, убить врага, захватить золото, вернуться с победой. Всего два-три? Это много! Философ сказал: все, что кажется слишком просто, на самом деле — просто слишком. Два-три желания, и жизнь растекается, обходя препятствия, на гиблые рукава, впитывается в пыль, останавливается и течет назад. Великий воин медленным шагом выезжает из разрушенных ворот. Пространства воют выжженным нутром по сторонам пути, тела обескровленных стран съеживаются в шкурах государств, отползая к их дальним границам. Тень его покрывает полмира, заслоняя восход, следы наполняются морями.

Здесь никто не знал его ни юношей, ни ребенком, и волны страха кругами текут от него по чужим спинам, не возвращаясь.

— Александр, мы уезжаем!

Но вот исчезают за горизонтом горы и вырастают перед глазами холмы; пирамиды трупов, видимые вдоль пути, сменяются близкими могилами. Солнце уже высоко, и тень короче собственного шага. Долгие разговоры вместо коротких приказаний. Убийство вместо побед, казни вместо убийств.

Вечером свет в глаза. Чего он не знает здесь, в низеньком селении на жалком бугре?.. Где же родина героя?

За этим сараем? В портике, увитом сохнувшим плющом? И войны озираются, словно хищники, которых забыли запереть. Они навсегда перестали понимать этих увядших женщин, завернутых в грубую серую ткань.

За ледяными горами лежат желтые холмы, усеянные людьми, как муравьями. Там власть осязаема, ибо жизнь этих муравьев настоялась тысячелетиями. Стоит только перегородить древнее русло, глубоко прорезанное в веках, и власть начнет набирать глубину, не требуя никакого движения. Все силы Вселенной сольются в единую толщу власти. Не редкие нивы, что видеть вокруг возжелал земледелец свободный...

— Александр, будь послушен!

И не случайное рабство... Там жест повелителя может проникнуть до дна, колебля ряд сомкнутых плеч. Там толпы перед лицом необъятного постигли равенство в ничтожестве.

— Александр, если уйдешь, можешь не возвращаться.

Предшественники возвращались. Восток молча смотрел им в спину, расплываясь в своей непонятной улыбке, и слал пестрых всадников на новый праздник смерти. Человек сильнее лошади, ибо в нем больше страха и ненависти. Но путь в Индию долог, и было бы досадно, если бы пестрые всадники не вернулись снова. Александр возьмет их коней для своих воинов. Сражаться они будут пешими, но передвигаться между битвами — верхом.

— Александр, ты опять о чем-то мечтаешь! Неужели нельзя...

Нет, нельзя сажать война-копьемосца на лошадь. Потомок пахарей должен чувствовать под собой твердость земли, а не трепет животного. Впереди могут встретиться непроходимые леса, отвесные утесы, глубокие ущелья...

— Александр, слезь оттуда, ты свернешь себе шею...

Только человек может бежать, идти, карабкаться, ползти и взбираться...

Тело человека упруго, когда оно неподвижно. Между нежностью младенца и дряхлостью старца, между сном в утробе и сном в могиле есть спокойствие плавных очертаний, мощных изгибов. Воин с раздробленным черепом бился в агонии, его сердце рвалось в адском усилии, вздымая ребра... Тот, кому стрела вошла в сердце совсем неглубоко, затих вмиг. Сердце не останавливается и во сне. Если народ — это живое, то у народа есть и жизнь. Покоряя народ, надо знать, хочешь ли ты остановить его сердце. У того, кто стал на путь завоеваний, нет выбора, кроме выбора между убийством немедленным и медленным убийством. Таковы пределы, поставленные милосердию победителя.

Обращая народы в рабство, можно не убивать людей. Это убивает их души и в конце концов душу народа. Жизнь — это непрерывное преодоление смерти, это работа над преодолением смерти. Жизнь подаренная — а другой нет у раба — уже не требует этой работы. Что же принадлежит рабу? И — для Александра это важнее — кому же принадлежит мир? Равна ли разница между рабом и человеком, разница между человеком и царем? Владеет ли господин жизнью раба, если в рабском существе уже нет человеческой жизни?

— Александр, Александр!

Важно понять, как делится мир: вдоль неба до земли — или поперек, как срубленное дерево. Обнажаются ли при этом недра жизни, открывая дорогу сокам и опустошая живое, или только ветви, отделенные от сердцевины, высыхают? Каждый отделен от каждого? Если так, то сомнений нет. Чужая кровь остывает в песке, а ты не испытываешь слабости. Сила жизни замкнута в человеке, как в сосуде. Люди не ветви одного дерева. Судьба отделена от судьбы, пространство разрублено сверху вниз, словно отвесными взмахами меча...

— Александр, ты еще многого не знаешь...

Александр уже знает, что есть жизнь и смерть, огонь и вода, мужчина и женщина, меч и хлеб.

Но учитель заронил сомнение в душу Александра. «Посмотри, — сказал он, — ведь, кроме хлеба и оружия, есть папирус, на

котором можно начертать приказ о казни и приказ о наделении хлебом. Кроме мужчин и женщин, есть гермафродиты и евнухи, кроме жизни и смерти, есть сон и забвение. Помимо любви и ненависти к живым людям, есть любовь к мудрости умерших и зависть к их славе. «Александр, ты опять задумался...» И вот Александр перестал задумываться. Он понял, что середина мира может быть достигнута либо умом, либо силой. Либо стремлением — и силой... Недолго он выбирал и взвешивал. Терпеливый и сильный телом, он не мог заставить свой ум постигать основу каждой мелкой вещи, так, как очищают по одному лесные орехи. Учитель вел его через заросли сложного, но известного, через горы известного, но непонятого. Это было путешествие зрячего, не слепым поводырем, которому дорога эта знакома. В чащобах и лабиринтах слепец двигался ощупью, а взгляд зрячего упирался в хаос стволов и нагромождение утесов. Зрячий мог заблудиться, слепец отыскивал знакомые приметы и не сбивался с пути.

Но вот перед ними пустыня неизвестности. Стоит ли идти по ней за слепым поводырем? На границе этой пустыни Александр простился с учителем и пошел прямо к горизонту.

— Александр, твой сандалии опять полны песка! Не смотри так долго на восход — ты ослепнешь...

Этот голос все еще преследует его, но он слабее доносится через пустыню.

Александр нарочно наступает на глиняные стены, утюжит ногами игрушечные домики и опрокидывает башни, потрескавшиеся от многочасовой жары. Их построили еще утром. Солнце поднимается быстро, а середина мира еще далеко...

Каждая вещь обрастает свою сердцевину, не существуя без нее. Живое и мертвое прячет сердцевину свою внутри себя, ибо в ней — его суть. Все прекрасное делится надвое самой природой и живет, отраженное в самом себе. Морские раковины раскручивают спирали вокруг незримой нити. Стрела, изготовленная для полета, и птица, вскормленная в гнезде, — они чувствуют то же, что человек, сложивший вместе ладони, они чувствуют, что тело их правильно и симметрично. И орех, и камень... Вот в чем заключена сила вещей — в их соответствии самим себе. Но только человек — один из сотен тысяч — может, не истратив жизни на созерцание, ощутить в себе середину мира. И обрести недоступную другим силу.

Он может идти прямо на Восток. Пренебречь этими муравьиными кучами, ходами, изгородями из каменных плит, пленными воинами, легко превращаемыми в рабов, и захваченными рабами, превратившимися в вещь без хозяина.

Желтые от пыли, выбеленные жарой города, оберегавшие свою жалкую высохшую сердцевину, можно не брать, оставив на съедение страху и разбойникам, идущим по пятам за войском победителя. Но нельзя совершить великого, не преодолев великих трудностей, нельзя достичь великой цели, не встретив достойного сопротивления.

Ужас неизвестности был обманчив. В этой пустыне враг мал, летуч, неуловим. Азия не так уж удобна для подвигов. Не так уж

огромна, и народы не так тесно населяют ее, и не так отважны, не так сильны их войны, сколь хитры и коварны.

Александр несет свою славу, как копье, нанизывая на острие страны. Главное — поразить сердцевину. Он не делает ошибок. Каждый шаг его фаланг открывает дорогу для двух следующих шагов.

Да, города можно обойти, а крепости можно не разрушать. Но слава идет только по дороге, проложенной страхом.

Что подарит он жителям бесконечных холмов, если войдет к ним с миром?

Но вот ужас прервал их дремоту. «Идет Александр, разрушивший шестьсот городов!» Люди бегут прочь от своих стен, в поля, где в сумерках плачут шакалы, в тростниковые заросли, где ночью рычат тигры, в пустыни, где в самый глухой час перед рассветом слышен голос льва.

Александр входит в пустой город. Камешек, задетый ногой воина, меч, ударяющий о наколенник, мерный шаг войска, дыхание фаланг — все это раздвигает пустоту.

Все больше таких городов встречает на пути Александр. Все реже на древних холмах выстраиваются лучники, все дальше обтекают пестрые чернородые всадники его медные фаланги.

Что противостоит его войску? Тишина пространства.

Что противостоит самому Александру?

Время.

Делая первый шаг, он не осознавал этого. Теперь он должен выбирать: наслаждаться ли шумом битв и обременить себя трофеями, дабы повторить вскоре путь многих завоевателей, или отказаться от плодов побед и идти путем героя?

Выбор сделан раньше. Сердцевина найдена точно, и мир раскалывается легко, расступаясь перед фалангами, точно крепкое сухое дерево перед клином из острой бронзы.

И вот слава, которую воины Александра несут на своих копьях, становится ярче солнца. Фаланги, неотягощенные добычей, проходят через ворота чуждых поселений, осыпаясь цветами. Вместо тучи стрел и толп всадников, вздымающих пыль, навстречу им выходят из городов старейшины с дарами. Народ бросает под ноги воинам монеты, но они, вкусившие славы, пирают иные сокровища подошвами.

Страх перед Александром перерастает в ужас, ужас сменяется суевным чувством, превращается в поклонение...

Больше ни одного растоптанного муравейника. Ни одного сожженного храма, ни одного разграбленного жилища. В мире, где его могли ожидать, где хотя бы слышали о его родине, нет равных ему.

Низких он уничтожил силой и жестокостью, благородных покорил высотой духа, мудрых победил уважением, коварных обезоружил прозорливостью ума. Дорога на Восток открыта.

Страшным искусом лежит перед ним Индия. Пугают его не боевые слоны, не колесницы, ошетилившиеся лезвиями, не гигантские луки, которые натягивают трое отборных воинов.

Клян достиг мягкой сердцевины; в нем юными остались самые древние слои, омываемые клейкими терпкими соками, вязки-

ми — самые прочные набравшие силу волокна. Отсюда не вырвать бронзовый клин, если он увязнет. Давно расцвели, умерли, отпали и истлели могучие ветви, происшедшие отсюда и накрывшие своей широкой тканью полмира. Но здесь, сжатые тысячелетними кольцами, еще упруги тайные начала их побегов...

Битвы в ущельях под градом камней, изнеможение непрерывных стычек, отравленные стрелы, вода, которую нельзя пить, животные, которых нельзя убивать, плоды, которые нельзя есть... Сражения на узких равнинах, прижатых к рекам непроходимыми зарослями, вечная жара днем, ночные засады, змеи и огромные пауки в шатрах, гнев неизвестных богов. Леса, в которых нельзя стать лагерем из-за туч насекомых.

Пути обрываются. Степи и пустыни, через которые можно было вести воинов, остались далеко. Впереди — города, где теряется самое большое войско.

Болезни, загадочные, как яды, и яды, действующие медленно, как страшная болезнь.

И все это манит, дразнит непознаваемостью, терзает зрение и слух красками волшебства и песнями прекрасной былой жизни, от которой в забвенные времена навсегда ушел в поисках зимы остальной человеческий род. Вернуть, привязать, срastить кровеносной тканью сказочную страну с понятной простой землей и назвать все это миром...

Но — сон, но — забвение...

Снова, как в самом начале пути, Александр устанавливает ночлег в самой гуще воинов. Не благородные юноши, а простые копьеносцы из первых рядов фаланги охраняют сон Александра на этой странной почве, пронизанной корнями дивных побегов, под безумными звездами, горящими, будто в последний раз.

Слишком правдивыми оказались сказки о далекой стране. Легенды о ее сокровищах лгали только в одном: изумруды и рубины были гораздо крупнее, чем говорили самые болтливые из богатых торговцев, устройство дворцов — в тысячи раз роскошнее, чем утверждали самые алчные, а яства — намного слаще и обильнее, чем те, которыми бредили самые голодные из сумасшедших бродяг, достигших только государств, граничащих с этой страной.

Великие реки, известные Александру и его воинам, превратились за их спинами в ручьи, хребты — в предгорья, народы, известные многочисленностью и плодородием своих земель, — в жалкие горстки нищего сброда, блуждающего в мертвых пустынях.

Пестрые всадники, давно ставшие слугами Александра, устали от грабежей. Их путь усеян медью, брошенной ради серебра, серебром, уступившим место золоту, и золотом, которое они бросают ради рубинов и алмазов. Они забывают язык свой и богов, и один жест Александра значит для них больше, чем все обещания царей и вождей.

Фаланги же двинутся за ним, не дрогнув, в загробное царство, и пройдут его насквозь.

Никто не знает, куда он идет, чего ищет, пересекая землю

с запада на восток. Но Александр силен, и многие хотят быть союзниками великого Александра. Слава слепит тех, кто устремляет на него взгляд, и тайна его судьбы вдвойне недосыгаема.

— Александр, не стой так долго на солнце! Тебе напечет голову!

Был, ведь был тесный городишко в Месопотамии, сдавленный в кольце полуобвалившихся стен... Трое халдеев прошли мимо стражи, не сказав ни слова, и никто не остановил их. Эти люди брели издалека, чтобы предсказать судьбу Александра, но, встретившись с ним, внезапно онемели и утратили зрение... Это было после захода солнца, а в полночь все умерли. Александр захотел взглянуть на трупы тех, кто знал час его смерти: не было ли тут излишнего усердия стражи. Ни ран, ни пятен не нашел он на мертвых телах. Это было еще до знаменитой чаши с ядом.

И вскоре он увидел вещей сон.

— Александр, не спи! Где ты витаешь, о чем гредишь?

Голос, проклятый голос! У героя нет дома, нет пути назад! Жизнь Александра идет все быстрее, все дальше он от родины и все медленнее движется к цели. Кажется, что все кончится раньше, чем осядет пыль, поднятая фалангами, открывая позади чуждые пространства. Нет, не извилистые опасные дороги, не хребты гор отделяют его от земли предков. Она стала мала для него, как скорлупа ореха для возросшего дерева. Он вступил в другой мир, более обширный, чем тот, порождением которого был сам. Он осознал иной закон, более всеобъемлющий и могущественный, нежели тот, что сделал его царем. Мир заманил его внутрь себя, уступая во всем.

Мир не мог победить героя. Мир обманул его. Он все расширялся вокруг Александра. То он стал слишком просторен для того, чтобы принадлежать одному человеку. То слишком велик и для одного божества.

Не сила ненависти давит мозг героя, а бремя славы. Не войско врага преграждает путь на Восток, а медлительность, с которой идет жизнь, заставляя дни протекать в узкое горло песочных часов.

Мир впустил в себя героя, обнял его и дал почувствовать свою неодолимую силу не в противоборстве, но в объятиях. И Александр постигает недоступное другим. Те думали, что сражаются, чтобы взять имущество, свободу, жизнь своих противников. Но вот целые народы швыряют под ноги воину и жизнь, и свободу, и золото, крича: «Слава Александру Великому!» Разве это не поражение? Не рабство? Но многие тысячи, бывшие рабами рабов, рады стать прахом у ног Александра.

Он выше алчности. Выше мести. Он выпрямился в рост человека, и океан злобы и крови стал ему по щиколотку.

— Александр, не смей купаться! Ты утонешь!

Еле слышный голос... Он иногда доносится до него через равнины битв и холмы древности. Он опускается с неба, он проникает из-под земли. Океан, над которым смог возвыситься победитель народов, в нем самом. Он пульсирует, подступая к груди. Он приводит в ярость. Он не дает забыть о себе.

Бежать от этого голоса, прокладывая путь через пустоту неиз-

вестности, через вязкую, плотную середину мира, на край земли...

Александр всемогущ. Что он подарит побежденным? Вот эти монеты, зажатые в их руках. Их жилища, нетронутые огнем. Скот, родившийся от скота, принадлежавшего их прапрадедам. Землю, на которой родились они сами. Воду, текущую из-под их родовых камней, на которых века оставили отпечаток копыт и колен, сливающуюся за горизонтом в потоки, достигающие Ойкумены. Оружие, которым они смогут защищать от кочующего сброда свою жизнь.

Нет, это не жизнь, оставленная рабу как единственная нить, удерживающая его над пропастью забвения. Подарок Александра соткан из множества нитей, как прочный канат. Александр не повелевает эллинами как полководец, а варварами как деспот, не забывает об одних, как о друзьях и домочадцах, пользуясь другими, как животными и растениями. С высоты, на которой он стоит, все люди равно беспомощны. Где же убийства и казни? Разве Гавгамелы — это убийство? Ведь даже Дария лишили жизни его же люди. Вавилон, Суза, Пасаргады, Персеполь — это не места казней, это поля славы и подвигов.

— Вернись, Александр, вернись немедленно! Ты беззащитен перед неизвестным.

128
Есть ли на земле место, где не слышен этот голос? Вновь Александр бросается вперед, гонимый далеким криком. Там неприступные горы. Идя на север, он обходит их, с радостью встречая упорство неведомых племен и дикую отвагу тех, кто ничего не слышал о его величии. Окс, Яксарт и море, в которое они текут, это край мира, о нем рассказывали, услышав из четвертых угл... И теперь, достигнув Индии, он вспоминает тот зимний поход, оглядывая уцелевших воинов, и понимает, что жизнь человека не имеет цены и не вернуть никого из убитых, даже собрав все золото, высыпавшееся на землю из дырявых мешков чернородых конников. Он научился считать братьями смельчаков, различая эллинов и варваров не по хламиде и щиту, а по доблести. Будь он на родине, кто понял бы его, когда он называет варварством трусость, невзирая на то, из какого народа вышел трус?

Может быть, поэтому он обречен блуждать с мечом в руке?

Что было до зимнего похода? Вещий сон о Тире. Египет... Эктабана... Александр вспоминает все. Зная устройство вещей, он хочет представить, сколько сражений ему предстоит, сколько стран лежит по ту сторону великой реки индусов. И эту реку он тоже хочет представить. Она снится ему. И воды ее кажутся ему зеркалом, отражающим две половины мира. Оставив позади всю землю, он хочет выйти к небу.

Уже не призрачная империя манит его на Восток. Империя Востока — он это понял — лишь часть целого, вечного, замкнутого в себе мира, пребывающего в зыбком покое.

Давно это было. Год жизни назад; год жизни Александра Великого! Фаланги устали нести непомерную славу. А впереди — многолетний поход. Александр замедляет шествие непобедимой пехоты, дает своим воинам отдых, а сам входит в храм,

в сонных дворцах завоеванных стран слушает странных людей. Многие спят. Лгать Александру не смеет никто. Спит он, глаза опустив, под журчание речи. Иногда через трех толмачей замысловато, как струи фонтана, переливается слово. Тем скучней в сотый раз слушать сказку о царстве собакоголовых, об амазонках. В этих рассказах Александр узнает города, которые жег или щадил, горы, через которые шел, и моря, брызги которых высохли на его волосах.

Вот уже час или два стоит перед ним человек, говорящий о западной земле. Дальняя это земля. Так говорит этот человек. Причудливые жилища. Дикий народ. Край мира, говорит человек. Сам не был. Не видел. Другие ходили. Дом на холме называют дворцом. Скот содержат в жилищах, и сами живут среди камня... Час или два говорит человек.

Сквозь сон своей славы, сквозь миражи Индии, слушая этот рассказ, Александр узнает родину. Дом на холме... Виноград обвивает ветви оливы... И голос зовет.

Выйдя в ночной сад, он поднимает голову и смотрит на звезды. Они неподвижны. Так что же сдвинулось, дрогнув, в мире, что поменялось местами? Что это за время — «сейчас»? Что значит слово «здесь» для шагнувшего через пространство? Можно ли слушать живому миф о себе?

Да, он не пошел дальше. Инда. Почему он вернулся? Он возвращается дорогами своих побед, но теперь у него есть время вспомнить все, чего он не замечал. Он давно не видел крови, не слышал, как — разом! — выдыхает фаланга, останавливая остриями конницу. Это было вон там. И там...

Но это было совсем иначе, не так, как виделось тогда. Мир вокруг него изменился. Близкое стало далеким, простое — страшным. Мог ли он, наполнивший звуками своего имени чашу Вселенной, выйти из низкого дома на холме? Мог ли уйти за пределы известного тот, кого окликали:

— Александр! Не ходи далеко, будь рядом!

Он ненавидел этот голос, вязкий, как мед, не поддающийся мечу. Вот от чего он шел, вот что обрел в неизвестных пространствах. И он опустил свой меч, чтобы не быть смешным...

Он понимал суть явлений мгновенно, точно вспоминал недавно забытое. Нанизывая на одну мысль тысячу предметов, безошибочно видя в них подобие. Может быть, он ищет центр мира, чтобы вонзить в него меч? Или он сам оказался центром, вокруг которого медленно поворачивался мир все эти годы?

Впереди, за каменными хребтами, еще остается немного непокоренной земли. Из-за гранитного гребня еще может ударить стрела. С пустынным лицом Александр едет впереди своего отряда, оставив в душных городах цветных всадников. Только воины, прошедшие с ним весь путь от тесной Греции до вчерашних звезд, нужны ему в этом последнем походе. Мрачные мысли его освещены огнем, который питается истиной.

Он — герой, и от этого вся его жизнь стала ложью. Александр Великий... Божественный Александр! Разве это не ложь?

— Александр, у тебя слабые руки, ты все уронишь и разо-

бьешь! Не трогай дорогую чашу: она слишком тяжела для тебя! Кто будет собирать осколки?

Герой не может думать о том, кто придет собирать осколки. У героя не могло быть слабых рук!

Разбить эту бескрайнюю, бездонную чашу, чтобы вычерпать ладонью, лишить ее пространства, сжать в руке черепки, прибежать и, разжав кулак, высыпать на колени женщине с медовым голосом...

Все, к чему он прикасается, тает в его руках. Нечего разбить, рассесть, не над чем одержать победу. Податливый мир обтекает его, впускает в себя, смыкаясь позади мягкими створками. Вот еще одна страна расстелила ковры, выставила длинные трубы, оглушительно ревущие великую славу Искандеру Двурогому, Завоевателю Вселенной... Нет, надо было поселить этих халдеев в своем шатре, поить из своей чаши, как братьев, кормить со своего блюда... Как узнать теперь, для чего дана жизнь герою? Много ли ее осталось? Хватит ли жизни, чтобы наполнить все вокруг?

Александру не суждено вонзить меч в середину земли. Как песчинка в створках моллюска, затерялся он в раковине пространства. Мир обволакивает острые грани, и невозможно разрезать ткань времен.

— Александр, тебя все ищут! Не исчезай...

Кажется, жемчужина тускло блеснула под ногами восходящих на холм. Александр опять рассыпал бусы своей матери. Разве найдешь ее теперь...

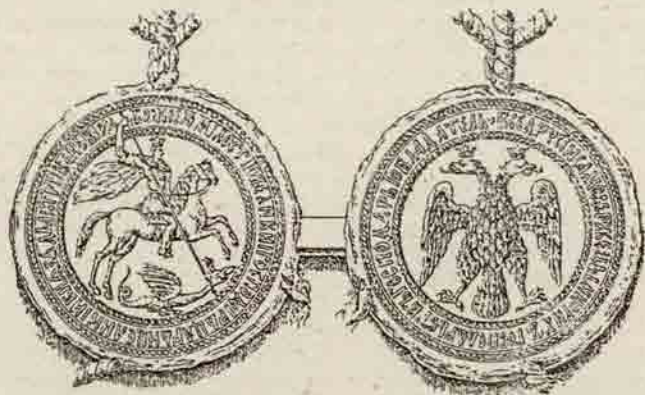
ЦАРЬ

ИЛИ

НЕ ЦАРЬ?

СИГИЗМУНД ЛИБРОВИЧ

Автор предлагаемой публикации Сигизмунд Феликсович Либрович (1855—1918) — фигура многогранная и в русской культуре, несомненно, значительная. Более сорока лет проработав в книготорговой и издательской фирме М. О. Вольфа, широкую известность тем не менее он приобрел на других поприщах. Соединяя в одном лице незаурядные дарования библиографа, историка, писателя, мемуариста, С. Либрович по праву занимает высокое место среди самых известных просветителей России рубежа двух веков. Однако автор почти ста книг, пользовавшихся необыкновенной популярностью, был забыт более семи десятков лет. Вновь раскрытые эти книги говорят о том, что пришло время второго их рождения. Именно это обстоятельство остановило наш выбор на одной из них.

*Государственная печать Дмитрия I, которой скреплены
государственные акты, издававшиеся им.*

Димитрий I Иоаннович, царь московский

Был 1605 год.

В жаркий, солнечный летний день, 20 июня, Москва торжественно и шумно, под звон колоколов и ликующие крики народа встречала нового царя — Димитрия Иоанновича, приближавшегося к столице во главе большого войска.

Духовенство с иконами и хоругвями ожидало молодого царя на Красной площади, а народ толпами заполнил все улицы, все дороги, которые вели в Кремль, покрыл крыши домов и колокольни.

То тут, то там появлялись князь Василий Рубец-Масальский и дьяк Богдан Сутупов, на которых была возложена обязанность подготовить столицу к царскому въезду, и указывали путь, по которому Димитрий Иоаннович проследует в соборы, прежде же всего в Архангельский — помолиться у гроба своих предков.

Нетерпение народа, жаждавшего увидеть давножданного царя, росло с часу на час.

Ровно в полдень показалось наконец длинное шествие. Впереди ехали верхом сопровождавшие нового царя польские латники в крылатых шлемах и панцирях, за ними польские паны в контушах и конфедератках, далее разные знатные немецкие и другие иностранные люди, к которым примыкали польские музыканты, игравшие на трубах, литаврах и барабанах. Далее шли пешие стрельцы, а за стрельцами медленно двигались царские кареты. За каретами — верхом на лошадях, дворяне, дети боярские в роскошных праздничных кафтанах, московские военные музыканты и московские служилые люди. Затем следовало духовенство в золотых ризах, несли хоругви, иконы, Евангелие. За иконами ехал патриарх Игнатий, а за патриархом в роскошном, шитом золотом платье, на красивом белом коне, в богатой сбруе, следовал сам царь. Его окружили целой толпой бояре и окольные. За царем в карете ехали двое знатнейших московских бояр, князь Мстиславский и князь Василий Шуйский, а за ними в пестрых нарядах — конные казаки, татары, опять поляки. Шествие замыкали огромные толпы народа.

Доехав до Красной площади, новый царь слез с коня и напра-

Demetrius Alexiwitz
Magnus Dux Moscoviæ.

Портрет Дмитрия Самозванца, изображенного в царском одеянии и Мономаховой шапке-короне.
Подлинная гравюра находится в Императорском Эрмитаже в С.-Петербурге.

вился пешком в Архангельский собор. Народ впился глазами в молодого царя: роста ниже среднего, с круглым, смуглым лицом и сумрачным взглядом маленьких глаз, с русыми волосами, без усов и бороды, он приветливо кланялся во все стороны в ответ на громкие клики восторга, которые почти заглушали звон колоколов.

— Вот он, наше ясное солнышко, государь наш батюшка! — говорили в народе.

— Да здравствует государь! — раздавалось отовсюду.

Однако далеко не все одинаково радостно встречали нового царя: были и такие, которые высказывали сомнение, на самом ли деле тот, кто называет себя Димитрием Иоанновичем, тот, которого так торжественно встречал народ московский, подлинный царь, т. е. сын царя Иоанна Васильевича, царевич Димитрий. Многие хорошо помнили 1591 год, когда до Москвы дошло страшное известие, что царевич Димитрий, в то время девятилетний ребенок, зарезан в Угличе подосланными будто бы Борисом Годуновым людьми и что этим убийством Борис — в то время «правая рука» царя Феодора Иоанновича и первое после него лицо в государстве — хотел очистить для себя дорогу к престолу, устранить опасного соперника. Известие это впоследствии передавали иначе: говорили, что царевич не то сам зарезался, не то накололся на нож во время игры или в припадке падучей болезни и что Годунов в смерти царевича невиновен. Как-никак, но тогда были все убеждены, что царевич умер. И вдруг, после 15 лет, оказывается, что тот, которого считали мертвым, жив и едет в Москву занять родительский престол! Возможно ли это?

Слухи, будто царевич Димитрий жив, спасся, стали раздаваться в Москве еще в 1598 году, т. е. в первый же год правления Бориса Годунова. Тогда говорили, что в Угличе убит был другой мальчик, которого и похоронили под именем царевича Димитрия, между тем как настоящий царевич укрылся в каком-то монастыре, опасаясь преследований со стороны Годунова. Но этим слухам не верили, думали, что их распускают враги и завистники Бориса. Прошло несколько лет, и до Москвы дошла молва, что в пределах Польши появился юноша — тот самый, который скрывался в монастыре, и что он и хлопчет о том, чтобы король польский дал ему средства и войско отнять прародительский престол, незаконно захваченный будто бы Борисом Годуновым. Но и этой молве в Москве не придавали значения и были убеждены в том, что этот юноша просто самозванец, обманщик, выдающий себя за царевича. Прошло еще несколько лет, и вот, в октябре 1604 года, тот, которого считали самозванцем и обманщиком, собрав вокруг себя сильное и многочисленное войско и одержав ряд побед над армией Годунова, двинулся к Москве.

Между тем весть о чудесном появлении царевича, проникнув в московские земли, вызвала там давно бродившее в народе желание избавиться от «пришлого» царя, Бориса Годунова, и заместить его «прирожденным» государем. Обаяние имени спасенного царевича Димитрия и недовольство Годуновым заставили

сразу примкнуть многие тысячи русских к полчищам иноземцев, собравшимся вокруг неожиданно появившегося юноши.

Целый ряд городов — Моравск, Чернигов, Рьльск, Путивль, Курск — быстро, один за другим, передавались явившемуся из Польши царевичу. Народ встречал его с хлебом-солью, а воеводы отворяли ворота и присоединяли свои войска к его войску. Только под Новгород-Северским войска Бориса Годунова во главе с воеводою Басмановым не захотели подчиниться Димитрию и заставили его отступить. Чтобы поправить свои дела и очистить себе дальше путь к Москве, Димитрий вступил в бой с царскими войсками близ города Севска. Разбитый наголову, он бежал и укрылся временно в Путивле. Туда к нему стали стекаться со всех сторон русские люди — казаки, стрельцы, дворяне, дьяки. Одни приносили оружие, другие — деньги, привозили даже пушки и все отдавались ему на службу, предлагая ему вновь двинуться против царских войск. Внезапная смерть Бориса Годунова, переход его армии на сторону Димитрия, убийство вступившего на престол сына Бориса, царя Феодора, и его матери освободили престол для мнимого царевича Димитрия и помогли ему достигнуть заветной его цели. Народ и бояре, за немногими исключениями, встретили его как своего законного царя, торжественно ввели его в столицу; духовенство его благословило; царица Марфа, вдова Иоанна Грозного, со слезами прижала его к груди, как чудесно спасшегося сына... Боярин Василий Шуйский всенародно говорил, что Димитрий — истинный царь, спасшийся в Угличе ребенком; другой знатный боярин, Богдан Бельский, выйдя на Красную площадь, тоже всенародно подтвердил, что прибывший в Москву царь есть действительно сын Иоанна Грозного, и в знак верности своих слов поцеловал крест. Таким образом, если и были у кого-нибудь сомнения насчет «подлинности» Димитрия, они должны были исчезнуть.

Спустя месяц, 21 июля 1605 года, новый царь по принятому обычаю венчался короною Мономаха, а в 1606 году, считая свое положение прочным, вызвал из Кракова свою невесту, дочь сандомирского воеводы Мнишка, Марину, обвенчался с ней и возложил на ее голову московскую корону в присутствии духовенства, бояр, всех знатных московских людей и ликовавшего народа.

И стал на Руси царствовать новый царь Димитрий Иоаннович.

«Мы, пресветлейший и непобедимейший монарх, Димитрий Иоаннович, Божею Милостию Император и Великий Князь всея России и всех Татарских царств и иных многих Московской монархии покоренных областей Государь и Царь» — так начинались все грамоты, все указы и приказы нового царя, и народ подчинялся им беспрекословно, считая, что на престоле восседает истинный царь.

Но и года не прошло с тех пор, как тот самый народ, который радостно встречал Димитрия Иоанновича кликами восторга и колокольным звоном, признавая в нем царя и великого князя московского, а следовательно и своего монарха, объявил его

обманщиком, самозванцем. Ворвавшиеся во дворец, в ночь с 16 на 17 мая 1606 года, заговорщики схватили пытавшегося спуститься на улицу по лесам через окно и упавшего наземь Димитрия, поволокли его во дворец, стали над ним, еле живым, издеваться и убили его. Бояре, не так давно клявшиеся, что они считают Димитрия истинным царем, говорили теперь: «черт он, не царевич» (слова кн. Василия Шуйского), еретик, безбожник, расстрига, который хотел погубить православную веру; а царица-вдова, инокиня Марфа, всенародно клялась, что она лишь из страха за свою жизнь признала обманщика-самозванца за своего сына... Тело убитого недавнего «царя» сожгли на площади и, зарядив пеплом пушку, выстрелили в ту сторону, откуда он пришел...

Кто же был человек, процарствовавший в Москве с 20 июня 1605 по 16 мая 1606 года, т. е. одиннадцать месяцев, под именем Димитрия Иоанновича? Был ли это царь или не царь? Был это действительно сын царя Иоанна Грозного, спасшийся царевич Димитрий, или же это был обманщик, самозванец, выдававший себя за царя? А если обманщик, то кто именно скрывался под именем царя Димитрия Иоанновича?

136 Ответить на этот вопрос было трудно не только современникам, но и последующим поколениям. Несмотря на целый ряд исторических изысканий, вопрос о том, вступил ли на престол московский в 1605 году настоящий царевич Димитрий, спасшийся в детстве в Угличе, или же какой-то неизвестный юноша, выдававший себя за царя, остается до сих пор спорным. Достоверных исторических документов, которые подтверждали бы окончательно то или другое мнение, не нашлось. Вообще история того человека, который царствовал в Москве под именем царя Димитрия I Иоанновича, разделяется на две части: одна — достоверная, несомненная, другая — загадочная, спорная. Достоверная начинается с того момента, когда в пределах польского государства появился молодой человек, заявивший, что он спасшийся от убийц царевич Димитрий; загадочными и спорными остаются все события, предшествовавшие этому факту.

В то время как некоторые ученые историки готовы признать в Димитрии Иоанновиче настоящего, подлинного царевича Димитрия, другие пришли к заключению, что человек, царствовавший под именем Димитрия I, не имел ничего общего с царевичем, не был и не мог быть сыном царя Иоанна Грозного и что под именем Димитрия появился какой-то безвестный юноша.

Еще более спорным является вопрос о том, кто же именно был этот юноша, кто был тот, которого история назвала Лжедимитрием, Димитрием Самозванцем, Димитрием I Ложным? Откуда явился этот человек, так легко завладевший московским престолом? Принадлежал ли он к какому-нибудь знатному боярскому роду или же вышел из простого народа? Был ли он природный москвич или же иноземец? Был ли он сам убежден, что он сын царя, или же он знал, что он не царевич? Действовал ли он самостоятельно или же был только орудием в чужих руках? И кто, в последнем случае, подговорил его и научил выдавать

Портрет Дмитрия Самозванца, гравированный в 1605 году и помещенный в польской брошюре, изданной в Кракове в 1606 году, в память обручения Марины Мишиек с заместителем Дмитрием.

себя за царя московского? Наконец, с какою целью это было сделано?

На этот счет существует много самых разнообразных предположений и догадок, слухов и легенд, сказаний и преданий, разобраться в которых тщетно старается историческая наука.

Сказание о спасенном царевиче Дмитрии

В царствование Феодора Иоанновича, сына Иоанна Грозного, 15 мая 1591 года случилось в городе Угличе загадочное происшествие.

Жил тогда в Угличе в опале у правителя государства Бориса Годунова девятилетний царевич Дмитрий, младший сын царя Иоанна Грозного и его седьмой супруги Марии Феодоровны Нагой. С нетерпением ждала царица и ее братья совершеннолетия царевича, чтоб занять подобающее положение в Москве. Это было известно Борису Годунову, правившему государством за слабоумного Феодора. Борис опасался, что родственники Дмитрия отнимут у него власть, провозгласят царем Дмитрия, его же, Годунова, подвергнут опале и лишат возможности проложить себе дорогу к престолу после бездетного Феодора, о чем властолюбивый Борис мечтал уже давно. И вот он решил устранить со своей дороги опасного соперника и отправил в Углич преданных ему дьяка Михаила Битяговского с сыном Даниилом и племянником Никитой Качаловым. Этим людям было поручено убить царевича. В заговоре принял участие еще сын мамки царевича,

Осип Волохов. Выбрав подходящий момент, когда царевич играл на дворе, Волохов нанес царевичу удар ножом, царевич упал, преданная ему кормилица прикрыла его и стала кричать. Битяговский, сын его и Качалов несколькими ударами ошеломили кормилицу, оттащили от ребенка и опять ранили. На крик кормилицы выбежала из дворца царица-мать и с раздирающими душу криками упала на тело сына. Соборный пономарь, бывший в это время на колокольне, видел совершившееся и ударил в набат. Сбежался народ. Узнав от царицы, что царевича убили подосланные Годуновым люди, народ убил обоих Битяговских, Качалова и Волохова.

Но царевич — так говорит предание — не был убит. Его успела спасти кормилица, а дьяки Щелкаловы в гроб положили другого мальчика, опасаясь, что Годунов, узнав о спасении царевича, опять подойдет убийц.

Годунов утверждал, что весь рассказ о подосланных им убийцах — сущая клевета со стороны его врагов, и велел назначить следствие, которое показало будто бы, что царевич вовсе не был убит, а, играя в «тычку», сам наткнулся на нож в припадке падучей болезни; но народ этому не поверил и считал Годунова виновником убийства.

Тем временем спасенного царевича укрыли у одного боярского сына в Москве. По совету последнего царевич, опасаясь, что шпионы Годунова могут разыскать его, укрылся в монастыре среди чернецов, а затем отправился странствовать в одежде инок, выдавая себя за монаха и приняв чужое имя. Переходя из одной обители в другую, он добрался в 1603 году до Киевской земли и там, сняв рясу, поступил в услужение к князю Вишневецкому, в Брагине.

Здесь он заболел и, живя у польского вельможи, попросил священника исповедать и причастить его перед смертью. Священнику он сказал:

— Если я умру, похороните меня с честью, как хоронят царских детей.

Священник удивился и спросил:

— Почему?

— Я тебе этого не открою, — ответил тот. — Но после моей смерти возьми у меня под постелью бумагу. Это грамота. Из нее ты узнаешь, кто я такой. Но никому об этом не говори.

Священник, однако, сейчас же рассказал князю Вишневецкому. Тот пришел к больному, но ничего от него не добился. Тогда достали из-под постели грамоту и прочитали, что больной слуга — сын московского царя Иоанна IV, Димитрий, тот самый, которого считали убитым в Угличе.

Когда юноша выздоровел, его стали допрашивать, и он подтвердил, что он действительно царевич Димитрий, причем показал дорогой крест, возложенный будто бы на него при крещении в Москве крестным отцом, князем Мстиславским.

Князь Вишневецкий поверил рассказу.

Весть о московском царевиче, чудесно спасшемся от смерти, быстро распространилась между соседними польскими вельможами, которые и решили помочь царевичу занять московский престол.

«Извет» о Гришке Отрепьеве

В числе слуг, или, как тогда называли, холопов, бояр Романовых жил около 1600 года Юрий Отрепьев, сын стрелецкого сотника из города Галича, Богдана Отрепьева.

Жил он на службе сначала у Романовых, затем у их свойственника князя Бориса Черкасского, еще с детства. Мальчик был некрасивый лицом, но очень смелый, сильный, умный и дерзкий, и резко выделялся среди окружавших его.

Почему-то мальчик стал усердно расспрашивать у всех подробности, касавшиеся загадочной смерти царевича Димитрия в Угличе. Об этом донесли Борису Годунову, который постоянно подозревал, что враги умышляют что-то против него, и подвергал ссылке и опале всех заподозриваемых. Расспросы мальчика показались Годунову подозрительными. Мальчик узнал о доносе и, опасаясь преследований со стороны Годунова, бежал, постригся в монахи под именем Григория и, переходя из монастыря в монастырь, попал в Чудов монастырь в Москве, а затем на патриарший двор в дьяки, для письменных работ. Патриарх Иов очень полюбил его, потому что Григорий был юноша грамотный и умный.

Как-то раз Григорий сказал другим монахам: «Знаете ли, что я буду царем московским?» Донесли об этом патриарху; тот велел дерзкого инока сослать в Кириллов-Белозерский монастырь.

Григорий успел бежать в Галич, потом в Муром и, вернувшись в Москву, в 1602 году отправился оттуда вместе с неким иноком Варлаамом в Киев, в Печерский монастырь, и намеревался перебраться дальше в польско-литовские владения, причем чуть не был схвачен московскими приставами, которым правительством Годунова поручено было следить за всеми выходцами и не допустить бегства расстриги, выдававшего себя за царевича.

Отрепьев успел бежать от приставов, выскочив из корчмы, когда пристава признали в нем того именно человека, которого им велено было задержать. Спасшись, Отрепьев направился в Запорожскую сечь, где научился ратному делу, потом перешел в Остров к князю Константину Острожскому, затем поступил в школу в Гоше, где выучился латинскому и польскому языкам; и, наконец, поступил на службу к князю Адаму Вишневецкому, которому, притворившись больным, впервые и объявил о своем якобы царском происхождении, причем в доказательство показал бывший на груди его драгоценный крест с мощами и какую-то грамоту, в которой значилось, что он Димитрий-царевич, спасшийся от убийц в Угличе.

В таком виде передавался рассказ о происхождении Димитрия Самозванца после его смерти правительством царя Василия Шуйского, которое опиралось при этом на показание или «извет» упомянутого инока Варлаама.

Сказание о мальчике Леониде

В конце XVI века жил в Москве на попечении у вдовы Варвары Отрепьевой неизвестного происхождения мальчик-сирота по имени Леонид. Вдова называла его своим сыном, сама учила грамоте, заботилась о нем, точно о своем родном ребенке. Но мальчику почему-то не нравилось в доме Отрепьевой. Он ушел от нее. Скитаясь по Москве, мальчик встретил игумена Трифона, основателя, а затем архимандрита Успенского монастыря в городе Хлынове (ныне Вятке). Трифон уговорил мальчика постричься в монахи, сам постриг его на 14-м году жизни и сделал его келейником-служкою в Чудовом монастыре. Прожив более года в этом монастыре, юный монах попадает к патриарху Иову на патриарший двор для писания книг. Тут-то он стал усердно расспрашивать про разные подробности, сопровождавшие смерть царевича Димитрия, и своими странными расспросами возбудил подозрение Ростовского митрополита, который донес о нем Борису Годунову. Тот велел тотчас же чересчур любопытного юного монаха сослать в отдаленный Соловецкий монастырь. Но Леонид вовремя узнал об ожидавшем его заточении и успел бежать в Киев, где стал дружить с запорожскими казаками, затем перебрался ко двору киевского воеводы князя Константина Острожского. Пробыв у последнего полтора года, он исчезает и появляется вновь в Брагине, у православного западнорусского вельможи Адама Вишневецкого. Леонид теперь уже не монах: он снял рясу и поступил в число слуг князя, который полюбил его за отвагу и ум и приблизил к себе. И вот здесь, в Брагине, бывший инок в 1603 году заявляет, что он углицкий царевич, спасшийся от грозившей ему смерти. Князь Вишневецкий поверил рассказу и в октябре того же 1603 года уведомил польского короля о чудесном спасении Димитрия и в то же время отправил молодого искателя престола к своему родственнику, князю Константину Вишневецкому, женатому на дочери сандомирского воеводы Юрия Мнишка, в имение Залосце на Вольны.

Князь Константин сначала было усомнился, действительно ли приехавший к нему юноша — спасшийся московский царевич, но, когда в Залосце явился некто Петровский, слуга польского посла в Москве, канцлера Льва Сапегу, и по приметам на теле признал в Димитрии царевича, которому будто бы служил в Угличе, все сомнения князя исчезли, и он повез мнимого царевича в Краков, чтоб показать и представить королю польскому Сигизмунду.

На пути в Краков Вишневецкий с мнимым царевичем остановился у своего тестя, сандомирского воеводы Юрия Мнишка. Здесь слуга Мнишка, бывший некоторое время в Москве и будто бы знавший царевича Димитрия, тоже подтвердил подлинность привезенного Вишневецким юноши, подтвердил, что этот юноша и есть царевич Димитрий. Тогда в Самборе возникла мысль женить будущего московского царя на дочери Мнишка, Марине, и помочь ему оружием, войском и деньгами свергнуть с престола

Годунова. С этой целью решено было свезти Дмитрия в Краков, представить польскому королю Сигизмунду и влиятельным польским вельможам. Пробыв некоторое время в Самборе, Дмитрий вместе с Вишневецким и Мнишком направился в Краков, где нашлись еще какие-то три монаха, свидетельствовавшие, что мнимый Дмитрий на самом деле царевич углицкий. Однако король не мог оказать Дмитрию помощи, потому что среди вельмож многие усомнились, действительно ли Дмитрий — царевич московский.

После представления королю Дмитрий опять направился в Самбор к Мнишку, уже собравшему для него вооруженную силу, с которой Дмитрий и отправился добывать для себя московский престол.

Слухи о «выкормыше» Романовых

Когда в 1598 году собор избрал на царство Бориса Годунова, многие бояре остались этим очень недовольны. Особенно враждебно относились к этому бояре Романовы, которые были главными противниками избрания Бориса.

Не решаясь выступить открыто против нового царя, пользовавшегося в первые годы своего царствования большой любовью и среди знатного боярства, и в народе, Романовы придумали другое средство, чтобы свергнуть с престола ненавистного Годунова: они начали распускать слухи, что царевич Дмитрий Иоаннович, которого считали убитым в Угличе, жив, спасся и что недалеко то время, когда он явится в Москву, чтобы отнять у Годунова московский престол.

В доме Романовых в числе многих других детей бедных бояр жил мальчик-сирота, ровесник царевича Дмитрия. Его и решили Романовы выдать за спасшегося будто бы царевича Дмитрия и стали внушать мальчику, что он не кто иной, как Дмитрий, сын царя Иоанна Грозного и его седьмой жены Марии Феодоровны Нагой, но что ему нужно до поры до времени скрывать свое царское происхождение, иначе Борис Годунов велит его умертвить или сослать в отдаленный монастырь. Мальчик поверил этим рассказам и все больше и больше проникался мыслью, что он на самом деле царский сын, спасшийся от руки убийц в Угличе.

Слухи о кознях Романовых дошли до Годунова. Над Романовыми было снаряжено следствие, и их подвергли опале, сослав в заточение.

Тем временем, тоже опасаясь преследования со стороны Годунова, мальчик, живший у Романовых, скрылся в Чудовом монастыре, где его на 14-м году жизни постригли в монахи под именем Григория.

Сторонники Романовых решили, что наступило время выдвинуть мнимого царевича, и отправили его на границу московского государства и Польши, сговорившись сначала с некоторыми польскими вельможами, что они помогут названному Дмитрию сесть на московский престол.

И вот «выкормыш» Романовых объявляет, что он не кто иной, как царевич московский Димитрий Иоаннович.

Одни ему поверили, другие делали вид, что поверили. Спустя некоторое время, на Руси пошли упорные слухи, что царевич Димитрий на самом деле жив, что он вскоре объявит себя народу и сядет на прародительский престол. Народ жадно набрасывался на все эти слухи и с нетерпением ждал того, кто называл себя Димитрием.

Прошло еще некоторое время — и названный Димитрий во главе войска подошел к Москве, где знатнейшие бояре, Шуйские, Бельские, Масальские, признали в нем истинного царя и помогли ему венчаться на царство.

Посадив мнимого царевича на престол, бояре были убеждены, что теперь они сами будут управлять и что новый царь в благодарность за их услугу всецело будет подчиняться их желаниям.

Однако их ожидания не оправдались. Названный Димитрий, считая себя истинным царем, взял бразды правления в свои руки и стал вести себя вообще иначе, чем вели себя прежде московские цари: прежние цари не любили иностранцев, в особенности католиков, чуждались их, а этот царь привез с собой из Польши много поляков-католиков, сам носил польское платье, русских обычаев он не любил и вообще хотел жить свободно, любил веселье и забавы, устраивал богатые пиры, говорил, что заведет школы по иностранным образцам, и т. п.

142 Эти и другие причины озлобили бояр, посадивших мнимого Димитрия на престол. Во главе врагов его стал Василий Шуйский, который вместе с другими ему преданными людьми решил погубить нового царя и стал распространять слухи, что Димитрий — не подлинный царь. Шуйского схватили, и суд, состоявшийся из духовенства, бояр и простых людей, приговорил его к смертной казни. Назначена была казнь, но когда палач занес уже руку над Шуйским, прискакал гонец и объявил, что царь прощает Шуйскому его вину и дарует ему жизнь.

Но вскоре опять начались козни против нового царя, которые и окончились его убийством в ночь на 17 мая 1606 года.

Рассказ про воспитанника монаха Отрепьева

В царствование Бориса Годунова жил в одном русском монастыре монах под именем Гришка Отрепьев. Зная хорошо все происшествия в своем отечестве, он вместе со многими другими распускал о царе Борисе Годунове худую славу, но вдруг бежал из монастыря, оставил Россию, достиг берегов Борисфена (Днепра) и, встретив в Белоруссии какого-то благородного юношу, уговорил его сделаться слугою князя Адама Вишневецкого и потом, при удобном случае, заявить с притворною горестью, будто бы он царевич московский, Димитрий, которому, еще младенцу, приготовлена была насильственная смерть. Юноша, согласно совету Отрепьева, направился в Брагин, поместье Вишневецкого, к которому он нанялся простым камердинером. Сам же Отрепьев направился в землю казаков и начал там разглашать,

что у князя Адама Вишневецкого живет в великой чести законный наследник русского престола, Дмитрий Иоаннович, которого Борис хотел умертвить в Угличе. Распустив молву, Отрепьев стал просить и убеждать казаков подать помощь царевичу и судил им знатную награду. Убеждения этого монаха остались без действия.

Между тем наученный им юноша, мнимый Дмитрий, исправно служил Вишневецкому в качестве камердинера. Случилось ему однажды в бане подать своему господину не то, что было нужно. Князь дал ему пощечину и назвал его ругательным словом. Тогда жестоко обиженный слуга со слезами на глазах сказал князю: «Если б знал ты, князь Адам, кто тебе служит, не услышал бы я столь обидного слова, да еще с побоями, за такую безделицу! Но делать нечего: я должен все терпеть, назвав себя слугою». «А кто же ты, — спросил Вишневецкий, — и откуда ты пришел?» Тут юноша рассказал, что он сын царя Иоанна Васильевича, и передал весьма складно приключения детства и умысел Бориса на жизнь его, открыл, каким образом он избавился от смерти, кто спас его и как он странствовал по Белоруссии; при этом показал золотой крест, осыпанный драгоценными камнями, подаренный ему будто бы крестным отцом. Затем мнимый Дмитрий упал в ноги Вишневецкому и воскликнул: «Предаю себя на твою волю; делай со мной, что угодно! Горькая жизнь не мила мне. О, если бы ты помог мне возратить то, чего я лишился, какая награда была бы тебе, с Божиею помощью!»

Князь смутился, поверил всему, что говорил юноша, извинился перед ним и в тот же день велел устроить богатое пиршество в честь «царя российского», представил юношу другим польским вельможам и вместе с ними помог ему достигнуть московского престола.

Так рассказывает немец Конрад Буссов, один из современников Дмитрия Самозванца, очевидец многих событий Смутного времени, живший в Москве в XVII веке, человек, близкий к московскому двору.

Догадки относительно ставленника канцлера Сапеги

При царе Борисе Годунове состоял польским посланником в Москве канцлер Лев Сапега, уже раньше, в царствование Феодора Иоанновича, приезжавший в Москву послом польского короля.

Сапега был недоволен воцарением Годунова, потому что Годунов, захватив в крепкие руки бразды правления, помешал полякам осуществить давнишнюю мысль достичь преобладания над Москвою.

И в голове Сапеги явилась мысль, нельзя ли на место Годунова посадить другое лицо, которое было бы предано Польше и осуществило бы мечты поляков.

Сапега хорошо знал о загадочной смерти царевича Дмитрия в Угличе и решил, что нетрудно было бы убедить московский

народ, что царевич не убит, а спасся, и выдать какого-нибудь соответственно подготовленного мальчика за царевича.

Как ловкий дипломат, Сапега сумел сблизиться с московскими боярами, приобрести их доверие и убедился, что большинство родовитых бояр питает вражду к Годунову и охотно готово от него отделаться. Вражда бояр, с одной стороны, загадочность угличского события, с другой, облегчили Сапеге осуществление его замысла. В одной из своих бесед с боярами Сапега намекнул на то, что он знает юношу, который выдает себя за царевича Дмитрия. Действительно ли он спасшийся Дмитрий или нет, во всяком случае, раз московскому народу станет известно, что объявился царевич Дмитрий, спасшийся от рук убийц, положение Годунова будет поколеблено, и свергнуть его с престола будет не трудно. Бояре с радостью ухватились за эту мысль, тем более что она являлась и не совсем новою: сам Годунов, когда он был еще только правителем, держал при своем дворе имевшего большое сходство с царевичем Дмитрием юношу, которого Годунов, не убежденный, удасть ли ему самому достигнуть престола, как полагали, намеревался объявить царем. Уверовали ли бояре, что юноша, о котором говорил Сапега, был на самом деле царевичем или нет, но, во всяком случае, они не только одобрили замысел Сапеге, но и обещали свое содействие к осуществлению его.

Юноша, о котором говорил Сапега, оказался тут же, в Москве, в его свите: приехал ли он вместе с Сапегою или же был выписан после переговоров с боярами — сказать трудно. Этот юноша, как намекнул Сапега, был не простой, неведомый проходимец, которого и обидно и неловко выставлять претендентом на престол; нет, в его жилах струится царская кровь: он потомок польского короля, о чем, однако, знает только он — Сапега. Другие этого не знают; не знает даже сам юноша, на которого выпал жребий сыграть роль царевича Дмитрия.

Обольщенный Сапегою и боярами, враждебными Борису, настроенный в убеждении, что он царевич Дмитрий, спасенный в младенчестве, пылкий и увлекающийся юноша охотно принял на себя предложенную ему роль.

Условившись с боярами относительно возведения намеченного лица на московский престол, Сапега выразил желание иметь людей, способных подготовить будущего претендента с религиозной и обрядово-бытовой стороны. Бояре поставили такого руководителя в лице преданного им монаха.

Слухи о кознях враждебных Борису бояр и каких-то таинственных переговорах с польским послом дошли до Годунова, и он поторопился выпроводить из Москвы Сапегу с его свитою. Но дело было сделано: вслед за отъездом Сапеге в столице усилились смутные слухи, что царевич Дмитрий спасся в Угличе от смерти и живет за польским рубежом.

Таков рассказ об участии Сапеге в самозванческой интриге, какой представляется эта интрига воображению некоторых историков. Но прямых доказательств на это не имеется: все вышесказанное о замысле Сапеге и его переговорах с боярами о самозванце не выходит из области предположений и догадок, не подкрепленных доказательствами.

DIMITR. MARYNA. MNISZEK

1605.

*Димитрий, воевода Мнишек, Марина и ее сын.
Гравюра Олецинского.*

Предание о воспитаннике иезуитов

Римским папам и католическим священникам очень завидно было, что такая огромная и богатая страна, как московское государство, принадлежит по вере к православной, а не к католической церкви. И часто думали они, как бы завоевать московское государство и ввести там католическую веру при содействии Польши, жители которой были почти сплошь католики. Но когда папой стал Климент VII, он решил, что ввести католичество в московском государстве можно и без завоевания, исподволь, лишь бы московский царь позволил в Москве строить католиче-

ские церкви и католические школы. Борис Годунов, к которому обратились по этому поводу, однако, отказал.

Тогда у католиков-иезуитов возникла мысль посадить на московский престол такого государя, который был бы предан католической вере и постарался бы ввести эту веру в государство, склонить всех московских людей стать католиками. Загадочная смерть царевича Дмитрия в Угличе и слухи, будто в этой смерти повинен Годунов, натолкнули иезуитов на мысль распусть весть, что царевич Дмитрий жив и спасся среди поляков, и подговорить какого-нибудь юношу-сироту выдать себя за спасенного царевича, с тем чтобы затем посадить этого юношу на московский престол и через него затем ввести католическую веру в московском государстве.

Найдя подходящего юношу, они отправили его в Москву, дабы он там хорошо выучился говорить по-русски, познакомился с московскими обычаями и обрядами и затем уже объявил себя спасенным московским царевичем.

И вот этот-то подготовленный иезуитами мальчик—католик и поляк и стал будто бы впоследствии Дмитрием Самозванцем.

Легенда о польском королевиче

В то время как в московском государстве началось царствование Бориса Годунова, королем польским был Стефан Баторий.

146 Это был храбрый и воинственный король, много мечтавший о завоевании Москвы и о присоединении к титулу польского короля титула московского великого князя. Однако этой мечты Баторию осуществить не удалось.

Был у Батория любимый охотничий замок в Неполомицах, на берегах Вислы, куда он часто ездил охотиться. У управляющего этим замком, скромного старосты, была дочь-красавица. Король полюбил ее. От красавицы старостянки в Неполомицах родился у короля сын, здоровый, крепкий мальчик.

И внешностью своею, и необычайными способностями, характером и привычками он напоминал отца. Мать души в нем не чаяла. Тщательно скрывая перед мальчиком, кто его отец, она, однако, часто напоминала ему, что он «не простой, холопской крови», что в жилах его течет царская кровь, что ему суждено быть больше, чем простым шляхтичем или даже паном. И малютка с молоком матери всасывал в себя эти понятия, проникался все более и более сознанием, что он «царский сын», сын какого-то неведомого царя...

Между тем болезнь, давно точившая крепкий организм Батория, в декабре 1586 года свела короля в могилу. Он скончался, не успев обеспечить своего сына. Прошло несколько лет, умерла и дочь неполомицкого старосты. Мальчик-сирота — без имени и звания — отправился странствовать по дворам польских панов. Проник он и в русские земли, побывал в самой Москве, скитался по монастырям. Во время этих скитаний он так хорошо ознакомился с московскими обычаями и выучился так хорошо русскому языку, что было трудно отличить его от природного

москвича. Странствуя с места на место, в 1601 году он очутился при дворе князя Константина Острожского, откуда перешел в Гошу, в арианскую школу, а затем, в 1603 году, к богатому вельможе, князю Адаму Вишневецкому, в местечке Брагине, недалеко от Днепра, почти на самом пограничье с московским государством. Во время своих странствований юноша узнал об убийстве московского царевича Димитрия, а от одного православного монаха разведдал, что по московскому государству ходят слухи, будто царевич жив, спасся от ножа убийц и что вместо него убит другой мальчик, а только никому не известно, где находится спасенный царевич. «Уж не я ли царевич Димитрий?» — мелькнуло в уме юноши, и эта мысль не давала ему покоя ни днем ни ночью. Он вспоминал, что в детстве слышал часто речи о московском престоле, вспоминал, как мать говорила ему о царской крови, которая текла в его жилах. И юноша все больше и больше проникался сознанием, что именно он царевич Димитрий, и сжился с этим сознанием. Православный монах, с которым встретился юноша, поддерживал в нем это сознание и убеждал юношу, что он на самом деле царевич московский.

Долго не решался юноша высказать кому-нибудь своей тайны. Наконец во время болезни, явившейся последствием оскорбления, нанесенного безвестному странствующему юноше гордым и вспыльчивым князем Вишневецким, к которому он поступил простым слугою, объявил о своем царском происхождении, объявил, что он не кто иной, как царевич московский Димитрий Иоаннович, сын царя Иоанна Грозного, чудом спасшийся в Угличе.

Тайственность, окружавшая происхождение неизвестно откуда взявшегося юноши, его замечательные способности, редкие познания, приобретенные им во время странствований, его смелость, храбрость, самоуверенность, наконец, сама внешность и осанка, больше всего, однако, искренность и правдоподобие рассказа о чудесном спасении — все это заставило князя Вишневецкого, а затем и многих польских панов, уверовать в появившегося Димитрия, признать в нем истинного царевича. Еще более уверовали паны, когда явились и русские люди, по рассказам мнимого Димитрия и по разным признакам узнавшие в нем царевича, которого они считали убитым. Когда весть о мнимом царевиче дошла до короля польского Сигизмунда, нашлись сановники, которые усомнились в «подлинности» столь странно появившегося царевича. Но голоса их были заглушены криками тех, которые, содействуя Димитрию завладеть московским престолом, надеялись приобрести богатство, значение, земли. Настаивая на том, что юноша, называвший себя Димитрием, действительно царевич Димитрий Иоаннович, многие польские вельможи охотно согласились оказать новоявленному юноше-царевичу свою помощь к достижению московского престола. Большинство из них, впрочем, на самом деле твердо верили, что загадочный юноша действительно спасенный московский царевич.

Охотников идти с юным «царевичем» в Москву нашлось много, тем более что он обещал щедро одарить своих приверженцев, когда сядет на трон. И в короткое время у него собралось до

5 тысяч войска. Кроме поляков, здесь было много казаков и всяких проходимцев, любителей легкой наживы. В октябре 1604 года мнимый царевич Димитрий двинулся со своей разношерстной ратью на Русь и 16-го числа вступил в пределы московского государства.

30 июля 1606 года состоялось в Успенском соборе венчание на царство нового царя — и сын Стефана Батория воссел на московский престол под именем царя Димитрия Иоанновича.

Эта легенда о королевском происхождении Самозванца была распространена в Польше еще в XVII веке, в окрестностях той местности, где жила когда-то неполюмицкая красавица.

Но не только в Неполюмицах ходили слухи, что вступивший на московский престол юноша — сын короля Батория: об этом говорили и в Москве, вскоре после смерти Димитрия, о чем свидетельствуют сохранившиеся записки некоторых иностранцев, живших в Москве в начале XVII века и бывших свидетелями Смутного времени.

Предположение о сыне московского выходца

Когда после смерти царя Иоанна Грозного, 17 марта 1584 года, в числе других бояр опекуном его сына-наследника, Феодора Иоанновича, неспособного править государством, был назначен и боярин Борис Годунов, многие знатные московские бояре остались этим очень недовольны. Недовольство это росло по мере того, как Годунов забирал все большую власть и наконец один стал управлять за слабоумного царя Феодора; недовольство это перешло даже в смуту, когда после смерти Феодора Годунов, 1 сентября 1598 года, венчался на царство. Целый ряд боярских фамилий открыто восстал тогда против нового царя, считая его, как чужеземца, — предки Годунова происходили от мурзы Чета и были татарами, — недостойным занимать московский престол.

Еще в то время, когда Годунов правил государством от имени Феодора, враги его предвидели, что властолюбивый Годунов только ждет смерти бездетного царя, чтобы занять московский престол... Они образовали партию, намеревавшуюся лишить Годунова его значения и власти. Вследствие этого со стороны Годунова начались гонения на представителей многих знатных родов: одних казнили, других заточали в монастыри, иных ссылали на «рубеж», на Украину. Многие же знатные роды, опасаясь преследований со стороны Годунова, бежали в соседние и литовские земли.

Среди этих выходцев и возникла мысль так или иначе свергнуть Годунова с престола. Но так как у Годунова имелось достаточно приверженцев, осуществить эту мысль было не легко. Пришлось действовать особым способом. И вот, когда Годунов, после смерти царя Феодора, в 1598 году венчался на царство, они начали распускать слухи, что царевич Димитрий, убитый будто бы в Угличе, жив, что Годунов незаконно сел на престол и что царствовать должен спасенный царевич. Не ограничиваясь одними только слухами, опальные бояре подыскивали мальчика, ровесника царевича Димитрия, сына одного из выходцев,

принадлежавшего к знатному московскому боярскому роду и родившегося в западной Руси, которого называли Димитрием, и стали выдавать его за царевича.

Мальчик, на которого пал выбор врагов Годунова, хотя и не отличался красотой, но был умен, красноречив, ловок и смел и, как сын знатного боярина, обладал тою осанкою и тою врожденною, родовитою гордостью, которая была необходима для человека, имеющего в виду разыгрывать роль царевича и стать со временем царем.

Опальные бояре твердо рассчитывали, что, посадив на престол мнимого царевича, они не только устранят ненавистного им Годунова, но и сами займут видное место при дворе нового царя. Впрочем, иные из них и не шли так далеко в своих замыслах: они не думали, чтобы названный Димитрий достиг престола, но полагали, что одно уже появление спасенного царевича сильно повлияет на народ, который не верил в смерть Димитрия, не хотел с ней мириться, и что народ сам заставит Годунова отказаться от престола, а там можно будет выбрать из среды русских бояр нового царя. Те же, которые рассчитывали посадить названного Димитрия на престол, хотя и понимали, что осуществить это намерение возможно будет не иначе, как при содействии войск и больших денежных средств, но рассчитывали получить их у польского короля Сигизмунда.

Мальчик, названный Димитрием, был воспитан в твердом убеждении, что он на самом деле царевич Димитрий; а для того, чтобы он вполне ознакомился с московскими обычаями и хорошо изучил как эти обычаи, так и русский язык, его отправили с одним беглым монахом странствовать по русским монастырям. Переходя из одного монастыря в другой, мальчик со своим наставником-монахом добрался до Москвы, побывал даже, никем не узнанный, при дворе Бориса Годунова, затем опять вернулся на рубеж, где попал в Брагин, к князю Вишневецкому, которому и рассказал всю историю о мнимом своем спасении в Угличе так, как научил его наставник-монах. Сам названный Димитрий был твердо убежден в том, что он на самом деле царевич, и поэтому выступал так настойчиво и смело, преодолев все препятствия, и согласился занять московский престол.

Затяг воеводы Мнишка

На берегу Днестра, в Червонной Руси, одной из провинций древней Польши, находился замок Самбор. Жил в этом замке в начале XVII столетия знатный польский вельможа, сандомирский воевода Юрий Мнишек, с дочерью-красавицей Мариною.

Как у всех знатных шляхтичей того времени, при дворе Мнишка жило много разных дворян, военных и слуг. В числе их в начале 1603 года появился странный юноша, небольшого роста, худощавый, но крепко сложенный, отличавшийся физической силой и ловкостью в военных упражнениях; у него были рыжеватые волосы, серые глаза, смуглое некрасивое лицо; зато он обладал звучным голосом, даром слова и притом не лишен был некоторого образования.

Юноша прибыл в Самбор из московского государства, по которому он, по его словам, странствовал несколько лет, побывав и в самой Москве, и знал отлично все русские обычаи.

Безвестному юноше очень понравилась панна Марина, но он и думать не смел, чтобы дочь вельможи стала его женою.

Между тем Мнишек обратил внимание на даровитого, смелого и ловкого юношу, резко выделявшегося среди сверстников.

В то время ходили слухи, будто московский царевич Димитрий не был убит в Угличе, что он спасся, но только никто не знает, где он. У Мнишка явилась мысль выдать странного, прибывшего из московского государства юношу за царевича. Он снесся по этому поводу с польским послом в Москве, польско-литовским канцлером Сапегою, и, уговорив юношу принять на себя роль царевича Димитрия, отправил его в Москву, строго, однако, наказав скрывать до поры до времени всю эту затею. При этом Мнишек решил в случае успеха затеи, когда юноша станет царем, выдать за него замуж свою дочь Марину. В Москве юноша сошелся с беглым монахом Григорием Отрепьевым, который стал его руководителем в странствованиях и в ознакомлении с Московскою Русью. Вместе с Отрепьевым и еще двумя другими монахами юноша стал переходить из монастыря в монастырь и наконец перебрался через литовскую границу, намереваясь направиться в Самбор, чтобы там объявить, что он — царевич Димитрий. Но воевода Мнишек нашел более отвечающим успеху, чтобы царевич объявился не в его доме, а в доме его родственника, князя Адама Вишневецкого в Брагине.

150
Объявление названного царевича произошло как бы случайно: по одному рассказу юноша, притворившись опасно больным, позвал для предсмертной исповеди священника и поверил ему свою тайну; по другому — он открылся в бане, когда князь, рассердившись за что-то, ударил его. Князь сделал вид, что вполне поверил рассказу, и повез объявившегося царевича к своему брату князю Константину Вишневецкому, в замок Вишневец, расположенный на берегах Горыни. У князя Константина нашелся какой-то беглый москвич, бывший слуга канцлера Сапегы, Юрий Петровский, который бывал в Угличе и видал маленького царевича; когда ему показали объявившегося царевича, он тотчас же воскликнул: «Да, это истинный царевич Димитрий!» После этого князь Константин повез юношу к своему тестю Юрию Мнишку, который радушно принял неожиданного будто бы высокого гостя. Вскоре в Самбор приехало несколько московских выходцев, бежавших в Литву от преследований Годунова; они тоже подтвердили, что признают в юноше царевича.

Мнимый царевич между тем сильно полюбил дочь Мнишка, Марину, питавшую сладкую надежду сделаться вскоре царицею московскою. И, поддерживаемый Мариною, юноша успешно продолжал разыгрывать роль царевича, обещая золотые горы всем, кто поможет ему вернуть престол.

Повествование о сыне служанки

При появлении в пределах московского государства Димитрия, явившегося добывать захваченный Борисом Годуновым престол, находился бывший монах по фамилии Григорий Отрепьев — расстрига, т. е. лишенный духовного сана.

Он был лицом, очень близким к Дмитрию. Дмитрий относился к нему с благодарностью, потому что, по рассказу Отрепьева, — именно он, Отрепьев, спас царевича в Угличе от рук подсланных Годуновым убийц.

Когда Дмитрий во главе многочисленного войска двинулся из Польши в пределы московского государства и дошел наконец до Тулы, Отрепьев объявил царевичу, что он, Дмитрий, на самом деле вовсе не сын царя Иоанна Грозного, а сын служанки царевича Дмитрия, товарищ по играм настоящего Дмитрия. Настоящий же царевич убит в Угличе им, Отрепьевым, подкупленным в свое время Годуновым; и только когда Годунов отказался заплатить ему условленное за это страшное преступление вознаграждение, убийца подставил вместо царевича сына служанки и воспитал его в убеждении, что он сын Иоанна Грозного.

Дмитрий, твердо до тех пор веривший в то, что он настоящий царевич, с ужасом выслушал рассказ и в отчаянии от этого открытия убил наемного убийцу. Однако, хотя Дмитрий и узнал, что он не царевич, честолюбие заставило его и дальше играть роль мнимого царевича — роль самозванца. Он мучился своим самозванством, но не захотел расставаться с мечтой, что станет царем на Москве. И он выдавал себя по-прежнему за настоящего царевича. От одной только матери царевича Дмитрия, подлинного царевича, не решился он скрыть истины, зная, что мать и так узнает ее. В разговоре наедине он рассказал ей все, что знал, но просил не выдать его, скрыть от других истину, говоря, что он является мстителем за убитого Годуновым Дмитрия. И царица-вдова, увлеченная его пылким рассказом, решила поддержать самозванца и согласилась признать всенародно его своим спасенным сыном, дабы отомстить Годунову и свергнуть с престола своего врага и убийцу сына-царевича.

Это признание и решило судьбу Дмитрия: народ поверил, что он настоящий Дмитрий, раз даже царица-мать его признала, и отнесся к самозванцу, как к настоящему царевичу...

Заключить многоточие исследование С. Либровича, собравшего воедино едва ли не все версии о происхождении личности человека, одиннадцать месяцев занимавшего московский престол под именем Дмитрия I, побуждают нас и результаты исторических изысканий, посвященных ему, вплоть до нынешних дней: все версии, хотя и в разной мере, не выдерживают критики.

Крупнейший знаток Смутного времени академик С. Ф. Платонов, подводя итог трехсотлетним поискам, писал в 1912 году: «Нельзя считать, что самозванец был Отрепьев, но нельзя также утверждать, что Отрепьев им не мог быть: истина от нас пока скрыта».

Похоже, однако, что с течением времени это осторожное «пока» становится аргументом все более хрупким для надежды ее разгадать.

Несколько позже — в 1916 году — В. О. Ключевский как бы сводит многоточие к точке, предлагая переместить направление исторического интереса. «Для нас важна не личность самозванца, а его личина, роль, им сыгранная», — пишет историк и добавляет: «Своим образом действий он приобрел широкую и сильную привязанность в народе, хотя в Москве кое-кто подозревал и открыто обличал его в самозванстве. Лучший и преданнейший его слуга П. Ф. Басманов под рукой признавался иностранцам, что царь — не сын Ивана Грозного, но его признают царем потому, что присягали ему, и потому еще, что лучшего царя теперь и не найти». (Подчеркнуто мной. — А. К.)

Конечно, исторические параллели весьма эффектные, но столь же уязвимы. И тем не менее уместным представляется заключить словами современного историка Р. Г. Скрынникова: «Бедствия Смутного времени потрясли ум и душу русских людей. Современники винили во всем проклятых самозванцев, посыпавшихся на страну как из мешка. В самозванцах видели польских ставленников, орудие иноземного вмешательства. Но то была лишь полуправда. Почву для самозванства подготовили не соседи России, а глубокий внутренний недуг, поразивший русское общество».

Подчеркнуть или не подчеркивать последние слова — предоставляем читателю.

Публикация АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.

Непраздничный монолог
без «очков,
голов и секунд»

Оли

Импизада

строгого режима

АЛЕКСАНДР ГУРНОВ

Фото ИГОРЯ УТКИНА

Люблю спорт. В детстве занимался лыжами, теннисом, но я не спортивный журналист...

Моя задача на этой Олимпиаде, как, впрочем, и на Олимпиаде в Альбервилле, и на Играх доброй воли в Сизтле, была делать репортажи, не связанные напрямую с «очками, голами, секундами»...

В Сизтле мне очень понравилась организация Игр, общая атмосфера. Во Франции (Альбервилль) не было ощущения праздника — французы чересчур все заорганизовали. Там было очень трудно найти нужных тебе людей (вообще на Олимпиаде кого-то найти, вытащить — проблема...). Во всяком случае, на политических тусовках, которые мне привычны, встретиться, поговорить с «труднодоступными» людьми достаточно просто. А на Олимпиаде — трудно. Я надеялся, что в Барселоне будет некое подобие того, что было в Сизтле, — нет...

Практически был закрыт доступ в Олимпийскую деревню. (Не понимаю ситуации, когда общаться со спортсменами невозможно. При нашей оперативной работе мне же неинтересно записывать, снимать за два дня — нужно срочно, а это не получается.) Немыслимо было просто так подойти к Бубке или той же Штеффи Граф...

Коробило, что ради Игр всю Барселону превращают в какой-то концлагерь. Там нельзя, тут не

проехать — полиция, броневики, пулеметы... (Только что вернулся из Липецка, где проходил праздник, посвященный свободной России. Вот это действительно праздник! Естественно, милиция есть, охраняют Ротару, чтоб ее не затоптали, а так — куда хочешь поезжай, куда хочешь иди, люди радуются, веселятся...)

Причем ситуация доводится до полной глупости: у тебя есть аккредитация, вроде бы действительная на все дни для прохода всюду, но выясняется — нет... Везде можно, а сегодня вот сюда — нельзя. Я журналист, я не должен думать, где можно, где нельзя. Наша аккредитация давала право на проход на любые стадионы, в ложу прессы, пожалуйста. А на финал тенниса нужен был билет, который еще где-то следовало получить. Пошли мы с Дмитриевой на закрытие Олимпиады — проехать нельзя, город пе-

рекрыт, везде стоят броневики, полиция... Мы двинулись пешком. Естественно, коротким путем. Но оказалось, что короткий путь тоже закрыт. Надо идти в обход. А поскольку времени в обрез, то мы бежали в толпе зрителей, расталкивая их локтями. Пять километров. Аккредитация была, билеты были — почему нельзя пройти? Нельзя! Вчера-то было можно? — А вот сегодня нельзя!..

Права на телетрансляцию — у Эн-би-си и испанского телевидения.

Мы приходим на баскетбольный стадион за час до начала встречи и хотим записать интервью с Александром Гомельским — человеком, который сейчас уже не тренер команды, а гость, приехал по приглашению.

Первый матч сегодня наши будут играть, и я хочу спросить у него: вот вы тренировали тех, кто сейчас в НБА, и тех, кто играет

за сборную Литвы, и тех, кто играет в нашей сборной, практически ваши ребята во всех командах, как вы считаете?.. И чтобы все это было на фоне стадиона: какие-то ребята разминаются... кто-то площадку моет... И вдруг подходит «дядя», выхватывает у меня камеру и говорит: «А ну пошли отсюда вон!» — «Ты чего?» — «А у вас прав нету!» — «Каких?» — «Права только у Эн-би-си». — «На что у них права — на показ матчей? Мы их не транслируем, мы снимаем на камеру интервью». — «Нет, не имеете права!» Я-то знаю, что имею право, но мне приходится доказывать это в течение полчаса с криком и скандалом.

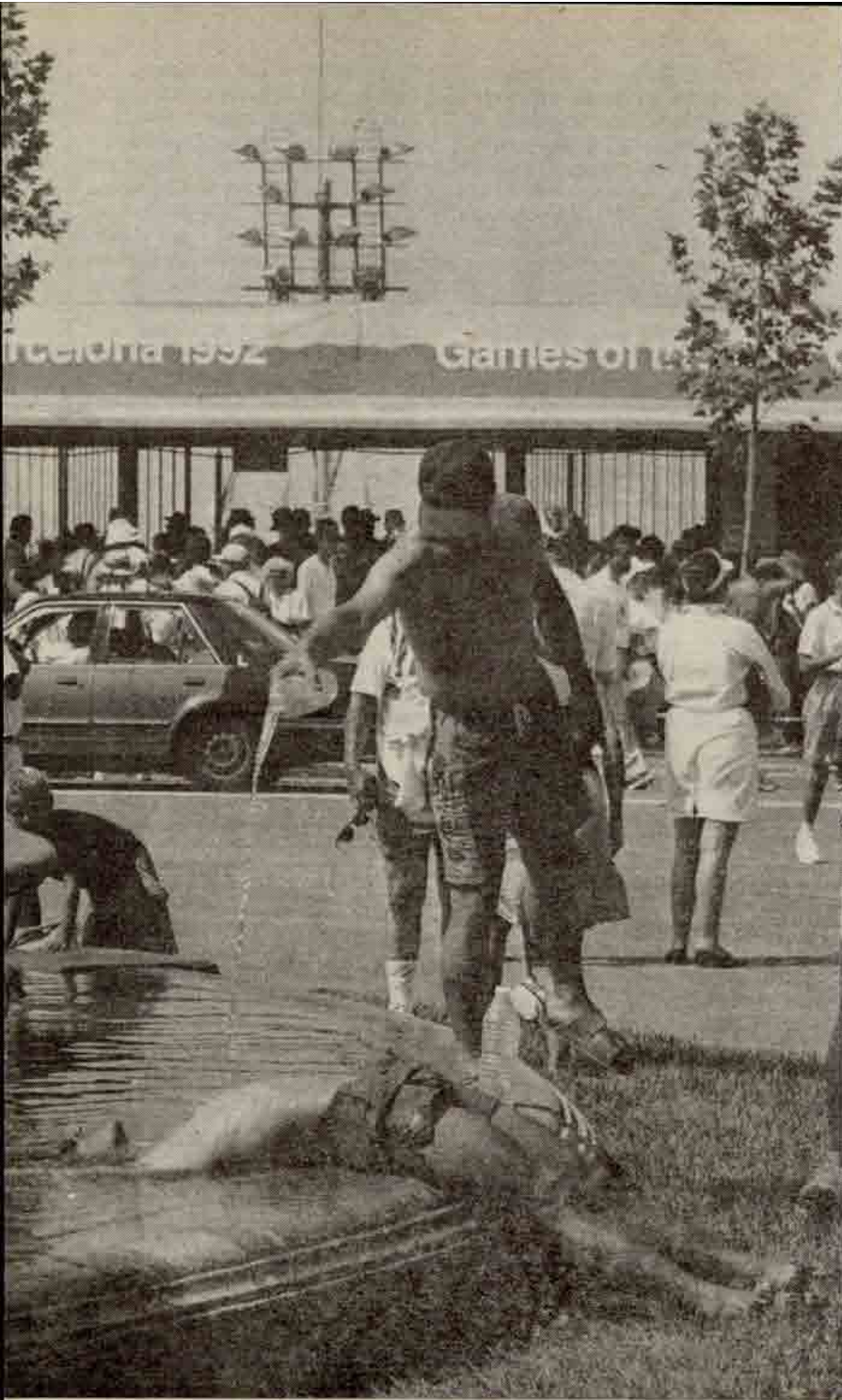
В конце концов разрешили, но чего это стоило...

Меня очень удивляет — я, конечно, не специалист в области авторских прав, — что я не могу, когда наша спортсменка выигрывает олимпийскую медаль, подой-

ти и взять у нее интервью. Не понимаю! Я согласен, что, если Эн-би-си купило права, ее журналисты встречают победительницу у финишной ленточки... Но я думаю, что права на эксклюзивное телевидение страны, где родилась, выросла чемпионка. Мне кажется, это — нормально. А вот совершенно не нормально, что спортсмены наши, выступив, вынуждены немедленно отправляться восвояси домой, в СНГ. Это стыд! Два наших героя — гимнаст Щербо и пловец Садовый — уехали на следующий день после финиша.

Им в мэрии подарили гарнитур какой-то... Но не в этом же дело-то! Я думаю, что просто обязаны были ребят оставить до закрытия Игр. Хорошо отплавал, отработал, как они говорят, так пускай оставшиеся шесть дней погуляет, потусуется, с девчонками походит. На

закрытии Олимпиады вместе со всеми будет. Так нет, отплавал, и все, привет, до свидания. Знаете, мне показалось это очень странным...

Огромное впечатление на меня произвела Штеффи Граф, которая хотя и проиграла, но... Как она играла все эти матчи! Я вот сам играю и вижу: у такого партнера выиграть просто нельзя, настолько она подавляет своими четкостью, невозмутимостью, профессионализмом. На экране это как-то не воспринимается, но, когда видишь человека вблизи на корте, так владеющего техникой и своим телом, — думаешь, что это люди с другими органами чувств...

И удивил Бубка, который совершенно не испытал никакого огорчения от своих никудышных прыжков. Он как бы подчеркнул, что вся эта Олимпиада ему до лампочки... Все так ждали его выступления! Все эмигранты в Испании говорили: вот он — Бубка! И наши болельщики так ждали его победы... А он вышел с видом: плевать мне, дескать, на все — ведь тут не коммерческий турнир. Может, он не это хотел сказать, но вышло именно так: мне ваши игры за какие-то 3 тысячи долларов — ни к чему!...

В Барселоне — жара... Естественно, испанцы назначили проведение Олимпиады на то время, когда у них меньше всего туристов. Они решили за счет Олимпиады привлечь в город финансы. (Кстати, президент МОКа — Хуан Антонио Самаранч сам родом из Барселоны...)

А теперь представьте: у теннисистов финал длился пять с лишним часов. При температуре 45 градусов! Мне Андрей Чесноков рассказывал, что после матча (хотя он и пил очень много...) не мог три-четыре часа сдать мочу на

допинг — такая дегидратация организма!

Да, еще... В Барселоне кондиционеров очень мало: в той же Америке — она богаче все-таки — чувствуешь, что жарко, только на улице, у них же везде «кондишен».

Дикая дороговизна! На наши сутки мы могли раз в день нормально поесть. А чувствовать себя чужим на празднике жизни как-то обидно...

...Всю жизнь смотрел Олимпиады по телевидению, и у меня иное складывалось впечатление. Ощущение праздника оказывается обманчиво, когда видишь Игры «живьем». Это как заходишь в уборную к артистке, где она курит «Беломор», матюгается и смывает с себя грим.

Примерно такой же мне показалась Олимпиада, когда я зашел за кулисы.

ВИТА ГРАДИВУС,

или Средство от импотенции

Сборник подготовлен ведущими учеными и практиками в области сексопатологии, урологии, психиатрии, а также специалистами по нетрадиционным методам лечения (экстра-сенсорика, биоэнергетика и др.). Уникальные методы и средства для профилактики и лечения импотенции. Методики позволяют в подавляющем большинстве случаев нормализовать половую функцию.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей. Распространение — только по подписке. Время издания — январь 1993 года. Цена — 787 руб.

Для оформления заказа необходимо перечислить стоимость подписки агентству «Книга-сервис» и выслать в адрес агентства:

а) квитанцию почтового перевода (для частных лиц) или копию платежного поручения (для организаций);

б) заявку, в которой указать название книги, количество экземпляров, почтовый индекс, адрес и Ф. И. О. подписчика. Адрес агентства: 117168, Москва, ул. Кржижановского, 14/1, «ПОДПИСКА».

Банковские реквизиты: р/с 7467374 в Ростромбанке, корр. счет 161324 в РКЦ ГУ ЦБ РФ (Москва), МФО 201791. Подписка за наличный расчет принимается непосредственно в агентстве.

☎ Телефон издательства «Белый медведь»:
(095) 215-19-91
с 10 до 18 часов.

ЛЕОНИД ГРОССМАН

КАЗНЬ

ДОСТОЕВСКОГО

«Казнь Достоевского» — историческая хроника, составленная по официальным документам, воспоминаниям и письмам Леонидом Петровичем Гроссманом, в первый и в последний раз опубликована малым тиражом в 1928 году и, естественно, давно уже стала библиографической редкостью. Учитывая неослабевающий, чтобы не сказать, увеличивающийся интерес к жизни и творчеству великого писателя, мы решили познакомить с нею читателей «Смены».

В РЕВОЛЮЦИОННЫХ КРУЖКАХ

Раз в неделю у Петрашевского бывали собрания, на которых вовсе не бывали постоянно одни и те же люди. Это был интересный калейдоскоп разнообразнейших мнений о современных событиях, распоряжениях правительства, о произведениях новейшей литературы по различным отраслям знания; приносились городские новости, говорилось громко обо всем без всякого стеснения. Иногда кем-либо из специалистов делалось сообщение вроде лекции. Ястржембский читал о политической экономии, Данилевский о системе Фурье. В одном из собраний читалось Достоевским письмо Белинского к Гоголю по случаю выхода его «Писем к друзьям»...

Д. Д. АХШАРУМОВ¹ Воспоминания.

Всего больше меня поразила та обстановка, в которой Петрашевский принимал своих «добрых приятелей». Это была одна, средней величины комната, в которой всю мебель составляли старый диван, покрытый грязным ситцем, очень жесткий для сидения, по-видимому, набитый мочалами, несколько грошевых рыночных стульев, старый стол, на котором стояла одна сальная свечка, составлявшая все освещение комнаты. Такая обстановка у человека, несомненно, очень достаточно-го, являлась чем-то умысленным, преднамеренным, отпечатком страсти хозяина оригинальничать...

К. ВЕСЕЛОВСКИЙ. Воспоминания о некоторых лицейских товарищах

Больше всего занимал нас вопрос об освобождении крестьян, и на вечерах постоянно рассуждали о том, какими путями и когда может он разрешиться. Иные высказывали мнение, что ввиду реакции, вызванной у нас революциями в Европе, правительство едва ли приступит к решению этого дела, и скорее следует ожидать движения снизу, чем сверху. Другие, напротив, говорили, что народ наш не пойдет по следам европейских революционеров и, не веруя в новую пугачевщину, будет терпеливо ждать решения своей судьбы от верховной власти. В этом смысле с особенной настойчивостью высказался Ф. М. Достоевский. Я помню, как однажды, с обычной своей энергией, он читал стихотворения Пушкина «Уединение» и «Деревня». Как теперь слышу восторженный голос, каким он прочел заключительный куплет:

*Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя.
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?*

Когда при этом кто-то выразил сомнение в возможности освобождения крестьян легальным путем, Ф. М. Достоевский резко возразил, что ни в какой иной путь он не верит.

Другой предмет, на который также часто обращались беседы в нашем кружке, была тогдашняя цензура... Это тем понятнее, что между нами были не только начинавшие литераторы, но и такие, которые обратили уже на себя внимание публики, а роман Ф. М. Достоевского «Бедные

люди» обещал уже в авторе крупный талант. Разумеется, вопрос об отмене цензуры не находил у нас ни одного противника.

А. П. МИЛЮКОВ². Литературные встречи и знакомства.

Я говорил (на пятницах у Петрашевского) три раза: два раза я говорил о литературе и один раз о предмете вовсе не политическом, о личности и о человеческом эгоизме... Не припоминаю, чтоб я когда-нибудь высказался весь, каков я на самом деле, у Петрашевского.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. Показание следственной комиссии.

Толки о литературе происходили, большею частью, по поводу каких-нибудь замечательных статей в тогдашних журналах, и особенно таких, которые соответствовали направлению кружка. Но разговор обращался и на старых писателей, причем высказывались мнения резкие и иногда довольно односторонние и несправедливые. Однажды, я помню, речь зашла о Державине, и кто-то заявил, что видит в нем скорее напыщенного риторика и низкопоклонного панегириста, чем великого поэта, каким величали его современники и школьные педанты. При этом Ф. М. Достоевский вскочил, как ужаленный, и закричал:

— Как? Да разве у Державина не было поэтических вдохновенных порывов? Вот это разве не высокая поэзия?

И он прочел на память стихотворение «Властителям и судьям» с такою силою, с таким восторженным чувством, что всех увлек своей декламацией и без всяких комментариев поднял в общем мнении певца Фелицы. В другой раз читал он несколько стихотворений Пушкина и Виктора Гюго, сходных по основной мысли или картинам, и при этом мастерски доказывал, насколько наш поэт выше, как художник.

А. П. МИЛЮКОВ. Литературные встречи и знакомства.

166

В Дуровском кружке³ было несколько жарких социалистов. Увлекаясь гуманными утопиями европейских реформаторов, они видели в их учении начало новой религии, долженствующей будто бы пересоздать человечество и устроить общество на новых социальных началах. Все, что являлось нового по этому предмету во французской литературе, постоянно получалось, распространялось и обсуждалось на наших сходках. Толки о Нью-Ламарке Роберта Оуэна⁴ и Икарии Кабэ⁵, а в особенности о фаланстере Фурье⁶ и теории прогрессивного налога Прудона⁷ занимали иногда значительную часть вечера. Все мы изучали этих социалистов, но далеко не все верили в возможность практического осуществления их планов. В числе последних был Ф. М. Достоевский. Он читал социальных писателей, но относился к ним критически. Соглашаясь, что в основе их учений была цель благородная, он, однако ж, считал их только честными фантазерами. В особенности настаивал он на том, что все эти теории для нас не имеют значения, что мы должны искать источников для развития русского общества не в учениях западных социалистов, а в жизни и вековом историческом строе нашего народа, где в общине, артели и круговой поруке давно уже существуют основы более прочные и нормальные, чем все мечтания Сен-Симона и его школы. Он говорил, что жизнь в Икаринской коммуне и фаланстере представляется ему ужаснее и противнее всякой каторги. Конечно, наши упорные проповедники социализма не соглашались с ним.

Не меньше занимали нас беседы о тогдашних законодательных и административных новостях. В этом отношении Ф. М. Достоевский высказывался с неменьшей резкостью и увлечением, чем и другие члены нашего кружка. Не могу теперь привести с точностью его речей, но помню хорошо, что он всегда энергично говорил против мероприятий, способных стеснить чем-нибудь народ, и в особенности возмущали его злоупотребления, от которых страдали низшие классы и учащаяся молодежь. В суждениях его постоянно слышался автор «Бедных людей», горячо сочувствующий человеку в самом приниженном его состоянии. Когда, по предложению одного из членов нашего кружка, решено было писать статьи обличительного содержания и читать их на наших вечерах, Ф. М. Достоевский одобрил эту мысль и обещал со своей стороны работать, но, сколько я знаю, не успел ничего приготовить в этом роде. К первой же статье, написанной одним из офицеров, где рассказывался известный тогда в городе анекдот, он отнесся неодобрительно и порицал как содержание его, так и слабость литературной формы. В последние недели существования Дуровского кружка возникло предположение литографировать и сколько можно более распространять этим путем статьи, которые будут одобрены по общему соглашению, но мысль эта не была приведена в исполнение, так как вскоре большая часть наших друзей, именно все, кто посещал вечера Петрашевского, были арестованы.

А. П. МИЛЮКОВ. Литературные встречи и знакомства.

Имелось в виду пропагандировать недовольство существующим порядком везде, начиная с учебных заведений, завязывать связи со всем, в чем было уже недовольство, — с раскольниками и крепостными крестьянами. И. М. Дебу⁹ говорит, что для пропаганды наиболее подходящей представлялась членам различных кружков страстная натура Достоевского, производившая на слушателей ошеломляющее действие. Как теперь, говорит он, вижу я перед собою Федора Михайловича на одном из вечеров у Петрашевского, вижу и слышу его рассказывающим о том, как был прогнан сквозь строй фельдфебель финляндского полка, отомстивший ротному командиру за варварское обращение с его товарищами, или же о том, как поступают помещики со своими крепостными. Не менее живо помню его, рассказывающего свою «Неточку Незванову» гораздо полнее, чем была она напечатана; помню, с каким живым человеческим чувством относился он и тогда к тому общественному «проценту», олицетворением которого явилась у него впоследствии Сонечка Мармеладова (не без влияния, конечно, учения Фурье). Понятно, говорит он, что Достоевским особенно дорожили и фурьеристы, желая его видеть в числе своих. Рассчитывать на то, чтобы его перетянуть к себе, казалось возможным по особой его впечатлительности и неустановленности.

ОРЕСТ МИЛЛЕР¹⁰. Материалы для жизнеописания Достоевского.

ПЕТРАШЕВСКИЙ И СПЕШНЕВ

По свидетельству покойного Спешнева (записано с его слов А. Г. Достоевской), на Ф. М-ча Петрашевский производил отталкивающее впечатление тем, что был безбожник и глумился над верой. Ф. М., по словам Спешнева, бывал у Петрашевского довольно редко. Сам Петра-

шевский, как видели мы, не брезгал как будто даже возбуждением «меркантильных и феодальных инстинктов», некоторые из пропагандистов готовы были, ради усиления недовольства, распространять пауперизм, а во время следствия и суда делали на своих же наветы, для того, вероятно, чтобы выставлением дела в преувеличенном виде более напугать правительство, другие же были гораздо более разборчивы нравственно, что касается как союзников, так и средств, и Достоевский, несомненно, принадлежал к ним. Мы уже видели, что у многих была даже своего рода антипатия к самому Петрашевскому. Он показался мне, вспоминает А. П. Миллюков, не очень симпатичным, по резкой парадоксальности его взглядов и холодности ко всему русскому. Кружок Дурова, говорит А. П. Миллюков, состоял из людей, посещавших Петрашевского, но не вполне согласных с его мнениями... Все мы читали социалистов, продолжает А. П. Миллюков, но далеко не верили в возможность практического осуществления их планов. В числе последних был и Ф. М. Достоевский. Он читал социальных писателей, но относился к ним критически...

Достоевский настаивал на том, что и все эти теории не имеют для нас никакого значения, что в общине, в артели и круговой поруке давно уже существуют основы, более прочные и нормальные, чем все мечтания Сен-Симона и его школы. Он говорил, что жизнь в Икаринской коммуне или фаланстере представляется ему ужаснее и противнее всякой торговли.

О. Ф. МИЛЛЕР. Материалы.

168 Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда даже некоторыми из коноводов его с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно весу цивилизации. Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческим будущим законом всего, без исключения, человечества. Мы еще задолго до Парижской революции 48-го года были охвачены обаятельным влиянием этих идей.

«Дневник писателя».

Я никогда не был в очень коротких отношениях с Петрашевским, хотя и ездил к нему по пятницам, а он, в свою очередь, отдавал мне визиты. Это одно из таких знакомств моих, которым я не дорожил слишком много, не имея сходства ни в характере, ни во многих понятиях с Петрашевским. И потому я поддерживал знакомство с ним ровно настолько, насколько требовала учтивость, т. е. посещал его из месяца в месяц, а иногда и реже. Оставить же его совсем, я не имел причины. Да к тому же, мне бывало иногда любопытно ходить на его пятницы.

Меня всегда поражало много эксцентричности и странности в характере Петрашевского. Даже знакомство наше началось тем, что он с первого раза поразил мое любопытство своими странностями. Но ездил я к нему не часто. Случалось, что я не бывал у него иногда более полугода. В последнюю же зиму, начиная с сентября месяца, я был у него не более восьми раз. Мы никогда не были коротки друг с другом; я думаю, что во все время нашего знакомства мы никогда не оставались вместе одни, глаз-на-глаз, более получаса. Я даже заметил положительно, что

он заезжал ко мне, как будто исполнял долг учтивости, но что, например, вести со мной долгий разговор ему тягостно. Да и со мной было то же самое, потому что, повторяю, у нас мало было пунктов соединения и в идеях, и в характере. Мы оба опасались долго заговариваться друг с другом, потому что с десятого слова мы бы оба заспорили, а это нам обоим надоело. Мне кажется, что взаимные впечатления наши друг о друге одинаковы. По крайней мере я знаю, что я очень часто ездил к нему по пятницам не столько для него и для самих пятниц, сколько для того, чтобы встретить некоторых людей, с которыми я хотя и был знаком, но виделся чрезвычайно редко, и которые мне нравились. Впрочем, я всегда уважал Петрашевского, как человека честного и благородного.

Общество, которое у него собиралось по пятницам, почти все состояло из его коротких приятелей или давних знакомых, так по крайней мере я думаю. Впрочем, являлись и новые лица, сколько я мог заметить, довольно редко. Из этих людей я знаю хорошо только очень малую часть. Других знаю только потому, что раза три-четыре в год случалось говорить с ними, и, наконец, у многих из гостей Петрашевского не было никакого направления, никакой общей цели. Положительно можно сказать, нельзя найти трех человек, согласных в каком-нибудь пункте, на любую заданную тему. Оттого велись споры друг с другом: вечные противоречия и несогласия во мнениях. В некоторых из этих споров брал участие и я.

Из показания ДОСТОЕВСКОГО
следственной комиссии.

Он сделался каким-то скучным, более раздражительным, более обидчивым и готовым придираться к самым ничтожным мелочам, стал особенно часто жаловаться на дурноты. Причиной этого, по собственному сознанию Достоевского, было сближение его со Спешневым, или, точнее сказать, сделанный у него заем. На уверения доктора, что его мрачное расположение духа пройдет, Достоевский однажды ответил: «Нет, не пройдет, а долго и долго будет меня мучить, так как я взял у Спешнева деньги (при этом он назвал сумму около 500 р.). Теперь я с ним и его. Отдать же этой суммы я никогда не буду в состоянии, да он и не возьмет деньгами назад, такой уже он человек. Понимаете ли вы, что у меня с этого времени есть свой Мефистофель».

С. ЯНОВСКИЙ¹⁾
Воспоминания.

...К делу Петрашевского действительно я был прикосновенен, но скажу с достоверностью, что этого дела никто до сих пор путно не знает; что видно из «дела» из показаний, все вздор; главное, что в нем было серьезного, до комиссии и не дошло. Да я Вам, кажется, рассказывал. С Петрашевским я познакомился в университете и потом изредка ходил к нему, во 1-х потому, что были все юноши знакомы, а потом — еще и потому, что было забавно. Раз, кажется, в январе 1849 г., приходит ко мне Ф. М. Достоевский, остается ночевать — я жил один на своей квартире — моя кровать у стены, напротив диван, где постлано было Д-му. И вот он начинает мне говорить, что ему поручено сделать мне предложение: Петрашевский, мол, дурак, актер и болтун, у него не выйдет ничего путного, а что люди поделнее из его посетителей

задумали дело, которое Петрашевскому неизвестно, и его туда не примут, а именно Спешнев, Пав. Филиппов (эти умерли, так я их называю, другие, кажется, еще живы, потому о них все-таки умолчу, как молчал до сих пор целые 37 лет обо всем этом эпизоде) и еще пять или шесть, не помню, в том числе Д. они решили пригласить еще седьмого или восьмого, т.е. меня. А решили они завести тайную типографию и печатать и т.д. Я доказал легкомыслие, беспокойность такого дела, и что они идут на явную гибель. Да притом — это мой главный аргумент — мы с вами (с Ф. М.), поэты, следовательно, люди не практические, и своих дел не справим, тогда как политическая деятельность есть в высшей степени практическая способность и пр. И помню я — Д., сидя как умирающий Сократ перед друзьями, в ночной рубашке с незастегнутым воротом, напрягал все свое красноречие о святости этого дела, о нашем долге спасти отечество, и пр. — так что я, наконец, стал смеяться и шутить.

«Итак — нет?» — заключил он. — Нет, нет и нет. — Утром после чая, уходя: — «Не нужно говорить, что об этом — ни слова». — «Само собою». Впоследствии я узнал, что типографский ручной станок был заказан по рисунку Филиппова в разных частях города и за день, за два до ареста был снесен и собран в квартире одного из участников Мордвинова¹², которого я, кажется, и не знал; когда его арестовали и делали у него обыск, на этот станок не обратили внимания, у него стояли в кабинете разные физические и другие инструменты и аппараты, но дверь опечатали. По уходе комиссии и по уходе — домашние его сумели, не повредив печатей, снять двери с петель и выкрали станок. Таким образом, улика была уничтожена. Обо всем этом деле комиссия ничего не знала, не знал и Петрашевский, и изо всех избегших ареста только я один и знал. И если что меня тяготило, в ожидании, когда меня арестуют (а этого я ждал по близким связям с Д-ми и Плещеевым), а потому, чего более я боялся уже на допросе в крепости — это именно этой тайны посещения Д-го и того, что он мне сообщил. Но на допросе об этом не спрашивали, и я весьма свободно и развязно отвечал о теории Фурье и фаланстериях, даже не без юмора; члены смеялись, когда я рисовал, какие это будут казарменные жилища, где будет и мой номер, и вся жизнь будет на глазах и никаких амуров не останется в тайне. Распространялся о неуживчивости Д-го, который перессорился со всеми, кроме меня, но, наконец, в последнее время охладел и ко мне, и мы видались реже. С Петрашевским поддерживал знакомство из учтивости да и забавно было. Когда же, наконец, мне сказали: «Можете идти — вы свободны», — я наконец вздохнул легко, мне стало ужасно весело. Именно оттого, что не спросили ничего о «той ночи».

Из письма А. Н. МАЙКОВА к П. А. ВИСКОВАТОВУ.

ПЕРЕД АРЕСТОМ

Незадолго перед закрытием кружка один из наших членов ездил в Москву и привез оттуда список известного письма Белинского к Гоголю, написанного по поводу его «переписки с друзьями». Ф. М. Достоевский прочел это письмо на вечере и потом, как сам он говорил, читал его в разных знакомых домах и давал списывать с него копии. Это послужило одним из главных мотивов к его обвинению и ссылке.

А. П. МИЛЮКОВ. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.

По-видимому, петрашевцев окончательно погубил обед в честь Фурье 7-го апреля, которым открывался предполагавшийся ряд обедов в честь знаменитых людей как нашего времени, так и прошедших веков (в числе их и отводилось место и основателю христианства — совершенно соответственно тому взгляду, о котором мы уже слышали выше от самого Ф. М-ча). На обеде 7-го апреля Петрашевский произнес речь, законченную словами: «Мы осудили на смерть настоящий быт общества; надо же приговор нам исполнить». В речи же, произнесенной на этом обеде Ахшарумовым, излагалась (утверждается в докладе о деле) «необходимость уничтожения семьи, собственности, государства, законов, войска, городов и храмов». Достоевский в обеде этом не участвовал. В деле о нем, сверх общего указания на посещение им собраний у Петрашевского, сказано только: принимал участие в разговорах о строгости цензуры и на одном собрании в марте 1849 г. прочел полученное из Москвы от Плещеева письмо Белинского к Гоголю, потом читал его на собраниях у Дурова и отдал для списания копии Момбелли¹³. На собраниях у Дурова слушал чтение статей, знал о предположении завести литографию, у Спешнева слышал чтение «Солдатской беседы» (составленной Григорьевым).

О. Ф. МИЛЛЕР. Материалы.

22-го апреля, говорит он, в пятницу вечером, часов в 6, я вышел из дому и направился на Литейную, чтобы побывать у своего товарища, архитектора Карпова. День был очень жаркий. Проходя по Загородному проспекту (из Измайловского полка), я совершенно неожиданно встретился с братом Федором Михайловичем близ церкви Введения (Семеновского полка). Мы поздоровались и постояли минут пять. «Скверно, брат, очень скверно, сказал Ф. М-ч, чувствую, что болезнь подтачивает меня, нужно бы отдохнуть, полечиться, куда-нибудь поехать на лето... а средств нет. Что ты не заходишь? Заходи когда-нибудь.»

171

— Да ведь послезавтра увидимся у брата (Михайла Михайловича).

— А ты будешь у брата?

— Непременно.

— Ну так до свиданья.

Но в воскресенье нам обоим уже не удалось быть у брата Михаила Михайловича.

Из воспоминаний А. М. ДОСТОЕВСКОГО.

За кружком Петрашевского следили давно уже, и на вечера к нему введен был от министерства внутренних дел один молодой человек, который прикинулся сочувствующим идеям либеральной молодежи, аккуратно бывал на сходках, сам подстрекал других на радикальные разговоры и потом записывал все, что говорилось на вечерах и передавал куда следует.

А. П. МИЛЮКОВ. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.

...Было несколько новых лиц, между прочим, один блондин, небольшого роста, с довольно большим носом, с глазами светлыми, не то, чтобы косыми, но избегающими встречи, в красном жилете. Этот господин, судя по участию, какое принимал он в разговорах, был не без образования, либерален во мнениях, но участие его было по преимуществу вызывающее других к высказыванию. Особенное внимание его ко

мне, потчевание заграничными сигарами и вообще нечто вроде ухаживания заставило меня спросить в конце вечера Александра Пантелеевича Богосоголо об этом господине; он отвечает, что это итальянчик Антонили, способный только носить на голове гипсовые фигурки. — «Для чего он здесь бывает?» — спросил я. — «Да вы знаете, что Михаил Васильевич расположен принять и обласкать каждого встреченного на улице».

П. А. КУЗЬМИН. Записки.

АРЕСТ

Я все прочел; дело важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно в высшей степени преступно и нестерпимо.

Приступить к арестованию, как ты полагаешь; точно лучше, ежели только не будет разгласки от такого большого числа лиц на то нужных.

Набокова¹⁴ вперед не уведомляй, а гораздо лучше тогда ему дать знать, прямо от меня, что и сделай...

С Богом, да будет воля его!

Резолюция НИКОЛАЯ I на записке шефа жандармов Орлова о деле Петрашевского.

Г. МАЙОРУ С.-Петербургского Жандармского Дивизиона ЧУДИНОВУ

III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии № 675
22 апреля 1849 года.

По высочайшему повелению предписываю Вашему Высокородию завтра в четыре часа пополудни арестовать отставного инженер-поручика и литератора Федора Михайловича Достоевского, живущего на углу Малой Морской и Вознесенского проспекта, д. Шиля, в третьем этаже в квартире Бремера, опечатать все его бумаги и книги и оные вместе с Достоевским доставить в Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

172 При сем случае вы должны строго наблюдать, чтобы из бумаг Достоевского ничего не было скрыто. Случиться может, что вы найдете у Достоевского большое количество бумаг и книг, так что невозможно будет сейчас их доставить в III Отделение, в таком случае вы обязаны то и другое сложить в одной или двух комнатах, как укажет необходимость и комнаты те опечатать, а самого Достоевского немедленно представить в III Отделение.

Если Достоевский будет указывать, что некоторые бумаги и книги принадлежат другим лицам, то на таковое указание не обращать внимания и оные также опечатать.

При возлагаемом на Вас поручении Вы обязаны употребить наистрожайшую бдительность и осторожность под личную Вашу ответственностью.

Начальник Штаба корпуса жандармов сделает распоряжение, чтобы при Вас находились офицер С.-Петербургской полиции и необходимое число жандармов.

Генерал-адъютант Граф ОРЛОВ.

Двадцать второго, или, лучше сказать, двадцать третьего апреля (1849 года), я воротился домой часу в четвертом от Григорьева, лег спать и тотчас же заснул. Не более как через час я, сквозь сон, заметил, что в мою комнату вошли какие-то подозрительные и необыкновенные люди. Брякнула сабля, нечаянно за что-то задевшая. Что за странность?

С усилием открываю глаза, и слышу мягкий симпатичный голос: «Вставайте».

Смотрю: квартальный или частный пристав, с красивыми бакенбардами. Но говорил не он; говорил господин, одетый в голубое с подполковничьими эполетами.

— Что случилось? — спросил я, привставая с кровати.

— По повелению...

Смотрю: действительно «по повелению». В дверях стоял солдат, тоже голубой. У него-то и звякнула сабля...

«Эге, да это вот что!» — подумал я. — Позвольте же мне... — начал было я.

— Ничего, ничего. Одевайтесь. Мы подождем-с, — прибавил полковник еще более симпатичным голосом.

Пока я одевался, они потребовали все книги и стали рыться; немного нашли, но все перерыли. Бумаги и письма мои аккуратно связали веревочкой. Пристав обнаружил при этом много предусмотрительности; он полез в печку и пошарил моим чубуком в старой золе. Жандармский унтер-офицер по его приглашению стал на стул и полез на печь, но оборвался с карниза и громко упал на стул, а потом со стулом на пол. Тогда прозорливые господа убедились, что на печи ничего не было.

На столе лежал пятиалтынный, старый и согнутый. Пристав внимательно разглядывал его и, наконец, кивнул подполковнику.

— Уж не фальшивый ли? — спросил я.

— Гм... Это, однако же, надо исследовать... — пробормотал пристав и кончил тем, что присоединил и его к делу.

Мы вышли. Нас провожала испуганная хозяйка и человек ее, Иван, хоть и очень испуганный, но глядевший с какою-то тупой торжественностью, приличною событию, впрочем, торжественностью не праздничною. У подъезда стояла карета; в карету сел солдат, я, пристав и подполковник; мы отправились на Фонтанку, к Цепному мосту у Летнего сада. Там было много ходьбы и народа. Я встретил многих знакомых. Все были заспанные и молчаливые. Какой-то господин, статский, но в большом чине, принимал... беспрерывно входили голубые господа с разными жертвами.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — сказал мне кто-то на ухо.

23 апреля был действительно Юрьев день.

Мы мало-помалу окружили статского господина со списком в руках. В списке перед именем Г. Антонелли написано было карандашом: «агент по найденному делу».

— Так это Антонелли! — подумали мы.

Нас разместили по разным углам, в ожидании окончательного решения, куда кого девать. В так называемой белой зале нас собралось человек семнадцать.

Вошел Леонтий Васильевич... (Дубельт).

Но здесь я прерываю мой рассказ. Долго рассказывать. Но уверяю, что Леонтий Васильевич был преприятный человек.

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ. Запись в альбом дочери А. П. Милюкова. 24 мая 1860 г.

Честь имею донести Вашему Величеству, что арестование совершено, в III Отделение привезено 34 человека, со всеми их бумагами. В числе арестованных находятся все главные лица и размещены по одиночке...

Теперь остается мне просить Ваше Величество, не благоугодно ли

дать повеление о принятии от меня в С.-Петербургскую крепость сих арестованных. Предполагаю, получив Ваше приказание, отправить их сегодня вечером по частям.

Приказания были исполнены все совершенно с большой быстротой, и по моим сведениям все совершено с большой тишиной, без всякой огласки и с наивеличайшей аккуратностью.

Из донесения ОРЛОВА НИКОЛАЮ I,

23 апреля 1849 г.

III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии

28 апреля 1849 года.

Милостивый Государь
Андрей Александрович.

Получив сведения, что в том № «Отечественных Записок», который будет выпущен 1-го мая, уже напечатаны две повести сочинения отставного поручика Достоевского и подпоручика Лейб-Гвардии Егерского Полка Пальма¹⁵, я имел честь докладывать об этом г. Генерал-Адъютанту Графу Орлову.

Его Сиятельство изволил отозваться, что повести Достоевского и Пальма, уже рассмотренные и дозволенные к напечатанию цензорами, могут оставаться в упомянутом №, но с тем, чтобы под ними не означались фамилии сочинителей.

Сообщение III Отделения А. А. КРАЕВСКОМУ

КРЕПОСТЬ

Ф. М. сидел в Алексеевском рavelине № 7 и 9; первые два месяца ничего не делал, а остальное время давали читать книги больше духовного содержания и позволяли писать. Выпускали гулять на 1/4 часа на маленьком дворике одного, без товарищей, но под конвоем. Сношения с товарищем, соседом по заключению (Филипповым), происходили при помощи постукивания. Часовой, конечно, ничего не понимал.

О. Ф. МИЛЛЕР. Материалы.

Вот уже две недели, милый, дорогой брат мой, хлопочу я о твоей просьбе, изложенной тобой в письме к брату Андрею, и, поверишь ли, только нынче могу исполнить ее. Не было денег, а пустого письма отправлять тебе не хотелось. Нынче достал для тебя 25 руб. сер., которые и посылаю тебе, присовокупляя к ним полсотни заграничных сигар и третью часть твоего романа, напечатанную в майской книжке «Отеч. Зап.».

Из письма М. М. ДОСТОЕВСКОГО к Федору Михайловичу 9 июля 1849 г.

(Из крепости). Теперь ясные дни, большею частью по крайней мере, и немножко веселее стало. Но ненастные дни невыносимы, каземат смотрит суровее. У меня есть и занятия. Я времени даром не потерял: выдумал три повести и два романа; один из них пишу теперь, но боюсь работать много.

Эта работа, особенно если она делается с охотой (а я никогда не работал так с оп атоте, как теперь), всегда изнуряла меня, действуя на нервы. Когда я работал на свободе, мне нужно было беспрерывно прерывать себя развлечениями, а здесь волнение после письма должно проходить само собою.

Я здесь читал немного: два путешествия к св. местам и сочинения св. Дмитрия Ростовского. Последние меня очень заняли; но это чтение — капля в море, и какой-нибудь книге я бы, мне кажется, был бы до невероятности рад. Тем более что это будет даже целительно, затем, что перебьешь чужими мыслями свои, или перестроишь свои по новому складу.

Письма М. М. ДОСТОЕВСКОМУ 18 июля 1849 г.

Ты не можешь себе представить, как я обрадовался, узнав, что ты получил позволение писать. Это было моею любимую мечтою в продолжение моего ареста, и я по себе сужу, что возможность писать и создавать составляет для тебя теперь невыразимое облегчение. Я уверен, что ты напишешь нечто, далеко выходящее из круга обыкновенных литературных явлений.

Из письма М. М. ДОСТОЕВСКОГО к Ф. М. 23 июля 1849 г.

Вместо Шекспира, в дурном немецком переводе, которого я было хотел послать тебе сначала, отправляю к тебе Шиллера. Мне кажется, что эта книга должна занять тебя более.

Из письма М. М. ДОСТОЕВСКОГО к Федору М-чу 18 августа 1849 г.

(Из крепости). Очень рад, что могу тебе отвечать, любезный брат, и поблагодарить тебя за присылку книг. Особенно благодарен за «Отечеств. Записки». Рад тоже, что ты здоров, и что заключение не оставило никаких дурных следов для твоего здоровья. Но ты очень мало пишешь, так что мои письма гораздо подробнее твоих. Но это в сторону: после поправишься.

Насчет себя ничего не могу сказать определенно. Все та же неизвестность касательно нашего дела. Частная жизнь моя по-прежнему однообразна; но мне опять позволили гулять в саду, в котором почти семнадцать деревьев. И это для меня целое счастье. Кроме того, я могу иметь теперь свечу по вечерам — и вот другое счастье. Третье будет, если ты мне поскорее ответишь и пришлешь «Отечественные Записки», ибо я, в качестве иногороднего подписчика, жду их, как эпохи, как соскучившийся помещик в провинции. Хочешь мне прислать исторических сочинений? Это будет превосходно. Но всего лучше, если бы ты мне прислал Библию (оба завета). Мне нужно. Но если возможно будет прислать, то пришли во французском переводе. А если к тому же прибавишь и славянский, то все это будет верхом совершенства (...)

Письмо М. М. ДОСТОЕВСКОМУ 27 августа 1849 г.

Из книг препровождаю тебе: 1) Библию (во французском переводе нигде не мог найти), 2) Сентябрьскую книжку «О.З.», 3) Сочинения Батюшкова, 4) Драмы Шекспира в русском переводе Кетчера.

Из письма М. М. ДОСТОЕВСКОГО к Федору М-чу 10 сентября 1849 г.

(Из крепости). Письмо твое, любезный брат, книги (Шекспир, Библия, «Отеч. Записки») и деньги (10 р. сереб.) я получил и за все это тебя благодарю. Рад, что ты здоров. Я же все по-прежнему. То же расстройство желудка и геморрой. Не знаю уж, когда это пройдет. Вот подходят теперь трудные осенние месяцы, а с ними моя ипохондрия. Теперь небо уж хмурится, а светлый клочок неба, видный из моего каземата, — гарантия для здоровья моего и для доброго расположения духа. Но все

же, покамест я еще жив, здоров. А уж это для меня факт. И потому ты, пожалуйста, не думай обо мне чего-нибудь особенно дурного. Покамест все хорошо относительно здоровья. Я ожидал гораздо худшего и теперь вижу, что жизненности во мне столько запасено, что и не вычерпаешь.

Еще раз благодарю за книги. Это все хоть развлечение. Вот уже пять месяцев, без малого, как я живу своими средствами, т. е. одной своей головой и больше ничем. Покамест еще машина не развинтилась и действует. Впрочем, вечное думанье и одно только думанье, без всяких внешних впечатлений, чтоб возрождать и поддерживать думу, — тяжело. Я весь как будто под воздушным насосом, из-под которого воздух вытягивают. Все из меня ушло в голову, а из головы в мысль, все, решительно все, и несмотря на то, эта работа с каждым днем увеличивается. Книги хоть капля в море, но все-таки помогают. А собственная работа только, кажется, выжимает последние соки. Впрочем, я ей рад.

Письмо к М. М. ДОСТОЕВСКОМУ
14 сент. 1849 г.

СУД И КАЗНЬ

Пагубные учения, породившие смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожалению, в некоторой степени, и в нашем отечестве.

Но в России, где святая вера, любовь к монарху и преданность к престолу основаны на природных свойствах народа и доселе хранятся непоколебимо в сердце каждого — только горсть людей, совершенно ничтожных, большую частью молодых и безнравственных, мечтала о возможности попрасть священнейшие права религии, закона и собственности.

Действия злоумышленников могли бы только тогда получить опасное развитие, если бы бдительность правительства не открыла зла в самом начале...

Для раскрытия всех соучастников в этом деле Государю Императору благоугодно было учредить особенную секретную следственную комиссию, под председательством генерал-адъютанта Набокова...

Генерал-аудиториат по рассмотрении дела, произведенного Военно-Судною Комиссиею, признал, что 21 подсудимый в большей или меньшей степени, но все виновны: в умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка. — а потому и определил: подвергнуть их смертной казни расстрелянием...

Его Величество, по прочтении всеподданнейшего доклада Генерал-аудиториата, изволил обратить всемилостивейшее внимание на те обстоятельства, которые могут в некоторой степени случить смягчением наказания, и вследствие того высочайше повелел: причитать подсудимым приговор суда, при сборе войск, и по свершении всех обрядов, предшествующих смертной казни, объявить, что Государь Император дарует жизнь, и затем, вместо смертной казни, подвергнуть их следующим наказаниям:

Имена преступников	Главные виды преступлений, судом обнаружены	Заключение Генерал-аудиториата	Высочайшая конфирмация
10. Отставного Инженер-поручика Федора Достоевского	За участие в преступных замыслах, распространение одного частного письма, наполненного дерзкими выражениями против церкви и верховной власти, и за покушение к распространению, посредством домашней литографии, сочинений против правительства	Подвергнуть смертной казни расстрелянием	Лишив всех прав состояния, сослать в каторжную работу в крепостях на 4 года и потом определить рядовым

Итак, виновные, заслужившие по закону смертную казнь и только неизреченным милосердием государя императора помилованные, понесут достойное наказание. Да послужит настоящее дело предостережением и спасительным примером юношам, может быть, также заблуждающимся, но еще не преступным...

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ ПЕТРАШЕВЦЕВ.

«Ведомости с.-п.-бургской городской полиции», 24 декабря 1849 г.

Приговор этот был по форме своей первым еще случаем в России, ибо всякий, приговоренный в России в каторгу, теряет гражданские права свои навеки, хотя бы и окончил свой срок каторги (так оно и вышло по решению генерал-аудиториата). Достоевскому же назначалось, по отбытии срока каторги, поступить в солдаты, — т. е. возвращались опять права гражданина. «Впоследствии», прибавил Ф. М., «подобные помилования случались не раз, но тогда это был первый случай и произошел по воле Николая I, пожалевшего в Достоевском его молодость и талант». Из автобиографии ДОСТОЕВСКОГО, предиктованной в 3-м лице.

О дне объявления приговора, как говорил Ф. М., — никто из них заранее не знал. Рано утром 22-го декабря они заметили необычный шум и ходьбу по коридору и стали догадываться, что произойдет нечто особенное. Покойный Спешнев рассказывал определительно, что это было в 6 часов, а в 7 часов посадили в кареты и повезли. По словам Ф. М., их предварительно заставили переодеться в собственное их платье и отправлены они были в сопровождении надзирателя. Спешнев, недоумевая, куда их везут, предполагал, что для выслушивания приговора, а так как их судили военно-полевым судом, то полагал, что это должно происходить в ордонансгаузе. Между тем везли очень долго. Спешнев дорогой спросил солдата: «Куда везут?» Тот отвечал: «Не приказано сказывать». Был мороз, и сквозь обледенелые окна кареты нельзя было хорошенько разобрать, по какой дороге везут. Спешневу казалось, что перевезли на ту сторону Невы, затем повезли по Литейной. Чтоб хорошенько убедиться в том, где везут, он пробовал очистить стекло пальцем, но солдат сказал: «Не делайте этого, не то меня будут бить». Спешнев после этого отказался удовлетворить свое столь понятное любопытство. Выше было уже замечено, что мысль о смертной казни не приходила им в голову. Не думали они и о том, чтобы приговор, состоявшийся и отмененный государем, был тем не менее им

прочитан с целью произвести впечатление, ужас (как выражался в устных своих воспоминаниях Спешнев). Но вот, после казавшейся им бесконечной, дороги, их, наконец, привезли на Семеновский плац и выстроили в известном порядке. Затем их взвели на эшафот и, как рассказывал Ф. М., поставили по одной стороне 9, а по другой 11 человек. По словам Спешнева, они хотели друг с другом поздороваться и поговорить, но это не было им дозволено, так что затем можно было шептаться только по соседству. Вот тут-то, надо думать, оказавшийся подле Н. А. Момбелли Ф. М.-ч передал ему вкратце план повести, написанной им в крепости. Черта эта, сообщенная мне самим г. Момбелли, фактически подтверждает возможность того смешанного, разностороннего, спокойно-взволнованного состояния духа в такие минуты, с каким мы знакомимся по некоторым произведениям Ф. М.-ча. Тут, кроме глубокой психологической прозорливости, руководил им и собственный опыт. (Сам он об этом не рассказывал, стало быть, об этом не помнил, но след от этого, надо думать, оставался у него в сознании.)

Когда они расставлены были на эшафоте, по обеим сторонам, на середину вышел аудитор и прочел приговор. Во время чтения проглянуло солнце, и Ф. М., стоя подле Дурова, сказал ему: «Не может быть, чтобы нас казнили». В ответ на это Дуров указал ему на телегу, на которой, как ему представлялось, положены были гробы, покрытые рогожей (потом оказалось, что это их арестантское платье). Тут уже, вспоминал Ф. М., не оставалось никакого сомнения. Федору Михайловичу так и врезались на всю жизнь в сознание столько раз повторенные в роковой бумаге слова: «приговорены к смертной казни расстрелянием». Но при этом также глубоко врезалась ему в память и такая внешняя подробность, как то, что, окончив чтение, аудитор сложил бумагу, и, положив ее в боковой карман, сошел с возвышения. На смену аудитору взшел на эшафот священник с крестом в руках и пригласил к исповеди. Но, по свидетельству Ф. М., исповедываться никто не пошел, кроме одного Шапошникова (по происхождению мещанина). Он исповедывался не долго. К кресту же, по свидетельству Ф. М., приложились все.

Появление священника для исповеди, по словам Ф. М., заставило их убедиться в том, что казнь будет в самом деле совершена: не станут же, представлялось им, обращать это в одну декоративную принадлежность. Мне рассказывал г. Кашкин¹⁶, что его внимание обратило на себя то, что со священником не было св. даров. Воспользовавшись тем, что он стоял у самого края эшафота, как раз против обер-полицмейстера, он решился, наклонившись, спросить у него шепотом по-французски: «Неужели, предлагая нам исповедываться, нас оставят без причащения», на что ген. Галахов прошептал ему в ответ по-французски же: «Вы будете все помилованы». Таким образом один из присутствовавших ранее других узнал, что казнь не будет совершена.

Между тем, как вспоминал Спешнев, троих уже привязали к столбам. По словам Ф. М., это был Петрашевский, Момбелли и Григорьев. Перед каждым столбом стал офицер с солдатами, и были уже произнесены командные слова. Ф. М. припоминал, что сожаления об оставляемых в мире он тогда не чувствовал, да и времени было слишком мало. Он ощущал только мистический страх, весь находился под влиянием мысли, что через каких-нибудь пять минут перейдет в другую, неизвестную жизнь (в нем, стало быть, ни мало не была поколеблена вера в бессмертье). Как ни был он потрясен, он, однако, не потерялся. Бывший тогда

на площади г. Загуляев передавал, что Ф. М. не был бледен, довольно быстро взшел на эшафот, скорее был тороплив, чем подавлен. Совершенно иначе подействовало все это на некоторых товарищей. Мы знаем уже со слов Спешнева, что еще в крепости стал мешаться в уме Григорьев. Привязывание к столбу и уже раздавшаяся команда довершили дело. Оставалось произнести «пли» и все было бы кончено. Тут, по словам Спешнева, махнули платком — и казнь была остановлена. Но когда Григорьева отвязали от столба с двумя другими, он был бледен как смерть. Умственные способности окончательно ему изменили.

По словам И. М. Дебу, многим из них весть о помиловании вовсе не представилась радостною; а как будто бы даже обидною: так враждебно настроила их вся эта только что совершившаяся с ними процедура.

О. Ф. МИЛЛЕР. Материалы...

Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния. Без сомнения, я не могу свидетельствовать обо всех, но думаю, что не ошибусь, сказав, что тогда, в ту минуту, если не всякий, то по крайней мере чрезвычайное большинство из нас почло бы за бесчестие отречься от своих убеждений... Приговор смертной казни расстрелянием, прочтенный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен, и вынесли по крайней мере десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти. В эти последние минуты некоторые из нас (я знаю положительно) инстинктивно углубились в себя, и проверяя мгновенно всю свою, столь юную еще жизнь, может быть, и раскаивались в иных тяжелых делах своих (из тех, которые у каждого человека всю жизнь лежат втайне на совести); но то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим, мученичеством, за которое многое нам простится.

«Дневник писателя». 1873.

Хрипло прозвучал рожок — был сильный мороз; прокатилась барабанная дробь; из рядов каждого батальона вышли солдаты с ружьями, приблизились к осужденным, стали целиться. Воцарилось гробовое молчание. Но отчего солдаты так долго не стреляют? Может быть, для того, чтобы продлить у осужденных предсмертную тоску? Петрашевский, всегда верный себе, приподнял калюшон, чтобы посмотреть, что происходило вокруг. Наконец, становится известно, что все это было простым фарсом, декорацией, лишним парадом, устроенным его величеством. Генерал Ростовцев объявляет приговоренным, что царь дарует им жизнь. Напршивалась мысль, что из всех генералов был выбран именно этот для объявления милости потому, что он был заикою.

А. И. ГЕРЦЕН. Соч., т. 1917, VI 516 — 517.

Этот человек был раз введен, вместе с другими на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование, и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут, или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрет. Мне ужасно хотелось слушать, когда

он иногда припоминал свои тогдашние впечатления, и я несколько раз начинал его вновь расспрашивать. Он помнил все с необыкновенной ясностью и говорил, что никогда ничего из этих минут не забудет. Шагах в двадцати от эшафота, около которого стоял народ и солдаты, были врыты три столба, так как преступников было несколько человек. Трех первых повели к столбам, привязали, надели на них смертный костюм (белые длинные балахоны), а на глаза надвинули им белые колпаки, чтобы не видно было ружей; затем против каждого столба выстроилась команда из нескольких человек солдат. Мой знакомый стоял восьмым по очереди, стало быть, ему приходилось идти к столбам в третью очередь. Священник обошел всех с крестом. Выходило, что остается жить минут пять, не больше. Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживает столько жизней, что еще сейчас нечего и думать о последнем мгновении, так что он еще распоряжения разные сделал: рассчитал время, чтобы проститься с товарищами, на это положил минуты две, потом две минуты еще положил, чтобы подумать в последний раз про себя, а потом, чтобы в последний раз кругом поглядеть. Он очень хорошо помнил, что сделал именно эти три распоряжения и именно так рассчитал. Он умирал двадцати семи лет, здоровый и сильный, прощаясь с товарищами, он помнил, что одному из них задал довольно посторонний вопрос и даже очень заинтересовался ответом. Потом, когда простился с товарищами, настали те две минуты, которые он отсчитал, чтобы думать про себя; он знал заранее, о чем он будет думать: ему все хотелось представить себе, как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живет, а через три минуты будет уже нечто, кто-то или что-то, — так кто же? Где же? Все это он думал в эти две минуты решить. Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие: оторваться не мог от лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он через три минуты как-нибудь сольется с ними... Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорит, что ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: «Что если бы не умирать. Что если бы воротить жизнь — какая бесконечность. И все это было бы мое. Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил». Он говорил, что эта мысль у него, наконец, в такую злобу переродилась, что ему уж хотелось, чтобы его поскорей застрелили.

ДОСТОЕВСКИЙ. «Идиот», ч. 1.

Помню, как стоял на Семеновском плацу среди осужденных товарищей и, видя приготовления, знал, что мне остается жить всего пять минут. Но эти минуты представлялись мне годами, десятками лет, так казалось, предстояло мне долго жить. На нас уже надели смертные рубашки и разделили по трое, я был восьмым, в третьем ряду. Первых трех привязали к столбам. Через две-три минуты оба ряда были бы расстреляны и затем наступила бы наша очередь. Как мне хотелось жить, Господи боже мой! Как дорога казалась мне жизнь, сколько доброго, хорошего мог бы я сделать. Мне припомнилось все мое прошлое, не совсем хорошее его употребление, и так захотелось все вновь испытать и жить долго, долго... Вдруг послышался отбой

и я ободрился. Товарищей моих отвязали от столбов, привели обратно и прочитали новый приговор: меня присудили на четыре года в каторжную работу. Не запомню другого такого счастливого дня. Я ходил по своему каземату в Алексеевском рavelине и все пел, громко пел, так рад был дарованной мне жизни. Затем допустили брата проститься со мною перед разлукой, и накануне рождества Христова отправили в дальний путь. Я сохраняю письмо, которое написал покойнику брату в день прочтения приговора; мне недавно вернул письмо племянник.

Рассказ Достоевского в изложении А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ.

22 декабря 1849 года. Из крепости.

Брат, любезный друг мой, все решено. Я приговорен к 4-х летним работам в крепости (кажется, Оренбургской) и потом в рядовые. Сегодня, 22 декабря, нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головами шпаги и устроили наш предсмертный-туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым. Вызывали по трое, следовательно я был во второй очереди и ждать мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту, ты, только один ты был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый. Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними. Наконец, ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что его императорское величество дарует нам жизнь.

Из письма ДОСТОЕВСКОГО к брату Михаилу 22 декабря 1849 г.

ВЫСЫЛКА ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Сейчас мне сказали, любезный брат, что нам сегодня или завтра отправляться в поход. Я просил видеться с тобою. Но мне сказали, что это невозможно, могу только я тебе написать это письмо, по которому поторопись и ты дать мне поскорее отзыв. Я боюсь, что тебе был как-нибудь известен наш приговор (к смерти). Из окон кареты, когда везли на Семеновский плац, я видел бездну народа, может быть, весть прошла уже до тебя, и ты страдал за меня. Теперь тебе будет легче за меня. Брат. Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастиях не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да, правда та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая создала и свыклась с высшими потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Осталась память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвляют меня, правда. Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это, все-таки, жизнь. *On voit soleil!* * Ну, прощай, брат. Обо мне не тужи. Теперь о распоряжениях материальных: книги (Библия осталась у меня) и несколько листов моей рукописи, чернового плана драмы и романа (и оконченная повесть *Детская сказка*) у меня отобраны и достанутся, по всей вероятности, тебе...

* Видно солнце.

...Неужели никогда я не возьму пера в руки? Я думаю, через 4 года будет возможность. Я перешлю тебе все, что напишу, если что-нибудь напишу, Боже мой. Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольется. Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках...

...Но не тужи, ради Бога, не тужи обо мне. Знай, что я не уныл, помни, что надежда меня не покинула. Через четыре года облегчение судьбы. Я буду рядовой, — это уже не арестант, и имей в виду, что когда-нибудь я тебя обниму... Был же я сегодня у смерти, три четверти часа прожил с этой мыслью, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу...

Как оглянусь на прошлое, да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, и неуменьи жить; как не дорожил я им, сколько я грешил против сердца моего и духа, — так кровью обливается сердце мое. Жизнь — дар, жизнь — счастье, каждая минута могла быть веком счастья.

...Теперь, переменяя жизнь, перевождаюсь в новую форму. Брат. Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, все утешение... Из письма ДОСТОЕВСКОГО к брату Михаилу 22 декабря 1849 г.

У Достоевского в Алексеевском рavelине открылись на лице и во рту золотушные язвы.

Осужденных отвозили из крепости в ссылку партиями по два и по три человека. Если не ошибаюсь, на третий день после экзекуции на Семеновской площади М. М. Достоевский приехал ко мне и сказал, что брата его отправляют в тот вечер и он едет проститься с ним. Мне тоже хотелось попрощаться с тем, кого долго, а, может быть, и никогда не придется видеть. Мы поехали в крепость...

Нас провели в какую-то большую комнату, в нижнем этаже комендантского дома. Давно уже был вечер, и она освещалась одною лампою. Мы ждали довольно долго, так что крепостные куранты раза два успели проиграть четверть на своих разнотонных колокольчиках. Но вот дверь отворилась, за нею брякнули приклады ружей, и в сопровождении офицера вошли Ф. М. Д. и С. Ф. Дуров. Горячо пожали мы друг другу руки. Несмотря на восьмимесячное заключение в казематах, они почти не переменились; то же серьезное спокойствие на лице одного, та же приветливая улыбка у другого. Оба уже одеты были в дорожное арестантское платье — полушубках и валенках. Крепостной офицер скромно поместился на стуле недалеко от входа и несколько не стеснялся нас. Федор Михайлович прежде всего высказывал свою радость брату, что он не пострадал вместе с другими, и с теплой заботливостью расспрашивал его о семействе, о детях, входил в самые мелкие подробности об их здоровье и занятиях. Во время нашего свиданья он обращался к этому несколько раз. На вопросы о том, каково было содержание в крепости, Д. и Дуров с особенной теплотою отзывались о коменданте, который постоянно заботился о них и облегчал, чем только мог, их положение. Ни малейшей жалобы не высказывали ни тот ни другой на строгость суда или суровость приговора. Перспектива каторжной жизни не страшилась их.

Смотря на прощанье братьев Д-их, всякий заметил бы, что из них страдает более тот, который остается на свободе в Петербурге, а не тот, кому сейчас предстоит ехать в Сибирь на каторгу. В глазах старшего брата стояли слезы, губы его дрожали, а Федор Михайлович был спокоен и утешал его.

— Перестань же, брат, — говорил он, — ты знаешь меня, не в гроб же я уйду, не в могилу провожаешь, — и в каторге не звери, а люди, может, еще и лучше меня, может, достойнее меня... Да мы еще увидимся, я надеюсь на это. Я даже не сомневаюсь, что увидимся... А вы пишете, да когда обживусь — книг присылайте, я напишу каких; ведь читать можно будет... А выйду из каторги — писать начну. В эти месяцы я много пережил, в себе-то самом много пережил, а там впереди-то что увижу и переживу, — будет о чем писать...

Более получаса продолжалось наше свидание, но оно показалось нам очень коротким... Печально перезванивали колокольчики на крепостных часах, когда вошел плацмайор и сказал, что вам время расстаться. В последний раз обнялись мы и пожали друг другу руки. Я не предчувствовал тогда, что с Дуровым никогда уже более не встречу, а Ф. М. Достоевского увижу только через восемь лет.

А. П. МИЛЮКОВ. Литературные встречи и знакомства.

Как теперь, вижу минуту нашего прощанья в декабре 49-го года. Он, бодрый, почти веселый и какой-то светлый, верующий, обнял меня и сказал: «До свидания, Пальм, увидимся непременно, — уж это непременно — увидимся. Четыре года каторги, потом солдатчина — все вздор, пустяки, пройдет, а будущее наше». Глаза его сверкали, прекрасная, любящая — хотя и не без тонкого юмора — улыбка загорелась на его бледном, измученном лице...

А. И. ПАЛЬМ. Речь на могиле Достоевского.

Несколько времени мы помедлили в крепости, потом вышли и остановились у тех ворот, откуда должны были выехать осужденные. На крепостной колокольне куранты проиграли девять часов, когда выехали двое ямских саней; и на каждых сидел арестант с жандармом.

— Прощайте! — крикнули мы.

— До свиданья! До свиданья! — отвечали нам.

А. П. МИЛЮКОВ. Литературные встречи и знакомства.

Только что ты оставил меня... нас повели, троих, — Дурова, Ястржембского¹⁷ и меня — заковывать. Ровно в 12 часов, т. е. ровно в рождество (1849 г.) я первый раз надел кандалы. В них было фунтов 10, и ходить чрезвычайно неудобно. Затем нас посадили в открытые сани, каждого особо с жандармом, и на 4 санях, фельдъегерь впереди, мы отправились из Петербурга. У меня было тяжело на сердце и как-то смутно, неопределенно от многих разнообразных ощущений... Но свежий воздух оживлял меня, и так как обыкновенно перед каждым новым шагом в жизни чувствуешь какую-то живость и бодрость, то я, в сущности, был очень спокоен и пристально глядел на Петербург, проезжая мимо празднично освещенных домов и прощаясь с каждым домом в особенности. Нас провезли мимо твоей квартиры, и у Краевского было большое освещение. Ты сказал мне, что у него елка, что дети с Эмилией Федоровной отправились к нему, и вот у этого дома мне стало жестоко грустно. Я как будто простился с детенками.

Из письма Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО к брату.

Команда С.-Петербургской Крепости Рапорт.

Имею честь объявить, что преступники Сергей Дуров, Федор Достоевский и Иван Ястржембский отправлены 24 декабря 1849 года в Тобольск, закованные, с поручиком Фельдъегерского Корпуса Прокофьевым, при трех жандармах, о чем Вашему Сиятельству донести честь имею.

Генерал-Адъютант НАБОКОВ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Ахшарумов Дмитрий Дмитриевич (1823—1910), поэт; с 1848 года посещал «пятницы» Петрашевского. 23 апреля 1849 года арестован. Не выдержав одиночного заключения в Петропавловской крепости, обратился к Николаю I с просьбой о помиловании, в чем всю жизнь потом раскаивался. Приговорен к смертной казни, замененной службой в арестантских ротах и последующей ссылкой. В 1882 году начал писать воспоминания. Попытка напечатать их в журнале «Русская старина» (1887) кончилась неудачей: журнал был задержан цензурой, а воспоминания запрещены. Полностью они были опубликованы только в 1905 году.
- 2) Милюков Александр Петрович (1817—1897), историк литературы, критик. 22 декабря 1849 года сопровождал М. М. Достоевского во время прощания с Ф. М. Достоевским и Дуровым в Петропавловской крепости. Спустя десять лет, в декабре 1859 года, встречал возвращавшегося из ссылки Достоевского на Николаевском вокзале. Книга воспоминаний Милюкова вышла в 1890 году.
- 3) Дуров Сергей Федорович (1816—1869), поэт. В своих воспоминаниях А. П. Милюков подробно описывает «мирный» литературно-художественный кружок Дурова, отколовшийся от «общества» Петрашевского и в который входил Достоевский. 22 декабря 1849 года Дуров выслушал смертный приговор и вместе с Достоевским был отправлен в омский острог «в каторжную работу в крепостях на 8 лет». Окончательный приговор: «на четыре года, а потом рядовым». О каторжной жизни Дурова рассказано в седьмой главе «Записок из мертвого дома» Достоевского: «Я с ужасом смотрел на одного из моих товарищей (из дворян), как он гас в остроге как свечка. Вошел он в него вместе со мною, еще молодой, красивый, бодрый, а вышел полуразрушенный, седой, без ног, с одышкой».
- 4) Оуэн Роберт (1771—1858), английский социал-утопист.
- 5) Кабе Этьен (1788—1856), французский утопический коммунист.
- 6) Фурье Франсуа Мари Шарль (1772—1837), французский социал-утопист.
- 7) Прудон Пьер Жозеф (1809—1865), французский социалист, основоположник анархизма.
- 8) Сең-Симон Анри Клод (1760—1825), французский социал-утопист.
- 9) Дебу Ипполит Матвеевич (1824—1890), петрашевец.
- 10) Миллер Орест Федорович (1833—1897), литературовед, фольклорист.
- 11) Яновский Степан Дмитриевич (1815—1897), врач, лечивший Достоевского с 1846 года. После смерти писателя Яновский признавался А. Г. Достоевской: «Ф. М. сорок лет был для меня тот человек, в котором я постоянно видел идеалы правды, чести и любви к ближнему и которого я любил и уважал беспредельно».
- 12) Мордвинов Николай Александрович (1827—?), чиновник министерства внутренних дел, посещал кружок Дурова. По делу петрашевцев был допрошен, однако не арестован.
- 13) Момбелли Николай Александрович (1823—1902), петрашевец.
- 14) Набоков Иван Александрович (1787—1852), комендант Петропавловской крепости, член следственной комиссии по делу петрашевцев.
- 15) Пальм Александр Иванович (1822—1885), поэт и писатель. Арестованный вместе с другими петрашевцами в ночь с 22 на 23 апреля 1849 года, Пальм был приговорен к «смертной казни расстрелянием», но ввиду принесенного раскаяния «в необдуманных поступках» помилован и присужден к переводу из гвардии в армию. Под псевдонимом «П. Альминский» опубликовал роман «Алексей Свободин», где под вымышленными именами изображены Достоевский, Петрашевский, Дуров.
- 16) Кашкин Николай Сергеевич (1829—1914), петрашевец, последователь Фурье.
- 17) Ястржембский Иван (Фердинанд) Львович (1814—1880-е гг.), петрашевец.

Назад

ЛЕОНИД ЖУХОВИЦКИЙ

К раю?

Эпоха демократии в России изобавляла новостями, сенсации обесценились — нынче мало что способно нас по-настоящему удивить. Проституция, «мерседесы» на московских улицах, «пятизвездочные» гостиницы, казино, рэкет, концерты на Красной площади, огромные митинги на Манежной, перестрелки на рынках — ну и что? Тем более не удивил скромный факт, не прорвавшийся даже в газеты: в России образовано общество нудистов. А ведь действительно образовано — представители десятка городов собрались вместе и учредили. Чтобы столица не давила на периферию, президентом избрали представителя Астрахани, а лидера москвичей поставили на вторую позицию. Учли опыт бывшего СССР с его всевластным Центром.

Итак, свобода. Как на Западе. Сосисок нет, зато нудисты есть.

Впрочем, с этим неформальным движением печатать знакомит нас уже больше года, причем в период подписной кампании интерес к последователям Адама резко возрастает. Подробности газеты не балуют, ощущение такое, что информации публикуются ради иллюстраций. Тут уж площади не жалеют, показывают товар, если можно так выразиться, лицом. Не важно, хвалят нудизм или ругают, важно, что «хвалу и клевету» сопровождают фотографии, куда более масштабные и детальные, чем изображения заседаний Верховного Совета. Даже телевидение в последнее время регулярно берет под обстрел юных нудисток, пока целомудренно обходя их с тыла, но, думается, и до фронтальной атаки недалеко.

Скопище голых людей располагает

к юмору. Самые невинные акции нудистов порой воспринимаются пародийно. Каюсь, и мой профессиональный интерес пробудила одна любительская фотография — общее собрание, напряженное лицо председательствующего, лес поднятых рук. До чего же смешно, когда голые люди заседают! Впрочем, менее ли смешно, когда заседают одетые?

Ну а вообще что это такое — нудизм? Чуждость, форма протеста, сексуальное или социальное извращение, честолюбивое желание хоть чем-нибудь выделиться из толпы?

Скорей всего в движении натуралистов, как они сами предпочитают себя называть, есть понемножку всего перечисленного. Но и еще кое-что, на мой взгляд, самое глубокое и важное. Не будь этого «еще», я бы, наверное, не стал тратить время на защиту священного права человека загорать без трусов.

Мы опутаны предрассудками, традициями, исток которых давно потерян, постулатами, которые никто никогда не пытался доказать. Так принято, и все. А кем принято, с какой целью — даже вопроса не задаем. И не пытаемся понять, почему Афродита, без купальника выходящая из воды, символ красоты и женственности, а соседская Маша в той же амуниции — символ бесстыдства.

Между тем проблема возникла не вчера и не сто лет назад...

Человека создал Бог — по крайней мере такова отнюдь не худшая из версий. А кто создал одежду?

Если верить Священному Писанию, тут постарался антагонист Всевышнего. Именно он, в личине змея коварно

всучив любознательной Еве совершенно секретное яблоко, подсказал первой женщине идею первого бикини. Из рая наши прародители ушли с фиговыми листками на приятных местах. А дальше пошло — вместе с грехами человек накручивал на себя все больше и больше ткани. Фраки, камзолы, шубы, длинные полы и рукава, многометровые шлейфы, башенные шапки, требующие специальной тренировки... В начале нашего века, приглашая на торжественные приемы, одновременно предписывали, что надевать. Богатые дважды в день брились и трижды переодевались, на каждый случай жизни существовала своя униформа. Уже не одежда служила человеку, а человек становился как бы деталью костюма...

В будущем году мировое сообщество получит право на удивительный праздник — уж не знаю, воспользуется оно этим правом или нет. Сто лет назад в Европе впервые массово заявили о себе, как выражаемся мы сегодня, неформалы: почти одновременно возникли дачные товарищества, туристические союзы, песенные общества — предтечи нынешних клубов самодеятельной песни, и...

Как узнать, кто был первый натуралист нового времени? Не теоретик, не официальный лидер, не президент вновь созданной ассоциации, а тот скромный пророк, который однажды, вернувшись домой в цилиндре и фраке, глянул на себя в зеркало и в ужасе схватился за голову. Бог ты мой, как же далеко мы ушли от рая! Ведь он был гений, безусловно, гений.

Человечество, несколько тысячелетий стремительно и успешно убегавшее от рая, вдруг остановилось, оглянулось и, потоптавшись, повернуло назад. Рядовое население задымленных городов обзавелось лоскутками земли и стало засаживать их не райскими, зато безгрешными яблонями, как бы возрождая на собственных садовых участках радость и благодать, когда-то утраченную прародителями. Туристы, распрямив плечи рюкзаками, принялись обживать луга, леса и горы, не только осваивая, но, по сути, и присваивая их, ибо кому и принадлежит вольная природа, как не тому, кто пьет из ручья и ночует под звездами. Молодые люди с гитарами, непринуж-

денно отодвинув богатых и знатных, завладели вниманием лучших девушек континента, перетасовав все таблицы о рангах и круто изменив представления о жизненном успехе. В общем-то ста лет оказалось достаточно, чтобы убедить цивилизованный мир, что есть путь к счастью куда прямой и короче, чем многолетнее кропотливое накопление сословных, должностных и имущественных достижений. Когда в шестидесятых дети миллионеров уходили в лагерь хиппи, они словно бы ставили восклицательный знак в конце дискуссии длиной в век.

По возвратной дороге в рай, пожалуй, именно нудисты прошли самый длинный отрезок пути. Встречаясь летом на природе или зимой в помещении, они спокойны и доброжелательны, как Адам и Ева до рокового яблока. Первоначальное любопытство новички удовлетворяют за несколько минут, после чего только и остается сосредоточиться на человеческой сущности человека.

Декларируя равные возможности, современные демократические общества изрядно лукавят слишком уж различны наши стартовые позиции. Парадоксально, но, пожалуй, нигде люди так не близки к идеалу добра и справедливости, как на нудистском пляже: ни роскошных туалетов, ни драгоценностей, ни регалий, все равны, как детишки в роддоме. В свое время битники и хиппи, демонстративно плюнув на престижную одежду, освободили нас от целого ряда хлопотных и бессмысленных обязанностей. Может быть, нудисты, плюющие на одежду вообще, делают следующий шаг?

У московского натурализма уже есть своя история, со своими скромными драмами, идейными конфликтами и неизбежной в неправом государстве борьбой с официальными структурами.

Робкий российский натурализм начала века бесследно исчез в сталинские времена, как и многое другое. Нынешний нудизм возник в Москве лет десять назад. И прежде молодые женщины, предпочитавшие загар без белых пятен, ловили солнце в песчаных карьерах Серебряного Бора — полудикого парка на окраине Москвы. Затем

сложилась компания, облубовавшая уединенную полянку. Чуть позже к ним присоединились мужчины. Постепенно полянка обросла постоянными обитателями.

Затем начались нормальные советские конфликты. К натурастам присоединились алкаши, после двух стаканов готовые умереть за любую идею. Водка стоит денег, и алкаши приспособились брать мзду с новичков за экзотическое зрелище. Пожалуй, именно эта небескорыстная активность и заставила московских нудистов объединиться.

Потом начались нелады с милицией. Год назад нагрянули крепкие ребята с дубинками и даже автоматами — видеть, начальство полагало, что от людей, купающихся без плавков, можно ожидать всего. Двоих, лежавших с краю, даже кинули в машину. Но не зря великий советский писатель Максим Горький утверждал, что в жизни всегда есть место подвигу — на пути передвижной каталажки встали женщины без купальников, но с детьми. Милиция перепугалась и отпустила заложников.

К счастью, все это в прошлом — теперь конные милиционеры добродушно катают нудисток на лошадях, демонстрируя полное единение власти с народом.

Сегодня в Московском обществе натуралистов около ста пятидесяти человек. Среди них рабочие и бизнесмены, студенты и профессора, школьники и школьные учителя, журналисты, пенсионеры, торговые работники. Президент общества Игорь Незовибатько — театральные режиссер, ученик знаменитого Марка Захарова, вице-президент Сергей Митюшин — государственный служащий. Летом собираются в основном на пляже, зимой в бане, целиком закулая вечерний сеанс. Время от времени проводят собрания, решающие на них всякие текущие и перспективные дела.

Мне повезло: решив встретиться с нудистами, я сразу же попал на такое собрание, проходившее в предбаннике и длившееся полтора часа.

Свидетельствую: проходило оно очень демократично. Вел его председатель, избранный на альтернативной основе, слово предоставлялось всем

желающим, а когда встал вопрос о кворуме, добровольцы извлекли недостающие голоса из мыльной и парной. Коменданта пляжа выбирали из четырех кандидатов, претенденты подробно обсуждались и выдвигали свои программы. Словом, все происходило, как в российском парламенте, не хватало только Руслана Имрановича Хасбулатова и штанов.

Последним пунктом повестки было персональное дело. Фотограф-любитель, пятидесятилетний Паша, обвинялся в том, что снимал пляж, не согласовав свои творческие порывы с Советом общества, а негативы держал дома, вместо того чтобы предоставить их в распоряжение руководства. Бородатый Паша отстаивал свободу творчества, оппоненты наседали на личность, злонамеренно противопоставляющую себя коллективу. Что делать — тоталитарность прочно сидит в нас самих, все мы в чем-то большевики, и незримые партбилеты всегда с нами, даже в бане, когда их и сунуть-то некуда, кроме как... Впрочем, вся Россия учится сегодня терпимости, и нудистам нелегко быть лучше других...

Так что же такое наш московский натурализм? Экзотическая краска эпохи? Забавная деталь нашей подростковой демократии? Европейский эксперимент на азиатской почве? Возможно. Но в конфликтном, озлобленном обществе движение натуралистов сомотрится островком покоя и дружелюбия. Хотя бы потому, что голому человеку куда трудней быть агрессивным. Отнимите у генералов штаны, и, Бог даст, войны на земле наконец-то прекратятся...

P. S. от редакции. Хотелось бы разделить оптимизм автора по поводу предлагаемого способа борьбы с военной угрозой, но, увы, не получается: многовековая история человечества полна свидетельств кровожадности homo sapiens в набедренной повязке и без оной...

Ален Делон в детстве.

ОЛЕГ ПРОХОРОВ

Затворник

Актер, режиссер, сценарист, продюсер, бизнесмен, коллекционер картин и тонкий ценитель искусства. Имя его произносится с такой же гордостью и почтением, с какими французы говорят о Жане Габене и Жераре Филипе. В течение 20 с лишним лет он властвовал на кинематографическом Олимпе Франции. Вся страна следила за перипетиями его битвы за титул короля французского кино с Жаном-Полем Бельмондо с не меньшим напряжением, чем за подробностями ежегодной велогонки «Тур де Франс».

Сегодня ему 57 лет. Он достиг всего, чего только можно пожелать: славы, денег...

И хотя сейчас он реже появляется на экране, любовь, которую к нему питают почитатели его таланта не только во Франции, но и во всем мире, не стала менее пылкой, чем в годы его легендар-

ной славы. Имя этого актера — Ален Делон.

Делон — один из немногих известных актеров, слава к которому пришла молниеносно, практически после первого появления на экране. «Когда я оказался перед камерой в первый раз, — вспоминал актер в одном из своих интервью, — я не испытал ни робости, ни страха. Я только подумал: «Кажется, это именно то, что я так долго искал».

Впрочем, никто из знавших Алена Делона с раннего детства не мог предположить, что его ждет блестящая карьера ведущего актера Франции. Казалось, что жизнь делает все, чтобы помешать Алену стать тем, кем он есть сейчас.

Родился он в 1935 году в маленьком городке Фреснесе в довольно бедной семье. Родители целыми днями пропадали на работе, а те редкие часы, когда можно было уделить немного родитель-

189

Звезды мирового экрана

ского тепла и любви Алену, они посвящали выяснению своих собственных запутанных отношений. Таким образом, Ален Делон с раннего детства был предоставлен сам себе и особой привязанности к родителям не испытывал. В 14 лет он предпринял свой первый самостоятельный шаг, который подвел окончательную черту под его зависимостью от родителей: бросил колледж, решив самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Очевидно, в эти годы в нем и сформировались черты характера, сделавшие его тем Делоном, к которому так все привыкли: расчетливый, суховатый, крайне осторожный в выборе друзей и связей, энергичный, с железной волей и непоколебимой верой в себя, в свой успех, в свою судьбу. Впрочем, не будь его характер именно таким, навряд ли ему удалось бы подняться из нищеты на вершины благосостояния. Итак, в 14 лет будущая звезда французского и мирового кино подался в... мясники. Но там он долго не задержался: профессия была явно не для честолюбивого гордеца Делона, который жаждал приключений, потрясений и успеха. Такая возможность вскоре представилась — в 18 лет Ален Делон покидает любимую спокойную Францию и меняет фартук мясника на пятнистую форму французского десантника в Индокитае.

После возвращения он твердо решает любыми путями добиться благополучия и занять свое место под солнцем. Где же еще, как не в Париже, сделать себе карьеру и имя? Правда, была полная неясность с выбором пути, который открыл бы ему дорогу к богатству и независимости. «У меня не было никакого особого призвания. Я знал только одно: чем бы я ни занимался, я должен быть лучшим в этом деле. Продавать журналы

или натирать паркет в «Лидо» — мне было все равно. Главное — стать лучшим». Впрочем, надо знать Делона, чтобы поверить в его карьеру продавца журналов. Он выбрал самый почетный путь для выходца из захолустного Фреснеса: избрал карьеру полицейского, благо способности для этой работы у него были действительно блестящие. Но... судьба решила по-своему: его случайно заметил на улице режиссер Шо Ендорфер и пригласил сниматься в новом фильме, который назывался «Дьен Бьен Фу». После этого фильма карьера Делона стала раскручиваться с какой-то бешеной скоростью. С каждым фильмом талант актера проявлялся все ярче. Его заметил один из великих режиссеров XX века — Лукино Висконти. Две работы Делона в фильмах Висконти: «Рокко и его братья» (1960), где он играл ключевую роль Рокко, и «Леопард» (1962) — сделали Делону имя в мировом кино. Да и компания актеров была блестящей: Анни Жирардо, Ренато Сальваторе, Клаудиа Кардинале, Берт Ланкастер.

Ален Делон создал целую галерею разноплановых героев: комиссара полиции в фильме «За шкуру полицейского», главаря банды в «Каиде», уж не говоря о таком фильме, как «Зорро», который является одним из самых блестящих воплощений легендарного героя на экране. Боевики с участием Делона и при его непосредственном продюсерстве были всегда ярким событием для любителей игрового кино. Эти картины приносили Делону огромные доходы. Но постепенно он перерос свои фильмы, его не удовлетворяло однообразие подобных картин. Делон решает на некоторое время покинуть кино. Последние пять лет он посвятил биз-

несу, продюсировал фильмы своих друзей и сыграл заметную роль в становлении певицы Патрисии Каас. В это же время он работал над новым фильмом «Возвращение Казановы», который был представлен на последнем фестивале в Каннах. Этот фильм стал одним из самых ярких явлений в мировом кинематографе. Ален Делон создал совершенно новый образ Великого соблазнителя. Можно предположить, что именно эта роль станет новой вехой в творческой биографии актера. Личная жизнь Алена Делона всегда была скрыта от глаз журналистов высоким забором его поместья в Души. По отзывам друзей, которых у него не так много, Делон всегда был человеком крайне скрытным и недоступным. Он очень редко появляется на людях, еще реже кому-либо из журналистов удается взять у него интервью. Правда, в последнее время его гордое уединение в Души нарушено появлением двух особ женского пола: его новой жены Розали Ван Брееман-Делон и их дочери Анушки, которой два года. «Я теперь живу только ради этих двух женщин. Именно в окружении Розалии и Анушки я черпаю новые силы и новые идеи».

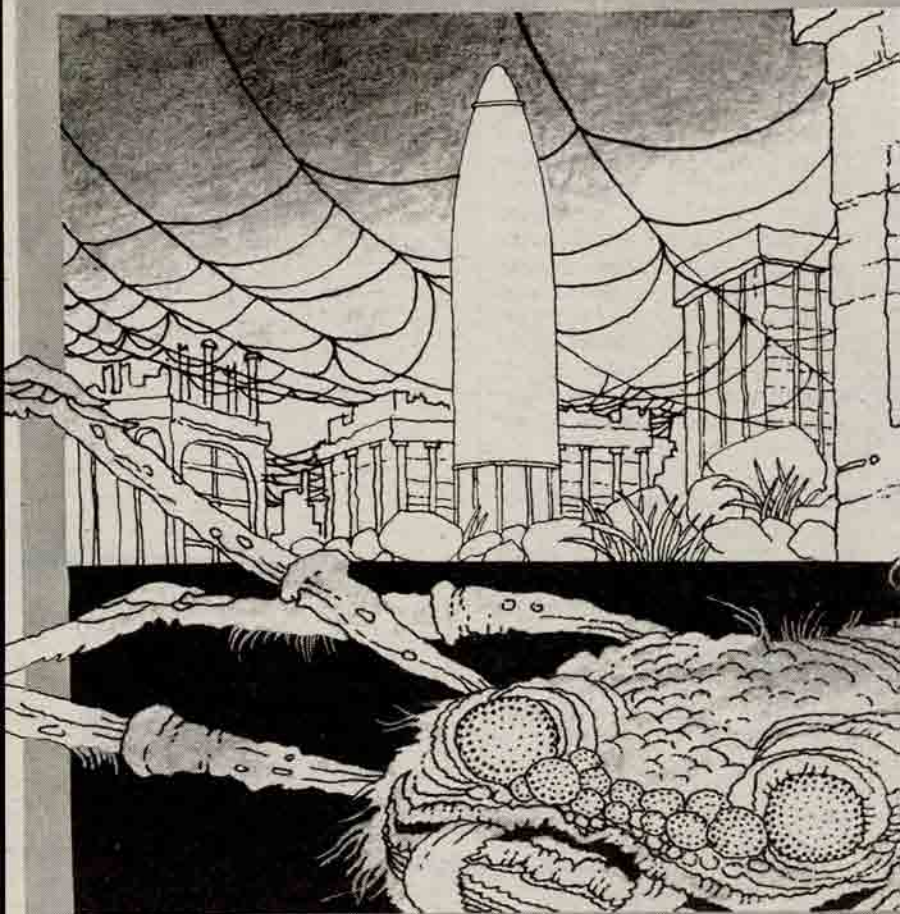
А пока Ален Делон готовит проект нового фильма, который будет, по словам самого Делона, одним из самых ярких и дорогих в жанре игрового кино. Он полон сил и проектов новых постановок.

«Я не думаю, что пришло мое время расстаться с кино,— заявил актер.— Я еще не сказал своего последнего слова в искусстве».

Отвечая на вопрос, какой ему представляется смерть Делона, Ален ответил: «Я хотел бы уме-

реть, как Ив Монтан,— перед камерой оператора».

В материале и на 4-й стр. обложки использованы фотографии из журнала «Paris Match».

КОЛИН УИЛСОН

Рисунки АЛЕКСЕЯ
ОСТРОМЕННОГО

ММММ

МАУКОВ

На главную площадь возвратились далеко за полдень. Жаль было возниц: Одина велела им возвращаться долгим круглым путем вдоль берега реки, и бедняги выбились из сил. Ей, похоже, совершенно не было дела до их усталости. Она частенько на них покрикивала, чтобы пошевеливались. Найл понял, что это не из жестокости или грубости нрава. До нее просто не доходило, что это тоже люди, такие же, как она. Несмотря на внешнюю доброжелательность, даже благодушие, она напроочь была лишена человечности.

Стайка рабов тянула через площадь груженную землей подводу, другая стайка подталкивала ее сзади. Возле подножия башни рабов было погуще — засыпали воронку. Среди общего скопища выделялись люди, рост и сложение которых указывали на принадлежность скорее к слугам, чем к рабам.

— Почему эти люди работают вместе с рабами?

— В наказание. Непослушных и ленивых слуг могут отдавать в рабство. Едва ли не лучший способ поддержания порядка.

— Получается, их могут и съесть? — рассудил Ваиг.

— Разумеется. Они лишаются всех своих привилегий.

Две одетые в черное служительницы охраняли главный вход в резиденцию Каззака. За ними в проеме открытой двери виднелся силуэт смертоносца. Найл обмер. К счастью, возницы вильнули в боковую улицу и подъехали к заднему входу, ведущему во внутренний дворик. Там блаженствовали под солнцем два бойцовых паука, а возле входа в здание стояли еще две служительницы. Выбравшись из повозки, Одина почтительно склонилась перед пауками, затем подошла и поприветствовала служительниц.

— Я доставила дикарей к управителю Каззаку.

Женщины презрительно покосились на братьев.

— Пойду доложу управителю. Оставьте их здесь, — сказала одна.

Одина залезла обратно в повозку, скомандовала возницам и уехала, даже не обернувшись.

Где-то в недрах здания гулко хлопнула дверь, и женский голос выкрикнул приказание. Двери открылись.

— За мной, — бросила появившаяся стражница.

И войти не успели, как Найл уже ощутил нависшую в этих стенах глухую, осязаемо плотную пелену враждебности. В парадном было полно смертоносцев; так густо, что трудно и пройти, не задев. Пришлось сплотить все мужество, чтобы не попятиться и не броситься в ужасе прочь. Восьмилапые, из тех, что ближе, созерцали юношу с таким видом, что, казалось, еще секунда, и вгонят клык в незащитную плоть. Поддавшись на какой-то миг слепому страху, Найл решил, что это конец, и инстинктивно

напрягся для отпора. Однако непроницаемо черные глаза просто следили, как он ступает следом за стражницей. Существа воспринимали Найла с такой боязнью и гадливостью, словно он был отвратительным ядовитым насекомым.

Миновали коридор, ведущий в покои Каззака, но почему-то продолжали подниматься. Выше четвертого этажа лестница сделалась уже; их вели на самую верхотуру здания. В конце каждого коридора стояли на страже бойцовые пауки, хотя эта часть здания была, в сущности, безлюдной и, к стати, довольно запущенной. Свернули в скудно освещенный коридор, деревянный пол которого скрипел и зловеще прогибался под ногами. Открыв дверь, стражница подозвала Сайрис:

— Останешься здесь. Когда понадобишься, позовут.

Комната была пустой, если не считать лежака да деревянного табурета.

— Спасибо, — произнесла Сайрис. Стражница, громыхнув за матерью дверь, вогнала на место засов.

Через две двери отыскалось место и для Вайга. Стражница молча указала: входи.

Найла отвели в самый конец коридора. Дверь была уже открыта. Стражница жестом велела заходить.

— Мы узники? — спросил юноша.

— Рот будешь раскрывать, когда спросят.

Стражница отступила в сторону, словно боясь оскверниться от прикосновения входящего. Дверь гулко захлопнулась, лязгнув засов.

Свет в комнате был такой ущербный, что прошло некоторое время, прежде чем Найл сумел разглядеть ее единственное убранство — несколько подушек, разбросанных по полу. Пахло застоявшейся пылью и сырым тленом. Свет проникал единственно через высоко расположенное окно, заросшее грязью.

Нагнувшись, он подобрал подушку. Она была подмокшей и пахла плесенью. Юношей вдруг овладело желание рухнуть на пол и разрыдаться. Опустившись в углу на подмокшую подушку, Найл уткнулся лбом в колени. Никогда еще не ощущал он себя таким одиноким и покинутым, как в эти минуты.

Время замедлило бег. Глаза то и дело смыкались сами собой, и Найл крупно вздрагивал, просыпаясь, когда голова бессильно заваливалась набок.

В коридоре скрипнула половица; Найл вздрогнул. Кто-то осторожно подбирался к его комнате, похоже, босиком. Заскрипел, подаваясь, засов, и дверь отворилась. Женский голос окликнул его по имени.

— Мерлью!

— Тсс-с! — Гибкая фигура на цыпочках проскользнула в комнату. — Где ты?

— Здесь, в углу.

Мерлью неприязненно огляделась.

— Ужас какой. Неужели и присесть не на что?

— Да вот подушки есть.

— Что ж, и то ладно.

Бросив одну подушку к стене, девушка аккуратно опустилась на нее. Найл подсел рядом.

— Зачем ты сюда пришла?

— Посмотреть, как ты.

— Зачем они так с нами поступили?

— Тсс! Не так громко. — Мерлью прикрыла Найлу рот ладонью. Ладонка была мягкая и чуть попахивала благовониями. — Мне нельзя здесь долго находиться.

— Твой отец знает, что ты у меня?

— Нет, и обещай, что не расскажешь ему.

Она шептала в самое ухо. Теплое влажноватое дыхание, легкое касание тела пьянили Найла.

— Понятное дело, буду помалкивать. Но зачем нас взяли и заперли?

— Это не его вина. Приходится подчиняться их повелениям. Сегодня науки весь день здесь кишмя кишели.

— Чего им нужно?

— Не знаю, — прошептала она. — Я думала, ты мне расскажешь.

Найл отрицательно покачал головой.

— У тебя на этот счет вообще никаких мыслей? — деликатно помолчав, спросила Мерлью.

— Не знаю, — вздохнул Найл.

Ладони Мерлью ласково легли на его лицо.

— Ты мне не доверяешь?

— С чего ты взяла?

— Хочешь, чтобы я тебе помогла?

— Только если это не опасно.

Внезапно до Найла дошло: Мерлью хочется, чтобы он ее поцеловал. Ладонь девушки ласково переместилась со щеки на затылок, их лица тесно сблизились.

Где-то внизу приглушенно бухнула дверь. Мерлью, замерев, прислушалась. Затем встала, подошла к двери и выглянула наружу. Постояв чуть-чуть, на цыпочках вернулась назад.

— Слушай, я попытаюсь выяснить у отца, что все это значит. А ты сам и вправду ни о чем не догадываешься?

— Нет, — просто ответил Найл.

Подавшись вперед, Мерлью поцеловала его, затем поднялась и вышла. Слышно было, как задвигается засов.

Стемпело неожиданно быстро. Найл, обхватив колени, сидел и умиrotворенно думал, что никогда теперь запах сырости и плесени не будет вызывать у него неприязни, поскольку неразрывно связан с воспоминанием о Мерлью. Спать ему совсем не хотелось. Найл подошел к окну и выглянул на улицу. Проспект был залит призрачным лунным светом. Вдали виднелась Белая башня, словно светящаяся изнутри собственным ровным сиянием. Юношей овладело непонятное влекущее чувство. Башня казалась отдаленной, недосыгаемой, неприкосновенной. О Мерлью он теперь и не думал, все внимание замкнулось на башне.

Он поднял лежащую на стуле металлическую трубку, найден-

ную в разрушенном городе, и потянулся к кнопке. Трубка раздвинулась. Конец ее вызывал пощипывание в пальцах.

Найл вышел в коридор, прикрыл за собой дверь. Кто-то в дальнем конце коридора прошел вверх по лестнице — одна из служанок. Найл остановился, переждал, пока она поднимется, и начал спускаться вниз. В огромном парадном было пусто. Попробовал главную дверь — заперта. А вот дверь во внутренний двор оказалась открытой, равно как и ведущие на улицу ворота. Найл не пытался укрываться. Он знал, что смертоносцы охотятся с помощью воли, а не зрения, и странное внутреннее спокойствие давало ощущение неуязвимости.

Башня с надменной безучастностью возвышалась в конце проспекта. Даже исполинские соседние здания в сравнении с ней мельчали, а свет луны будто увеличивал ее в размерах. Взгляд идущего по проспекту юноши был прикован к белому святищу столпу. Выйдя к площади, он увидел двух бойцовых пауков, караулящих вход в здание с черным фасадом. Они спокойно наблюдали, как Найл пересекает площадь: видно, у двуногого действительно неотложное поручение, коли он безо всякой опаски вышагивает по площади в запретный час.

В непосредственной близости от башни воздух все еще пахивал горелым порохом. Земля под ногами в том месте, где сегодня спешно подсыпали грунт, была мягкой, податливой.

Найл медленно тронулся вокруг подножия башни, неотрывно всматриваясь в молочно-белую поверхность. Тело постепенно наполнялось странным, сбывающимся предчувствием. Трубка ошутимо покалывала повлажневшую кожу руки, словно выстреливая крохотные округлые искорки незримого света. Нечто подобное он испытывал в прошлом, когда выскивал воду в пустыне, а теперь неуловимая эта тяга словно сама влекла его к определенному месту на северной стороне башни. По мере приближения потаенная уверенность крепла. Найл обеими руками взялся за концы трубки. И едва сделал это, тело будто прошибло. Голова закружилась, закачалась под ногами земля. Найл поднял неповинующуюся голову, и головокружение, резко усилившись, стало невыносимым. Ноги подкосились, и он, тяжело качнувшись, стал безудержно валиться в темный бездонный омут. Неожиданно темнота исчезла, а Найл оказался внутри башни.

Ощущение, что он стоит именно в башне, продлилось ровно столько, сколько требуется глазам для привыкания к свету. У Найла перехватило дыхание. Он стоял на отлогом морском берегу. Секунду казалось, что это сон. Но невозможно было усомниться в достоверности волн, крушащихся в десятке метров, или в скользковатых на вид, покрытых водорослями острых камнях, уступами вдающихся в море.

В том, что именно произошло, сомнения не было. Уж сколько сказок и легенд доводилось слышать от деда; невозможно было не распознать искусные колдовские чары. Юноша оглядывал влажно-голубые небеса, нескончаемую цепь утесов, теряющуюся вдаль, и все пытался как-то освоиться в создавшемся положении. Прохладное дыхание свежего ветра, белые облака, проворно бороздящие небосвод, указывали, что его занесло далеко от

пустыни. Деревья на вершине утеса откровением не были. Правда, были они выше, и зелень темнее, гуще. Вода — утрюмо свинцового света и студенее на вид, чем море, по которому довелось плыть два дня назад.

Найл стал снова озирать берег и вдруг заметил старца, сидящего на камне. Найл вздрогнул; он готов был поклясться, что несколько секунд назад берег был совершенно безлюден. Когда старец поднял голову, пришлось поневоле вздрогнуть еще раз: Найл узнал своего деда Джомара. Но подойдя поближе, заметил некоторое различие. Этот был выше, и взгляд совершенно иной. Вместе с тем сходство было поразительное, он вполне мог сойти за брата Джомара.

Когда Найл приблизился вплотную, старик встал. Его одеяние изумляло: сероватое, облежавшее тело от шеи до самых ступней. Штанины внизу переходили в блестящие черные башмаки. Найл поднял руку ладонью наружу — так приветствуют друг друга жители пустыни. Поскольку незнакомец был гораздо старше, невежливо было затевать разговор первым. Старец улыбнулся. Глаза у него были светлые, серо-голубые.

— Тебя зовут Найл.

— Да, господин.

— Не надо звать меня господином. Мое имя Стинг. Зови меня так. Здравствуй.

Старец неулловимо отстранился, упредив движение Найла.

— Касаться меня не нужно, ни к чему. Не желаешь присесть?

Найл опустился на покрытый водорослями камень.

— Знаешь, где ты находишься?

— Я... я был внутри Белой башни.

— Ты и сейчас в ней. Закрой-ка глаза.

Найл повиновался.

— А теперь проведи рукой по камню, на котором сидишь.

Найл с удивлением почувствовал, что у камня гладкая, плоская поверхность. Открыв глаза, он глянул вниз: зеленая паутина водорослей, подточенный морем гранит. Коснувшись, он убедился, что очертания обманчивы; кончики пальцев ощущали что-то, напоминающее отполированное дерево.

— Сними сандалии и прикоснись ногами к песку. — сказал старец. Найл так и сделал. Надо же! Ноги ступили на идеально ровную поверхность. Когда он по ней ходил, у него и тени сомнения не возникало, что это песок, настолько натурально он смотрелся.

— Ты, наверное, великий чародей, — произнес негромко Найл.

Собеседник покачал головой.

— Никакой я не чародей. — Он кивком указал на берег. — И это вовсе не колдовские чары. В свое время это называлось панорамной голограммой, обычный аттракцион в детских парках в те времена, когда на Земле еще жили люди.

— Ты знаешь что-то о той поре, когда люди были хозяевами Земли? — затаив дыхание, спросил Найл.

— Я знаю о ней все.

— И сам ты из тех древних людей?

Старец покачал головой.

— Нет. По сути, меня вообще нет, в чем ты убедишься, если попробуешь до меня дотронуться.

Он протянул руку. Когда Найл попытался сжать ее, пальцы прошли насквозь, ничего не ощутив. Однако Найл ничуть не встревожился. Улыбка старца была такой располагающей, а манеры такими открытыми и естественными, что бояться его не было причины.

— Но ты, наверное, очень старый?

— Отнюдь. Я гораздо младше тебя. Мне от роду лишь несколько минут. Не беспокойся. Все разъяснится постепенно должным образом. Хотя думаю, прежде чем начать, нам надо будет перейти наверх.

Небо стало таять на глазах, превращаясь в белый, слабо фосфоресцирующий купол. Там, где виднелись уходящие вдаль утесы, теперь плавно круглились стены башни. Не было уже и покрытого морскими травами камня, а была гладкая табуретка из светлого по центру столпа, устремленного в потолок. Однако поверхность столпа была не ровной, а плавно перемежающейся, словно внутри неспешно клубился дым.

Старец поднялся.

— Ну что, хочешь пойти со мной?

Он приблизился к столпу и исчез в нем. Откуда-то изнутри донесся его голос:

— Шагай, как я.

Шагнув в столп, Найл почувствовал, как белый туман повлек его вверх. Секунда, и Найл с легким толчком остановился.

— Теперь еще раз шагни вперед, — послышался голос.

На миг Найлу показалось, что он стоит под ночным небом. Над головой виднелись луна, звезды; вокруг безмолвно раскинулся городище пауков. Вон оно, метрах в двухстах, здание с черным фасадом — обиталище Смертоносца-Повелителя. Различались даже бойцовые пауки, застывшие на страже возле входа. Но когда Найл протянул руку, то наткнулся на стекло. Оно было таким прозрачным, что совершенно не отражало наполняющего помещение света. Найл указал на бойцовых пауков.

— А им нас отсюда видно?

— Нет. Свет может проникать в эти стены, но обратно не выходит.

Помещение было уютно обставлено мебелью, в целом похожей на ту, что во дворце у Каззака. Необычным был лишь большой черный короб, стоящий возле прозрачной черной стены. На его скошенной лицевой части находилось подобие окошка из матового стекла. Многочисленные кнопки рядом шли сверху вниз.

— Что это? — спросил юноша.

— Самый ценный здесь предмет. Он стоит больше, чем весь этот город.

— А что он делает?

— Начать с того, что он создает меня.

Найлу вспомнились легенды о сотворении мира, которые в детстве рассказывала мать.

— Это... Бог? — спросил он робко, стесняясь своего вопроса.

— Что ты, нет. Всего-навсего машина.

— А я думал, создавать может только Бог.

— Неправда. Видишь, ты тоже создаешь меня.

Это звучало настолько нелепо, что Найлу оставалось лишь сидеть, вытаращив глаза.

— Я реагирую на твои вопросы и ответы. Даже моя внешность заимствована из твоей памяти.

Найлу потребовалось время, чтобы все это осмыслить.

— А башня?

— Башню построили люди, прежде чем оставить Землю. Вначале здесь предполагалось устроить музей — место, где воссоздастся история планеты и человеческого общества. Когда строительство уже близилось к концу, людям стало известно, что Земле предстоит пройти через хвост огромной радиоактивной кометы.

— А что такое комета?

— Сейчас покажу. Смотри.

Не успел старец договорить, как небосвод изменился. Полная луна превратилась в узенький месяц-серпик, зависший над силуэтами зданий. Неожиданно преобразились и сами здания. Их окна наполнились светом, а фасады тех, что выходят на площадь, заиграли фонарями подсветки. На южном небосклоне, прямо над главным проспектом, распустил космы мохнатый огненно-белый султан света, отягченный в нижней части зеленоватым светящимся наконечником и чем-то напоминавший росчерк падающей звезды.

— Это комета Опик, — сказал старец. — Голова у нее тысяча двести миль в диаметре, а кома — оболочка, окружающая ядро, — пятьдесят тысяч миль в поперечнике. Хвост длиной более семи миллионов миль. Она не такая грозная, как кажется. Голова у нее состоит из крохотных частичек, в основном не больше песчинки. Даже врезавшись в планету напрямую, она не наделает разрушений. Но Опик появилась откуда-то из-за пределов Солнечной системы и несла мощный заряд радиации, то есть содержала вещества, способные погубить все живое. У людей оставалось около года, чтобы подготовиться к эвакуации — вынужденному выселению. Более ста миллионов человек — подавляющее большинство жителей — отбыли на гигантских космических транспортных. Но прежде чем уйти, они достроили башню — для той эпохи, когда люди смогут возвратиться на Землю.

Найл сокрушенно покачал головой:

— Я мало что понимаю.

— Вот для этого и выстроили башню, чтобы люди будущего уяснили себе всю картину.

— Боюсь, я непрошибаемый глупец, — вздохнул Найл.

— Неправда. Твой ум способен вмещать ничуть не меньше, чем ум создателя этой машины, Торвальда Стинга. Только Стинг давно умер, и тебе трудно понять его язык.

— Но ты же сказал, что Стинг — это твое имя.

Старец улыбнулся.

— Я все, что осталось от ума Стинга. — Он указал на черный короб. — Видишь ли, в комнате меня, по сути, и нет. Я нахожусь внутри этого компьютера. На самом деле ты говоришь не со мной, а с тем же компьютером.

— А компьютер — это что?

— Ни один из твоих вопросов не останется без ответа. Но на это уйдет немало времени. Ты желаешь остаться, пока не удовлетворишь свое любопытство?

— Да, конечно. Только...

— Ты переживаешь за мать и брата.

Найла пронзил суеверный страх. Не очень приятно ощущать, когда твои тайные мысли как на ладони.

— Откуда ты знаешь?

— Ты привлек к себе внимание — не мое, а скорее Стигмастера. — Собеседник кивнул на компьютер. — Мы наблюдаем за тобой. Это Стигмастер вызвал тебя сюда нынче ночью.

— Зачем?

— И на этот вопрос будет дан ответ. Но прежде есть множество других сведений, которые тебе необходимо уяснить. Ты готов приступить? Или сначала поспишь?

— Я не хочу спать. И кроме того...

— Ты беспокоишься о матери и брате.

— Да. Я боюсь, что с ними будет, когда Каззак узнает, что я исчез.

— Он ничего с ними не сделает. Он не осмелится сообщить Смертоносцу-Повелителю, поэтому сделает вид, что держит тебя во дворце под своим наблюдением. А с матерью и братом будет обходиться как с почетными гостями, потому что знает: пока они у него во дворце, ты неизбежно возвратишься.

— Откуда ты знаешь? Ты можешь читать его мысли?

— Ну, не в таких тонкостях, как ты. Но и за Каззакom мы наблюдаем довольно давно. Мы можем предсказывать его реакции. Этого человека, несмотря на хитрость, понять несложно.

— А Смертоносец-Повелитель? Ты понимаешь его?

— Причем очень просто. Видишь ли, единственное его желание — удерживать власть на Земле. А на данный момент больше всего ему хочется уговорить тебя помочь.

— Почему?

— Потому что он боится, что существуют другие, подобные тебе. Он жаждет выяснить, кто это может быть, и уничтожить их. А сделав это, он не пощадит ни тебя, ни твоих родных.

— И что, он непобедим? — спросил юноша.

— Если бы было так, он бы тебя не боялся.

— В таком случае как я могу его одолеть? — резко спросил

Найл.

Старец покачал головой.

— Ты слишком торопишься со своими вопросами. Надо начинать с основы. Пойдем со мной.

Найл проследовал за старцем в перемежающийся дымный столп, и вновь его облек белый туман. Тело невесомым перышком поплыло вниз. Глазам открылась широкая галерея в полсотни метров длиной. Стены покрывали пышные, голубые с золотом гобелены, множество картин. На равных промежутках друг от друга стояли постаменты с бюстами и статуями. Хрустальные люстры свешивались с затейливо разрисованного потолка.

За окнами виднелся незнакомый город. Размерами он явно

уступал паучьему — не город, а скорее городок, дома в один-два этажа. Город разделяла река, которую в нескольких местах перемыкали каменные мосты-арки. Вокруг города шла стена, равномерно чередуясь прямоугольниками башен. Вдали виднелись зеленые холмы-террасы. На улицах и площадях спешили по своим делам люди в ярких разноцветных одеждах.

— Где мы?

— В городке, которого давно уже нет. Называется Флоренция, когда-то он был культурным центром западного мира.

Найл в сердцах мотнул головой.

— Ничего не понимаю! Что значит «культурный центр»? Что такое «западный мир»?

— Скоро ты все поймешь. Но сначала твой мозг надо подготовить к приему знаний. Ложись вот сюда.

В центре галереи громоздилась машина из голубоватого металла. Нижняя ее часть представляла не то кровать, не то кушетку, на которую свешивался металлический полог.

— У нас это называется машиной мира. Ее назначение — раскрепощать ум и тело, удаляя все очаги напряжения. После этого ты сможешь приступить к впитыванию.

— Впитыванию?

— Так называется процесс усвоения знаний. То, что ты постиг, впитывается умом примерно так же, как телом усваивается пища, и становится частью тебя.

Едва Найл улегся на кушетку, как за стеклом ожил свет и послышалось тихое гудение. Найл разом ощутил в теле глубочайшую, мучительно сладкую безмятежность. Все скрытые недомогания, о наличии которых он и не догадывался, выявились наружу и стали исчезать. Одним глубоким выдохом Найл словно вытеснил из груди все невзгоды, наслоившиеся за годы существования в этом мире. Он испытывал мироощущение младенца, засыпающего у материнской груди. Ленивыми рыбами проплывали в мозгу разрозненные образы, словно отзвуки голосов из иного мира. Найл безропотно канул в теплую пучину забытья.

Когда сознание вернулось, он вскользя ощутил куцые обрывки воспоминаний, бессвязных событий и тщетно пытался определить, где же он; пробуждение напоминало переход из одного сновидения в другое. Реальный мир в сравнении с грезами казался до странности простым и одномерным.

Найл сидел на стуле возле окна и не мигая смотрел на реку. Из белого столпа показался старец.

— Доброе утро. Как спалось, нормально?

— Пожалуй, да.

— Тебе не мешает подкрепиться, прежде чем двинемся дальше. Ступай за мной.

Он провел Найла в небольшое помещение. Неподалеку от окна стоял серебристый металлический ящик продолговатой формы.

— Это пищевой процессор. Натуральной пищи у нас здесь нет. Но люди перед отлетом с Земли добились больших успехов в пищевом синтезе. Выбирай, что хочешь, и нажимай на кнопку, еда появится внизу на раздаточном лотке.

Чуть сбоку от машины на стене висела таблица с перечнем

блюдо и напитков: говяжье филе, яичница с ветчиной, яблочный пирог со взбитыми сливками, торт-пекан, кексы, мороженое... Каждое блюдо снабжено было картинкой и серебристой кнопкой.

— Я б на твоём месте выбирал блюда, которые можно есть руками, — посоветовал старец. — Телячьи отбивные здесь очень хорошие. И жареная утка. Томатный суп, думаю, тоже великолепного качества.

Найл, выбрав, нажал на нужные кнопки. В металлическом ящике что-то загудело, через пару минут внизу со щелчком открылась дверца, и на металлическом подносе выскользнули три тарелки и стакан. Найл поднес их к столику возле окна. Одна из рам была приоткрыта, и в помещение задувал приятный ветерок. Снаружи доносилась разноголосица звуков: выкрики гребцов на реке, плеск весел в воде, стук лошадиных копыт и скрип повозок.

Найл изумился, когда старец выдвинул стул и сел напротив.

— Как тебе это удастся, ты же бесплотный?

— Микросреда здесь полностью контролируется. Стигмастер может делать почти все.

Он взмахнул рукой, и стулья в комнате принялись с шумом выдвигаться и задвигаться под столы, а сами столы оторвались от пола и, прежде чем опуститься на место, галантно покружили по воздуху. Уже привыкший к чудесам, Найл только улыбался.

Еда была восхитительной. Вкус этой пиццы был Найлу совершенно неизвестен. Томатный суп густой, душистый, в меру сдобрен специями; косточка телячьей отбивной обернута бумагой — корочка снаружи золотистая, поджаристая, а внутри мясо нежное, розовое. Кекс с вишневой пропиткой оказался таким объединением, что у Найла возник соблазн взять себе добавку. Мороженое с фисташками и грецким орехом изумляло — такая пицца ему и во сне не снилась. Чувствуя, что сейчас лопнет, наевшийся до отвала Найл откинулся на стуле, вытирая липкие от еды пальцы о влажный кусок ткани, которую вынул из запечатанного пакета.

— Те, кто так питался каждый день, наверное, жили как боги.

— Интересный вывод. Правда, прелесть такой жизни состояла в приближении к божественному. А в целом создатели пищевого процессора были озабочены сугубо будничными проблемами. Божественного в них было не больше, чем в управителе Каззаке или твоём отце.

Сам Найл просто млеет от восторга, что понимает смысл слов старца; два-три часа назад такая речь была бы выше его разумения.

— Интересно, как ты научил меня читать?

— Сравнительно простая методика, называется обучением во сне. Знание напрямую вводилось в клетки памяти твоего мозга.

— Почему ты заодно не ввел знания о создателях пищевого процессора?

— Сделай я это, ты бы потерял всякий вкус к самостоятельному постижению. А удовольствие такого рода — наисущественная часть всякого обучения.

После завтрака они прошли в картинную галерею. Солнце поднялось уже на свою полуденную высоту.

— Это настоящее Солнце? — поинтересовался Найл.

— Нет. Будь оно настоящим, ты бы при его свете видел город пауков. Больше ни о чем не спрашивай, договорились? Через несколько часов сможешь на все ответить сам. Иди-ка ложись на прежнее место.

Найл снова устроился на кушетке под голубым металлическим балдахинном. И опять, едва тело утонуло в податливой материи, сверху затеплился свет. Юношу снова захлестнула кроткая, несущая покой и умиротворение волна. Она проникала в каждую клеточку, принося невыразимое блаженство. Но провала в памяти на этот раз не было. Где-то в области грудной клетки раздавался голос. Впрочем, голосом это можно было назвать условно. Это была не обычная человеческая речь, а калейдоскоп понятий и умозрительных образов, вызывающих в мозгу огоньки озарения и рождающих встречные импульсы-отклики, что бывает обычно, когда слышишь человеческую речь.

Закрыв глаза, Найл увидел мысленным взором панораму паучьего города. Минуту спустя ему открылось море и бухта из громадных каменных блоков. Затем город и бухта стали убывать в размерах, пока не уменьшились до ничтожной точки на широкой зеленой плоскости равнины. Стали видны земля на другом берегу залива и красная пустыня по ту сторону гор. Его снова понесло вверх с такой скоростью, что казалось, будто плоская поверхность Земли плавно выгибается. Постепенно Земля обрела вид мохнатого клубка, медленно кружащегося в пространстве. Звезды — крупные, яркие, переливающиеся — напоминали освещенные изнутри кристаллы льда. Висящее справа Солнце имело вид пылающего ядра. Луна походила на огромный серебристый шар. Хотя Солнце освещало лишь часть лунной поверхности, Найл ясно различал ее ранее затененные области, выхваченные светом звезд.

Не успел он опомниться, как его уже занесло далеко в космическую бездну. Он зависал над плоскостью Солнечной системы, в такой дали, что само Солнце казалось не больше человеческого зрачка. Найл одну за другой угадывал кружащиеся по эллиптическим орбитам планеты. Вон Меркурий — раскаленное докрасна железное ядрышко; Венера, окутанная серным туманом; промерзшие рыжие пустыни Марса; красный гигант Юпитер, сплошь состоящий из бурлящей жидкости; Сатурн — серый странник, разбухший ком замерзшего водорода; Уран, Нептун и Плутон, где температура такая низкая, что сами планеты немногим отличаются от округлых ледяных глыб, кружащихся в пространстве. С орбиты Плутона Солнце казалось не больше горошины, а Земля — едва различимой бляшечкой.

— Задавай любые вопросы, — послышался голос старца. — В Стигмастере содержится все человеческое знание. Тебе решать, что необходимо узнать.

— Ты можешь рассказать о Земле до прихода смертоносцев и о людях, что построили этот город?

— Для этого нам надо будет возвратиться примерно на пять миллиардов лет назад, к зарождению Солнечной системы.

Когда Найл снова закрыл глаза, голос исходил уже не от

старца, а откуда-то изнутри. В глазах стояла нестерпимо яркая вспышка, заполняющая, казалось, все обозримое пространство; из центра, словно щупальца некоего спрута, с устрашающей силой выхлестывали спиралевидные струи газа. Тяжко ворочающейся буче не было конца, в космос одна за другой выбрасывались гигантские волны бушующей разрушительной энергии. Затем все хотя и медленно, но как-то улеглось, и под силой собственного тяготения взрыв, устремленный наружу, превратился во взрыв, направленный вовнутрь. В неопишемом колдовстве принялись вращаться выпущенные некогда наружу газы. В набирающем лютость космическом холоде жар постепенно истаявал, пока газы не превратились в округлые капли жидкости. Спустя полмиллиарда лет капли эти сконденсировались в десять планет. Некоторые из них вроде Меркурия были так горячи, что не могли образовать и удерживать атмосферу. Другие — например Марс — были чересчур маленькими и холодными. Только Земля, расположенная примерно в сотне миллионов миль от Солнца, была и не слишком горячей, и не слишком холодной.

Формирование планеты проходило так же бурно, как и зарождение. Кометы и астероиды крушили поверхность, взбивая ее в месиво кипящей слякоти. Два миллиарда лет прошло, прежде чем Земля остыла, превратившись из кипящей адовой печи в планету с морями и континентами. К этому времени она тысячекратно сжалась в сравнении со своим первоначальным размахом. Солнце тоже постепенно сжималось, пока не достигло того порога, за которым начались ядерные реакции, превратившие его из темного кома в однородную красновато-бурую массу, а затем в полыхающую атомную печь. Ультрафиолетовые лучи светила проникли сквозь тонкую земную атмосферу и вызвали неопишемые по своей силе электромагнитные бури. По мере того как лучевой бомбардировке подверглись газы и водяные испарения, начали формироваться первые сложные молекулы — сахара и аминокислоты. Появилась и молекула под названием ДНК — дезоксирибонуклеиновая кислота, — имеющая уникальное свойство размножаться. ДНК и сотворила первейшую форму жизни на Земле — бактерий. Бактерии были наделены одним незамысловатым инстинктом: поглощать органические составные, плавающие вокруг них в теплом океане, и похищать их энергию. Начало жизни было положено вампирами энергии.

На этой первоначальной стадии жизнь чуть не стала жертвой собственного размаха. Бактерии множились так обильно, что вскоре поглотили основную часть органических компонентов в океане. Жизнь угасла бы так же быстро, как и возникла, не выкинь одна из бактерий необычный фокус — вырабатывать собственную пищу, впитывая энергию Солнца. С помощью такого процесса, известного как фотосинтез, бактерии научились вырабатывать сахар из двуокиси углерода и воды. Солнечный свет они впитывали особым химикатом, хлорофиллом, который придавал этим крохотным организмам зеленый цвет. И вот уже скалы всех материковых шельфов Земли — их тогда было четы-

ре — покрылись пятнами скользкого зеленого вещества — первых водорослей.

Прошел еще невероятно длинный период, на протяжении которого земная атмосфера беспрестанно обогащалась кислородом. И опять жизнь оказалась в опасности, став жертвой собственного успеха — планета, на которой обитают одни растения, погибла бы от нехватки углекислоты. Но прежде чем это произошло, появилась еще одна форма жизни, форма, способная впитывать кислород и превращать его в углекислоту. Эти плавучие студенистые комочки стали первыми животными.

Глядя на Землю такой, какой она была миллиард лет назад, Найл видел мирную и статичную планету, теплые моря которой ласково лизали берега голых материков — вернее, одного голого материка, поскольку четыре тогдашних континента, сдвинувшись вплотную, слились, образовав одну гигантскую территорию, известную геологам под названием Пангея. Ничего не происходило на том безмятежном куске суши, где не было смерти. И вот тут каким-то образом жизнь изобрела смерть, породив тем самым все немислимые сложности эволюции. Случилось так, что маленькие существа — примитивные амобы и черви — научились производить себе подобных, так что старый родитель теперь умирал, а молодая особь вступала в жизнь.

Существо, живущее долгие миллионы лет беспрестанно, впадает в ленивый ритм существования. Оно знает, как выживать, и этого ему достаточно. Но когда рождается новое существо, оно не наделено вообще никакими знаниями. Чтобы утвердиться в этом мире, ему приходится бороться. И необходимо развить в себе способность запоминать то, чему научилось. Существо, не ведающему смерти, не нужна память, основные хитрости выживания оно освоило миллионы лет назад. Новорожденному же существу приходится создавать багаж знаний за очень короткий период, иначе ему не выжить. Древние, бессмертные формы жизни были просто пассивными растительными образованиями; новые организмы в отличие от них наделены были свойством бороться и постигать.

И вот с появлением смерти начинается история. Новые организмы обладали индивидуальностью. Начали развиваться новые виды, новые особи. Порой случайное изменение в структуре ДНК — какой-нибудь произвольный эпизод при размножении, дающий существу дополнительный глаз или щупальца — давал ему больше шансов приспособиться к окружающей среде, чем его нормальным братьям и сестрам. В итоге получалось так, что они вымирали, а выродок выживал. Слизистые комочки превратились в червей, рыб и моллюсков. Причем некоторые из рыб оказались настолько совершенны, что у них не возникало надобности в дальнейших изменениях. Гигантская акула появилась на Земле около четырехсот миллионов лет назад, и тем не менее теперешние ее особи как две капли воды напоминают своих предков.

Однако жизнь устроена так странно, что иной раз наименее приспособленные организмы оказываются наиболее успешными в эволюционном плане, потому что продолжают борьбу и совер-

шенствуются. Примерно в то же время, когда на Земле появилась гигантская акула, отдельный вид рыб с мясистыми плавниками завел привычку выбрасываться из воды на берег, чтобы убежать от врагов и полежать на солнце. Они не были как следует приспособлены к жизни вне воды; когда прилив откатывался, им зачастую не удавалось дотащить тело обратно до моря. И неразвитым легким было невыносимо трудно переработать неувлажненный воздух — многие из них задохнулись и гибли. Тем не менее суша была настолько безопаснее океана, что эти ранние амфибии предпочитали риск истощения и смерти унылой перспективе существования среди акул. Они и дали начало первым рептилиям. А по истечении еще двухсот миллионов лет эволюции рептилии стали полновластными хозяевами суши. Растительоядные ящеры были самыми крупными существами, каких только носила планета; бронтозавр нередко достигал двадцати метров в длину и весил тридцать тонн. Плотоядные ящеры — такие, как тиранозавр, — были самыми свирепыми существами, а летающие ящеры — птеродактиль и археоптерикс — самыми подвижными. Сто пятьдесят миллионов лет ящеры не знали себе равных, шестьдесят пять миллионов лет назад на Земле произошел катаклизм. Какое-то небесное тело (вероятно, гигантский метеорит) с ужасающей силой врезалось в Землю и подняло облако пара, отчего атмосфера планеты превратилась в теплицу. Температура резко поднялась, и грозные растительоядные ящеры вымерли от переизбытка тепла. Хищники, жившие за счет растительоядных, вымерли от голода. И вот впервые за все время шанс размножиться и утвердиться появился у теплокровных. Гибель ящеров подготовила почву для появления человека.

208

Самым древним млекопитающим предком человека были грызуны — крохотные древесные крыски с длинным хвостом и гибким позвоночником. Около десяти миллионов лет назад большой палец у них разработался до подвижности, стало сподручнее лазить по деревьям. Крыски развились в обезьяну. Еще десяток миллионов лет — и у обезьяны стало намечаться сходство с человеком. А каких-то пять миллионов лет назад от человекообразной шимпанзе ответвились два новых вида — горилла и обезьяночеловек. И вот наш предок явился на Землю. Он спустился с деревьев и стал больше времени проводить на земле в поисках съедобных кореньев и червей. Он начал совершенствовать самое первое и самое ценное свое дарование — хождение на задних ногах. А поскольку надежды на лес стало мало (пища там уже не была такой обильной), человеку пришлось поневоле совершенствоваться, чтобы прокормить себя в различных климатических зонах: в пустыне, лесостепи, горах, снежной тундре. С той поры, как около трех миллионов лет назад изменился климат, ни одно животное на планете не могло сравниться с обезьяночеловеком в умении приспосабливаться. Внезапно он открыл для себя озера, реки, обширные травянистые равнины, где паслись стада травоядных животных. Он оказался изначально наделен способностью сотрудничать с себе подобными. Бесполезно было в одиночку тягаться с мамонтом, пещерным медведем, шерстистым

носорогом, гигантским красным оленем или саблезубым тигром. А вот группа охотников, сидящая в засаде с копьями и костяными дубинами, могла сразиться с любым зверем. Прямохождение дало человеку колоссальные преимущества, а необходимые для работы навыки с невероятной быстротой развивали мозг. У первой человекообразной обезьяны, рамапитека, мозг весил около четырехсот граммов. Мозг охотника весил уже вдвое больше. А через каких-нибудь два миллиона лет мозг «гомо эректуса» — человека прямоходящего — составлял килограмм. Еще полмиллиона лет — он опять увеличился вдвое. Таким и остается размер мозга у современного человека.

«Гомо эректус» изобрел рубило и скребок для разделывания туш животных, но за миллионы лет даже не попытался усовершенствовать это бесхитростное приспособление — например, снабдить его рукояткой и использовать как оружие. Около шестидесяти тысяч лет назад разрозненные группы «гомо эректусов» перебрались из Африки и Азии в Европу и развились в «гомо сапиенс» — особь, которой, в сущности, и является современный человек. Этот человек нового типа не знал, как разводить огонь, но, когда от молнии загорался лес, он заботливо сохранял тлеющие головни, и огонь горел у него, не угасая, год за годом. Он использовал его, чтобы поджигать приземистый подлесок и загонять животных в ловушки, использовался огонь и для приготовления пищи. Наступило Великое Оледенение, и огонь помогал согреваться в пещерах.

Примерно сто двадцать тысяч лет назад на Земле существовали два основных подвида людей. Одни, внешне более схожие с современным человеком, обитали преимущественно в Африке. Другие — неандертальцы — были более примитивны и обезьяноподобны, но в умственном развитии своим сородичам особо не уступали. Эти люди изобрели лук и стрелу, так что теперь охотники могли убивать добычу на расстоянии. Их женщины украшали себя красной охрой, поклонялись солнцу и верили в загробную жизнь. Более восьмидесяти тысяч лет неандертальцы преобладали на Земле и вдруг неожиданно исчезли. Исчезновение их совпадает с внезапным подъемом их более «человекоподобных» братьев, кроманьонцев. Вероятно, наши предки выжили своих соперников-неандертальцев и сами приспособились жить на Европейском континенте.

В сравнении с неандертальцем кроманьонец был просто сверхчеловеком. Кроманьонцы научились общаться не выкриками, а связной речью. Их жрецы — или шаманы — прибегали к чародейству, помогая охотникам завлечь в засаду добычу тем, что рисовали изображения животных на стенах пещер и совершали таинственные ритуалы. Они выработали даже определенную форму письменности, царапая на кости пометки, по которым можно было предсказывать фазы луны или чередование времен года. Они научились делать лодки и пересекать реки, а какое-то время спустя отваживались пуститься и через моря. Теперь, при наличии языка, люди могли друг с другом торговать, выменивая кремни, гончарные изделия и шкуры. Они приручили животных: волка (он сделался собакой), лошадь, козу; стали разводить

рогатый скот и овец. Примерно десять тысяч лет назад появилось земледелие, люди стали выращивать пшеницу и овес. Вскоре появились первые окруженные стенами города, и человек вышел на новый этап своей эволюции.

«Как видишь, эти древние земледельцы стояли примерно на той же стадии развития, что и теперешние люди. Пауки сдвинули стрелку человеческой эволюции на десять тысяч лет назад». Найл открыл глаза, не зная точно, Стигг это произнес или кто-то другой, но старца нигде не было видно.

Юноша очнулся словно после глубокого сна. Комната, в которой он лежал, казалась совершенно незнакомой. Он прикинул, что лежит здесь уже часов восемь. Чувство глубокой безмятежности создавалось машиной мира, снимающей всякое напряжение, скапливающееся обычно после длительных умственных усилий. Машина фокусировала ум на иллюзорной, подобной сну панораме, проплывающей перед внутренним взором.

Повинуясь какой-то внутренней подсказке, Найл поднялся, проделал путь к пищевому процессору, съел тарелку супа и яблоко, затем возвратился к машине и, улегшись под балдахин, закрыл глаза.

Найл очутился среди смутно знакомого пейзажа. Он стоял на берегу моря, глядя в сторону плавных волнообразных гор на горизонте. В отдалении обильно рос цветущий кустарник; тут и там виднелись пальмы, а из сухой земли пробивались стебли песколюбы. Где-то в полумиле возвышался окруженный стенами город.

— Как ты считаешь, почему вокруг города стены? — спросил голос.

— Чтобы защищаться от диких зверей?

— Нет. От людей. Создавшие цивилизацию люди помимо прочего усвоили, что зерно и скот проще отнять у соседа, чем выращивать самому. Вот для чего стали необходимы стены. Цивилизация и преступление зародились в одно и то же время.

Замечание это смутило Найла. Цивилизация представлялась чем-то грандиозным, значительным, решающим шагом человека к осознанию своего величия, а преступление чем-то ничтожно мелким и пошлым.

Снова перед Найлом неспешно разворачивалась панорама истории, понятная без словесных комментариев. Он наблюдал рост первых городов в Месопотамии, Египте и Китае, воцарение деспотов-воителей, строительство каменных храмов и пирамид, открытие бронзы, железа. Он видел взлет и падение империй: шумеры, египтяне, минойские греки, халдеи, ассирийцы. Всплыла картина Древней Греции, и Найл увидел расцвет цивилизации древних эллинов, зарождение демократии и философии, появление театра, открытие геометрии и естествознания. Затем перед внутренним взором развернулась история Древнего Рима. Сменяли друг друга эпохи: период демократии, Пунические войны, приход к власти императоров-тиранов: Мария и Суллы, Юлия Цезаря, Августа, Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона. Обреченно, с мрачным очарованием он наблюдал череду кровавых убийств, разврат и скотство. Рождение христианства зарони-

ло в душу надежду: учение о любви и всеобщем братстве выглядело самым отрадным и многообещающим с самого возникновения человеческой цивилизации.

Все стало постепенно меняться одновременно с рядом великих войн, именуемых Крестовыми походами. Вышло так, что люди перестали быть постоянно прикованы к одному и тому же месту и начали бродить по свету. Это расширило их кругозор, и они начали строить корабли, на которых отправлялись исследовать новые земли. Затем некто по имени Иоганн Гуттенберг изобрел книгопечатание, а еще кто-то освоил, как можно выделывать грубую, толстую бумагу, после чего количество книг стало измеряться миллионами...

То, что последовало дальше, заслуживало самого пристального внимания. Найл воочию пронаблюдал историю Реформации. Видел он изобретение телескопа и великую баталию между Галилеем и папой Павлом Пятым вокруг того, в самом ли деле Земля — центр Вселенной. Он был свидетелем открытий сэра Исаака Ньютона и основания Королевского Общества. Он с восторгом наблюдал, как все смелее подает свой голос эпоха Благоразумия. Чувствовалось, что человечество наконец приблизилось к постижению тайны мира и своего величия. Деятнадцатый век, казалось, оправдывал все волнующие ожидания. Похоже, вот-вот должен появиться человек нового типа, достойный плодов своего разума: железной дороги, парохода, телеграфа, электрического света. И тут вдруг, словно в отместку за чрезмерный оптимизм, открылась непроглядная панорама войн и социальных потрясений: походы Наполеона, Парижская коммуна, осада Севастополя, восстание сипаев в Индии, гражданская война в США, франко-прусская и русско-турецкие войны...

Постепенно перед Найлом разворачивалась история двадцатого века. Первая мировая война, революции в России, становление фашизма и нацизма, японская интервенция в Китае, вторая мировая, появление атомной и водородной бомб и, как следствие, — неустойчивый, до зубов вооруженный мир на грани войны. Размах человеческих достижений, безусловно, восхищал: аэроплан, радио, телевидение, компьютер, первые орбитальные станции. Но теперь-то было известно, что может крыться за всем этим, и Найл опасался, что людей ничего уже не изменит. Надежды оставалось все меньше, и мучила безотрадная мысль: разившись в интеллектуального гиганта, человек вместе с тем остался духовным карликом. Но в середине двадцать первого столетия двое ученых — гениальный физиолог и гениальный психолог — создали первую машину мира. Это стало одним из величайших изобретений в истории человечества. Почти полностью исчезли душевные недуги; стали забываться и войны. Некоторое время человечество торжествовало: наконец-то покончено с величайшей из бед. Но при всем при том главная из проблем оставалась нерешенной. Человек по-прежнему не владел тайной счастья. Несмотря на низкий уровень преступности и отсутствие стрессов, люди по-прежнему маялись от странной ненаполненности жизни. Подспудно они чувствовали, что жизнь — это нечто большее, чем просто уютное, безмятежное

отбытие земного срока. Один знаменитый биолог написал книгу, где утверждал, что человечество в конечном итоге изойдет от скуки.

И тут людям неожиданно открылось, что жизнь на Земле находится в опасности: ей угрожает радиоактивная комета. Это напоминало пробуждение от массовой спячки. Теперь у людей была единственная цель: отвести угрозу катастрофы. Вначале комету думали уничтожить или сбить с курса, но, как выяснилось, она была чересчур велика, пятьдесят тысяч миль в диаметре. Когда стало ясно, что столкновение неизбежно, и произойдет это менее чем через пять лет, люди весь свой колоссальный технический потенциал направили на строительство гигантских космических кораблей — более тысячи. Биологи кинулись изыскивать способ привить людям иммунитет к радиации. И вот в две тысячи сто семьдесят пятом году Земля обезлюдела: люди эвакуировались. Через шесть недель комета прошла вблизи от Земли и опалила ее смертоносным хвостом. Погибло девять десятых всей фауны и большинство людей, не успевших эвакуироваться.

Последние корабли покинули пределы Солнечной системы через несколько недель. Сделав петлю вокруг Солнца, комета удалилась в открытый космос. И тут обнаружилось нечто, сбивающее астрономов с толку. Хвост у комет, создаваемый давлением солнечного света на легкие газы, всегда бывает направлен в сторону от светила. А вот на излете кометы Опик хвост все так же влекся следом. Большинство ученых от этого факта отмахнулись: вздор, такого быть не может. Но кое-кто все же усомнился: было ли столкновение с Землей действительно чистой случайностью, или же...

Эта башня, и еще сорок девять ей подобных, были воздвигнуты в разных частях планеты. Первоначально здесь планировалось создать музей, содержащий всю совокупность человеческого знания. Она также приспособлена собирать информацию о том, что происходит на Земле со времени Великого Исхода.

— Но как можно собирать информацию, не выходя из башни?

— Из умов людей. В конце двадцать первого века были изобретены устройства, считывающие мысли. Придумали их случайно, когда исследовались методы обучения во сне. Отслеживая, как можно подавать знания напрямую в области памяти, люди обнаружили, что, оказывается, можно расшифровывать то, что уже хранится в этих областях.

От этих слов Найду стало неуютно.

— Получается, ты можешь читать все, что у меня на уме?

— Нет. Я сказал про «мысли», а не про «ум». Мысли — лишь верхний слой твоего ума. Это как бы серия циркулирующих пифрванных сигналов, которые можно ловить, как ловят радиоволны. Мощное считывающее устройство может раскрыть основное содержание твоей долгосрочной памяти. Но ему не по силам добраться до твоих чувств и интуиций или решений твоей воли. Основную информацию из людских умов мы считываем, когда люди спят.

— Но для чего это вам?

— Люди Новой Земли должны знать, что происходит на этой планете.

Сердце у Найла гулко стукнуло.

— Ты можешь с ними переговариваться?

— Вся информация, которую собирает Стигмастер, передается прямо на Новую Землю.

— Так они что, уже знают и обо мне?

— Пока нет. Радиопульс идет до них пять лет.

— Но о пауках они знают?

— Безусловно.

— Значит, они могут возвратиться и помочь нам их одолеть? — радостно встрепенувшись, спросил Найл.

— Нет. Зачем?

Найл даже растерялся от такого явного, граничащего с жесткостью равнодушия.

— Затем, что... — голос срывался, — они ведь тоже люди.

— Да, в самом деле. Но у них десять лет уйдет только на то, чтобы добраться обратно до Земли. К чему им все эти усилия, если вы сами можете себе помочь?

— Ты думаешь, нам под силу это сделать?

— Если нет, то вы не заслуживаете и свободы. Закон жизни гласит: выживает сильнейший. Если вам не по силам одолеть смертоносцев, значит, вы недостойны выживания, пауки заслуживают того, чтобы и впредь властвовать над Землей.

Найл задумался.

— Когда я сюда пришел, ты обещал, что скажешь мне, как можно одолеть пауков. Ты мог бы это сделать?

— Мог бы.

— Так в чем же дело?

— Боюсь, что нельзя.

— Почему?

— Давай условимся. Если ты сам скажешь мне, почему нельзя, я попытаюсь тебе помочь.

Найл в растерянности покачал головой.

— Здесь какой-то подвох?

— Нет, просто уговор.

— Но... сколько времени ты даешь мне на обдумывание?

— Лично мне все равно, для меня время не существует. Но и слишком тянуть тоже не советую, нет смысла.

— Почему?

— Потому что, чем дольше ты здесь находишься, тем труднее тебе будет выбираться. Пауки все еще не знают, что ты отсутствуешь. Когда им станет известно, они быстро сообразят, где ты можешь прятаться. А едва это произойдет, их соберется возле башни целая орда, чтобы не дать тебе пройти.

— Но как они догадываются, где я нахожусь?

— Тебя же видели на пути сюда, или забыл?

Найл припомнил двух бойцовых пауков, караулящих обиталище Смертоносца-Повелителя.

— Почему они не подняли тревогу?

— Потому что еще ничего не знают о твоём исчезновении.

— Ты не знаешь, как там сейчас мать и брат? — спросил юноша.

— Знаю.

— Можешь показать?

— Закрой глаза, — велел голос.

Едва сомкнув веки, Найл очутился во дворце у Каззака. В помещении находились четверо: Каззак, Вайг, мать и одетая в черное стражница — та самая, что посадила Найла под замок. Последняя стояла навытяжку, уставясь перед собой. Сайрис — на лице усталая безропотность — сидела на горке подушек. Сидел и Вайг — вид унылый, не очень уверенный. Управитель стоял у окна.

— Мы знаем, что он скрывается где-то в городе, — говорил Каззак. — Если хотите видеть его живым, надо срочно его разыскать, прежде чем это сделают пауки.

Вайг покачал головой:

— Понять бы, зачем он бежал...

— Я же сказал: не знаю! — раздраженно перебил Каззак. — Так глупо поступить... А ведь складывалось-то как хорошо...

— Он, наверно, пытается пробраться назад к детской? — предположил Вайг.

Сайрис испуганно ахнула. Каззак, чутко вздрогнув, резко обернулся.

— Какого черта вы... — И осекся, увидев Найла. Глаза управителя вспыхнули от удивления и облегченной радости.

— Хвала небесам! Где ж ты, чертенок, пропадал?!

214 Найл попытался ответить, но голоса не было. Кошмарное ощущение: губы шевелятся, а изо рта ни звука. Картина стала таять на глазах. Открыв глаза, Найл обнаружил, что все так же стоит возле открытого окна, глядя на воды Арно. Старец был неподалеку, чуть заметно усмехаясь. Видение длилось лишь несколько секунд.

— Что случилось? — ошалело спросил Найл.

— Ты прервал контакт.

Голова кружилась так, что юноша невольно опустился на ближайшую кушетку. Бешено ухало сердце, по лицу струился пот. «Сейчас свалюсь», — пронеслось в голове. Однако вскоре тошнота прошла, взор прояснился.

— Они меня заметили.

— Мать заметила. И Каззак.

— А остальные разве нет?

— Нет.

— Что это у меня с головой?

— Ты попытался заговорить и спалил всю свою внутреннюю энергию.

— Но ведь я там побывал. Они увидели меня.

— Умом, не глазами.

Через минуту-другую сердце унялось.

Найл сел напротив старца.

— И что теперь будет?

— Уж теперь-то Каззак точно сделает все, чтобы тебя заполучить. Он уверен, что ты наделен сверхъестественной силой. Он не мыслит дальнейшего без тебя.

Вспомнив бледное лицо матери, юноша почувствовал себя виновным. На секунду он задумался, как бы сподручнее возвратиться во дворец Каззака.

Стиг покачал головой.

— Глупо. Теперь они глаз с тебя не будут спускать.

Найл мрачно уставился в окно.

— Куда же мне деваться?

— Прежде ты должен выполнить наш уговор, — улыбнулся старец.

Найл зарылся лицом в ладони, но ясности в мыслях не возникло.

— Ты ждешь, чтобы я сказал... почему ты не можешь мне помочь уничтожить пауков?

— Не совсем. Ты спрашивал, могу ли я сказать, как можно этого добиться. Я ответил, что нет, потому что запрещено. Но помочь тебе не отказывался.

— Но прежде надо, чтобы я догадался обо всем сам?

— До тебя начинает доходить, — кивнул собеседник.

— Ты не можешь мне сказать, как их одолеть, потому что... — Найл тщательно подбирал слова, — ...потому что подсказка — слишком легкий путь. Человек должен добиваться свободы сам... иначе он не оценит по достоинству, что значит быть свободным. — Он посмотрел на старца. — Это и есть ответ на загадку?

— Частично.

Найл тяжело мотнул головой; усталость по-прежнему донимала дурнотной тяжестью.

— Больше ничего на ум не идет.

— Что ж, пока достаточно и этого.

— Значит, ты мне поможешь? — встрепенулся Найл.

— Прежде позволь еще один вопрос. А зачем тебе понадобилось уничтожить пауков?

Вопрос насторожил Найла, в нем чувствовался скрытый подвох. Помедлив, он сказал:

— Этот город построили люди, а пауки городов никогда не строили. Они живут в городах, оставленных людьми.

— Но зато они — хозяева Земли. Это разве не доказательство, что у них есть над людьми превосходство?

— Нет. Просто у них сильнее развита воля. Но сами они того не достойны.

— Почему?

Найл досадливо тряхнул головой.

— Не могу объяснить. Но чувствую, что это так.

— Если ты намерен одолеть пауков, — с мягкой назидательностью заметил старец, — тебе необходимо знать, почему это так.

— Ты можешь мне сказать?

— Я могу еще больше: показать. Ступай за мной.

Найл не замедлил подчиниться и пошел коридором в галерею. Он думал, что сейчас надо опять будет укладываться в машину мира, но старец, не задерживаясь, прошел мимо и ступил в белый столп; Найл следом за ним. Выйдя наружу, Найл обнаружил, что стоит в комнате на верхотуре башни, с видом на город. Странно было видеть все это снова. Иллюзорная панорама Фло-

ренции была такой явственной, что теперь сложно было от нее отвыкнуть. Солнце клонилось к закату.

— Ложись вон туда.— Старец указал на черную кожаную кушетку.

Возле кушетки на стекле черного столика лежало устройство из скрепленных между собой изогнутых металлических полосок. Длинный провод соединял его со Стигмастером.

— Надень на голову,— велел Стинг, сопроводив слова мысленной иллюстрацией. Найл подчинился. Гладкие, упругие подушечки прилегали ко лбу и вискам.

— Устраивайся поудобнее, голову на подушку. Готов?

Найл кивнул. В местах, где подушечки касались кожи, чуть покалывало, будто иголочками. Юноша прикрыл глаза.

Он приготовился увидеть какой-нибудь умозрительный образ, которому, может статься, вторит не выраженный словами поток сознания. Ощущение же оказалось сугубо физическим: покалывание, переходящее постепенно в легкое пощипывание. Все это сопровождалось приятным ощущением. Он не ожидал такого невыразимого блаженства. Колкие искорки обрели вдруг свечение, образовавшее вокруг тела белый ореол. Свет постепенно проник в каждую пору, тело будто обрело прозрачность. Было здесь что-то и от удовольствия, которое испытываешь, прижимаясь телом к Мерлью, только сейчас оно было куда сильнее.

Найл воспринимал все происходящее пассивно, с молчаливой признательностью. Но настал миг, когда до него начало доходить: ощущение, оказывается, исходит не извне. Оно лишь отражение чего-то, происходящего внутри. Впечатление такое, будто над неведомым горизонтом его внутренней сущности восходит солнце. А затем на несколько секунд его сотряс, пробив, поток необузданной первозданной силы — силы колоссальной, ошеломляющей, поднимающейся из пучин сознания. Ей сопутствовало озарение — такое, что тянуло громко, с надрывом расхохотаться. Все — башня, Стигмастер, старец, те же пауки — показалось одной большой наивной шуткой. Несколько секунд Найл лежал неподвижно, вслушиваясь в угасающее эхо звука, вынесшее его за пределы самого себя. Затем, глубоко вздохнув, сдвинул с головы устройство и поместил на стол. В теле — томная усталость, но сам он был абсолютно спокоен.

Старца нигде не было видно, но голос внутри произнес: «Теперь тебе ясно».

Захотелось на какое-то время прилечь и осмыслить все, что сейчас было ему преподано.

Основным, главенствующим фактором была сила. Просто и очевидно, и вместе с тем вызывает растерянность. Источник силы находится внутри. К ней прибегают всякий раз, когда требуется шевельнуть рукой или смежить веки. Одновременно с тем ее хватает на то, чтобы изменить Вселенную. Почему людям так мало известно об этом внутреннем источнике силы? Почему они ее почти не используют? Теперь ответ был ясен. Прежде чем воспользоваться, ее надо вызволить... А чтобы проникнуть в такую бездну, человеку необходимо углубиться

в себя и сузить сознание до точки. Таким же образом он погружается в сон: отрешается от физического мира и постепенно теряется в глубинах сознания. Получается, человек осознает эту силу редко, потому что сон, как правило, одолевает его прежде, чем удаётся ее достичь...

Найл насунил брови, сплачивая всю свою энергию в едином сосредоточенном усилии, и вскоре ощутил мгновенный напряженный просверк силы. Не важно, что это было лишь слабое подобие испытанного несколько минут назад. Главное, у него получалось вызывать ее усилием воли.

Теперь понятно, почему смертоносцы не уходят в своем развитии дальше определенной черты. Миллионы и миллионы лет своей эволюции они оставались пассивными. Это дало им уяснить один важный секрет, что сила воли — физическая сила. Человек никогда над этим не задумывался, постоянно размениваясь на работу руками и головой, которым отводил роль безропотных исполнителей волевых решений. Затащив в тенета муху силой воли, паук понял, что никакие физические придатки для этого не нужны. И разросшись до гигантских размеров, он «отрастил» себе и соответствующую силу воли.

Однако и это был шаг в неверном направлении. Пауки стали использовать свою силу воли так, как люди используют силу мышц — для удовлетворения сиюминутных потребностей. Они распыляли ее наружу, на других существ. Поэтому им осталась совершенно неведомой та колоссальная мощь, что кроется в них самих. Вот почему людям суждено превзойти пауков, и вот почему смертоносцы догадываются, что в конечном итоге придется уступить.

— У тебя есть план паучьего города? — спросил Найл.

Стены моментально утратили прозрачность, и комната погрузилась в темноту. На стене высветилась огромная карта, на которой здания были изображены в перспективе, будто снятые строго по вертикали с воздуха. Город имел форму круга. С севера на юг его рассекал главный проспект, а с юго-запада опоясывала река. Женские кварталы располагались в юго-западном секторе, а разделяющая центральная стена выходила далеко за южный конец города.

Гораздо больших размеров был полукруг к северу от реки. Он был помечен надписью «Квартал рабов», а нерезкие очертания показывали, что многие здания лежат в руинах. Здесь, как и в южном секторе, в центре находилась большая площадь, в середине которой возвышалось окаймленное лужайкой здание с куполом.

— Что это? — спросил Найл.

— Когда-то административный центр города, зал собраний. Теперь здесь прядут шелк.

— Для паучьих шаров?

— Да, и не только.

— Шары делают здесь?

— Нет. Шелк отвозят в город жуков-бомбардиров, в пяти милях к югу.

— А почему не здесь?

— Потому что слуги пауков не такие искусные умельцы. Шар сделать не так-то просто, а у жуков слуги умнее и искуснее.

— Если пауки боятся людей, то почему они позволяют, чтобы у жуков были разумные слуги?

— Им просто некуда деваться. На жуков не действует паучий яд, а если их рассердить, они могут дать достойный отпор.

— Жуки, наверное, доставляют паукам много хлопот?

— Да, было такое время, пока те и другие не пришли к соглашению. Теперь у них налажена система обмена рабами. Сообразительные слуги жуков меняются на привлекательных женщин из паучьего города.

— А самих слуг жуков это не задевает — видеть, как собраты отдают в рабство?

— Нет. Им нравится, что у них появляются красивые женщины. Кроме того, слуги жуков считают это завидной участью, их же используют для производства потомства.

Найл долгое время изучал план.

— Где можно надежнее всего спрятаться?

— Где угодно в квартале рабов. Там никто не спросит, откуда ты.

— А там что, нет пауков?

— Полным-полно. Но они почти не отличают людей друг от друга. Надо лишь соблюдать разумную осторожность.

Внезапно Найл почувствовал легкое смятение. В башне было уютно, безопасно, но его бередила тоска: безмятежности и уюта пришел конец, вновь предстоит свергнуться в пучину неведомых опасностей.

Стигмастер, похоже, не придал никакого значения переживаниям Найла.

— Прежде чем отправишься, — произнес голос, — надо бы в деталях запомнить план города.

— На это уйдет много времени. — Найл пытался скрыть нарастающую в голосе усталость.

— Не так много, как кажется. Загляни в шкафчик возле Стигмастера.

Найл открыл дверцу небольшого металлического шкафчика, на задней стенке которого висело зеркало. Над зеркалом на аккуратном золоченом крючке висела тоненькая золотая цепочка, а на ней маленький зеркальный диск с ноготь величиной.

— Возьми это и повесь на шею, — велел голос. — Это медальон — ментальный рефлектор, отражатель мысли.

Найл снял медальон с крючка и внимательно рассмотрел его. Диск был чуть выпуклый, темно-золотистого цвета, поверхность зеркала — какой-то матовой, искаженное, с золотистым налетом лицо Найла отражалось, как сквозь облачко тумана.

Когда он вешал медальон на шею, голос заметил:

— Нет, не так, надо обратной стороной.

Найл надел медальон как надо. Выпуклая поверхность плотно уместилась в ложбинку на груди чуть выше солнечного сплетения. Тут Найла неожиданно качнуло, даже сердце замерло на секунду.

— А теперь постарайся запомнить план города,— продолжал голос.

Найл внимательно взгляделся в план. Удивительно, охватить его целиком оказалось почему-то вполне по силам. Зеркальный медальон на груди словно умножал и усиливал сосредоточенность. Еще пять минут назад план казался чрезмерно запутанным и сложным; теперь мозг впитывал его с внезапной жадностью, как желудок еду. Минуты не прошло, как Найл уже запомнил его наизусть.

— Что такое Крепость? — осведомился он.

— Здесь располагаются главные казармы города. Казармы — помещения, где живет воинский контингент.

— А Арсенал что такое?

— Место, где складывается оружие.

Найл указал на план.

— Мост охраняется?

— Да. На прошлой неделе там поймали одну из служительниц — пыталась пробраться в детскую, повидать своего младенца. Теперь подступы с обеих сторон охраняются бойцовыми пауками.

— Что сделали со служительницей?

— Принародно казнили и съели.

— Есть еще где-нибудь место, где можно переправиться через реку?

— Как ни выгадывай, а лучше моста места нет. Здесь у реки наименьшая глубина.

— Когда удобнее всего попытаться это сделать?

— На рассвете, когда меняется стража.

Найл опять изучающе взгляделся в план. Нечего и думать подбираться к мосту по главному проспекту. А вот вдоль набережной на расстоянии примерно полумили друг от друга к реке спускались ступени каменных лестниц. Если б как-нибудь проникнуть к реке возле разделяющей город стены, можно было бы пройти к мосту по кромке берега.

— Где можно укрыться в квартале рабов?

— Многие здания уже не имеют верхних этажей. Обычно там пауки не распускают тенета. Вот в таком месте будет всего безопаснее.

Неожиданно у Найла заломило в висках. Он помассировал виски и лоб, ломота исчезла.

— Это из-за медальона. Ты к нему еще не привык, поэтому если внимание неуравновешено, то возникают головные боли. В таких случаях всегда поворачивай его тыльной стороной.

Найл повернул медальон зеркальцем наружу. Едва он сделал это, как напряжение исчезло, сменившись непривычной опустошенностью. В голове гулко шумело. Найл лег на кушетку и закрыл глаза. Тело начала окутывать приятная дремота.

— Не советую засыпать сейчас,— заметил голос.— Смертоносец-Повелитель только что послал к Каззаку нарочного, привести тебя к нему. Когда Каззак признается, что ты исчез, все пауки в городе поднимутся на розыски.

Найл моментально сел, его обуял едкий страх. Совладав с голодом, он спросил:

— Что будет Казаку?

— Ничего. Смертоносец-Повелитель — реалист. Но уходить тебе надо немедленно.

— Иду. Я смогу поддерживать с тобой связь?

— Да. Через раздвижную антенну. Она настроена на ментальную цепь Стигмастера. Но пользуйся ей по возможности реже. Многие пауки способны улавливать ее импульсы, поэтому, пуская ее в ход, ты всякий раз рискуешь быть обнаруженным.

Возле белого столпа неожиданно возник старец.

— Возьми с собой еду и переоденься в одежду раба. Пойдем со мной. Времени в обрез.

Найл ступил в столп. На этот раз порхающая легкость при спуске была неприятной, от нее явственнее чувствовалось, как он взвинчен.

Они оказались в помещении с плавно изогнутыми белыми стенами. На одном из табуретов лежали раздвижная трубка и посконная грязно-серая рубаха раба. Натянув ее поверх одежды, Найл брезгливо сморщился: от дерюги несло застоявшимся потом.

В отличие от его одежды рубаха раба имела карманы, причем в каждом из них что-то лежало. Найл сунул руки в оба. В одном оказалась небольшая деревянная коробочка, в другом — легонький серый цилиндрок, сантиметров десяти в длину и пару сантиметров в диаметре. Под слоем ваты в коробочке лежало несколько крохотных коричневых таблеток.

— Это пищевые таблетки, — пояснил старец, — из тех, что использовались для жизнеобеспечения космонавтов во время длительных космических экспедиций.

— А это?

— Легкий костюм, тоже для использования в космосе. Нажим с торца.

Утопив конец цилиндрика большим пальцем, Найл увидел, как тот, удлинившись против прежнего вдвое, начинает разворачиваться. Постепенно стал угадываться мешковатый комбинезон металлического цвета; размер такой, что запросто вместит двоих Найлов.

— А надо ли? — с сомнением спросил Найл.

— Возьми, потом спасибо скажешь. Когда надавишь на кнопку, он опять свернется.

Найл с веселым любопытством наблюдал, как костюм снова превращается в аккуратную серую трубочку, дивясь тому, что делается это совершенно бесшумно.

— А теперь иди, иначе все эти приготовления — пустой звук.

Старец исчез. Найлу было не по себе от такой поспешности, но она свидетельствовала о насущности дела.

Подняв металлическую трубку, Найл ощутил в пальцах покалывание. Вытянул руку и коснулся трубкой стены. Слабость в ногах, внезапное головокружение. Шаг вперед, и он снова будто сорвался в водопад. Миг, и сознание опять прояснилось. Найл стоял на лужайке перед башней.

КРЕПОСТЬ

Мгла была почти непроницаемой, но вот из-за туч проглянула луна. Стало немного легче. Трава под ногами была сырой и скользкой; очевидно, прошел затяжной дождь. Найл двинулся осторожно, чтобы не поскользнуться.

Он опирался на металлическую антенну, как на посох. Через минуту-другую под ногами ощутилось мокрое покрытие. В тучах снова наметилась прогалина, и луна скудно осветила идущий на север проспект. Найл повернул налево и тронулся в направлении женского квартала, чтобы быть ближе к реке. Тротуары были неровные, все в выбоинах. На одном из углов Найл поскользнулся и угодил ногой в нишу водостока. Посох со звоном вылетел из рук. Упав на четвереньки, Найл принялся лихорадочно шарить вокруг, борясь со все возрастающим страхом. Мысль, что трубка утеряна, наполняла отчаянием. Тут он вспомнил о зеркальном медальоне. Найл залез под рубаху, повернул его нужной стороной к груди, сел и сосредоточился. На секунду где-то в затылке остро кольнуло, затем тело наполнилось ровной силой и спокойной уверенностью. Он поднялся и, растопырив пальцы, медленно пошел дальше. Покальвание в кончиках пальцев правой руки дало знать, где искать пропажу. Теперь, в сравнительно спокойном состоянии, он мог уловить некое подобие сигнала, исходящее от металлического прута. Через секунду удалось отыскать, где именно в нише водостока тот лежит. Медальон Найл снова отвернул от груди, чувствуя, как сильно такая сосредоточенность высасывает энергию.

Наконец он добрался до набережной. Выждав, когда луна скроется за очередной тучей, Найл пересек дорогу. Параллельно набережной тянулась невысокая, метра два высотой, каменная стена. Он тронулся вдоль нее, пока не дошел до проема. Раздвижная трубка; служащая сейчас как посох слепому, выявила неброскую нишу, от которой вниз спускалась лестница. Найл присел на корточках, пока лунный свет не озарил ступени, и спустился по лестнице к идущей вдоль реки тропке. Надо было спешить. Если мост охраняется, лунный свет мог выдать его. Пауков-стражников нигде не было видно, но по обе стороны моста стояли квадратные будки, которые вполне могли служить караульными помещениями. Ветер с реки был таким холодным, что занемели и руки, и ноги. Найл бросился бежать сломя голову, пока не очутился под сенью моста. Там, укрывшись в темноте, он наконец смог сесть и прислониться к стене, утонув спиной в неглубокой нише, а колени подтянув к груди в попытке удержать остаток тепла. Сунув руки в карман, Найл нащупал цилиндрок, содержащий мешковатую металлическую одежду, и с теплой благодарностью подумал о Стигмастере. Какая ни есть, а все защита от ветра. Осторожным движением он извлек цилиндрок и утопил его торец большим пальцем. Следующие десять минут он наощупь возился в темноте, расправляя одежду по земле. Непослушные пальцы пытались аккуратно разгладить ткань. В конце концов отыскался замок «молния», и Найл понял,

как с ним обращаться. Он расстегнул «молнию» до пояса, затем сунул ноги в комбинезон. Через несколько секунд руки спрятались в необычайно тонком материале, а «молния» затянулась под самый подбородок. Теперь неприкрытыми оставались только ладони, ступни и голова. Сзади под воротником находилось какое-то плотное утолщение — оказалось, туго свернутый капюшон. Когда пальцы приноровились его развернуть, выяснилось, что им можно полностью закрыть голову, а если потянуть за тесемку, ткань собиралась складками, оставляя открытыми лишь глаза и кончик носа. И это еще не все. Такие же примерно утолщения имелись возле запястий и щиколоток, однако Найл решил дальнейшее разбирательство оставить до рассвета. Проще было прятаться от ветра, зажав концы рукавов пальцами, а на штанины наступив ногами.

Снова отвернув медальон от груди, он изумился внезапной волне утомления, перешедшей в мягкую, томную расслабленность, окутавшую тело. Веки смежились сами собой, и Найл уснул.

222 Когда он проснулся, небо над восточной частью реки уже засветлело. Несмотря на неудобную позу, Найл чувствовал себя отдохнувшим. Теперь пора было оглядеться. Первым делом Найл стащил с себя металлическую одежду, дрожа от задувающего вверх по реке холодного предрассветного ветра. Комбинезон он заботливо расстелил на земле и прикоснулся к кнопке; тот сразу же свернулся в жесткую металлическую трубочку. Трубочку Найл сунул в карман серой рубахи. Потом осторожно подобрался к западной части моста и спустился вниз к реке. Спусти секунду он уже медленно входил в воду. Течение оказалось сильнее, чем Найл предполагал. Пришлось наклониться, чтобы удержать равновесие. Неожиданно дно исчезло из-под ног, и Найла понесло по течению. Лавируя, чтобы держаться вертикально, он преодолел пару метров и почувствовал, что тонет. Когда вода затекла в нос и в рот, Найла на мгновение пробил неодолимый ужас. Захлебываясь и кашляя, он вытолкнулся на поверхность, проплыл еще несколько метров, пока не ощутил под ногами скользкую слякоть. С минуту постоял, унимая страх, затем рывком устремился в сторону берега. Через несколько секунд он уже шел по жесткой глине покатога берега, направляясь к лестнице. Поднявшись на несколько ступенек, в ужасе остановился. Наверху его поджидал бойцовый паук. Клыки готовно выпущены наружу. Огромные черные глаза бесстрастно смотрели на Найла.

Юноша инстинктивно попятился, но получил такой удар, что в глазах потемнело. Паук всем своим весом навалился на него, и мир вокруг потускнел и растворился.

Когда Найл очнулся, то понял, что лежит на спине. Солнечный свет слепил глаза. Вспомнив о пауке, он вскинул руку и вдруг обнаружил, что рядом никого нет. Одолевая накатившую тошноту, он с трудом поднялся. Чтобы дотащить до каменной опоры, понадобилось невероятное усилие. Он ползком подобрался к стене и, бездыханный, привалился к ней спиной.

И вот тут вспомнилось о медальоне. Сунув руку под рубаху,

Найл повернул его. Эффект сказался незамедлительно: своеобразное ощущение целительной сосредоточенности, словно тело вспоминает о чем-то. К этому времени Найл достаточно уже приноровился к действию медальона. Вначале сердце сжалось от чувства, похожего на страх. Затем в душе потеплело, и чувство радости живительным огнем проникло по жилам в кровь, где смешалось с другим, физическим воплощением энергоотдачи. Мозг словно объединил два эти воплощения, сплавив их в однородную упругую сферу. В этот миг до Найла дошло, что в медальоне нет и надобности; он просто механический заменитель самосознания.

Юноша попытался понять, что же все-таки произошло. Почему он до сих пор жив? Наверное, Смертоносец-Повелитель распорядился схватить его живым. Тогда где же пленитель? Пошел за другим караульщиком? А может, вмешался Стигмастер? Подняв голову, Найл пристально посмотрел на мост. Пусто. Пусты были и улицы квартала рабов. Найл стал примеряться, как бы ловчее перебежать к ближайшему зданию, но тут бросились в глаза облепленные грязью руки, и он решил чуть задержаться. Найл поспешил обратно к реке. Зайдя по колено в воду, он смыл грязь с рук, ног и лица, не спеша поднялся по ступеням и пересек улицу с видом человека, идущего по вполне законным делам.

Идущий от моста проезд был увешан тенетами, местами такими толстыми, что напоминали скорее плотную занавесь; инстинкт упредил юношу, чтобы он под них не совался. Вместо этого он вошел в здание, на побитом фасаде которого все еще висел огромный плакат: «Глобальная Страховая Компания». Найл пошел по заваленному дранкой и штукатуркой пыльному каменному полу, чередой коридоров, выходящих на узкую улицу. Осмотрительно выглянув в окно, Найл тотчас втянул голову обратно. Метрах в пятнадцати сверху деловито чинил свою сеть смертоносец. Найл успел загасить вспышку тревоги прежде, чем она разрослась, и отступил в коридор. В соседней комнате беспорядочно громоздилась сломанная мебель, дверь прислонена была к комоду, соседствующему с пустым оконным проемом. Встав на пятячке между дверью и комодом, Найл смог толком рассмотреть улицу и понаблюдать, как паук терпеливо чинит сеть. Через полчаса донеслись первые звуки, дающие понять, что место обитаемо: голоса, шаги, хлопанье дверей. Вровень с окнами первого этажа по улице замельтешили люди. Вон прошла какая-то толстомясая тетка с арбузными грудями и ногами-бревнами, мягко выводя что-то носом. Бросилось в глаза, что под паутиной она прошла совершенно спокойно, словно не замечая ее.

По мере того как солнце поднялось чуть выше и заглянуло в улочку, снаружи стало оживленнее. На тротуары высыпала детвора, многие ребята жевали куски сероватого хлеба. Некоторые непоседы верещали, носились, смеялись; большинство же имело равнодушный, квелый вид. От Найла не укрылось, что преобладают низкие покатые лбы, плоские скулы и узкие глазачелки. Вон пухлый косолопый мальчишка подошел к маленькой толстячке девочке и выхватил у нее из рук краюху хлеба. Та громко взвывла, но никто не обратил внимания. Толстяк присло-

нился к стенке и слопал чужой хлеб. Затем подошел к другой девочке и рванул у нее корку. Малышка уперлась, силясь удержать еду. Тогда толстяк пихнул ее в грудь с такой силой, что та попросту отлетела. А малолетние их сверстники сидели в проемах подъездов или на тротуарах и продолжали с тупым видом есть, не пытаясь прятать свои крахи.

На середине улицы появился мальш. Он бежал, хлопая руками, будто изображал из себя птицу, и издавал чирикающие звуки. Пробежав под паутиной, он неожиданно остановился и поглядел на нее снизу. Затем, к изумлению Найла, нагнулся и, подхватив какую-то деревяшку, запустил ее в воздух. Силенок у него было немного, и деревяшка пролетела невысоко. Мальчуган подкинул ее снова, на этот раз чуть повыше. Тут к нему подошел косолапый толстяк, уже управившийся с едой, и, выхватив у мальша деревяшку, со всей силы швырнул ее в воздух. На этот раз она угодила в паутину и, зацепившись, повисла в ней. Паук мгновенно кинулся вниз, оставляя за собой нить паутины, и с проворством набросился на мальша. Найл ожидал, что сейчас в незащитное тело вопьются клыки. Ребенок же, наоборот, зашелся от смеха, когда восьмипалый повалил его на землю. Через несколько секунд паук опять взвился в воздух, а мальчуган вскочил и убежал. Найл ничего не понимал. Получается, смертоносец играл с ребенком?

224 Стоять в мокрой одежде было неприятно, к тому же пробегающий мимо окна ребенок с любопытством уставился на Найла, и тот решил, что дальше играть в прятки не имеет смысла. Найл вышел на улицу. Никто не удостоил его ни малейшего внимания. Паук наверху как ни в чем не бывало чинил сеть. Вот только маленький косолапый толстяк смерил Найла недобрым взглядом, одновременно и насмешливым, и враждебным.

Квартал рабов был донельзя запущен, переполнен и, судя по всему, совершенно дезорганизован. От некоторых зданий сохранилась лишь выгоревшая изнутри оболочка; иные смотрелись так, что казалось, тни как следует, и стены обрушатся. Заселенные здания отличить было несложно, они не выглядели такими запущенными.

В одно из них Найл, протолкнувшись через стайку шумно возящихся детей, вошел. Никто не удостоил его внимания. Люди сидели прямо на голых досках или поломанной мебели; они шумно хлебали суп прямо из щербатых чашек, грызли кроличьи ножки и уплетали серый хлеб. Кухню можно было узнать по запаху подгоревшего жира, чада, чеснока, перезрелых фруктов и овощей. На плите, будуча паром, стоял огромный котел с супом. Повариха рубила на большой доске сваленные в кучу фрукты, овощи и крольчатину. Войдя, Найл увидел, как она, покончив с этим, счищает наструганное в котел кухонным ножом.

В кухню вошел рослый рыжеволосый человек. Было ясно, что он принадлежит к сословию слуг, но за что-то приговорен к рабству. Вид у человека был сердитый, насупленный. Он хватанул из умывальника чашку, помыл ее и наполнил супом. Затем отсек от булки краху и принялся жадно уплетать. Заметив Найла, рыжий спросил:

— Тебя за что сюда?
— Пререкался со служительницей. А тебя?
— Просыпал постоянно. — ответил тот, наливая себе добавки.
— Я вот только прибыл, — слукавил Найл. — Здесь есть кто из старших?

— Морлаг, в здании К-2.

— А где это?

Тот указал рукой.

— По улице и сразу налево.

— Спасибо.

Выйдя на улицу, Найл обнаружил, что многие рабы тянутся в одном направлении. Однако попытки прощупать их мысли вызывали унылое отчаяние. Умственной деятельности в нормальном смысле здесь, считай, и не наблюдалось. Эти полулюди существовали по заведенному монотонному распорядку, и каждый расценивал себя просто частичкой толпы.

Найл очутился на небольшой площади, где уже стояли, кое-как соблюдая строй, несколько бригад рабов. Перед ними возвышался громадного роста чернобородый мужчина, смотревший на подопечных с мрачной неприязнью.

Найл приблизился к чернобородому.

— Я ищю Морлага.

— Это я. Чего надо?

— Мне велели тебе доложиться.

Морлаг оглядел Найла.

— За что тебя сюда?

— Пререкался со служительницей.

— Впредь неповадно будет. Ты чем занимаешься?

— Колесничий.

— Ладно. Дожидайся здесь.

Он указал на тротуар, на котором особняком стояли четверо слуг помощнее, и обратился к крайнему слуге:

— Ты поведешь их на кроличью ферму. А ты, — глаза надсмотрщика остановились на Найле, — пойдешь доложишься жукам-бомбардирам.

Через пять минут Найл шагал по главному проспекту на север, ведя за собой бригаду из двадцати рабов.

День выдался яркий, безоблачный, в северо-восточном ветре ощущалась бодрящая прохлада раннего утра. Привычный к знойному сухому ветру пустыни, Найл млеял от удовольствия. Время от времени он совал руку под рубаху и поворачивал медальон, всякий раз при этом испытывая всплеск изумленного восторга и чувства, как мозг, взводясь будто сжатая пружина, выпускает затем энергию краткой вспышкой силы. Удивительное откровение: чувствовать, что ум обладает тою же силой, что и руки; не просто ухватывать, но и преобразовать.

Здания неожиданно закончились. С небольшой возвышенности открылся вид на окаймляющую город сельскую местность, на возделанные ячменные поля и зеленые делянки с овощами. Они прошли мимо рабов, собиравших фрукты под надзором служительницы. Необычайно похожей на Одину. Видя скучиво-томный вид женщины, Найл молодежато вскинул руку в знак

приветствия, и рабов заставил сделать то же самое. Та от изумления просто рот раскрыла: Найл понял, что зря так поступил. Надо будет впредь избегать легкомысленных жестов.

Через милою дорога завела в густую рощу, где изумрудно-зеленая листва над головой создавала подобие свода. Найла зрелище так очаровало, что он позволил рабам перейти со строевого шага на легкую прогулочную ходьбу. В одном месте к дороге вплотную подходил небольшой ручей; вода, журча, перекачивалась по мшистым камням-гольшам. Лесистый участок остался позади, а впереди, у подножия северо-восточных холмов, Найл увидел ряд красных башен, напоминающих покореженные церковные шпили. Он обернулся к ближайшему рабу, долговязому косоглазому парню с заячьей губой.

— Это что?

— Громовик.

— Громовик?

Парень смешиливо гыкнул и выкрикнул: «Бум-м!», разводя руки вверх, как бы изображая взрыв. Остальные тоже захихикали: «Бум-м! Бум-м!» Слово «громовик» рабы, очевидно, использовали как название города жуков-бомбардиров. Через полчаса навстречу вышел высокий лысый человек в желтой тунике и с зеленым козырьком на голове; лицо красное, озабоченное.

— Где вас носит? Опаздываем же!

— Прошу прощения, — сказал Найл. — Вон, тянутся медленно.

— Где твой хлыст?

— У меня его нет.

Человек, досадливо застонав, возвел глаза к небесам.

— На, возьми мой.

Из просторного кармана туники он вынул свернутый кожаный хлыст. У рабов тревожно забегали глаза.

— Я не очень умею им пользоваться, — стыдливо признался Найл.

— Сейчас покажу.

Размотав хлыст, человек звонко им щелкнул, затем со злой решимостью обогнул отстающих и принялся сзади полосовать их по голениям. Те, засеменяв трусцой, враз подтянулись. Человек, щелкая хлыстом, с руганью гнал их метров десять — пятнадцать, затем поравнялся с Найлом и замедлил шаг.

— Понял? Вот так и действуй.

— Понял, — произнес Найл.

— Почему с тобой только девятнадцать?

— Как? Выходило нас двадцать.

Юноша запоздало принялся пересчитывать. Человек пожал плечами.

— Одного, видно, умыкнул паук.

— Съел, что ли? — мрачно удивился Найл.

Человек поглядел на юношу с досадливой жалостью.

— Ты что, совсем новичок в этом деле?

— М-м-м... да.

— Благодарите небо, что самого не слопали. Ладно, обойдемся, пожалуй, и девятнадцатью.

Они уже входили в город красных башен. Каждая башня

представляла собой огромную спиралевидную шишку, и сделана была из какого-то глянцевитого, похожего на воск вещества. Поселение жуков-бомбардиров насчитывало несколько сот таких башен, привольно натканных в гладком зеленом дерне. Между ними виднелись небольшие одноэтажные строения из голубого вещества, похожего на непрозрачное стекло, и с круглыми окнами, напоминающими иллюминаторы. Очевидно, это были дома людей-слуг. Как и башни, они были окаймлены опрятными зелеными лужайками, по которым ветвились оросительные каналы и тропки, выложенные розовым, похожим на мрамор, материалом. Детвора в желтых туниках, бросив игру, с любопытством наблюдала, как проходят прибывшие. Под козырьками голубых стеклянных крылечек сидели привлекательные женщины, многие с прядками.

— А там кто живет? — спросил Найл, указывая на башню примерно вдвое выше остальных.

— Никто. Это зал собраний.

Они вышли на центральную площадь — гладкий прямоугольник зеленого дерна, пересеченный тропинками. Теперь было заметно, что центральное здание состоит из двух ярусов — голубое стеклянное основание, а над ним красная башня. К главному входу поднималась впечатляющего вида лестница.

Рабы, которые, очевидно, здесь уже бывали, выстроились возле лестницы в ряд. Снующие туда-сюда жуки не обращали на них никакого внимания. Из главного входа показался человек и стал спускаться навстречу. Найл узнал кривоватые ноги и нос крючком, принадлежащие Доггинузу. Юноша улыбнулся и махнул было рукой. К удивлению, тот и виду не подал, что знаком с Найлом, а вместо этого обратился к попутчику:

— Давай поспешай, а то затянем с началом.

— Тут моей вины нет. Этот вот чудак, — он сочувственно взглянул на Найла, — забыл взять хлыст.

— Ну и дурень. — Доггинз опять посмотрел на Найла как на пустое место. — Ладно, веди их в карьер.

— Хорошо, распорядитель, — кивнул лысый и махнул Найлу. — Эй, давай за мной!

Доггинз торопливо проговорил:

— Нет-нет, этот мне еще нужен. Ты ступай, отведи их и следы, чтобы к петардам близко не подходили.

Он повернулся к строю, бросив через плечо как ни в чем не бывало:

— А ты давай за мной.

Найл стал подниматься следом по ступенькам. Они вошли в небольшой, скупо освещенный зал. После яростно блестящего солнца голубоватый сумрак был особенно приятен. Вокруг сновали жуки-бомбардиры, ростом значительно превосходящие своих слуг. От жуков исходила такая же безразличная благожелательность, что замечалась в пауках-верблюдах пустыни. Доггинз, не оглядываясь, прошел через зал и толкнул дверь с табличкой «Распорядитель по взрывам». Окно в комнате не было, но через стены сочился холодный голубой свет, действуя удивительно успокаивающе. Доггинз усел-

ся в кресло за огромным столом и сердито воззрился на Найла.

— Уж кого б я желал видеть меньше всего, так это тебя.

Найл, не ожидавший такого приветствия, опешил.

— Прошу прощения.

— Прощения, черт тебя дери! Что теперь прикажешь с тобой делать?

— То есть как? — растерянно проговорил Найл. — Я просто привел рабов.

— Это мне известно. А на ночь ты куда отправишься?

— Назад, в квартал рабов.

Доггинз изумленно уставился на него.

— Да ты с ума спятил! Они тебя всюду разыскивают. Сегодня утром уже наведались к нам.

— А что случилось? — вырвалось у Найла.

— Не догадываешься? Мы обещали разыскать тебя и отправить обратно, как только поймем.

— Что вы и рассчитываете сделать?

Доггинз раздраженно пожал плечами.

— Слушай, малый, тебе вот что надо зарубить на носу. У нас с раскоряками соглашение — уживаться в мире, пока уживается. Если мы предоставим тебе убежище, а они дознаются, — будет война. А мы на это пойти не можем. Я даже сейчас разговаривать с тобой не буду.

Найл встал.

— Прости, пожалуйста. Не хочу создавать лишних хлопот. Я уйду.

— И куда ж ты пойдешь?

— Пересажу где-нибудь, пока не настанет время возвращаться.

Доггинз фыркнул.

— А смысл? Обратно за тобой они сюда не пойдут. Тебе лучше опиваться здесь и не высовываться. А если кто спросит, я тебя не знаю. Идет?

— Идет, — кивнул Найл.

— Значит, раскрыли они тебя.

— Да.

— Я предупреждал. — Доггинз прикусил нижнюю губу. — Они тебя убьют, если отыщут.

— Я знаю.

— Единственная для тебя надежда — это возвратиться в свои края. Мы бы помогли тебе переправиться тайком на одной из лодок.

— Очень признателен, — сказал Найл. — Но возвращаться я не хочу. Не могу оставить мать и брата.

— От мертвого тебя, конечно, много будет толку!

— Я попробую укрыться в квартале рабов.

— Рано или поздно все равно отыщут.

— Может быть. Но нельзя опускать руки. Надо пытаться.

Доггинз раздраженно мотнул головой.

— Что пытаться? Чего ты хочешь добиться?

Их взгляды встретились.

— Свергнуть пауков.

Доггинз жалостливо улынулся.

— И с какого боку, интересно, ты думаешь за это взяться?

— Телом пауки не крепче людей, просто у них сильнее развита воля. А это, по сути, то же самое, что и мышцы. Мы могли бы бороться с ними, если бы использовали свой разум.

Доггинз задумчиво поглядел на Найла.

— Да, теперь я вижу, почему они считают тебя опасным.

До Найла дошло, что он забыл перевернуть медальон, поэтому вся его сосредоточенность передавалась наружу, в результате чего доводы звучали с небывалой убедительностью. Найл сделал упор на эту мысль:

— Вы со своим порохом могли бы поднять на воздух весь паучий город.

— Бесспорно, если бы нам его хватило. Но мы этого делать не станем.

— Почему?

— Потому что мы слуги жуков, а жуки никогда не дадут нам такого приказа.

— Но зачем вам быть слугами? Люди же когда-то правили всей планетой!

— Вот-вот, и сделали из нее дурдом! Хочешь знать на самом деле, почему раскоряки так не любят людей? Пойдем, покажу.

Он поднялся и вывел Найла в зал. Там было совершенно пусто. Поднявшись по короткой лестнице, они остановились перед дверью из золотистого металла. В открывшемся глазам помещении царил полумрак.

Секунда, и вдруг раздался оглушительный треск, сопровождаемый просверком слепящего света. Отшатнувшись назад, Найл врезался в Доггинза. Тот крепко ухватил юношу за локоть.

Все еще не успокоившись до конца, Найл с мрачной зачарованностью наблюдал. Стена напротив превратилась в широкую полосу голубого неба с тонкими полосками белых облаков. По пространству этой полосы с оглушительным ноющим звуком метались машины (Найл узнал: самолеты). Внезапно картина сменилась. Он смотрел как бы из самолета, наблюдая, как в сторону земли уносятся яйцеобразные предметы. Они падали и падали, пока не уменьшились до точек и не исчезли. Затем с находящейся далеко внизу земли пошли взрастать белые султанчики дыма — один за другим, один за другим, в ряд. Звуки взрывов на этот раз были далекие, приглушенные.

Когда глаза привыкли к темноте, Найл разглядел, что находится уже в другом зале. В зале, застыв, стояли зрители — жуки-бомбардиры; чувствовалось, что смотрят самозабвенно. Тут до Найла стало доходить, что картина эта — не какое-нибудь чародейство. Конус колеблющегося света наверху указывал, что это просто движущееся изображение, которое проецируется на экран.

Доггинз взял Найла за локоть, завел в полумрак и указал на стул. Найл сел на ощупь, не отрывая от экрана глаз. Там разворачивалась бомбардировка большого города. От такой разрушительной мощи захватывало дух. Видно было, как высочен-

ные здания сначала содрогаются, затем медленно начинают осыпаться на землю, взметая тучи пыли. Рыжеватыми змеистыми сполохами прорывался огонь, сливаясь затем с тяжелым водоворотом черного дыма. До смешного крохотные фигурки пожарников направляли в пламя тугие спицы водяных струй. Вот обрушилось соседнее здание и погребло их под собой.

Доггинз шептал на ухо:

— Это просто старый фильм, здесь все ненастоящее. Настоящее будет дальше.

— Ужас! — выговорил Найл.

— Не вздумай говорить это при них. Они считают, что это чудесно.

На секунду экран погас. Но вот раздались бравурные звуки маршевой музыки, и чей-то глубокий голос за экраном солидно произнес: «Разрушить!» Со стороны зрителей раздался одобрителный сип; судя по всему, демонстрировался коронный номер. На экране появилось громадное, напоминающее башню здание, снятое снизу так, что стены вздымались вверх величаво, как утес. Затем камера медленно поползла вверх, поднимаясь к крыше здания. В конце концов она зависла над самым зданием, открывая вид сверху, и отодвинулась на безопасное расстояние. Найл затаил дыхание. Вот на углу здания взвихрился чубчик дыма, за ним другой. Когда выявился третий, здание начало осыпаться; стены медленно трескались, корежились, от основания здания вверх взрастала туча пыли. Само здание начало грузно оседать, обнажив каменную кладку, затем рассыпалось в прах. Ничего не скажешь, было во всем этом что-то величавое.

Оставшаяся половина фильма была о том же: небоскребы, стройплощадки, фабричные трубы, даже соборы — все оседало в облаке вихрящейся пыли. И всякий раз, когда что-нибудь с грохотом рушилось, жуки издавали одобрителный сип.

На Найла картины действовали сокрушающе. Повернув медальон к груди, он мог усваивать их в полном объеме. Видения в Белой башне дали ему возможность в какой-то степени уяснить, насколько сильна в человеке тяга к разрушению. Однако вся эта нескончаемая панорама насилия давала понять, что подлинную ее неохватность он не в силах себе даже представить. Показали хронику первой мировой войны: артобстрелы, следом за ними неистовые атаки; обрубки тел, распяленные на колючей проволоке. Дальше — вторая мировая: пикирующие бомбардировщики, до основания разрушающие незащитные города. Архивные съемки взрыва первой атомной бомбы над Хиросимой, затем испытание водородной на атолле Бикини. Даже жуки притихли, забыв выразить восторг, когда поднявшийся гриб показал, что атолла больше нет.

Доггинз пихнул Найла под ребра:

— Ну что, насмотрелся?

— Да уж.

Они покинули помещение и вернулись в пустой зал.

— И как долго такое длится? — спросил Найл.

— Чуть ли не до вечера. У нас без малого двести часов материалов.

— Целиком их просмотреть они еще не успели?

— Смотрели десятки раз. Но им никогда не надоедает.

Аккуратные, симметрично расположенные здания в обрамлении зеленых газончиков казались игрушечными. Мирная тишина после немолчного грохота взрывов нависала словно угроза.

Пройдя нанюхиваясь через площадь, они стали приближаться к угловому дому. Этот дом был значительно крупнее, чем обступавшие его другие дома, а в центре газона игриво струился фонтан. Стайка из десятка ребятшек болтала ножонками в зеленоватой воде бассейна; у некоторых нос имел явное сходство с доггинзовским. Завидев Доггинза, дети побежали через газон к нему и, обвив ручонками, стали проситься на руки. Из дома вышла милостивая темноволосая девушка.

— Не приставайте, папа занят.

Ребятишки неохотно возвратились к бассейну. Девушка же схватила Доггинза за обе руки и поочередно поцеловала их. Доггинз несколько смутился.

— Это Селима, моя жена, — сказал он.

Найл почувствовал нечто похожее на зависть: девушка была едва ли старше Доны. Он хотел, как заведено, сомкнуться предплечьем, но та неожиданно опустилась на одно колено, взяла его руку и поцеловала в ладонь. Доггинз сдавленно кашлянул.

— Нам бы чего-нибудь поесть.

— Да, Билл — Девушка исчезла внутри дома.

— Очень славная девушка, — проговорил Доггинз смущенно.

Когда вошли, женский голос спросил откуда-то из-за стены:

— Кто там?

— Это я, моя прелесть.

Из-за двери выглянула статная симпатичная женщина с золотистыми волосами. Она также взяла Доггинза за руки и приложилась к ним губами.

— Это моя жена Лукреция, — представил Доггинз.

Женщина одарила Найла вальяжной улыбкой; в голубом свете прихожей зубы поблескивали драгоценными камнями.

— Его первая жена, — добавила она. Найл, пытаясь скрыть удивление, неловко улыбнулся.

— Как его зовут? — поинтересовалась Лукреция.

— Его? Э-э-э... мистер Риверс.

— Он Билл?

— Нет, просто мистер.

— Какая жалость, — вздохнула женщина, исчезая за соседней дверью. Найл мимоходом оглядел кухню, где несколько девушек занимались стиркой. Найл терялся в догадках.

— Что за вопрос, Билл я или нет?

Доггинз коротко хохотнул.

— Я им говорил, что «Билл» означает «Богатый и знатный».

Они хотели тебе польстить.

Он завел Найла в уютную, удобно обставленную комнату. Сидящая на диванчике стройная девушка с обнаженными руками поспешила встать и поцеловала ему руки. Когда Доггинз сел, она опустилась на колени и стала снимать с него сандалии.

— Это Гизела, — представил Доггинз, — номер восьмой. Девушка застенчиво взглянула на Найла, отвела глаза и зарделась. Эта, пожалуй, была младше Доны.

— Ноги тебе помыть сейчас? — спросила она у мужа.

— Не надо, кисонька. Принеси-ка нам лучше холодного пива.

— Да, Билл.

Когда мужчины остались одни, Доггинз лукаво улыбнулся.

— Теперь понимаешь, почему я не хочу ввязываться ни в какую войну с раскоряками?

— Да, — печально ответил Найл.

— Не то чтобы я вовсе не хотел тебе помочь. Просто у тебя все равно ничего не выйдет.

Найл воздержался от ответа, а Доггинз продолжал:

— Пауков миллионы. Что мы сделаем при таком раскладе?

Найл упрямо пакачал головой.

— Должен быть какой-то способ. Иначе бы они нас не боялись.

Почему они боятся нас?

Доггинз пожал плечами.

— Да потому что мы, сволочи, зациклились на разрушениях, вот почему. Ты же видел фильм.

— Тогда вас почему они не боятся, даром что вам известны секреты взрывчатки?

— Им до нас дела нет. Я вот несу себе службу, и все тут. Лет через десять, может, дослужусь до главного управляющего.

В комнату вошла златовласая женщина, за ней несколько девушек с подносами. Она поместила между Найлом и мужем низенький столик, постелила белую льняную скатерть. Когда наливала пиво, Доггинз спросил:

— Как прошло утро, дорогая?

— Так себе. Ты же знаешь, как оно в канун дня большого Грохота.

— Чего надо было этим восьмилетним?

— Они разыскивали какого-то беглого раба.

— Раба? Пауки, всем скопом? Что же он такого натворил?

Доггинз избегал смотреть Найлу в глаза.

— Не знаю. Они не сказали.

На столик было наставлено большое количество блюд: устрицы, мидии, перепелиные яйца, жареные птички, разные салаты, овощи. Пиво было темно-коричневое, крепкое. Прежде чем хозяйка с гостем взялись за еду, девушки протянули им кувшины с теплой водой, а затем обтерли руки мягкими как пух полотенцами. После этого все женщины тихо удалились.

Следующие пять минут мужчины занимались исключительно едой. Найл чувствовал не лишнюю приятности душевную истому. Вид молодых девушек напомнил о Доне; Найл лишний раз убедился, что скучает по ней. Время от времени Доггинз из-под приопущенных век поглядывал на Найла. В конце концов он сказал:

— Послушай... А если бы, скажем, у нас получилось договориться с пауками... Я ничего не обещаю, но — если бы? Это решило бы твою проблему?

— Договориться насчет чего?

— Ну, скажем, чтобы они разрешили тебе остаться и трудиться у нас?

— Откуда ты знаешь, согласятся они или нет? — осторожно спросил Найл.

— Они нам кое-чем обязаны. — Доггинз отщипнул кусочек жареного жаворонка. — Как я понимаю, они чувствуют в тебе опасность, и это не дает им успокоиться. А если бы мы гарантировали, — он особо подчеркнул последнее слово, — что ты не дашь повода для беспокойства, они, вероятно, и пошли бы на это.

— А я бы жил здесь... и служил жукам?

— Нет, ты служил бы у меня. Мне нужен новый помощник. Ты во взрывчатке что-нибудь смыслишь?

— Боюсь, что нет.

— Не важно, научишься. В составе пороха нет ничего сложного: селитра, фосфор и уголь. Надо просто соблюдать пропорцию. С динамитом посложнее: последний мой помощник подорвался, когда делал нитроглицерин. Но ты этим заниматься не будешь. Твоей основной работой будет очищать продукт от угольных примесей. — Доггинз похлопал Найла по плечу. — Не переживай, мальш. «Богатый и знатный» Билл имеет здесь кое-какой вес. Пошел переодеваться, а ты наливай еще пива.

Найл рад был остаться наедине с собой, это давало возможность собрать мысли воедино. Его беспокоило, как отреагируют пауки, когда узнают, где Найл находится. Если схватят во второй раз, придется трудно: коли не убьют, то уж наверняка позаботятся, чтобы никуда не улизнул. Так что можно ли рисковать и позволить Доггинузу договариваться от своего имени?

В этот момент из коридора послышался голос Доггинза. Вид его поразил Найла: Доггинз выглядел солидно. Потасканную желтую тунику сменила черная тога с золоченой цепью вокруг пояса. Кожаные сандалии тоже черные, на голове уже не выдававший виды зеленый козырек, а остроконечный колпак, что придавало Доггинузу сходство с монахом.

— Готов? Пора трогаться.

В коридоре дожидались жены и дети, все в веселых цветастых нарядах. Лишь Лукреция в отличие от других была одета в черную льняную тогу, очевидно подчеркивая, что среди жен она здесь первая. Когда Доггинз с Найлом вышли на улицу, семейство тронулось следом...

Неожиданно Найлу вспомнилось слово, смысл которого он тщетно пытался восстановить.

— Что такое казармы? — спросил он у Доггинза.

— Место, где живут военные. А что?

— Я видел это слово на старой карте.

Доггинз резко обернулся к нему.

— Плана паучьего города?

— Да.

— Оно, то место, случайно не «крепостью» называлось? — спросил Доггинз с деланным равнодушием.

— Да. А ты откуда знаешь?

— Всякие слухи ходят. А ты, интересно, смог бы описать, где примерно она находится?

— Наверно, да. Она в квартале рабов.

Они незаметно вышли на окраину. В полумиле от города дорога делала изгиб, с которого открывался вид на невероятных размеров яму в земле.

— Что это?

— Старый мраморный карьер.

— Кто его вырыл?

— Люди.— Доггинз улыбнулся.

Путь на дно карьера занял с полчаса. Внизу находились плотно пригнанные друг к другу зрительские места — около тысячи, — над которыми возвышался прозрачный купол наподобие пузыря с зелеными крапинками.

Доггинз сказал:

— Если хочешь как следует разглядеть, что будет на сцене во время представления, подыщи себе место в верхнем ряду. Началось где-то через полчаса. А я пошел: дела.

— Спасибо.— Найлу не терпелось посмотреть, что же там на сцене.

Однако через минуту Доггинз возвратился.

— Беда, — тихо и тревожно сказал он.

Найл повел глазами в ту сторону, откуда пришел Доггинз, и сердце его обмерло. Среди спускающихся по склону четко выделялась компания женщин с обнаженными грудями. Сомнений не было: служительницы. На минуту Найла охватил безотчетный страх.

— Думаешь, это за мной?

— Нет. Они часто приходят сюда на праздник Грохота.

— Что мне делать?

— Не паникуй. Не думаю, что они тебя узнают. Ты для них обыкновенный раб. Но лучше держись от них подальше.— Он указал на полосатый шатер возле эстрады.— Там работают рабы. Мостига ты уже знаешь — тот, лысый, ты видел его утром. Пойди и спроси, чем можешь быть полезен.

Найл вошел в балаган и растерялся, такая там царил суматоха. Основную часть пола занимали затейливые декорации: остров, на нем деревья. Над разрисованными голубыми волнами возвышался корабль на якоре, а поблизости в море впадал ручей. На берегу стояли соломенные хижины дикарей-островитян, а вокруг котла с несчастного вида матросом заходилась в пляске знахарь-колдун, у которого на шее болтался амулет с черепами. Найл определил, что и знахарь, и остров сделаны из дерева и папье-маше, которые и сейчас еще усердно размалевывали прямо на ходу подмастерья, ползая по сцене.

Задняя стенка шатра выходила непосредственно на стену карьера. Найл разглядел, что держится она за счет хитросплетения веревок и блоков. Сразу за шатром в стене карьера была искусственная пещера, перед которой разгружали подводу с бочонками рабы. Лысоголовый, усталый и вконец издерганный, пытался, судя по всему, заправлять разом всем и вся. На вопрос Найла, какая требуется помощь, он лишь раздраженно фыркнул: «Уберись и не мешай!», но тотчас узнал юношу и воскликнул:

— А, это ты! Ничего, вот уж второй час как без тебя обходимся. Ты где был?

— Помогал распорядителю Доггину.

— Ну что, давай подгоняй рабов. На вот, возьми. — Он протянул Найлу хлыст.

Найл пробрался в пещеру. Ее покатые стены вдавались глубоко в толщу породы. Все пространство от пола до потолка было забито деревянными бочонками и ящиками с фитилями и запалами. Один из бочонков валялся разбитый на полу, возле него скреб пол совершенно непригодной для этого метлой косоглазый придурок. Найл сразу же уяснил: проблема не в том, что рабы медленно возятся, а, наоборот, в том, что носят слишком быстро. Атмосфера праздника сильно их возбуждала, и они носились туда-сюда, как ошалевшие муравьи, катя бочонки, вольно сундуки, забывая затем, куда их девать, и бросая прямо на дороге, где о них спотыкались другие.

Найл огляделся и смекнул, что надо делать. Рабов он разбил на тройки и каждой поставил определенную задачу. Для вида помахивал и хлыстом, но в этом не было необходимости. Рабы четко реагировали на мысленные приказы. Одна бригада подносила бочонки из глубины пещеры, другая грузила их на небольшие тачки, третья вкатывала в шатер. Там подмастерья, подхватив, определяли их в полое место под «островом». Работа была сделана за четверть часа, и лысый стал поглядывать на Найла по-иному, с уважением. Когда Найл спросил, что делать дальше, тот ответил:

— Просто держи этих чертяк в сторонке, пока не подготовимся к началу.

Вдруг в шатер вошел Доггинз, он сердито кривился и качал досадливо головой. Через секунду Найл понял, почему. В шатер одна за другой вошли человек пять служительниц, и впереди всех — Одина. К счастью, она была увлечена разговором и в сторону Найла не смотрела. Юноша отвернулся, заспешил к заднему входу и прошел в глубину пещеры, где царил приятная прохлада, влажно пахло грибами. Приятно было после суматохи шатра дать телу отдых. Найл облюбовал угол за нагромождением бочек и присел на ящик с запалами. Через несколько секунд он утомленно закрыл глаза и прислонился затылком к стене.

— Что ты здесь делаешь?

Голос хлестнул резко, словно удар. Найл и не заметил, как к нему неслышно подошла Одина.

— Что ты здесь делаешь? — повторила она.

— Прячусь, — ответил Найл, обретя дыхание.

— Я вижу. От кого?

Тревога сменилась облегчением и неловкостью. Облегчение от проблеска догадки, что женщина рада его видеть. Неловкость оттого, что он внезапно, сам того не сознавая, вторгся в ее ум. Он уже сошелся с Одиной так близко, что даже в потаенную область ее мыслей мог внедряться совершенно естественно, но тем не менее чувствовал себя при этом как вор, пробирающийся в спальню женщины.

Найл подвинулся, освобождая Одине место на ящике для

запалов, и она села возле него. Непонятно, от кого из них изошел влекущий порыв. Секунду Найл смотрел Одине в глаза, затем, подчиняясь все тому же безотчетному порыву, обнял ее и припал к ее губам. Руки женщины ласково легли ему на щеку. Их тела сблизились.

Одина отстранилась первой, дисциплинированная служительница одержала в ней верх.

— От кого ты скрываешься?

— Мне пришлось уйти из города.

— Но зачем? — На лице Одины читалось полное недоумение. Пауки казались ей строгими, но благодетельными хозяевами, служить которым и приятно, и почетно.

— Они убили моего отца.

— Я знаю. Это печально. Но надо простить их. Они хозяева.

Странно было общаться с ней таким вот образом. Найл успевал считывать рождающиеся у нее в уме слова еще до того, как она их произносила.

— Ты должен возвратиться со мной в город, — продолжала она ласково. — Они поймут, почему ты сбежал, и простят. А потом я позволю тебе стать моим мужем.

— Разве может служительница брать себе в мужья беглого раба?

— Служительница может брать себе в мужья кого захочет, это ее привилегия.

— Очень хорошо. Все будет по-твоему.

Их губы слились в долгом упоительном поцелуе.

Снаружи оркестр затрубил в фанфары.

— Пойдем. — Одина взяла Найла за руку.

— Это ничего, что нас увидят вместе?

— Почему бы и нет? — хохотнула она. — Пусть глядят, завидуют.

...Зрительские места были уже полностью заняты. Люди плотно сидели на скамьях, бомбардиры стояли между рядами на высоких платформах. Одина подвела Найла к скамье, предназначенной, очевидно, для служительниц, села сама и уступила краешек Найлу. Другие служительницы поглядывали на Одину со сверженным любопытством.

Впереди разместилось все семейство Доггинзов, те во все глаза смотрели на шатер, ребятишки сосали большие разноцветные леденцы. Кранчатый купол-пузырь изнутри казался голубым. Само стекло было настолько прозрачным, что казалось почти невидимым; судя по всему, оно обладало свойством пресекать жару. Под куполом, несмотря на обилие света, совсем не чувствовалось духоты, летний зной преобразался в бледное тепло зимнего дня.

Одина была занята разговором с сидящей по соседству девушкой. Найл поглядывал на нее с тайной гордостью. Волосы янтарного цвета, загорелый бюст, белоснежные зубы — среди служительниц она, безусловно, выделялась своей привлекательностью. Был ли Найл влюблен в нее? Вопрос, казалось, совершенно неуместный. Он пребывал в том возрасте, когда каждому мучительно хочется быть любимым, когда от привет-

ливой улыбки в сладком предчувствии замирает сердце...

Фанфары грянули еще раз, и воцарилась тишина, глаза зрителей были прикованы к шатру. Рабы спеша выколупывали колышки, прикрепляющие полотнище шатра к земле. Навстречу зрителям вышел Билл Доггинз. Церемонно поклонившись, он повернулся лицом к шатру и вскинул руки, собираясь дать команду. Полотнище картинно всплыло вверх, подаваясь ближе к стене карьера, и накрыло вход в пороховой погреб, образовав своего рода экран-задник. При виде острова зрители разразились восторженными аплодисментами. Доггинз, очевидно взявший на себя роль церемониймейстера, вальяжно отодвинулся в сторону. На палубе корабля показался чернобородый пират на деревянной ноге. Свирепым взором окинув публику, он проорал:

— А ну-ка вы, козьяки! Что вы все на меня таращитесь! Вам не напугать Питера—Деревянную Ногу!

Обернувшись, он рявкнул куда-то вниз:

— Эй, ребята, там собралась толпа каких-то глупцов и таращится на меня! А ну-ка давайте подсыпем им жару!

Тут сзади оглушительно грохнуло, и Питер—Деревянная Нога испуганным зайцем скакнул в воздух, потеряв при этом шляпу и подозрную трубу. Зрители разразились хохотом, а жуки забавно зашевелились. Найл хохотал громче всех.

Увеселение продолжалось. Питер—Деревянная Нога прибыл со своими сообщниками на остров в поисках клада. Публике он заявил, что собирается остаток дней прожить в достатке, а на досуге подрабатывать палачом. Но на острове, оказалось, было полно дикарей-людоедов (их играли перемазанные сажей рабы). Главный бомбардир Питера был недотепой, спички не способным зажечь без того, чтобы не грянул взрыв. Главарь приказал ему дать ложный сигнал бедствия, дабы заманить в засаду проплывающее мимо торговое судно, а главный бомбардир зло на него покосился. Ребятишки завизжали от радости, предвкусывая, что сейчас грянет еще один взрыв. Когда спустя секунду другую главный бомбардир появился на палубе с охапкой петард, вся команда, включая Питера—Деревянную Ногу, испуганно прикрывала голову руками, а смех и восторженный топот стали такими громкими, что Найл невольно заткнул уши. Понятное дело, петарды не замедлили рвануть во все стороны, а главный бомбардир, буквально чудом разминувшись с петардой, мастерски сделал сальто-мортале. Судя по всему, это был натренированный акробат.

Было место и любовной истории; Найлу она приглянулась еще больше, чем беспрестанная пальба. Помощник капитана — честный малый, угодивший после неравного боя в плен к пиратам — полюбил красавицу с захваченного корабля, и они вдвоём решили бежать. Потом они попались дикарям-людоедам и следили из-за решетки, как дикари готовятся к пиршеству, где главным яством должны стать пленники. К счастью, дикари не подозревали, что к костру они вместе с хворостом прихватили еще и охапку сигнальных ракет. В соответствующий момент грянул взрыв, дикари бросились врассыпную, и пленники обрели свободу. Теперь было ясно, почему над зрительскими местами

громоздится купол-пузырь; в него со всего лета врезались и с треском рассыпались три ракеты, а ему хоть бы что, ни царапины.

В третьем действии (пантомима длилась уже около двух часов) помощника капитана и его возлюбленную привязали к мачтам пиратского корабля, обложив их подготовленными для взрыва порохowymi бочонками, сам же главарь с сообщниками задумал бежать на торговом судне. Дикари воспользовались возможностью напасть на пиратский корабль. Пока герой с изумительной ловкостью перерезал стягивающие возлюбленную веревки, дикари всей кучей взобрались на борт по веревочной лестнице. Рабы отрепетировали сцену недостаточно хорошо, и получилась накладка во времени: взобравшись чересчур быстро, они встали в круг и смиренно глазели, как усердствует главный герой, стараясь не подавать виду, что работает у врагов на глазах. Было видно, как на заднем краю сцены командует Доггинз, рубящими жестами отдавая приказы, но зрители не обращали на это никакого внимания. В конце концов персонажей освободили окончательно, и главный герой, отрубив кинжалом горящий конец фитиля, бросил его через плечо. Фитиль, конечно же, угодил в ведро с петардами, которые полоснули во все стороны, зажигая своими искрами фейерверки. Весь корабль превратился в красочный фейерверк; разноцветные искры снопами сыпались из иллюминаторов, люков, даже с макушек мачт.

В эту секунду грянул настоящий взрыв; неожиданно корабль разлетелся в щепки. На миг прорезался осипший от постоянного крика голос Доггинза:

— Скорей отсюда, дубины!

От палуб повалил черный дым, а на купол-пузырь дробно посыпались сверху обломки. Сидящие перед Найлом дети хлопали в ладоши и радостно смеялись, задорно блестя глазенками, — они, очевидно, считали, что это все еще идет представление. Петарды рвались по всей сцене-острову, и Найл с недобрым предчувствием заметил, как полотно шатра занялось огнем и как пламя поползло вверх. С оглушительным грохотом взлетел на воздух и сам остров. Тут Найл вспомнил о дорожке просыпанного пороха, ведущей в пещеру. Спустя секунду земля под ногами тяжело вздрогнула, зрительские места закачались, дети полетели на пол. Женщины подняли визг, затем начали чихать и кашлять: черный дым повалил под стеклянный купол-пузырь. Толчки напоминали землетрясение, каменные осколки градом тарабанили по куполу. Некоторые скамьи развалились, но в большинстве своем оказались удивительно устойчивыми. Огромный камень пробил своим весом купол-пузырь и рухнул неподалеку от Найла, размолотив ступени.

Удивительно, но среди людей не возникло паники. Каждый понимал, что под куполом безопаснее, и все оставались на своих местах. Дети, притихнув на полу, смотрели во все глаза на стекло, потемневшее от навалившегося мусора. Одина стиснула руку Найла и уткнулась лицом ему в плечо. Наконец все окончательно стихло.

— Пойду посмотрю, как там Доггинз, — сказал Найл.

Цепляясь за перила, он двинулся вниз по лестнице, осмотри-

тельно обогнув на пути дыру, проделанную свалившимся камнем. От пыли и гари в горле першило, идти приходилось будто через густой туман. Когда осела пыль и солнечные лучи осветили шатер, Найл понял, как все-таки повезло, что все находились под куполом-пузырем. Все палатки и аттракционы просто смело. Там, где находился остров, теперь на дне кратера была глубокая воронка.

Найл отыскал Доггинза. Пропыленный и злой, тот угрюмо глядел в воронку.

— Хвала небу, с тобой все в порядке! — обрадованно воскликнул Найл.

— Со мной-то да. Но я лишился сотни тонн взрывчатки, черт бы ее побрал.

— А что с рабами?

— Они получили по заслугам, придурки чертовы. А вот где мне теперь брать взрывчатку до конца года?

— Может, лучше поищешь свою жену? Она, наверное, за тебя переживает.

— Да, пожалуй.

Досадливо вздохнув, Доггинз повернулся в направлении зрительских мест. Тут из подземного коридора выскочил Мостиг, лысый помощник Доггинза, с коротким смешком он шлепнул Доггинза по плечу.

— Чудесно! Тебя теперь повысят в чине!

Доггинз сердито сверкнул на него глазами, подозревая, что над ним подтрунивают.

— Ты о чем?

Мостиг понизил голос.

— Они полагают, что так и было задумано. Я на твоём месте все так и представил бы.

Из-под купола высыпала беспорядочная толпа жуков-бомбардиров и окружила Доггинза. Они размахивали щупиками и пронзительно цвиркали — даже Найл понял, что звуки выражают одобрение. Доггинз поворачивался от одного к другому с ошалелой, блуждающей улыбкой, всем своим видом выражая застенчивый протест. Найл опешил, когда самый крупный из жуков поднял переднюю лапу и возложил ее Доггинзу на голову; сам Доггинз тотчас простерся на полу.

— Что это значит? — шепотом спросил Найл у Мостига.

Мостиг наблюдал за происходящим так пристально, что пришлось повторить вопрос.

— Это значит, что он говорит: дескать, относимся к тебе, Доггинз, как к равному, — выговорил наконец Мостиг.

— А это что, большая честь?

— Какой разговор! Это все равно что... взять и короновать.

Доггинза подтолкнули, чтобы вставал на ноги, и он сделал это со смиренной покорностью. Найл на секунду повстречался с ним глазами и удивился стоящей в них горькой муке.

Дым понемногу начал рассеиваться, жуки и люди расходились со зрительской площадки. Лукреция, стряхивающая пыль со своей черной тоги, готова была разрыдаться. Лица у остальных жен и ребятишек тоже были унылые. Увидев, что мужа обступили

ли жуки, Лукреция взглянула с интересом, а когда вслушалась в высокое цвирканье, лицо ее выразило восторженное изумление. До остальных жен и детей тоже дошло, что происходит нечто важное, и они приумолкли, наострив уши. Когда жуки собрались уходить, Доггинз снова распростерся на земле и лежал не поднимаясь, пока они не скрылись.

Найл поискал глазами Одину; через минуту увидел ее в толпе, потоком сходящей со зрительской площадки. Судя по всему, она тоже разыскивала его. Найл начал протискиваться в ее сторону. Но не успел пройти и нескольких метров, как кто-то сзади схватил за руку.

— Не уходи. Мне надо тебя на пару слов, — прошептал Доггинз.

— Хорошо. Только сначала переговорю с той служительницей. Найл махнул Одине, но она смотрела в другую сторону.

— Успеешь, — нетерпеливо перебил Доггинз.

Он крепко взял Найла за обе руки и решительно повел его в сторону эстрады, надежно скрывавшей их от толпы.

— Та крепость — ты можешь показать, где она?

— В общем-то могу. Только надо изобразить план.

— Да ну его, план. Ты провести меня туда можешь?

Найл посмотрел на него в замешательстве, такая напористость сбивала с толку.

— Но это же в городе, в квартале рабов.

— Знаю, знаю, — кивнул Доггинз нетерпеливо. — Так берешь меня?

— Когда?

— Нынче вечером.

— Извини, но это невозможно.

— Почему? — взвыл от отчаяния Доггинз.

— Потому что я обязан вернуться к паукам.

Доггинз потряс его за плечо.

— Ты о чем говоришь, дурище? Я же сказал, что все беру на себя.

— Но это было до того, как вон та служительница...

Доггинз досадливо застонал.

— Ты хочешь сказать, что взят под стражу?

— Не совсем так. Просто я ей обещал... Она хочет взять меня в мужья, — тихо сказал Найл, словно извиняясь за Одину.

Доггинз, к удивлению, издал облегченный вздох.

— Слава Богу! — Он хлопнул Найла по плечу. — В таком случае, коль ты ее будущий муж, она не подставит тебя раскорякам.

— Но она просит, чтобы я вернулся, и я обещал...

— На этот счет все в порядке. Ты можешь сделать это завтра. Утром ведь ты привел сюда рабов, так что и вечером вести их назад тоже тебе, верно?

— Рабов? — Найл растерялся.

— Так точно, рабов. — Доггинз лукаво подмигнул.

— Мне бы вначале переговорить с Одиной.

Доггинз стиснул ему руку.

— Я сам пойду и приведу ее.

Одина пришла одна. Едва увидев ее, Найл понял, что она сделает все, о чем бы он ни попросил. Вытянув руки, он взял ее ладони в свои, а Одина обняла его за шею.

— Слушай, мы нынче собираемся задержаться здесь на вечер, — сказал он. — Тебе это не запрещается?

Она покачала головой.

— Хорошо. А то я уже обещал Доггинзу, а от своего слова отказываться неудобно. Другие служительницы тебя не хватятся?

— Нет. Мы можем оставаться, где угодно.

Из-за края эстрады вынырнул Доггинз, и так неожиданно, что оба вздрогнули.

— Прошу прощения, — виновато улыбнулся Доггинз. — Пора идти.

Над дорогой стоял легкий серебристый туман, и тени на фоне взошедшей луны казались живыми. Влажная прохлада воздуха составляла приятный контраст мягкому, обволакивающему внутреннему теплу. Найл шагал впереди, остальные тянулись следом двумя разрозненными вереницами. Шли медленно, поскольку Доггинз — замыкающий — не позволял приближаться к паучьему городу обычным быстрым шагом. Он настаивал, чтобы все прониклись мыслью, что они — усталые рабы, и плелись соответственно. Указаниям Доггинза следовали с такой методичностью, что прошло почти два часа, прежде чем добрались наконец до северной окраины.

Главный проспект казался странно пустым, смутно белеющие полуразрушенные здания смотрелись как пейзаж пустыни. На этот раз ощущения, что за ними наблюдают невидимые глаза, не возникало. Если пауки на них и смотрели, то без любопытства.

Найл с Доггинзом уже согласовали между собой план. Найл подводит их к небольшой площади, где сегодня утром собирали рабов. Там они расстанутся и по двое-трое пробираются своим ходом к казармам, расположенным в трех кварталах к северо-востоку. Там спрячутся в ближайшем заселенном доме и дождутся, пока подтянутся все. Затем поутру начнется главное.

Но уже по приближении к реке Найл начал испытывать первые опасения. Тишина улиц наполняла смутной тревогой. Если рабы не боятся пауков, почему они спрячутся в помещениях?

С главного проспекта Найл свернул налево и через несколько минут привел свою бригаду на площадь. Площадь была пуста, но в домах вовсю кипела жизнь. Слышался младенческий плач, перебранка женщин, крики детей. Найл для вида крикнул:

— Бригада, стой! Разойдись!

Сунув руки в карманы, Доггинз медленно пошел к Найлу и быстрым кивком указал на ближайшую открытую дверь подъезда:

— Пойдем. Хоть что-нибудь перехватим поесть.

От хольбы все проголодались. Когда Найл попытался войти в подъезд, навстречу ему выскочила беременная женщина и, размахивая руками, закричала:

— Места нет, места нет!

Она решительно наступала, и мужчины попятились. Дверь захлопнулась перед самым лицом. Найл и Доггинз переглянулись в удивлении:

— Что теперь?

— Давай пробовать соседнюю дверь.

Но и здесь произошло то же самое. На нижней ступени лестницы, хлебая из чашки суп, сидел чахлого вида человек со впалой грудью и зубом. Едва увидев Найла на пороге, он сказал:

— Прошу прощения, мест нет. Поищите где-нибудь еще.

Не успел Найл подойти, как тот вскочил и уверенно загородил проход. Мелькнула мысль, а не отпихнуть ли его в сторону, но он вовремя понял, что это опасно: привлечет внимание. Кроме того, было видно, что крайняя комната заполнена до отказа.

Доггинз снаружи уже начал волноваться. Вереница из двадцати рабов на совершенно пустой площади смотрелась очень даже подозрительно. Отыскать убежище надо было немедленно, но дома вокруг площади по большей части были также переполнены.

На угловом доме виднелась намалеванная табличка: «К-2». Именно здесь ему указывали искать Морлага, чернобородого надсмотрщика. Найл толкнул дверь; к счастью, никто не кинулся навстречу. Однако едва зашел в коридор, как откуда-то сверху донеслось:

— Пшел вон!

Над перилами появилось лицо. Это был тот самый рыжий, по имени Лоррис.

— Мы только что вернулись. Куда нам теперь?

Лоррис признал давешнего собеседника.

— А, это ты. Ничего, входи. Я думал, это раб.

— Но со мной снаружи еще два десятка. Куда нам податься?

Лоррис пожал плечами.

— Да хоть куда, только чтобы не в то место, где ночевали вчера.

— Это как? — удивился Найл.

— Такой порядок. Рабам нельзя две ночи подряд ночевать в одном и том же месте.

— Почему нельзя?

Лоррис раздраженно развел руками.

— А я почему знаю? Не я здесь законы придумываю.

— Спасибо.

На улице Найл обратился к Доггинзу:

— Здесь лучше не задерживаться. Давай попробуем в другом месте.

— А может, переберемся ближе к казармам?

— Желаеть рискнуть?

— Все лучше, чем здесь торчать. — Доггинз кивнул на аллею, ответвляющуюся от северо-восточного угла площади. — Пойдем вон тем путем.

— Я думаю, лучше все же придерживаться центральных улиц.

Доггинз покачал головой.

— Нет, пойдём кратчайшим путем. Лучше, если ты пойдешь первым.

Найл решил не спорить. Он повел их через площадь к коридору аллеи. Однако в десятке саженей темнота сделалась такой непроходимой, что они вынуждены были остановиться.

— Подожди минуту, я сейчас зажгу свет.

Другой голос — похоже, помощника Мостига:

— Что случилось?

В голосе звучала нарастающая паника.

И тут совершенно внезапно Найла пронзила острая тревога. Ощущение такое, что еще секунда, и произойдет что-то страшное и непоправимое. Найл схватил Доггинза за запястье.

— Думаю, нам лучше вернуться.

— Зачем?

— Делай, как говорю.

Все подчинились, не рассуждая. Через минуту они снова были на площади.

— Где Маркус? — спросил помощник Мостига.

— Маркус? — окликнул Доггинз.

Никто не ответил. В этот миг Найл понял, что непоправимое уже свершилось.

Доггинз двинулся назад в сторону аллеи, клича на ходу Маркуса. Прежде чем он успел шагнуть в темноту, Найл схватил его за локоть, не давая ступить дальше.

— Ты чего? — Доггинз попытался высвободить руку. — Пусти, ради Бога, я не могу оставить его умирать.

Наклонившись к нему, Найл негромко произнес:

— Он уже мертв.

Перед внутренним взором возникло почерневшее тело отца.

— О небо!

Найл почувствовал, как растет страх, и до конца осознал всю степень грозящей им опасности. Его собственной реакцией было максимально сосредоточиться и взять себя в руки. Специально используя свой медальон так, чтобы можно было сильнее излучать свою волю наружу, он наклонился вперед и прошептал на ухо Доггинзу:

— Скажи им, что ты его отыскал. И скажи, что нам пора трогаться.

— Все нормально, он отыскался, — повернулся Доггинз к остальным. — Голос был бодрый, спокойный. — А теперь пошли.

— Построиться, и за мной, — уточнил Найл.

К счастью, никто не стал задавать вопросов. Через несколько секунд они шагали на северо-восток по центру узкой улицы.

Найл был потрясен. У него не закрадывалось сомнения насчет того, что произошло. Всякая попытка человека крикнуть или оказать сопротивление уже заранее была парализована жесткой паучей волей. К этому моменту от тела бедняги, вероятно, мало что осталось. Кстати, даже сейчас опасность не миновала.

Они дошли до конца улицы, выходящей на широкий проезд, вдоль которого безмолвно высились величественные, но почерневшие от времени и обветшалые здания. Напротив громоздилась стена метров десять высотой, наверху щетинились длинные

шипы. Поверхность стены была абсолютно гладкой, словно высеченной из сплошного камня. На вид она казалась такой же неприступной, как отвесная скала. Все озирали стену с унылой безнадежностью; одному Доггинзу, похоже, все было нипочем. На лице у него читалось тайное злорадство: победа близка.

— Что ты думаешь там отыскать? — спросил Найл.

— Взрывчатку, — ответил тот, настороженно покосившись, — и оружие.

— Оружие?

— Именно. Оружие, — произнес Доггинз вкрадчиво и повернулся к остальным. — Ладно, давайте-ка ближе ко мне, и держитесь в тени.

Метров через триста они очутились как раз перед центральными воротами крепости. Огромные монолитные двери, выше самих стен, и тоже унизаны сверху острыми как иглы шипами. По соседству в стене находилась дверь поменьше, из того же тронутого ржавчиной металла. Человек пять из отряда Доггинза поочередно пробовали выдавить ее плечами, но дверь была податлива не больше, чем сама стена.

Еще триста метров, и они уже возле юго-западного угла, граничащего с выводящим к реке проездом. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: западная часть стены так же неприступна, как и остальные. В отличие от зданий на проспекте, эти стены возводились явно на века.

Пройдя вдоль северной части, они неожиданно вышли еще на одни ворота. Тоже массивные, из литого металла, точно с таким же частым рядом безукоризненно острых шипов поверху, но эти были помещены между широкими столбами, каждый из которых венчал большой штырь. Доггинз, остановившись, внимательно изучал столбы.

— Милон, давай веревку, — неожиданно сказал он.

Один из людей стянул с себя серое рубище, под которым оказалась обыкновенная желтая туника слуги жуков, и отвязал обмотанную вокруг пояса веревку. Затем Доггинз достал из кармана металлический крюк наподобие якоря-«кошки», привязал его к концу веревки и, примерившись, бросил вверх. «Кошка» зацепилась за два крайних от ворот шипа. Подергав для верности веревку, Доггинз полез наверх. Вскоре он уже стоял на столбе, придерживаясь обеими руками за штырь, чтобы не свалиться.

Достали еще одну веревку. Ее Доггинз привязал к основанию штыря и сбросил за стену на ту сторону. Через секунду он исчез.

Найл полез следующим. Дотянувшись постепенно до верха, он сумел удержаться ногой на верхушке ворот, после чего, перебирая ногами, утвердился на столбе. Лунный свет падал на виднеющиеся внизу длинные крыши казарм. С этой же точки открывался вид на юг, на реку и небоскребы паучьего города. В лунном свете башня светилась ровным зеленоватым свечением, за ней различалась черная глыба вместилища Смертоносца-Повелителя. Внезапно Найл, проскользнув между штырями, поспешил спуститься вниз, за стену.

Дождаясь остальных, скатывающихся вниз один за другим,

Найл с Доггинзом молча озирали пустынный строевой плац, окруженный длинными, приземистыми солдатскими казармами. Паутины не было видно нигде, а в целых, непобитых стеклах окон поблескивала луна. Что-то в общей атмосфере этого места нагоняло на Найла неизъяснимые одиночество и тоску. Заговорив с Доггинзом, он невольно поймал себя на том, что говорит тихо, словно боясь потревожить тишину.

— Как ты считаешь, почему пауки никогда сюда не забирались?

— А зачем им? Что им здесь делать?

— Получается, здесь ничего не менялось с той самой поры, как люди оставили Землю?

— Видимо, да, — сказал Доггинз, криво усмехнувшись.

В паре саженей слева возле стены что-то смутно белело. Найл подошел взглянуть и наткнулся на человеческий скелет. Очевидно, он лежал здесь очень долго, и от времени и непогоды череп сделался тонким и хрупким. Найл повернулся к Доггинзу.

— Кто-то пытался сюда пробраться.

Доггинз пошевелил кости носком башмака, и некоторые тут же отвалились.

— Знать бы, отчего он помер. — Доггинз задумчиво разглядывал верхушку стены.

— Может, паук догнал?

— Может быть, — не особо вникая, ответил тот.

Оба вздрогнули от судорожного прерывистого поскуливания. До Найла дошло, что доносится оно от кого-то из людей Доггинза, тесно сбившихся возле стены.

— Что случилось? — резко окликнул Доггинз.

— Тут что-то с Кирпианом!

На земле корчился в муках человек, тело отчаянно извивалось. Он пытался что-то выговорить, но боль не давала произнести ни звука. Человек давился, на губах проступила белая пена. Выгнувшись с особой силой, он внезапно обмяк и перестал шевелиться. Глаза закатились, виднелись одни белки. Доггинз пощупал пульс, но и так уже было ясно, что человек мертв. Агония длилась не больше десяти секунд.

Доггинз выпрямился; даже в темноте было заметно, насколько он бледен.

— Кто-нибудь знает, что произошло?

Все лишь угрюмо покачали головами. Было видно, что люди близки к истерике.

Доггинз приподнял правую руку мертвеца и перевернул ее. На тыльной стороне предплечья была царапина около двух сантиметров длиной.

— Вот оно что. Шипы отравлены.

Мысль о том, насколько они были близки к смерти, на некоторое время парализовала всех. Однако Доггинз не мог допустить, чтобы люди поддались страху.

— Пора двигаться. А теперь слушайте меня внимательно. В одном из этих зданий находится арсенал. Мне надо, чтобы вы отыскали, в котором именно.

Найл указал на крайнее здание в северо-восточном углу.

- Мне кажется, что в этом.
- Почему?
- Оно было помечено на карте.

Доггинз с сомнением покачал головой.

— А я думаю, оно походит скорее на канцелярию. Но все равно, давай посмотрим.

Более пристальное изучение показало, что он прав. Действуя плечами как таранами, они взломали дверь, зажгли масляные светильники и разбрелись по зданию. Убранство большинства комнат было примерно одинаковым: столы, стулья, этажерки со множеством полок. Воздух был застойный, как в склепе; к чему ни прикоснись — всюду темная пыль.

Доггинз один за другим выдвигал из стола ящики. Когда выяснилось, что один из них заперт, он вынул нож и, нетерпеливо тряся лезвием, расщепил зазор по широкой щели. Лезвие сломалось, но Доггинз довольно хмыкнул: ящик открылся. Он оценивающе взвешивал на ладони какую-то длиннотельную штуковину.

- Что это?
- Бластер системы Флекноу.
- Что он делает?
- Излучает чистую энергию. Смотри.

Сверкнула беззвучная голубая вспышка (Найл от неожиданности подпрыгнул), и из ствола метнулась прерывистая нить света. Почти тотчас запахло нагретым металлом и озоном. Бластер проделал в стене аккуратное круглое отверстие диаметром около пяти сантиметров.

— Как ты догадался, что он здесь?

— Просто наугад. Это уже не первая казарма, где мне доводилось бывать. — Доггинз бережно похлопал по оружию. — С таким нам никакой паук не страшен.

— Это и есть то самое, что ты рассчитывал отыскать?

— Да, в том числе.

В проходе показался Милон.

— Здесь ничего нет, сэр. Просто канцелярия, как вы и полагали.

— Ты уверен, что арсенал располагается именно здесь? — спросил Доггинз.

Вместо ответа Найл закрыл глаза. Он не пытался особо припомнить схему расположения казарм — в данный момент не это было главное, — но перед внутренним взором по-прежнему виднелась надпись «Арсенал» в северо-восточном углу плана.

— Да, абсолютно уверен.

Доггинз покачал головой.

— В таком случае план специально был составлен для дезинформации.

— С какой стати?

— В двадцать первом веке на воинские части очень часто нападали политические террористы. Вот почему, кстати, сюда так сложно проникнуть.

— Но в таком случае они, конечно же, позаботились укрыть арсенал понадежнее?

Доггинз щелкнул пальцами.

— Слушай, а ведь и в самом деле! Вот он, ответ. Под землей. — Он повернулся к Милону. — В этом месте есть подвал?

— Да, только он заперт.

— Покажи.

Милон провел их по коридору и стал спускаться по лестнице.

В самом низу находилась обитая стальными листами дверь. Ручка, естественно, не поддавалась. Доггинз подставил к ней бластер и нажал на спуск. Дверь отлетела, веером посыпались брызги расплавленного металла.

Однако, судя по помещению, здесь находился архив. Длинные ряды полок, ящики с бумагами, кассеты с микропленкой. Доггинз распорядился разойтись и осмотреть стены в поисках тайного хода, но продолжительный поиск не увенчался успехом.

— Пожалуй, ты прав, — определил Доггинз. — С казармами в центре города они не могли рисковать. Не спрячь они оружейные склады понадежнее, одна бомба террориста смела бы их с лица земли. Единственное, что имело смысл, это построить их под землей.

При этом Доггинз удрученно посмотрел на пол. Найл снова закрыл глаза и попытался мысленно воссоздать план.

— Надпись «Арсенал» была не на самом здании, а где-то впереди, — сказал он.

— Ну-ка пойдем, покажешь.

Во дворе Найл указал на квадрат возле северной стены.

— Где-то здесь.

— Так, — сказал Доггинз, оживленно обернувшись к остальным. — Ищем какой-нибудь вход, возможно, потайную дверь. Расходимся цепочкой и топаем, топаем ногами, пока кто-нибудь не почувствует полый звук.

Найл наряду с другими тоже взялся протопывать площадь в сорок квадратных метров. Покрытие под ногами было гладким и черным, минут через десять свело обе ступни. Доггинз ползал на четвереньках, пытливо выискивая хоть какую-нибудь щель; чувствовалось его растущее беспокойство. У остальных усердие тоже постепенно шло на убыль.

— Ищи мы сейчас воду по лозе, мой прадед в две минуты все бы решил, — вздохнул поблизости помощник Мостига. — На этот счет ему не было равных во всей округе.

Найлу неожиданно вспомнилось, что ведь и ему самому не раз доводилось отыскивать скрытые подземные ключи; для жителя пустыни такая способность была напрямую связана с выживанием. Джомар, так тот мог даже чувствовать, где в норе скрывается грызун. Вынув из кармана трубку, Найл раздвинул ее.

— Что это у тебя? — с любопытством спросил Доггинз.

— Волшебная палочка, — улыбнулся Найл.

Металл чуть пощипывал кончики пальцев. Обхватив оба конца трубки сжатыми кулаками, Найл повернул руки ладонями наружу, отчего трубка пружинисто согнулась, как мощный лук. Затем, вытянув перед собой руки параллельно земле, он медленнее тронулся вперед, закрыв для большей сосредоточенности глаза. Дойдя до стены здания, Найл повернулся и двинулся по

диагонали. В десятке метров от стены лук с неодолимой силой стал распрямляться. Найл остановился и указал себе под ноги:

— Вот здесь что-то есть.

— Огня сюда! — велел Доггинз.

Они опустили на корточки и самым дотошным образом принялись изучать твердую гладь асфальта.

— Ты уверен, что это именно здесь?

— Да. — Трубка свидетельствовала красноречивее слов.

— Ладно. — Доггинз поднялся. — Отойди-ка.

Он направил бластер вниз и нажал на спуск. С сыпучим треском полыхнул призрачно-голубой трезубец огня, воздух наполнился запахом озона с удушливой примесью гари, исходящей от чадающего асфальта. Покрытие на глазах просело, затем растаяло. Белый дым курился над шипящими, пузырящимися краями округлой дыры в два метра шириной. Найл, ощущая, как сильно нагрелась земля под ногами, подошел к стоящему у самой дыры Доггинзу. Опущенный вниз масляный светильник выхватил из тьмы крутой пролет уходящей вниз бетонной лестницы.

Доггинз велел раздобыть какого-нибудь тряпья. Люди возвратились, неся большие охапки заплесневелой, расплзающейся ткани; ею обернули оплавленные края. Затем опустили в нее Доггинза, обвязав его веревкой. Следом полезли Найл и Милон.

Под слоем асфальта находилась широкая потайная дверь, подпертая покореженными стальными балками, каждая толщиной сантиметр десять.

— Интересно, как это все удавалось поднимать? — недоуменно спросил Найл. — Здесь же веса не меньше полутонны.

— А ее, видно, вверх и не поднимали. Дверь утоплялась вниз. Выключатель, должно быть, где-нибудь в штабном корпусе. — Доггинз осмотрительно обогнул лужу гудрона, застывшую на ступенях. — Всем за мной и глядеть в оба. Здесь ловушек, судя по всему, уйма.

— В таком случае пустите-ка вперед меня, я воспользуюсь этой штуковиной. — Найл вытянул перед собой раздвижную трубку.

— Пожалуй. Только ради Бога будь...

Договорить он не успел. Найл собрался было сойти с последней ступеньки, но тут раздался щелчок, сопровождаемый глухим стуком. Что-то неуловимо мелькнуло перед глазами, и Найл оторопело обнаружил, что стоит, уставясь на цельнометаллический барьер, в мгновение ока перемкнувшийся коридор от стены к стене. Не было сомнения: занеси Найл ногу над этой чертой, и его бы расплющило в лепешку или рассекло надвое, словно гигантским топором.

Вместе с тем нагнетаемое медальоном самообладание было таким сильным, что Найл только чуть струхнул; мозг отозвал приток адреналина уже до того, как тот достиг кровеносной системы.

Трубку он пытался вытянуть уже твердой рукой, но та была словно в тисках.

— Теперь понял, о чем я? — сухо сказал Доггинз (а у самого в лице ни кровинки). — Отойди.

Бластер он направил на край барьера, пониже трубку. Озаренное голубоватым сполохом замкнутое пространство на миг уподобилось колдовской пещере. Видя, как дверь накаляется вначале докрасна, а затем и добела, все опасливо подались назад, поднявшись на несколько ступеней. Вниз скатилось несколько капель расплавленного металла, затем образовалось отверстие размером с кулак. Послышался щелчок, и барьера не стало. Мелькнув едва уловимой рябью, он исчез в стене, опередив даже раздвижную трубку, упавшую секундой позже.

Найл снова вытянул трубку на расстояние вытянутой руки. На этот раз ничего не произошло. Какой бы механизм ни управлял барьером-лезвием, он вышел из строя от жары.

Еще метров сорок, и они очутились перед тяжелой, напоминающей тюремные ворота решеткой. Вид у нее был грозный, но под лучом бластера замок продержался лишь пару секунд. В десяти метрах под лестницей находилась еще одна стальная дверь, массивная, с замком-шифром. Доггинз поднял бластер, но, передумав, медленно опустил.

— Нет, с этой поступим аккуратно.

Найл восхищенно наблюдал, как тот прикинул ухом к диску, затем кончиками пальцев стал аккуратно двигать ручку. Минут через десять послышалось несколько щелчков, и Доггинзу удалось отворить дверь. Вот тогда-то они поняли, насколько прозорливо поступил Доггинз, решив не использовать бластер. Прямо за дверью чуть ли не вплотную стояли красные ящики с черепом и скрещенными костями.

Видимо, они представляли собой последний барьер. Когда их в конце концов перетаскали и оставили в коридоре, в колеблющемся пламени светильников выявился длинный, с низким потолком каземат, полный деревянных ящиков и металлических коробок. Люди стояли при входе, подняв над головой светильники. Найл мельком взглянул на лицо Доггинза. Глаза у него светились одухотворенно, как у человека, достигшего своей жизненной цели.

— Ты знал, что это место существует? — спросил Найл с любопытством.

Доггинз вздохнул, словно очнувшись от сна.

— Слышал кое-что. Но на самом деле не очень во все это верил. Боже, здесь припасов хватит на настоящую войну.

Он двинулся вперед, вглядываясь в наклеенные на ящиках ярлыки.

— Ракеты, зажигательные бомбы, касетные заряды, атомные гранаты...

Найл повернулся к Милону:

— Давай веди остальных.

Когда Милон удалился, Найл нагнал Доггинза, светильник которого теплился где-то в дальнем конце каземата. Он застал Доггинза сидящим на ящике с боеприпасами с опущенными между колен руками.

— С тобой все в порядке?

— Да... А что?

— Вид у тебя не совсем здоровый.

Доггинз медленно повел головой из стороны в сторону.

— Нет, я не болен. Просто... жутковато как-то от всей этой мощи. — Доггинз не мигая смотрел перед собой. Найл опустился возле него. — Ты знаешь, что она в себе таит? Это мощь, способная переделать мир. Обладая которой можно творить, что захочешь...

— И свергнуть пауков?

— О да, даже это.

Найла охватила растерянность.

— Я не понимаю. Ведь порох был у вас всегда?

— Да что порох! — усмехнулся Доггинз. — Ты вот это видишь?

Он указал на штабель черных металлических ящичков, каждый сантиметров пять толщиной и тридцать длиной. Сверху на стене виднелся ярлык с надписью: «А. Л. Р.».

— «А. Л. Р.» — это что такое?

— Автоматический лазерный расщепитель. — Доггинз подошел к штабелю, снял верхний ящичек и открыл его. — Больше известный как «жнец».

— Да, приходилось слышать.

Доггинз задумчиво смотрел в ящичек. Протянув руку, он извлек оттуда оружие. Размеры разочаровывали: миниатюрное, просто игрушечное. Черное, сантиметров пятьдесят длиной, с коротким деревянным ложем и коротким, сильно укрепленным стволом. Под стволом — плавно изогнутая рукоятка.

Не выпуская оружия из рук, Доггинз стал изучающе его рассматривать.

— Ты прежде такое видел? — поинтересовался Найл.

— Исправное — нет.

Остальные ждали у дверей.

— Идите сюда, — позвал Доггинз, — хочу вам кое-что показать.

Оружие, покачиваясь, висело стволом вниз на заплечном ремне.

— Интересно, кому-нибудь из вас могло бы прийти в голову, что перед вами самое губительное оружие всех времен?

— Страшнее водородной бомбы? — изумленно воскликнул Милон.

— Гораздо. Водородную бомбу из-за ее тупой силы никто не осмеливался применять. Этой же штучкой, в зависимости от надобности, можно слизнуть и отдельного человека, и целую армию.

— Она мощнее твоего бластера? — спросил Милон.

— Безусловно. И куда более точное. Недостаток бластера в том, что его луч рассеивается, поэтому оружие действует до сотни метров, не больше. У этой же штучки радиус действия две мили.

— Не слишком ли? — усомнился Найл.

— Нет, потому что его можно регулировать. Этот рычажок позволяет увеличивать и уменьшать радиус действия. Если поставить на ноль, оружие вообще не выстрелит. Единица, и радиус действия составит двадцать метров, и так далее, до десятой отметки. Если требуется снести стену, а оружие стоит на «десять»

ке», кончится тем, что в руины обратится полгорода. — Доггинз повернулся к подручному Милону: — Уллик, раздай по штуке каждому. Затем надо будет, чтобы все поупражнялись с рычагом диапазона. И зарубите себе на носу, что оружие никогда — слышите, никогда — нельзя наводить на человека, если только его не требуется убить.

При слове «убить» у Найла внутри что-то болезненно сжалось. Не от самого слова, а от того, как произнес его Доггинз — так, будто речь шла о чем-то совершенно заурядном, обыденном.

А Доггинз тем временем изучал другие отсеки склада. Он отыскал где-то лом и в пару приемов взломал длинный деревянный ящик-футляр. В ящике лежали длинная металлическая труба и несколько продолговатых тупоносых снарядов. Доггинз хохотнул от удовольствия, подкинув один из них на руках.

— Взгляни на этого красавчика.

— Что это?

Доггинз указал на трубу.

— Таран Бродского. Самое эффективное противотанковое оружие всех времен. Прошибает фактически все в радиусе мили. — Он ласково посмотрел на снаряды. — Такой штукой можно пробить дыру и в десятиметровой стене.

— А это что? — спросил подошедший Милон. У него в ладонях была пригоршня блестящих металлических шариков, каждый не больше сантиметра в диаметре.

— Зажигательные бомбы. Много их там?

— Дюжина ящиков.

— Хорошо. Проследи, чтобы каждый набрал себе полные карманы. И готовьтесь к отходу.

Доггинз аккуратно накрыл футляр крышкой.

— Можно тебя кое о чем спросить? — обратился к Доггинзу Найл.

— Валяй.

— Когда мы выходили вечером, ты надеялся отыскать жнецы?

— Разумеется.

— Так вот, что тебя заставило изменить решение?

— Какое решение?

— Ну, выступить против пауков.

Доггинз покачал головой.

— Я не намерен выступать против пауков. Это, — он взвесил жнец на ладони, — не для боя. Это для торга.

— Какого именно?

— Насчет свободы.

— Но разве?..

— Свободы от посягательства, — перебил Доггинз. — Почему, думаешь, мы пользуемся масляными светильниками, а не электрическими фонарями? Почему я всякий раз тру это треклятое огниво вместо того, чтобы пользоваться спичками? Из-за пауков.

— Я не думал, что они как-то ущемляют жуков.

— Как сказано в Договоре Примирения: «Ни одному из слуг жуков не будет позволено использовать или создавать механизмы». Так что ни моторов, ни компьютеров, ни даже

механических часов. И вот так уже два с лишним столетия.

— А что они сделают, если вы отклонитесь от Договора?

— Очевидно, пойдут войной и не успокоятся, пока не уничтожат всех нас.

— Они могут вас уничтожить?

— Запросто. Когда Договор только заключался, пауки и жуки по численности были примерно равны. Теперь пауки превосходят жуков в тысячу раз.— Доггинз, ослабившись, погладил жнец.— Но с этой штуковиной мы сменим пропорцию на обратную.

Милон, подойдя, поднял приветственно руку.

— Мы готовы, распорядитель.

— Хорошо. Поднимай всех на плац, и дожидайтесь меня.

— Что случилось бы, отыщи пауки это место? — поинтересовался Найл.

— Какая разница. Им все равно сюда не пробраться.

— Тебе не следует недооценивать Каззака.

— Я про это ничего не говорил.— Они приблизились к двери.— Помоги стащить ящики.

Они поставили на прежнее место ящики со взрывчаткой, вынесенные в коридор. Когда водрузили последний, Доггинз затворил массивную дверь и провернул диск замка-шифра. Затем взмахнул ломом и орудовал им до тех пор, пока искореженный диск не слетел на пол.

— Вот так. Пускай теперь Каззак попробует открыть. Как бы потом жалеть не пришлось.

Когда поднимались по бетонным ступеням, Доггинз остановился и положил руку Найлу на предплечье.

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— Да?

— Знаешь... Спасибо, что помог выйти на это место. Может, когда-нибудь я смогу тебе пригодиться.

— Ты уже это сделал,— улыбнулся Найл.

Доггинз повел людей к задним воротам. По дороге он вынул из кармана бластер.

— Хочу вам кое-что показать. Смотрите.

Он направил бластер в центр металлической створки ворот и нажал на спуск. Из ствола вырвался голубой просверк-молния, запахло нагретым металлом, но он, к удивлению, плавиться не собирался. Доггинз опустил бластер.

— Этот особый тугоплавкий металл называется латрикс — специально против террористов. Вся стена сделана из такого материала. А теперь смотрите.

Он сдвинул на жнец предохранитель, затем направил оружие на ворота. Мелькнувший из ствола тонкий голубой луч напомнил светящийся изнутри стеклянный прутик. Там, где он упирался в ворота, в металле появлялась дырочка. Доггинз небрежно водил жнецом. Несколько секунд, и он вырезал в воротах небольшой квадрат. Тот вывалился наружу с тяжелым грохотом,

подчеркивающим его нешуточный вес. Толщина металла, судя по всему, была около десяти сантиметров.

— Гасите светильники, — скомандовал Доггинз, — и все за мной. Оружие держать наготове, но без приказа не стрелять.

Неожиданно все остановились как вкопанные. Найл подумал, что люди просто осваиваются в темноте, но тут до слуха донесся мягкий, приглушенный стук. Когда из-за тучи показалась луна, люди увидели поджидающих их пауков. Они стояли на той стороне мостовой и походили на черные изваяния. Свет луны отражался в невозмутимых глазах. Вот один двинулся в их сторону, и Найл понял, что настало время действовать. Он поднял жнец и нажал на спуск. Ничего не произошло. Найл понял, что забыл снять оружие с предохранителя. Сдвинул большим пальцем ограничитель вперед и снова нажал.

Паук исчез. Исчезло и дорожное ограждение за ним, а заодно и большая часть фасада соседнего здания. Мгновенно воцарившаяся тишина была пугающей и неестественной.

Другие пауки — их было примерно шестеро — по-прежнему стояли неподвижно, только теперь это была неподвижность шока. Их сила воли лопнула как мыльный пузырь в тот момент, когда исчез первый паук. Они были словно связаны меж собой незримой пуповиной, и гибель одного эхом сказалась на других. Вот почему, направив оружие на них, Найл не сделал попытки стрелять. Их беспомощность действовала обезоруживающе.

Пока он колебался, сквозь тьму упруго хлестнул другой луч и ударил ближайшего паука, затем сместился вбок и срезал остальных прежде, чем они успели пошевелиться. Эффект одновременно и зачаровывал, и вызывал дурноту. Луч рассек их напополам, словно громадный нож, раскромсав еще и стоящее сзади ограждение. Спустя секунду воздух наполнился смрадом жженой плоти. Верхние половины паучьих туловищ скатились в канаву, а ноги и нижняя часть осели на мостовую. Все произошло очень быстро, почти молниеносно.

Доггинз опустил жнец. Кивнул на оружие Найла:

— Ты слишком вздернул ограничитель.

— Вижу.

— Но все равно спасибо.

Все как по команде обступили Найла. Кто лез обниматься, кто тряс руку, кто восторженно колотил по спине, да так, что Найл невольно поморщился. Такая бурная благодарность ошеломляла — люди как бы вымещали ею пережитый ужас.

— Ладно, хватит, — сказал Доггинз, — надо трогаться.

Он снял оружие с предохранителя. Когда нажал на спуск, Найл невольно зажмурился. Открыв глаза, увидел, что останки пауков исчезли, на их месте в мостовой образовалась неглубокая воронка.

— А не лучше будет остаться в крепости до наступления дня? — спросил Найл.

— Да, но только не в крепости. Они первым делом сунутся туда. Лучше отыщем подвал где-нибудь в другом месте.

На мостовую упали первые капли дождя. В разгулявшейся мгле люди не могли даже различать друг друга. Так и брели,

сбившись в кучу и поминутно друг на друга налетая. Порыв промозглого ветра указал, что вышли на угол улицы. Доггинз спросил у Найла:

— Ты примерно прикидываешь, где мы сейчас находимся?

— В той стороне городской зал собраний.

— Хорошо, давай к нему.

В проблеске лунного света стала видна идущая на север улица. Паутины не было, поэтому шли не таясь, прямо по середине проезжей части.

Не успели пройти и полквартила, как Доггинз сказал:

— Здесь стоп. Сейчас посмотрим — может, подвал где отыщется.

Они дожидались, зябко ежась на ветру. Минуту-другую спустя ниже уровня мостовой показался желтоватый язычок огня, следом польхнула голубая вспышка бластера, и раздался голос Доггинза:

— Порядок. Заходите сюда.

Он ждал у лестницы, ведущей вниз, в полуподвал. Дверь была открыта. Когда все вошли, дождь хлынул как из ведра. Порыв ветра подхватил открытую дверь и резко захлопнул ее за ними.

Огонек светильника осветил большую меблированную комнату. Пол был покрыт ковром; стояли столы, массивные кресла и книжный шкаф со стеклянными дверцами. Когда-то это была уютная квартира. Теперь же здесь пахло пылью, плесенью и распадающейся штукатуркой. Тем не менее шум дождя на мостовой, сотрясающий окна ветер вызывали у всех уютное чувство защищенности от непогоды.

Шторы на окнах были из тяжелого гладкого материала. Задержав их, Доггинз позволил запалить все светильники. Тяжелое кресло подставили вплотную к двери, чтобы не распахнуло ветром (замок был безнадежно сломан бластером). Затем устроились как могли и стали дожидаться рассвета...

Найл проснулся первым. Посмотрев вверх через заграждение, он различил лучи солнца, и в груди тревожно екнуло: светильник-то, оказывается, всю ночь было видно с улицы! Минут пять Найл стоял, пристально вглядываясь в блеклое предрассветное небо.

— Скоро совсем уже рассветет, — сказал Найл, заметив, что Доггинз тоже не спит.

— И слава Богу. — Доггинз, потянувшись, зевнул и хлопнул в ладоши: — Хватит спать, ребята, подъем! Повезет — к завтраку будем уже дома. — Он подошел к ближайшему окну и выглянул за штору. — Выходим через десять минут.

Люди, вставая, протирали глаза. Желания вылезать в тревожный предрассветный сумрак не было ни у кого.

— Сейчас тронемся, — заговорил Доггинз. — Но, прежде чем это сделаем, хочу кое-что сказать, причем отнеситесь к моим словам так, словно речь идет о вашей жизни и смерти. Так вот. — Он поднял жнец. — Это оружие шутя сладит с любым пауком. Держа его в руках, можно смело выходить навстречу каким угодно полчищам. Но помните: для людей оно опасно не менее чем для пауков. Поэтому, если на нас нападут, не паниковать.

Держать себя в руках и не давить на спуск, прежде чем не нацелишься. Никакого риска.

И вот еще что. Вы, вероятно, боитесь, как бы паук не парализовал волю прежде, чем нажмете на спуск. На этот счет я хочу сказать вам кое-что, о чем прежде не заговаривал. Я давно уже понял, что сила воли у пауков не такая уж необоримая, как мы себе представляем. В сущности, ошибка — называть ее силой воли. Это скорее сила резкого окрика. Почему, скажем, вы подчиняетесь мне, когда я отдаю приказ? Ведь я вам рук не выкручиваю. Вы просто сжились с мыслью, что приказы отдаю я. Допустим, сейчас кто-нибудь встал бы у вас за спиной и рывкнул в самое ухо: «Встать, руки за голову!» Возможно, вы бы и подчинились, но не из-за силы воли. Вы подчинились бы, потому что привыкли выполнять приказы. А теперь скажу, какие у меня на этот счет мысли. Парализуя волю, паук на деле выстреливает луч навязчивого предложения, и луч этот действует на подсознание. Это, можно сказать, своего рода гипноз. Но влиянию гипноза можно сопротивляться. А с такой вот штуковиной в руках, черт побери, тем более. Поэтому, когда в следующий раз паук попытается парализовать вашу волю, не давайтесь. Деритесь. Внушите себе, что бояться нечего.

Ладно, достаточно. Когда откроем дверь, я пойду первым, а там уже выходите по одному. Найл, пойдешь замыкающим. Оружие поставите на единицу, но без моей команды не стрелять. Криспин, отодвигай кресло. А ты, Милон, открывай дверь.

— Стой... — проговорил Найл, почувствовав, что сейчас произойдет. Это напоминало едва уловимое дыхание ветра, предвестие урагана. Найл инстинктивно сжал волю, словно готовясь принять удар.

В дверь толкнули с такой силой, что тяжеленное кресло, даром что вплотную припертое к дверной ручке, юзом отъехало в сторону. Найл спокойно дожидался, сжав пальцем спусковой крючок. Мельком глянул на Доггинза. Лицо у того перекосилось до краев от мучительного напряжения, губы топорщились над стиснутыми зубами. Он походил на атлета, пытающегося поднять огромный вес. Вот рука у него дернулась, и из дула вырвался голубой сполох, прорезав спинку кресла и дверь. Спустя секунду в расширившийся проем пальнул и Найл.

Нагнетаемая тяжесть мгновенно исчезла, освобождая от невидимых пут. Найл, едва не потеряв равновесие, кинулся вперед и пихнул кресло обратно к двери. Доггинз повернулся к людям с широкой улыбкой:

— Порядок, парни, один-ноль в нашу пользу!

Голос, правда, был напряжен, прерывался. Лицо неожиданно посерело, качнувшись, он пошатнулся и тяжело сел.

— С тобой все в порядке? — встревоженно спросил Найл.

— Все прекрасно. Дай мне минут пять, и будем готовы к отходу.

— Ты собираешься выйти? — изумился Найл.

— А то как же! Нам что, весь день здесь торчать?

Доггинз закрыл глаза и запрокинул голову. Крючковатый нос придавал заострившемуся лицу мертвенное выражение.

В течение пяти минут никто не обмолвился меж собой ни словом. Держа оружие наготове, все смотрели на дверь. Послышался короткий скрип, следом донесся звук шагов, кто-то спускался по лестнице. В дверь постучали, и знакомый голос произнес:

- Смею ли войти?
- Это Каззак, — догадался Найл.
- Ты один? — спросил Доггинз.
- Да.

Доггинз сделал знак Уллику, и тот, сдвинув кресло, приотворил дверь. Входя в комнату, Каззак с улыбкой поклонился.

— Я Каззак, управитель. — Он наделил Найла приветливо-ироничной усмешкой. — Догадывался, что застану тебя здесь. А это, очевидно, господин Доггинз? Можно ли присесть?

Кто-то поспешил подтащить кресло. Было заметно, что величавость Каззака, а также явное отсутствие страха произвели впечатление на молодых людей. Каззак с достоинством опустил ся в кресло. Доггинз тоже сел.

— Я выступаю как посланник пауков, — отрекомендовался Каззак. — Сюда я пришел, чтобы передать вам их предложение. Они просили сказать, что вы совершенно свободны и можете идти.

Его слова вызвали замешательство. Доггинз не верил своим ушам.

- Ты хочешь сказать, что мы можем отправляться домой?
- Именно. Только с одним условием. Вы должны сдать свое оружие.

Доггинз размашисто мотнул головой.

— Ни за что.

Каззак, казалось, был слегка удивлен.

— Позвольте спросить, почему?

— Потому что я им не доверяю, — отозвался Доггинз. — Нам не удастся выбраться из этого места живыми.

Каззак покачал головой.

— Вы ошибаетесь. — Он сказал это с глубокой убежденностью, и Найл понял, что говорит он вполне искренне. — Если вы сдадите оружие, пауки пойдут на компромисс с жуками-бомбардирами. А потом это уже будет для них делом чести. Безопасность вам будет гарантирована. У них нет желания начинать войну.

Найл перебил его:

— Если мы сдадим оружие, им и не потребуется ее начинать. Нас просто уничтожат в любую минуту, вот и все.

Каззак кивнул.

— Логично. Но я абсолютно уверен, что они выполнят свое обещание.

- Откуда у вас такая уверенность? — осведомился Доггинз.
- Я убежден, пауки хотят мира.
- Боюсь, наш ответ будет отрицательным.

Каззака его слова не удивили. Некоторое время он напряженно думал, хмуро уставясь в пол.

- Получается, вы собираетесь уничтожить пауков?
- Нет. Мы хотим мира.

— Они и предложили вам мир.

— Но на их условиях. Если мы сдадимся, они могут передумать.

— Я полагаю, что вы заблуждаетесь. Тем не менее позвольте предложить еще и такой вариант. Допустим, мы приходим к соглашению уничтожить это оружие, чтобы им не владела ни одна из сторон. Вы пошли бы на это?

Доггинз долгое время взвешивал его предложение, затем покачал головой.

— Нет.

— Осмелюсь спросить, почему?

— Потому что, пока оно у нас в руках, мы можем чего-то требовать. За него заплатились жизнью трое наших людей. Разве это можно сбрасывать со счетов?

— Оно стоило жизни и семерым паукам. Почему бы не считать, что вы квиты?

Доггинз ровным голосом ответил:

— По очень простой причине. До этого момента ты был раб и я раб. А вот теперь нас рабами уже не назовешь.

— Я не чувствую себя рабом.

Замечание Доггинза уязвило Каззака.

— И все же ты раб, точно так же, как я раб жуков, — упрямо качал головой Доггинз.

— Неужто пауки хуже жуков?

— Намного, — вмешался Найл. — Когда я прибыл в паучий город, я разговаривал с твоим племянником Массигом. Он абсолютно убежден, что пауков ему бояться нечего. Думает, что следующие двадцать лет будет им преданно служить, а те в награду отправят его отдыхать в великий счастливый край. Даже рабы полагают, что им ничего не грозит. И только нынче ночью до меня дошло, как все обстоит на самом деле. Рабов все время перегоняют с места на место, им даже ночевать не разрешается две ночи подряд под одной и той же крышей. Поэтому, когда раба съедают, никто не замечает этого.

Каззак слушал учтиво, но тесно сжатые губы выдавали нетерпение.

— Для меня это не новость.

— Тем не менее вы по-прежнему верите паукам?

Каззак двинул плечами.

— На данный момент у меня нет альтернативы. Они хозяева положения. Мне что, доложить им, что хозяевами хотите быть вы?

— Зачем хозяевами? Просто равными, — поправил Доггинз.

Каззак встал.

— Позвольте мне уйти и обдумать, что можно предпринять.

Он пошел к двери, Уллик с Милоном оттащили в сторону кресло. Возле двери Каззак повернулся к ним.

— Вы не дадите мне хоть одно из ваших орудий? Просто как доказательство ваших добрых намерений?

Доггинз хлопнул жнец.

— Увы, нет. Нас всех здесь смогут пожечь, не успеем и глазом моргнуть.

— Неужели у вас не найдется никакого задатка для сделки? Чтоб можно предъявить как залог добрых намерений?

Доггинз вынул из кармана бластер.

— Это подойдет?

— Очень хорошо. — Каззак взял оружие и опустил в карман тоги. — Я возвращу через несколько минут.

Когда дверь за ним закрылась, Найл спросил:

— Ты считаешь, что разумно сейчас поступил?

Доггинз с улыбкой пожал плечами.

— А почему бы и нет? Это так, детский пугач в сравнении с тем, что есть у нас. Да и мощностность у него уже не та. Я обратил внимание, когда распиливал замок. Там зарядов уже немного.

— Можно спросить? — подал голос юноша по имени Космин.

— Конечно.

— Я не сомневаюсь в твоих словах, но неужели так уж плохо согласиться на их условия?

— И я хотел спросить то же самое, — вставил Милон.

— Мы, скажем, согласились бы уничтожить жнецы, — продолжал Космин, — а они договорились бы с жуками. Наверное, все от этого только выиграют?

Еще кто-то заметил:

— Пока оружие у нас в руках, они не перестанут нас преследовать.

Доггинз кивнул.

— Да, это так, Гастур. Но пока оно у нас, мы можем им угрожать. А как только сдадим его или допустим, чтобы его уничтожили, — все, мы целиком зависим от их милости.

— Ты думаешь, нам удастся выбраться отсюда живыми, если мы ни в чем им не уступили?

— Да, удастся, — твердо сказал Доггинз. — По двум причинам. Во-первых, мы сильнее их. Во-вторых, им это известно. Вот почему они послали Каззака к нам на переговоры. Было глупо лишиться этого преимущества.

— У них может быть и другая причина, — озадаченно заметил Найл.

— Какая же? — с любопытством взглянул Доггинз.

— Протянуть время.

В дверь постучали, и голос Каззака спросил:

— Смею ли войти?

Милон отодвинул кресло, и Каззак протиснулся мимо него. На этот раз проходить он не стал. На лице, похоже, признаки беспокойства. Откашлявшись, Каззак заговорил:

— Прежде всего пауки умоляют меня обратиться к вам еще раз. Они подчеркивают, что желают исключительно мира. Им было бы даже на руку, чтобы вы возвратились в город жуков с оружием, лишь бы только обещали, что уничтожите его там на месте. — Он зачистил, видя, что Доггинз собирается перебить: — Видите ли, они не совсем доверяют людям. Я не в том смысле, что не верят вашему слову; просто они считают, что пока у вас на вооружении имеются жнецы, мир будет непрочным. В людях почему-то живет неистребимая тяга переступать закон и разрушать. Поэтому рано или поздно ваше оружие окажется непре-

менно направленным против них. Я сам человек и вынужден сознаться, что их опасения справедливы. Так ведь?

Доггинз решительно покачал головой.

— Прошу прощения, Каззак. Мы ни на каких условиях не расстанемся со жнецами. Если нам не дадут пройти свободно, мы будем вынуждены прорываться с боем. И если придется, то распылим с десятков тысяч пауков — я имею в виду, распылим в буквальном смысле.

Каззак протяжно вздохнул.

— В таком случае мне придется выложить вторую часть послания — и уверяю, излагать ее мне так же неприятно, как вам выслушивать. Я посланник, только и всего. Они просили передать, что будут считать мать и брата Найла заложниками... — Каззак сделал паузу; чувствовалось, насколько он взволнован. — Они также просят передать, что ими захвачен город жуков-бомбардиров и все ваши семьи тоже оказались заложниками. Если вы сдадите оружие или согласитесь его уничтожить, они будут освобождены. Кроме того, мать и брат Найла, да и все, кого он сочтет нужным, смогут беспрепятственно перебраться в город жуков. — Он склонил голову. — Вот это я и хотел передать.

Доггинз побагровел, на лбу вздулась жила.

— Если эти ублюдки тронут хоть кого-то из наших, клянусь, что порешу всех раскоряк в этом городе, до единого!

Взгляд у него был такой свирепый, что Каззак отвел глаза и, кашлянув, произнес:

— Я могу лишь повторить то, что сказал. Они не хотят никого трогать. Они желают только мира. Благополучие ваших семей идет в обмен на жнецы.

Найл посмотрел на Доггинза. В его беспомощном гневе чувствовалась растерянность. Доггинз явно не знал, что предпринять. Найл коснулся его руки.

— Нам бы обсудить это между собой.

Каззак облегченно улыбнулся:

— Уж я прошу вас, обсудите. Вас никто не торопит. Может, мне лучше подождать снаружи?

— Да, это бы лучше всего, — поспешно кивнул Найл.

Каззак церемонно поклонился, поблагодарил улыбкой Милона за то, что тот открыл дверь, и, пятясь, вышел. Пока шаги не смолкли, никто не произнес ни слова. В воцарившейся тишине чувствовалось растерянное смятение.

— Ну что ж. Вот, похоже, и все, — выговорил Доггинз блеклым голосом. А Найл повернул медальон к груди, и от чувства глубокой сосредоточенности обреченность исчезла.

— Ты думаешь сдаваться?

Доггинз передернул плечами.

— А ты, никак, видишь иной выход!

— Да. Не принимать их условий.

— Как мы пойдем на такой риск? Они же сразу погубят наши семьи!

Найл окинул взглядом остальных. Видно было, что они разделяют мнение распорядителя.

— Послушайте меня, — сказал он. — Я понимаю ваши чувства, моя семья тоже в заложниках. Но будет ли толк в том, что мы сдадимся? Вы не верите паукам. Поставьте-ка себя на место Смертоносца-Повелителя. Вы уже раз одержали над ним верх. Нет гарантии, что этого не произойдет еще раз. Чтобы этого не допустить, надо уничтожить вас и ваши семьи. Думаете, он усомнится, окажись вы в его милости?

Слова повергли всех в нелегкое раздумье, и он поспешил продолжить:

— А представьте, что вы откажетесь сдаться. Они действительно могут исполнить угрозу насчет заложников, но при этом наперед должны знать, что вы не успокоитесь прежде, чем не лишите жизни сотни пауков, в отместку за каждого погибшего. Пока у вас есть оружие, вы владеете силой, лишить которой вас могут только вместе с жизнью. Зачем бездумно отдавать себя на милость пауков? Можно с таким же успехом просто подставить голову под топор: берите, рубите! — Он повернулся к Доггинузу: — И откуда тебе известно, правду ли они говорят? Город жуков что, совершенно незащищен?

— Конечно, защищен. Но его можно захватить, особенно если ринуться внезапно.

— И это так легко?

Доггинз мрачно ухмыльнулся.

— Два ли. Жуки не доверяют паукам.

— Так что пауки, может статься, пытаются выманить у нас оружие хитростью?

Доггинз угрюмо уставился в пол. Затем обернулся к остальным:

— А вы что думаете?

Такое обращение застало людей врасплох, они привыкли выполнять распоряжения, а не думать.

— Может, Найл и прав, — неуверенно предположил Милон.

— Открывайте дверь. Кресло в сторону, — решительно приказал Доггинз и подошел к выходу.

— Каззак, ты слышишь меня?

— Слышу! — послышалось в отдалении.

— Скажи им, мы выходим! — И, повернувшись к остальным, добавил: — Оружие держать наготове, но без команды не стрелять. И посматривайте у себя над головой. Не забывайте, они могут кидаться сверху.

Выйдя на свет, Доггинз начал подниматься по ступеням. Остальные, держа оружие наготове, потянулись цепочкой следом. Поднимаясь по лестнице, Найл поглядел вверх. Между крышами через улицу была натянута паутина, но признаков засады вроде не просматривалось.

Выйдя за ворота, Найл с изумлением обнаружил, какая прорва пауков их, оказывается, поджидает. Тысяч десять, не меньше, плотно обступали обе стороны мостовой, начиная от угла улицы и дальше в глубь квартала. Свободным оставался единственный участок, идущий прямо от подворотни. Завидев людей, пауки подались, образовав широкий полукруг; самые ближние стояли вместе с Каззаксом по ту сторону мостовой. Найлу же и такого

расстояния хватило на то, чтобы с ужасом ощутить: деваться некуда. Он сознавал, что пауки воспринимают людей с такой же гадливостью, как сами люди пауков или ядовитых змей. Для них он был бледнокожей ядовитой тварью, опасной для жизни, и каждый из них с удовольствием впился бы ему сейчас клыками в глотку. При взоре бесстрастных глаз кожа покрывалась пупыршками — знакомое ощущение.

У других, было заметно, тоже сильно сдают нервы. Милон, сдерживаясь, чтобы не дрожали руки, сжимал оружие так, что костяшки пальцев побелели. Глядя на Космина, можно было подумать, что его сейчас стошнит. Доггинз был бледен как полотно, на лице проступили бисеринки пота. Толща незримой враждебной силы, казалось, высасывает жизненную энергию. Даже повернутый внутрь медальон не спасал готовое рухнуть самообладание. В глазах мельтешили черные крапинки.

— Ну что, вы решили принять наши условия? — осведомился Каззак.

Его голос восстановил нормальное самочувствие, удушающая слабость неожиданно исчезла. Найл выступил вперед и твердо произнес:

— Ответ, увы, отрицательный.

Каззак явно не ожидал этого.

— Вы не находите, что поступаете опрометчиво? — громко спросил он.

— Нет.

Тут до Найла дошло, что время, отведенное на разговоры, истекло. Надо было что-то предпринимать, иначе все провалится.

— Видите вон то здание? — кивком указал он, наводя оружие на десятиэтажный дом в юго-восточном углу улицы, и поднял ствол так, чтобы он приходился выше паучьих голов. Затем нажал на спуск.

Он был готов ко многому, но увиденное его просто потрясло. Отдача последовала такая, что оружие едва не вырвалось из рук. Слепящая голубая вспышка энергии ударила в здание, обьяв его ослепительным голубым ореолом. Отдачей откинуло на несколько градусов ствол, и уже этого ничтожного смещения хватило, чтобы пробить в стене двадцатиметровую брешь. Трудно было поверить собственным глазам: удар пробил здание словно карточный домик; через дальнюю стену проглянула синева неба. Затем все здание просело и стало грузно осыпаться, каменные обломки градом полетели вниз.

Найл, ошеломленный масштабом содеянного, отпустил крючок почти мгновенно, но дом продолжал разваливаться, словно под него был подложен сильнейший заряд. Пара этажей обрушилась вниз, на скученную массу пауков. Первые ряды испуганно метнулись вперед, агония умирающих губительной волной обрушилась на уцелевших. Найл улавливал, что это все от паники, но остальные, неспособные этого понять, открыли огонь. Жнецы действовали как огнеметы, прорубая коридоры сквозь копошащиеся кряжистые тела. Воздух наполнил удушливый смрад горелой паучьей плоти. Считанные секунды, и пауки кинулись

врассыпную, о нападении никто и не помышлял. Начался полный переполох. Передающаяся из ума в ум агония не щадила и живых.

Лишь один Найл понимал, что произошло. Остальные просто ошалели от такого чуда. Мысленно они уже распрощались с жизнью, а тут на тебе, враги разбегаются кто куда.

Что-то шевельнулось в канаве по ту сторону мостовой — Каззак. Медленно выбравшись, он неверной поступью побрел через мостовую навстречу людям. Тога порвана, оба колена расцарапаны, и лицо тоже: бровь глубоко рассечена, под глазом набрякает синяк. Остановившись перед Найлом, он изменившимся голосом спросил:

— И это было необходимо?

Найл попытался что-то произнести, но слова застряли в горле. За него ответил Доггинз:

— Что ж, похоже, только так и получилось выпутаться. — Он вытер струящийся со лба пот. — Я уж не чаял, что мы выберемся живыми.

Наконец Найл обрел дар речи.

— Сожалею. Я не знал, что так получится. Я только хотел показать, какое мощное это оружие.

Доггинз расхохотался.

— Ты, конечно же, их убедил! — Он посмотрел на Каззака. — Ну что, управитель тоже присоединится к нам?

Каззак походил на усталое животное. Долгое время он не отрываясь смотрел на Доггинза, и трудно было разобрать, что у него на уме.

— Нет, — промолвил он в конце концов, повернулся и медленно побрел прочь, в сторону реки.

Доггинз, судя по всему, ничего не мог понять.

— Он лукавит или придуривается? — спросил он у Найла.

Но Найл тоже мало что понял. Он пристально смотрел вслед ковыляющей фигуре, чувствуя странную озабоченность и тревогу.

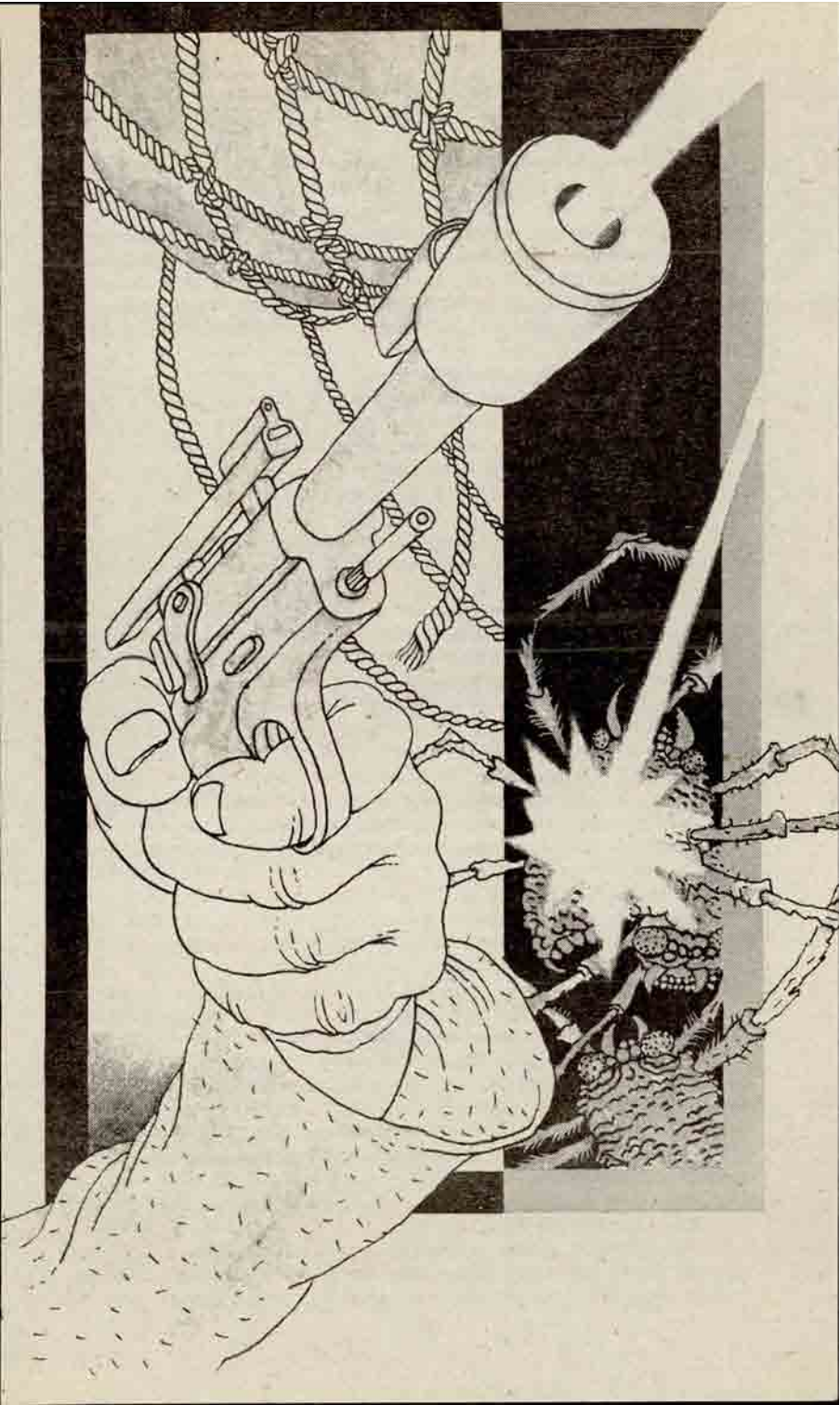
— Я не знаю.

Доггинз беспечно пожал плечами.

— Да ладно, какая разница. — Он повернулся к отряду. — Ну что, парни, готовы? Идем!

Шли бодро, двигаясь на север по середине широкой улицы, чтобы избежать внезапного нападения. Каждый чувствовал, что нападение вряд ли возможно, но расслабиться раньше времени было глупо. Доггинз то и дело пускал в ход жнец, распарывая висящие над головой тенета, их нити серпантинном свисали со зданий, трепеща на ветру.

Пройдя всю улицу до конца, вышли на площадь перед городским залом собраний. Зал собраний представлял собой массивное здание в псевдоантичном стиле, с узкими помпезными колоннами, от времени давно почерневшими, и в обрамлении подстриженных, хорошо ухоженных газонов. Площадь была совершенно безлюдна, но отряд тем не менее остановился осмотреться, прикидывая, не наблюдает ли кто из близстоящих зданий или самого зала.

— Не нравится мне все это,— тревожно заметил Доггинз.— Не так уж они глухи, чтобы дать нам возможность убраться из города.

Найл и сам думал о том же. Паукам был нанесен неслыханный урон. И вместе с тем Смертоносец-Повелитель должен отдавать себе отчет, что если позволит им сейчас уйти, то упустит основную — может статься, единственную — возможность их уничтожить. Окруженные зданиями, Найл и его товарищи могут не устоять перед внезапным броском. А в ближнем бою пауки считай что вообще неодолимы. Для них главное — парализовать силой воли свою жертву хотя бы на секунду, а там уж можно молниеносно сработать ядовитыми клыками.

— Тебе что-нибудь известно о паучьих шарах?

— Само собой. Их же делают у нас в городе.

— Вот в этом здании,— указал Найл,— шелковая мануфактура. Не исключено, что здесь хранятся готовые шары.

Доггинз хмуро покачал головой.

— Не пойдет. Для этого нужны еще и порифиды.

— Порифиды?

— Сокращенно от «порифера метифис» — штукавина, с помощью которой они взлетают. Известна также как скунсовая губка. Это вроде губки, выделяющей газ, который легче воздуха.

— Но если там есть шары, то, может, и порифиды имеются?

Доггинз взглянул на солнце, прикидывая, который час.

— Ладно. Я думаю, стоит попробовать.

Осторожно, держа оружие начеку, они приблизились к залу собраний. На клумбах благоухали весенним ароматом яркие цветы, птицы щебетали в звонко шелестящей листве деревьев, обдаваемых прохладным ветром. Любопытно было подмечать, насколько ощущение опасности обостряет восприятие красоты.

Резные дубовые двери были заперты, но моментально поддались под тонким лучом жнеца. Открылся вид на большое парадное с мраморными колоннами; вверх в плавном развороте уходили два широких лестничных пролета. Интерьер чем-то напоминал дворец Каззака, только здесь было просторнее.

Впереди виднелись еще одни внушительного вида двери; они были тоже заперты. Доггинз, срезав замок жнецом, пинком распахнул деревянные створки и, восторженно фыркнув, обхватил Найла за шею:

— Ну просто золото, а не пареня! Как ты додумался?

Открывшийся зал, очевидно, использовался когда-то для парламентских заседаний, стены были покрыты знаменами с муниципальными эмблемами. Теперь здесь располагались рабочие помещения и склад — сплошь какие-то лестницы, деревянные планки, тележки, стройматериалы. А на том конце возвышался аккуратный штабель шелковых полотен, в которых Найл признал паучьи шары.

Он скромно пожал плечами:

— Да так, просто подумалось.

— Вы, парни,— обратился Доггинз к остальным,— разойдите по всему зданию, возле окон поставьте караульных. Рисковать нельзя, вдруг внезапная атака. Центральные двери припри-

те чем-нибудь понадежней. Если заметите какое-то движение, немедленно сообщайте.— Он опять повернулся к Найлу: — Давай посмотрим, может, отыщем скунсовую губку.

— Где их обычно держат?

— Емкость, наподобие колбы.

В нише за полотнами шаров обнаружили запертую дверь. Когда вышли к ней, в нос ударила такая несусветная вонь гнилых овощей, что оба отпрянули. Зажав нос, Доггинз заглянул в помещение и обернулся с довольным видом.

— Вот это нам и нужно.

В помещении находилась большая, почти в человеческий рост, округлая стеклянная емкость со стоячей зеленой водой. Возле емкости к стенке были приделаны несколько сеток-сажков с длинными ручками. Сколько Найл ни вглядывался в мутную жижу, так ничего и не различил. Доггинз, взобравшись по стоящей возле емкости деревянной стремянке, ухватил один из сажков и, возвозившись им в колбе, вынул.

— Вот она, красавица.

На дне сажка среди спутанной, испачканной слизью травы лежал зеленый подрагивающий комок плоти, по форме похожий на пончик, с небольшим углублением в центре. Когда Найл ткнул в углубление пальцем, на секунду образовалось отверстие, тут же сомкнувшееся вокруг пальца. Внутри Найл успел различить заостренный зеленый язык. Доггинз высвободил палец с чавкнувшим звуком. Воздух тотчас наполнился гнуснейшей вонью тухлятины.

— И что, от нее летают шары?

— Да, я покажу.

Пройдя через комнату, Доггинз остановился возле продолговатого металлического резервуара, стоящего на столе в углу. Когда сдвинул с него крышку, к тухлятине добавился еще и запах гниющей растительности. Доггинз взял со стола ржавую посудину, окунул ее в резервуар и вынул обратно, до половины полную крупных личинок, некоторые в пяток сантиметров длиной, а толщиной в палец. Все еще зажимая себе нос и морщась от запаха, Доггинз накренил посудину над комком-пончиком. Зев у того проворно раскрылся и жадно захлопнулся, проглотив извивающихся личинок. Воздух опять наполнился вонью тухлятины.

Доггинз бросил посудину.

— Брр! Давай быстрее отсюда.

Другие порифиды теперь сами жалась к стенкам емкости, видно, рассчитывая поживиться.

Возвратясь в зал, они сняли самое верхнее полотнище и растелили на полу там, где посвободнее. В развернутом виде шар в поперечнике насчитывал около пятнадцати метров. Найл впервые видел паучий шар так близко и разглядывал его с любопытством. Прежде его нередко занимала мысль, каким же образом паук удерживается под шаром. Теперь было видно, что под ним крепится шелковистый мешок с плоским дном. Мешок был рассчитан на крупное туловище, в нем легко бы могли уместиться двое или трое человек.

Сам шар был не круглый, а слегка овальный, состоящий как

бы из двух опрокинутых друг на друга тарелок. Расстеленный на полу шар имел вид большого сине-белого диска, сбоку у которого находилась десятисантиметровая веревочная петля с застежкой-скрепкой. Когда застежку потянули, шар начал открываться, словно распоротое рыбье брюхо. Внутри шара, прямо по центру, крепилась небольшая двустворчатая чашка, обхваченная двумя широкими скобами.

— Вот сюда закладывается порифид, — указал Доггинз.

— Но как вы заставляете его выделять газ?

— Заставлять и не требуется. Они ненавидят темноту, поэтому стоит закрыть их внутри, как сразу начинают выделять газ. В нижней части имеется клапан. Помогите-ка вытащить эту штуковину наружу.

Полотнище выволокли во двор и расстелили на камне-плитняке. Доггинз принес в садке порифид, который вывалили в чашку, затянув ее скобами. Затем шар застегнули на «молнию». Не успели закончить, как он начал разбухать. Доггинз отыскал моток веревки и прихватил шар к металлическому кольцу на плитняке. Шар начал приподниматься над землей. Спустя полминуты он надулся уже полностью и, взлетев, держался метрах в десяти над землей на конце туго натянутой веревки. Найл попробовал потянуть, но шар, казалось, активно противится любой попытке стянуть его на землю.

— Как мы, интересно, будем в него залезать? — смешливо фыркнул Найл.

— Сейчас покажу.

Уперев кулаки в бедра, Доггинз впился в шар взглядом, нахмурясь от напряженной сосредоточенности. Лицо запунцовело, жила вздулась на лбу. Где-то с минуту никаких сдвигов не замечалось, но вот шар начал сдуваться и пошел на снижение. Доггинз, испустив протяжный вздох, вытер выступивший на лице пот.

— Тяжелая работа. Но мне рассказывали, когда приноровичься, оно легче. Их можно заставлять поглощать собственный газ. Пауки так и управляют.

Шар уже снова надувался и готовился взлететь.

Кто-то во весь дух мчался через зал. Через секунду во двор выбежал Милон.

— Там снаружи что-то затевается, распорядитель!

Возле окон парадной, держа оружие наготове, дежурили Уллик и Гастур. Окаймляющие здание газоны были все так же пусты, пустой была и обширная мощеная терраса перед главным входом. А вот на примыкающих к площади улицах наблюдалось безостановочное движение пауков и людей.

С верхотуры лестницы подал голос Ренфред.

— Площадь окружена. С крыши лучше видно.

За Ренфредом они пробежали на третий этаж, а оттуда через дверь на плоскую крышу. С крыши открывался отличный обзор всей площади. Было видно, что окружающие площадь улицы запружены пауками и людьми, но перед самим зданием царило спокойствие.

Доггинз нахмурился.

— Знать бы, что они там замышляют. Сдается мне, попытаются подлезть к нам и накинуться.

Ренфред, похоже, нервничал:

— Наверно, придется пробиваться?

Доггинз покачал головой.

— Уходим по воздуху. Гастур, Милон, соберите всех и проведите во внутренний двор. Ренфред, оставайся здесь и держи наблюдение. Чуть что — открывай огонь немедленно, не жалей.

— Пожалуй, лучше остаться мне, — рассудил Найл. (Если пауки накинутся внезапно, от Ренфреда мало толку.)

— Хорошо. Мы пошлем за тобой сразу, как только все будет готово.

Оставшись на крыше, в одиночестве, Найл пустил в ход медальон, чтобы сосредоточиться. Эта внешне бесцельная возня людей и пауков настораживала. Он попробовал поставить себя на место Смертоносца-Повелителя. Как действовать, чтобы не дать шайке опаснейших врагов скрыться? Самое простое — напасть внезапно. Паук развивает немыслимую скорость; те, что сейчас в пятистах метрах, через двадцать секунд могут уже быть тут как тут. Но почему тогда они не собираются на улицах, выходящих к площади?

Расслабив сознание, Найл попытался вникнуть, что там происходит, но все оказалось не просто. Пауков было чересчур много, и все, похоже, поглощены чем-то своим. Он ожидал ощутить враждебность, решимость поквитаться с врагами-людьми, пауки же вместо этого словно чего-то ждали. Но чего? Приказа к штурму? Непохоже, нет чувства напряженной готовности.

Найл сместился к краю и посмотрел вниз, во двор. Там один за другим выносили шары и укладывали друг на друга. Взъерошенный Доггинз со строгим видом наставлял застывших Милона и Космина, объясняя, очевидно, как обходиться с рулевым механизмом шара. Туго надутый шар, готовый к отлету, плавал неподалеку от крыши. Порифид внутри, очевидно, выделил много газа. Излишек выходил из клапана, вонь разносилась ветром. Найл поспешил отодвинуться.

На его глазах Улик вынес в садке еще один порифид; этот заложили в самое верхнее полотнище. Через несколько секунд оно начало набухать, обретая форму шара. Милон, Космин и Гастур проворно вскарабкались в подвесной мешок.

Державшие шар отпустили веревку. Спустя секунду он пронесся мимо Найла вверх, толкнув по пути другой, тоже почти готовый к отлету. Найл перехватил взгляд Гастура, испуганный и восхищенный. Вот шар взмыл над крышей, и его подхватил воздушный поток. Через полминуты он был уже просто точкой в лазоревом просторе северного небосвода.

Движение на подступах к площади разом приостановилось: восьмилапые и двуногие заворуженно смотрели вверх. Найл стиснул в руках жнец. Если атаке и быть, то именно сейчас, когда уже ясно видно, что враги уходят. Однако, когда точка исчезла на горизонте, движение возобновилось. Найл опять попытался настроиться на мыслительный лад смертоносцев, но

тщетно: неразбериха, суета, ничего больше. И все равно упорно складывалось впечатление, что они чего-то ждут.

Минут через пять взлетел второй шар. И опять движение среди пауков на мгновение стихло. На этот раз удалось уловить некоторое напряжение, но оно растаяло вместе с тем, как шар постепенно растворился в синеве неба. А вот когда всплыли сначала третий, а за ним и четвертый, на том конце площади наметилась явная перемена. Видя, что враги съезжают один за другим, пауки начали выказывать признаки нетерпения. Судорожная возня прекратилась, и Найл ощутил знакомый холод на коже: все, взяли под наблюдение.

Доггинз внизу поднял голову:

— Давай сюда! Уже вот-вот!

Но Найлу почему-то не хотелось покидать пост. Он решил задержаться.

— Я лучше дождусь, пока отчалят еще двое!

Доггинз пожал плечами, считая, что Найл перестраховывается.

Когда над крышей взвился пятый шар, ощущение холода усилилось. К горлу подкатила изнурительная тошнота, как пол часа назад, когда вокруг кишели смертоносцы. Непривычное ощущение: в глазах рябит, на лбу выступил пот, хотя самому холодно как под промозглым дождем. Найл понял: общая ненависть сошлась на нем. Он глубоко, прерывисто дышал, силясь сохранить ясность сознания.

Он вздрогнул, не разобрав, что это промелькнул шестой шар. Во дворе остался только Доггинз.

— Ну давай, быстро! — крикнул он. — Все готово!

Найл напоследок окинул взглядом площадь и заспешил к двери, ведущей с крыши. И тут гнетущее чувство внезапно исчезло. Лишь минуя окно на лестнице, он понял почему. На площади было черным-черно от мчащихся к зданию пауков. Первый уже пересекал ближний газон. Найл ринулся вниз, перемахивая через три ступеньки. Едва достиг парадного, как двойные двери содрогнулись под мощным ударом тяжелого туловища. Найл вскинул оружие, собираясь нажать на спуск, но тут увидел, что дверь заложена толстенным бревном. Он пронесся через склад и выскочил во двор.

— Быстро! Началось, ломаются!

Не успел договорить, как из парадного послышался звон разбитого стекла. Доггинз начал карабкаться в мешок шара, уже зависшего в полутора метрах над землей. Найл с размаху захопнул ведущую во внутренний двор дверь и придвинул к ней большую цветочную вазу из камня, дивясь собственной силе. Затем с помощью Доггинза головой вперед кувыркнулся в мешок. Барахтаясь в попытке встать, Найл почувствовал, как шар начинает подниматься. В тот же миг на крыше, опоясывающей внутренний двор, возник первый паук. Восьмилепный прыгнул и мягко шлепнулся на верхушку шара. Доггинз лихорадочно пилил веревку, но она была натянута слабо, и это затрудняло работу. Тут до Найла дошло, что шар, вместо того чтобы идти вверх, медленно оседает обратно на плиты. Доггинз, ругнув-

пшись, саданул кулаком туда, где мокрое пятно выдавало местонахождение порифида. Сработало моментально: шар резко рванулся вверх, а надпленная веревка, дернувшись, лопнула. С крыши кинулся еще один паук; этот, чиркнув о шар, сорвался вниз на плиты. Вот уже и крыша внизу, видны черные спины кишми кишащих смертоносцев. Шар накренило порывом ветра, и мимо пролетел паук. Он грянулся о край парашюта и, свалившись на газон, недвижно распластался. Найл с Доггинзом безудержно расхохотались. Если б мешок был устойчивый, они бы точно кинулись обниматься.

Минуты не прошло, как зал собраний перестал выделяться среди общей панорамы строений. Открылся вид на казармы, на реку; вон и главная площадь, с Белой башней и обиталищем Смертоносца-Повелителя. А во дворе казарм Найл заметил нечто, от чего сердце тревожно сжалось: в углу, где находился арсенал, копошились люди и пауки.

Шаром можно было управлять с помощью двух веревок, прикрепленных к походям на плавники рулевым доскам. Когда вддали обозначились красные шпили города жуков, Доггинз взял курс на них. Он также потянул шнур выводного клапана. На секунду оба поперхнулись от несусветного запаха тухлятины. По мере того как ткань шара стала терять упругую округлость, он начал снижаться. Зачарованный развернутой панорамой, Найл не отрываясь провожал взглядом паучий город. Вдруг вддали призрачно сверкнула крупная розоватая вспышка, упруго прокатился раскат грохота; это полыхнуло в районе казарм. Над местом взрыва пошла взбухать грозная черная туча, в которой угадывались крупные обломки твердой материи. Найл успел привлечь внимание Доггинза прежде, чем грянул второй взрыв, куда более мощный, за которым последовала целая цепь взрывов поменьше — эти, похоже, охватили гораздо большую площадь, чем казармы. Прошло немного времени, и в ушах грянули оглушительные громовые раскаты. Ветер ударил с такой силой, что шар рвануло и завертело как сухую былинку. Найл с ужасом осознал, что находится на верхушке шара, а мешок уже вроде и не держит, одно небо вокруг. Доггинз остервенело бился в попытке высвободиться из объятий шелковой ткани. У Найла из глаз посыпались искры: Доггинз невзначай лягнул в голову. Еще один порыв ветра, и опять шар завертелся волчком. Найл изо всех сил прижался к теряющей упругость ткани. Когда хватка начала ослабевать, шар сделал в воздухе кульбит, и юношу закинуло обратно в спасительный мешок. Чехол со жнецом больно упирался в спину, на грудь, стесняя дыхание, навалился Доггинз. Высвободившись, Найл изловчился встать на колени. Шар по-прежнему бросало из стороны в сторону, как корабль в бурю, небо вокруг содрогалось от обвального грохота. В конце концов Найлу удалось освободиться от Доггинза и выпрямиться.

Увиденное потрясло. Казалось, что город исчез, вместо него в небо поднималась огромная черная туча дыма и пыли. Первая мысль Найла была о семье. Затем, когда туча частично рассеялась, он с облегчением увидел, что взрыв затронул большей частью квартал рабов.

— Ты глянь-ка, чуть не накрыло! — Доггинз встал рядом с Найлом. — Ну что ж, вот ты и распрощался со своим дружкойм Казаком.

— Казаком? — не понял Найл. — Он-то здесь при чем?

— Еще как при чем! Он попробовал сунуться в хранилище с моим бластером.

Найл вздрогнул, осознав, насколько близки они были к гибели.

— Так вот чего они дожидались!

Доггинз отвернулся.

— Коварный мерзавец получил то, на что напрашивался. — И сокрушенно качнул головой: — Но это ж надо, такой перерасход взрывчатки!

Вдруг Доггинз тревожно вскрикнул и свирепо дернул за шнур выводного клапана. Шипящую струю смрада снесло ветром. Шар, вздрогнув, пошел на снижение. Изогнутые шпильки города жуков были уже довольно близко. А на земле стояли паучьи полчища.

Доггинз расхохотался. Найл изумленно на него уставился, затем понял, что тот хохочет от облегчения, а в глазах его стоят слезы радости.

— Ты был прав, — сказал Доггинз, кладя Найлу руку на плечо, — они действительно блефовали. Город не взят.

— Ты уверен? — Найл все же подозревал ловушку.

— Глянь.

Найл посмотрел вслед выставленному пальцу. Вначале было неясно, куда указывает Доггинз, — то ли на главную площадь, то ли на зеленый газон. Лишь заметив внизу шевеление, он различил, что на газоне плотно сбились жуки-бомбардиры.

— Но почему они все там? Почему не защищают город?

— Кто тебе сказал, что не защищают?

— Я не пойму...

Доггинз уже не слушал. Он пристально вглядывался вниз, время от времени попихивая в шар кулаком. Найл сообразил почему. Вместо того, чтобы спускаться постепенно, по наклонной, они шли почти отвесно, грозя в конечном итоге приземлиться в самую гущу пауков. Кожу обдавал знакомый уже холод. Все ясно. Пауки сообща действовали на порифид внутри шара, заставляя его поглощать собственный газ, чтобы шар, сдувшись до времени, камнем упал вниз.

— Н-ну ладно, — процедил Доггинз сквозь зубы, — коль уж вы сами этого хотите...

Он вынул из чехла жнец, снял с предохранителя и, опершись о стенку мешка, направил оружие вниз.

В ярком солнечном свете луч энергии был почти невидим, но когда ударил в землю, во все стороны полыхнуло голубое зарево. Пауки падали, таяли, земля обугливалась. Тут сонмище черных силуэтов бросилось бежать, сталкиваясь и налезая один на другого в слепом ужасе. Найл зачарованно следил, как те из них, что припустили в сторону города жуков, вдруг останавливаются, словно натолкнувшись на невидимую стену. Мгновение, и они, дернувшись, уже бегут обратно. Это была та же массовая паника, что и нынче утром — мгновенно передающийся слепой

предсмертный ужас, напрочь лишаящий разума и самообладания.

Шар снова подкинуло, на этот раз от жара, толстым щитом взбухающего над землей. Найл упал на колени. Жар на мгновение стал таким невыносимым, что он испугался, как бы не затлела ткань. Мешок неистово мотало из стороны в сторону.

— Я буду править, а ты выпускай газ! — крикнул Доггинз и подал Найлу шнур выводного клапана. Следующие пять минут Доггинз демонстрировал чудеса воздухоплавания, временами вписывая шар прямо в струю ветра. Найл держал шнур, но не пытался его использовать: порифид было проще контролировать силой воли. Существо, похоже, замечательно чувствовало мысленные команды, выделяя и поглощая газ с точностью, позволяющей аккуратно лавировать при спуске.

Внизу уже бежали люди, стараясь поспевать за шаром. Впереди толпы Найл разглядел жену Доггинза, Селиму. Спустившись шар зацепился за ветви высокого дерева, погасившего основной запас скорости, скребнул по стене дома и в конце концов приземлился возле выложенного мозаикой бассейна. Навстречу тянулись руки, участливо помогая выбраться из обвисшего складками мешка. Селима, порывисто обняв мужа за шею, усердно его целовала. Найла тесно обступили люди, наперебой задавая вопросы. Незнакомая молоденькая девушка надела ему на шею цветную бумажную цепь. На руке повис какой-то мальчуган, клянча дать покататься на шаре. Поднялась суматоха: шар сделал попытку опять подняться в воздух. Когда Доггинз потянул «молнию», освобождая полость шара от давления, пахнуло таким смрадом, что тут же послышались негодующие возгласы, а какого-то ребенка стошнило.

Найл пристально вглядывался в лица, выискивая Одину, но той нигде не было видно. На секунду в отдалении мелькнули длинные светлые волосы. Сердце отчаянно забилося; но нет, это оказалась жена Доггинза, Лукреция. Работая локтями, Найл протолкнулся к ней:

— Где Одина?

— Одина? — Та будто не понимала. — А-а, она у жуков. Лицо женщины было унылым, осунувшимся.

— Что-то случилось?

— А ты сам не догадываешься?

Она проникнула к мужу, нетерпеливо оттерла в сторону Селиму и что-то прошептала ему на ухо. Улыбка моментально слетела с лица Доггинза, сменившись тревожным волнением. Найл протиснулся к нему следом за женщиной.

— Что там такое?

— Беда.

— Пауки?

Губы Доггинза скривила горькая усмешка.

— Нет, гораздо хуже. Меня вызывают ответчиком на Совет.

— За что?

— Подозреваю, за возмущение спокойствия, — ответил Доггинз, пожав плечами.

— Мне тоже пойти?

Лукреция резко вклинилась в разговор:

— Хозяин посылал за одним тобой!

— Не разрешается. — Доггинз скорчил гримасу. — Возвращайтесь с Лукрецией домой. Еще увидимся.

Он повернулся и зашагал в направлении городского Зала. У Селимы был такой вид, словно она вот-вот бросится за ним вдогонку, но взгляд Лукреции осадил ее.

— Ты мне можешь сказать, что случилось? — обратился Найл к Лукреции.

— Что случилось? — Она с сарказмом возвела брови. — Да так, ничего. Ты всего-навсего развязал войну, вот и все.

Селима тихонько тронула юношу за локоть.

— Пойдем домой. Ты, наверно, устал.

Лукреция, раздраженно хмыкнув, отошла.

— Не понимаю, — сказал Найл. — Он же спас вам жизнь!

Селима невесело улыбнулась.

— Это решать Хозяину.

Ее безропотность раздражала.

— Неужели вы им не гордитесь? Он спас ваш город от пауков!

— Может быть. Только у нас вчера еще был с ними мир.

Оба молчали, проходя вначале через зеленый газон, затем направляясь гладкой мраморной дорогой к городскому Залу. Тут на глаза Найлу попался сиротливо лежащий на обочине слутый шар, и он сразу вспомнил об остальных.

— Сколько шаров приземлилось?

— Два. Правда, видели еще третий, но он пролетел мимо.

Они уже приблизились к площади, когда к Найлу подбежала какая-то женщина и требовательно остановила, схватив за руку.

— Тебе что-нибудь известно о моем сыне Йорге?

— Он улетел на шаре. Если его нет здесь, значит, шар унесло за черту города. С ним все должно быть в порядке.

Подошла другая женщина.

— А мой сын, Маркус?

Найл, не выдержав ее взора, опустил глаза.

— Мне тяжело говорить об этом... Он погиб.

Женщина, протяжно заголосив, бессильно опустилась на землю и стала биться лбом о жесткую землю. Сердце у Найла сжалось от жалости и чувства вины перед ней. Другая женщина спросила:

— Как это случилось?

— Его... его убил паук.

Вокруг скопилось уже изрядно зевак.

— Хватит донимать, — вмешалась Селима. — Нам пора идти.

Но тут по ступеням Зала проворно сбежал жук и заспешил к ним. Длинной передней лапой он тронул Найла за плечо и зачастил щупиками.

— Он говорит, что ты должен отправиться с ним, — пояснила Селима. — Они хотят тебя о чем-то расспросить.

Найл внимательно взгляделся в бесстрастную физиономию и глаза-плошки. Было в них что-то общее с личиной паука, но отсутствовало выражение немой зловещей угрозы. Несмотря на немалое превосходство в размерах и мощные металлические

блестящие лапы, от жука веяло благодушием и дружелюбием. Найл без страха направился за ним в здание Зала.

Прошло несколько секунд, прежде чем глаза свыклись с полумраком. Он разглядел, что в парадном полно жуков, общающихся меж собой характерным цвирканьем. Сделал шаг вперед и — о радость! — увидел на скамье в углу Одину. Подбежал к ней и взволнованно схватил за руки:

— Ну как ты тут, все нормально?

Одина подняла глаза. Невероятно: похоже, она его не узнавала.

— Ты что, не узнаешь меня?

— Узнаю, — чуть шевельнулись губы. Но пустота в ее взоре пугала.

Найла тронул за плечо жук. Одина, похоже, попыталась что-то произнести; но нет, лишь качнула головой. Найл, отвернувшись, понуро побрел за своим провожатым, не зная, что и думать. По пути еще раз мельком оглянулся, но Одины уже не было видно.

Путь шел по извилистому, ведущему в подвал коридору. Свет соответственно был еще ущербнее, чем в верхней части здания. Тянулись стены из грубого, неотшлифованного серого камня; спускающийся впереди провожатый словно уводил Найла в некий подземный мир. Они подошли к широкой горловине коридора. Грунтовая стена впереди на деле оказалась массивной дверью; сам грунт был волокнистый, наподобие торфа. Едва остановились, как стена стала медленно подаваться назад и в сторону. Найл ожидал, что на пути встанет какой-нибудь крылато-хвостатый привратник, а потому удивился, увидев, что тяжеленную дверь пыжится открыть самолично Доггинз. Доггинз коротко кивнул юноше. Найл обратил внимание, что вид у него встревоженный и явно удрученный. Когда они вошли, жук-провожатый закрыл дверь одним ударом мощных передних лап.

Они очутились в большом, призрачно освещенном помещении с полом в виде плоской овальной чаши. Грунтовые своды, подпертые сваями из неоштукатуренного камня; свет исходит от помаргивающих масляных светильников. По ободу овала шел ряд выпуклостей-бугорков, на каждом из которых восседал жук-бомбардир. Привыкнув к скудному освещению, Найл разглядел, что спереди у каждого из бугорков имеется крутой скат, так что жуки могли сидеть полуоткинувшись, уложив согнутые лапы в выемки — ни дать ни взять кресла. Располагались они так, что каждый из сидящих мог окидывать взглядом все помещение.

Найл насчитал пятнадцать жуков, сидящих полукругом. Жук, сидящий по центру, был заметно старше остальных; ороговевший панцирь испещрен трещинами и щербинками, один глаз тронут белесым прожилком. Найл сразу догадался, что это и есть Хозяин.

Доггинз взял Найла за руку и вывел в центр полукруга.

Жук, сидящий справа от правителя, поднял щупики и проворно ими пошевелил.

— Саарлеб спрашивает, сколько тебе лет от роду, — перевел Доггинз.

— Точно не знаю. Наверное, семнадцать.

Пошевелился жук слева. Доггинз перевел и его:

— Саарлеб спрашивает, зачем ты пришел в эту страну.

Ясно было, что саарлеб — титул, не имя.

— Меня пригнали как пленника, — отвечал Найл. — Мой отец был убит пауками.

Когда Доггинз перевел это, последовала долгая пауза, затем жук справа спросил:

— Ты хочешь отомстить пауку, убившему твоего отца?

— Нет, — ответил Найл.

Другой жук спросил:

— Ты хочешь отомстить всем паукам?

— Я не хочу мести. Но я желаю быть свободным.

Еще одна пауза. И тут впервые подал голос Хозяин:

— Если бы пауки позволили тебе уйти с миром, ты бы на этом успокоился?

— Нет.

— Почему?

Найл обдумывал, какие подобрать слова для ответа, и вдруг с удивлением услышал, что Доггинз повторяет этот же вопрос. Тут он понял, что Хозяин обратился к нему напрямую. Это совершенно не походило на телепатические сигналы Смертоносца-Повелителя или Стигмастера — тогда голос неизменно раздавался или в грудной клетке, или в голове. А Хозяин обратился так, будто они просто беседовали вслух.

Посмотрев на неподвижную в щербинках личину, Найл ответил:

— Потому что мы несвободны даже в своей собственной стране. Нам всю жизнь только и приходится, что скрываться от пауков.

Когда Доггинз начал говорить, Хозяин подал ему знак остановиться. В глазах Доггинза мелькнуло замешательство. Найл снова уловил мысленный голос Хозяина.

— Если бы твоим сородичам не мешали жить, ты бы на этом успокоился?

На этот раз Хозяин даже не пошевелил щупиками. Доггинз, судя по растерянному выражению, не услышал вообще ничего.

— Нет. Я видел, как пауки обходятся со своими слугами и рабами, поэтому отношусь к ним как к врагам. Мне бы не было покоя в моем краю.

Эти слова вызвали всплеск оживленного общения между жуками. Опять раздались цвирканье, замельтешили щупики.

Пока все улеглось, прошло несколько минут. Затем Хозяин сказал:

— Твои слова ставят нас в затруднительное положение. У нас нет раздора с пауками. Ты можешь назвать причину, почему нам не следует тебя выдавать?

Найл мучительно напрягся и медальон использовал на то, чтобы обострить интуицию. Он понимал, что вопрос задан не с целью извиниться или оправдаться и не с тем, чтобы спорить или уговаривать. Хозяин лишь пытался оценить ситуацию по достоинству. Жукам хотелось мира, и ключом к примирению была выдача пленника Смертоносцу-Повелителю. С такой же

открытостью они спрашивали и у Найла, согласен ли он, что это действительно будет самый благоразумный выход. И тут Найл понял, каким именно образом следует ответить. Он сцепил руки за спиной, окончательно собираясь с мыслями.

— Когда-то мои сородичи главенствовали на Земле. Теперь мы либо слуги, либо изгнанники. Так тому, видно, и быть: у нас не хватило сил удержаться у власти. Многих моих сородичей вполне устраивает удел слуг. Что ж, это их выбор. Пауки предложили служить и мне, но я понял, что этому не бывать. И не просто потому, что они убили моего отца, — он поднял глаза и не таясь посмотрел на Хозяина, — а потому, что мне претит быть слугой. Мое наиглавнейшее желание — быть свободным.

— Но ты и так свободен, — перебил Хозяин. — Быть живым — значит быть свободным.

Найл покачал головой.

— Возможно, для жуков и пауков это так, но не для людей. Свобода для нас — это состояние души. — Чувствовалось, что Хозяин несколько смешался. — Это сознание, что ум у тебя может быть так же раскрепощен, как и тело.

Видя, что его не вполне понимают, Найл смутился, а подобрать слова для объяснения затруднялся. И закончил скомканно:

— Получается, быть живым и быть свободным для людей не одно и то же.

Наступила тишина. Наконец Хозяин произнес:

— То, что ты сейчас сказал, либо имеет глубокий смысл, либо вообще лишено всякого смысла. Я не претендую на понимание. Я свободен. Ты свободен. Свободы иного рода не существует.

— Ты хочешь сказать, я теперь могу быть свободен? — переспросил Найл.

— Нет. Это все еще под вопросом. Мы должны посоветоваться со Смертоносцем-Повелителем. — Он подозвал жука, охраняющего дверь. — Приглашай Смертоносца-Повелителя.

На Найла эти слова обрушились обухом по темени; волосы встали дыбом. Когда жук направился к двери, Найл искоса мелькнул взглядом на Доггинза. Тот почему-то не выказывал никакого удивления, лишь хмуро и раздраженно смотрел в пол.

Напряженным усилием Найл сдерживал тяжелое биение сердца, но биение все равно толчками отдавалось в ступни и кончики пальцев. Мучительно медленно тянулись минуты. Вот уже вроде и последняя надежда схлынула. Уж если жуки позволили войти в город Смертоносцу-Повелителю, значит, они действительно пекутся о том, чтобы мир был сохранен на любых условиях, и переговоры завершатся вполне известным исходом в считанные минуты.

Дверь подалась. Сердце взмыло от изумленной радости и облегчения; посторонившись, охранник пропустил в зал Одину. Но когда она подошла ближе, стало видно, что глаза у нее все такие же холодные и отрешенные. Встретившись с Найлом взглядом, Одина словно не заметила его. Выйдя на середину, женщина застыла навтыжку, как солдат. Окинув взором ее обнаженную грудь, загорелые руки, Найл ощутил острую жалость утраты.

— Дай Смертоносцу-Повелителю сесть,— велел Хозяин охраннику.

— Я предпочитаю стоять.

Найл смятенно воззрился на Одины. Голос сходил с ее губ; вместе с тем это определенно были слова Смертоносца-Повелителя. Одновременно с тем изменилось и лицо Одины. Оно состарилось, отяжелело, как у какой-нибудь властной старухи. Хозяин перешел на сиплое цвирканье; тем не менее понимание не нарушилось.

— Еще раз приветствую тебя, Смертоносец-Повелитель.

— Приветствую и я тебя.— В голосе Одины сквозило нетерпение.

— Мы объяснились с нашим слугой Билдо. Он подтверждает то, что сообщил нам ты.— У Найла ушла секунда осмыслить, что имя Билдо относится к Доггинзу.— Он не отрицает, что вошел в ваш город без разрешения. Но заверяет, что его единственной целью было раздобыть взрывчатые вещества.

— Слуге незачем соваться куда бы то ни было без разрешения,— заметил Смертоносец-Повелитель.

— Он подчеркивает, что как раз в тот день был возведен в чин саарлеба и, следовательно, имел право на самостоятельное решение. Но это, конечно, не оправдание. Первым делом ему надо было поставить вопрос на Совете. А Совет отклонил бы его предложение.

— Это дает ему право убивать пауков?

— Конечно, нет. Есть закон. Ни одному двуногому не позволяется поднимать руку на жука или кого-либо из союзников жука.

— А какова кара за нарушение закона? — осведомился Смертоносец-Повелитель.

— Смертный приговор.

— Вы намереваетесь привести приговор в исполнение?

— Если ты настаиваешь, то да.

Найл поглядел на Доггинза. Тот не поднимал глаз от пола.

— Вы исполните приговор сами или выдадите преступника нам?

— Мы выдадим его вам,— сказал Хозяин.

— Так тому и быть.— Судя по всему, Смертоносец-Повелитель был доволен.— Как быть со вторым пленником?

Хозяин задумался.

— Здесь все не так просто. Он не слуга, он пленник. Поэтому за ним остается право на побег.

— А право убивать пауков за ним тоже остается?

— Он утверждает, что пауки убили его отца, и относится к ним, как к своим врагам. Мне кажется, это разумно.

— Но и мы считаем его своим врагом. А вы — наши союзники. Следовательно, ваш союзнический долг выдать его нам.

— Согласен. Но у нас на Совете есть некоторые разногласия. Некоторые считают, что у нас имеется только договор о ненападении. Поэтому мы не обязаны выступать на вашей стороне.

— Разве это по-союзнически?

— И нет, и да. Для нас главное, чтобы соблюдался закон.

— Получается, вы отпускаете его на свободу? — Смертоносец-

Повелитель начинал заметно раздражаться. Любопытно было замечать, что терпение-то у него, оказывается, не беспредельное — видимо, сказывались последние события.

— Мы еще не решили. Совет выразил желание выслушать все, что можешь сказать по этому поводу ты.

Последовала долгая пауза. Затем Повелитель произнес:

— Очень хорошо. Если то, что я скажу, возымеет какое-то действие, советую выслушать меня очень внимательно.

— Мы с большим желанием это сделаем.

— Ладно. — Видно было, что Смертоносец-Повелитель не терпит, когда вклиниваются. — Тогда слушайте. Вам известно, так же как и мне, что эти двуногие создания когда-то правили Землей. Так было потому, что мои и ваши предки были слишком мелки и с ними можно было не считаться. Но известно нам и то, что во все времена они вздорили между собой и убивали друг друга. Они не способны были жить в мире. В конце концов боги устали от них и сделали хозяевами нас. И с той поры Земля живет в мире.

Вы, жуки, попустительствовали своим слугам, и это было причиной ссор между нами. Соре положил конец Великий Договор, по которому вы согласились, что вашим слугам никогда не достичь независимости. И с той самой поры мы и вы — союзники. Так ли это?

— Это так, — ответил Хозяин торжественно, как на церемонии.

— Хорошо. — Судя по всему, Смертоносец-Повелитель остался доволен. — Помните об этом постоянно, и у нас не будет причин для ссоры. В ваших интересах, так же как и в наших, чтобы эти создания знали свое место. Вам, может быть, покажется, что от нас не убудет, если отпустить одного из наших врагов на свободу. Но стоит двуногим выйти когда-нибудь из повиновения, как вы вскоре почувствуете перемены к худшему. Эти создания не способны жить в мире. Они не успокоятся, прежде чем не сделаются хозяевами, а мы с вами слугами. Вам этого хочется?

— Ответ может быть только один, — Найл улавливал нетерпение в голосе Хозяина, — но я не могу уяснить всех твоих доводов. Почему, если мы отпустим на свободу одну молодую мужскую особь, это непременно грозит нам крахом? Он не кажется таким уж опасным.

— Согласен. Но насчет последнего ты заблуждаешься. Это он подбил вашего слугу Билдо отправиться без разрешения в город пауков.

Хозяин перевел глаза на Доггинза:

— Это так?

Доггинз, откашлявшись, пробормотал:

— Да вроде нет, насколько мне известно.

— Это так? — повторил Хозяин, обращаясь на этот раз к Найлу.

— Нет, — ответил Найл, растерянно покачав головой.

— Спроси его, что он носит возле сердца, — неожиданно произнес Смертоносец-Повелитель, обращаясь к Хозяину.

Хозяин опять повел головой на Найла:

— Что ты носишь возле сердца?

Рука Найла непроизвольно залезла под тунику и стиснула медальон. Мысль о том, что с ним придется расстаться, наполнила его беспокойством и страхом. Но когда Хозяин уперся взором, юноша взялся за цепочку и вытащил медальон.

— Поддай сюда, — велел Хозяин.

Найл понимал, что об отказе не может быть и речи. Сняв цепочку с шеи, он протянул медальон Хозяину, и тот принял его на коготь. Рассмотрев, взглянул на Смертоносца-Повелителя:

— Это обыкновенный усилитель мысли. У нас один такой имеется в музее истории. — И, к несказанному облегчению Найла, вернул вещь обратно.

— Ты использовал его, чтобы влиять на нашего слугу Билдо?

— Нет, не думаю. Хотя точно не могу сказать.

Хозяин перевел взгляд на Смертоносца-Повелителя:

— Ты считаешь, он использовал его намеренно?

— У меня нет никакого сомнения. Вот почему он опасен.

Возвращаясь от кресла Хозяина к центру зала, Найл заметил нечто, вызвавшее в душе замешательство. Встретившись на мгновение взглядом с этой женщиной-медиумом, он вдруг обнаружил, что смотрит на прежнюю Одину. Она все так же находилась в своем теле, недоуменно прислушиваясь ко всему, что происходит. И, прежде чем снова встать к ней боком, Найл уловил в ее глазах тревогу и боль. Это вызвало в нем такую растерянность, что он перестал прислушиваться к разговору. А когда снова включился в чужой диалог, Смертоносец говорил:

— Сколько времени потребуется вашему Совету, чтобы решить этот вопрос?

— Я не могу тебе сказать. Но это будет скоро, — отвечал Хозяин.

— Ладно. Но повторяю еще раз: если вы решите выпустить нашего врага, это будет равносильно объявлению войны.

Сказал веско, с явной угрозой. Когда взгляды Хозяина и Смертоносца-Повелителя скрестились, Найл догадался, что в поединке сошлись две мощные воли. Как и все остальные в этом зале, он понимал, что Хозяин глубоко уязвлен таким бесцеремонным давлением на его Совет. Тем не менее, когда Хозяин заговорил, голос у него был спокойный, ровный.

— Ты хочешь сказать, что пауки объявят войну жукам?

— Я хочу сказать, что время разглагольствовать истекло. Пора действовать.

Что-то в интонации последних слов заставило Найла насторожиться. Он стал разворачиваться, и в этот момент руки Смертоносца-Повелителя стальными клещами сомкнулись на его шее. Но Найл успел чуть сместиться, и, вместо того чтобы вмяться в дыхательное горло, большие пальцы впились под самую челюсть. Тем не менее сила была такой колоссальной, что Найл перегнулся в пояс как надломленный. Одновременно с тем он почувствовал на себе взгляд Смертоносца-Повелителя и еще раз осознал присутствие в теле ее самой, Одины. Он с изумлением понял, что она противится воле паука, не давая мышцам повиноваться его приказу: удушить.

Тут над плечом у нее возникло бесстрастное лицо жука-охранника. Резко дернуло; Найл почувствовал, как ноги отстают от земли. Удушающая хватка внезапно ослабла, и он очутился на коленях. Загребая руками, Найл попытался ползти — в голове туманная зыбкость, щека притиснута к полу. Когда в глазах прояснилось, до него дошло, что Доггинз помогает ему сесть.

Первое, на чем остановился взгляд, — это тело Одины, лежащее возле двери — похоже, бездыханное. Туловище неестественно скорчено, колени разведены в стороны, одна рука подогнута за спину. Найл метнулся к Одине, приподнял ей голову. Голова мотнулась так, будто совсем не была прикреплена к телу. Шея у женщины была сломана. Правой стороной лица она, очевидно, с силой ударилась о дверь: щека распорота, из уголка рта сочится струйка крови. Жук-охранник, оторвавший женщину от Найла, выглядел растерянно, будто ошеломленный собственной силой.

Найл попытался встать, но ноги подогнулись. Он сел на пол, уткнув голову между колен. Гулко стучало сердце, пульс отдавался в закрытых веках. До него доносилось сиплое цвирканье жуков. Попробовав глотнуть, Найл поперхнулся от боли — в пищевод будто кто насыпал битого стекла.

Подумав об Одине, он забыл про жалость к себе. Повернув медальон, Найл сосредоточился и почувствовал себя немного бодрее. Но встать больше не пытался; так и сидел на полу, глядя на Хозяина снизу вверх.

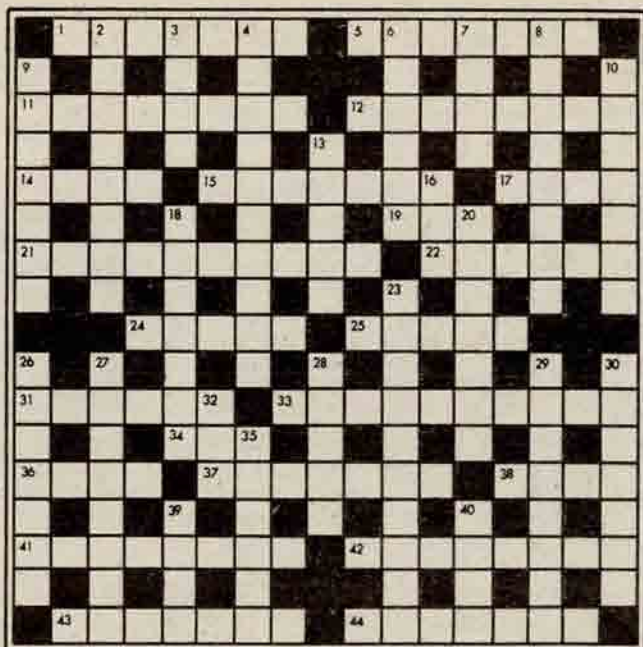
Тот сделал жест, и моментально воцарилась тишина. Когда Хозяин заговорил, в его голосе слышался гнев:

— То, что вы сейчас видели, — акт умышленного коварства, да еще и явного пренебрежения к нам, к заведенным у нас порядкам. Он попытался умертвить пленника, который все еще находится под нашей защитой. Это означает, что он полностью лишил себя нашей поддержки и должен понять, что у нас нет теперь иного выбора, кроме как отпустить нашего пленника на свободу.

Найл попытался заговорить, но вместо слов из горла вырвалось лишь нелепое кряканье. Тут до него дошло, что говорить и не требуется, достаточно лишь послать вопросительный импульс.

— Ты можешь идти, куда хочешь, — сказал Хозяин. — Мы решили, что не вправе ограничивать твою свободу. Но я бы советовал тебе возвратиться в свой край и оставаться там. Теперь пауки будут всячески пытаться тебя извести. И, думаю, будет жаль, если им это удастся.

Найл через силу поднялся на ноги и попытался поклониться в знак признательности. Но едва выпрямился, как вокруг стала сгущаться тьма. Доггинз успел подхватить его возле самого пола...

1. Передвижник. И. Прянишников как художник.
 5. Самоцвет, который при Сталине размалывали в порошок и добавляли в сталь; из нее строили самые прочные в мире танки. 11. Один из двух русских броненосцев, вышедших из строя в первый день русско-японской войны. 12. Образная память. 14. Единственная столица (государства) без тротуаров и мостовых: вся дождевая вода просачивается в грунт, пополняя колодцы. 15. «Кошачий глаз» в мире камней. 17. Предмет, без которого испанка из дому не выйдет. 19. Количество информации, получаемое при осуществлении одного из двух равновероятных событий. 21. Деревня недалеко от Ричмонда, где генерал Роберт Эдвард Ли, командовавший армией южан, капитулировал перед командующим армией северян Улиссом Симпсоном Грантом, что положило конец Гражданской войне в США. 22. Лидер французских фовистов в 1905—1907 годах. 24. «Около глаз собирались даже две-три легкие морщины, эти неизгладимые... времени и опыта» (о Райском в «Обрыве» И. Гончарова). 25. Танец жителей провинции Овернь, пробившийся на балы при французском дворе. 31. Прозвище народного скрипача-профессионала в Молдавии и Румынии, которое обычно становилось его фамилией. 33. Знаменитый философ, чьи произведения увлеченно переводил поэт Афанасий Фет. 34. Залив, куда впадают реки Нин и Уз. 36. Орган, вырабатывающий, по Аристотелю, жидкость, охла-

ждающую сердце.— мыслительный центр человека. 37. Одно из животных, изображенных на гербе Дании. 38. «Пират Аргоу», «Кузина Бетта», «...Горио». 41. Русский историк, автор работы «Власть московских государей». 42. Автор открытого в 1957 году в Ленинграде памятника А. Пушкину. 43. Крики галок. 44. Пришелец с того света.

По вертикали:

2. Бушбок, конгони, орикс (общее название). 3. В России — господин, начальник, в Средней Азии — ... 4. Наука, знающая все. 6. Имя красавицы княжны, героини популярной песни о Стеньке Разине. 7. Старое, чаще церковное название корысти, мзды. 8. Растроганность до слез. 9. Фамилия известных чешских братьев-музыкантов. Отакар как дирижер впервые в Праге исполнил на радио «Бориса Годунова» в авторской редакции. 10. Михаил Жванецкий по призванию. 13. Одно из животных, которых Иван Грозный в молодости любил швырять с высоких теремов. 16. Французский город, где почитали Изиду, поскольку в числе его основателей были выходцы из Египта. 18. Самый высокий массив Южного Урала. 20. Луговое растение, из которого делали бунчуки, шомполы. 23. Должность Никифора, по свидетельству которого А. Пушкин за ночь во время работы «выдувал графина три» лимонада. 26. Одежда солдат и путешественников у древних греков. 27. Гора, изображенная на первой японской новогодней марке, выпущенной в 1935 году. 28. Основной предмет научных исследований Василия Докучаева. 29. Первый в жизни каждого человека предмет, которым его обманывают. 30. Дерево, о существовании которого на острове Сокотра было известно еще врачу и ботанику Диоскориду. Смолистый сок, выделяемый деревом, на острове называют «драконовой кровью». 32. Напиток. С легкой руки адмирала Вернона его, разбавляя, стали выдавать английским морякам. 35. Река, на левом берегу которой в 1471 году московская армия разгромила новгородские войска. 39. Материал, из которого до 1870 года шили штаны для гребцов (с этого года перешли на изобретенные американцами подвижные сиденья). 40. Фольклорная форма. Ее широко использовали А. Веселый, М. Зощенко.

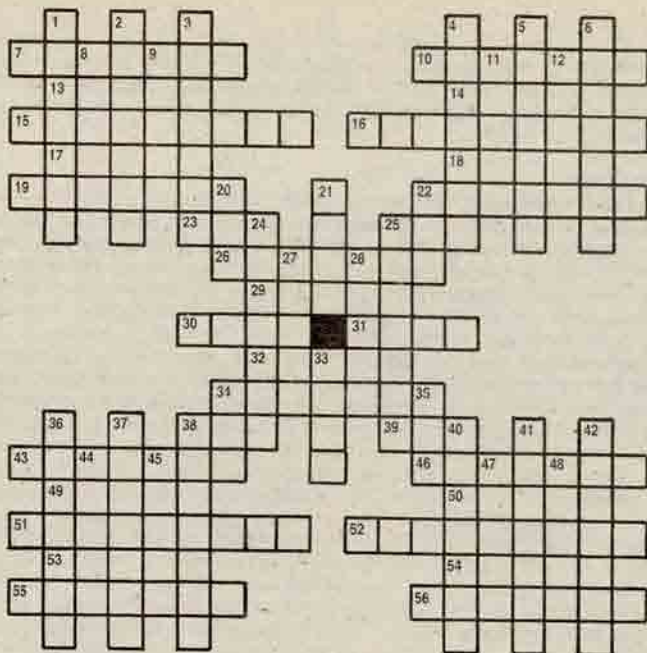
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

4. Чили. 9. Чудовище. 10. Циннобер. 11. Бабки. 12. Урубамба. 13. Нарышкин. 14. Кварк. 19. Экк. 21. Шакал. 23. ...тела... 24. Епископ. 25. ...кон... 29. Прогресс. 30. Мартынович. 32. Скандинавы. 33. Веласкес. 35. Грю. 38. Лисса. 39. Хениль. 40. Фракция. 41. Бас. 42. Мажор. 47. Весталка. 48. Очищение. 49. Лоран. 50. Зиккурат. 51. Домициан. 52. Утро.

По вертикали:

1. Сутра. 2. Зомба. 3. Ритмика. 4. Чебак. 5. Либра. 6. Индри. 7. Форшмак. 8. Пеликан. 10. Цинк. 15. Выпь. 16. Ростан. 17. Степист. 18. Клеопатра. 19. Эстрада. 20. ...пострел... 22. Конвекция. 26. Осина. 27. Антарес. 28. Счастье. 31. Овчина. 34. Ясоо... 35. Гржебин. 36. Юкатеки. 37. Хиллари. 39. Харизма. 42. Март. 43. Жилет. 44. Рондо. 45. Венцы. 46. Щипач.

КРОССВОРД
Составила
М. Дегтярева,
совхоз
«Московский»
Московской
области

По горизонтали:

7. Челюсть меч-рыбы длиной почти в половину ее туловища. 10. Смелый способ охоты папуасов Новой Гвинеи на крокодилов. 13. Без рук, без ног ползет на батог (загадка). 14. Одежда нанайской невесты, на полах которой вышивали Дерево душ. Птицы на ветвях означали души детей. 15. Лицемер, притворщик. 16. Растение, за красоту включенное в герб штата Калифорния (США). 17. Заячий след на снегу. 18. Актер, работавший в Театре имени Моссовета. 19. Литовский тенор, о котором в 1971 году был выпущен документальный фильм. 22. Древнегреческий плащ. Мужчины застегивали его под правой рукой. 23. Пес великана Гериона, изображенный на многих древнегреческих вазах. 25. Дух-призрак в хантыйской мифологии. 26. Шипохвостый валлаби — это австралийский... Убегая, болтает передними ногами в воздухе, за что и прозван «шарманщиком». 29. Простейший водовод. 30. «Мельбурное» дерево. 31. Профессиональная борьба, где разрешены любые приемы. 32. Вступление в былинах. 34. Железный метеорит. 38. В Таллинне — марка, в Риге —... 39. Река в штате Западная Виргиния (США). 43. Афинский братер, чей вопрос: «Если некто утверждает, что он лжет, можно ли в это верить?» — поверг в уныние мудрецов, ибо любой ответ противоречив. 46. Стихотворная форма, «салонная игрушка» французов. 49. Лесная птица, которую побаивается даже волк. 50. Друг Геракла, на его лошадях победивший на Олимпийских играх. 51. Итальянский математик, обессмертив-

ший свое имя в науке. 52. Кустарник, ягоды которого могут заменить соль. 53. Римский поэт, сильно повлиявший на Вергилия. 54. Любимая мебель Обломова в романе И. Гончарова. 55. Шелковая ткань. На Руси из нее шили шлафроки. 56. Слав, обладающий «памятью», появление которого предсказал А. Хейли в романе «Колеса».

По вертикали:

1. Священное насекомое у бушменов. 2. Созвездие, в котором находится центр Галактики. 3. Карело-финский музыкальный инструмент с березовым корпусом. 4. Плотная подстилка из звериной шкуры (по В. Далю). 5. Документ, пожалованный в 1812 году графом Шереметевым Петру Елисееву, основателю знаменитой торговой фамилии. 6. «Морской цветок», чей яд по действию близок к кураре. 8. Колодец на юге Синайского полуострова. 9. Платиновый металл. 11. Первая созданная Аллахом вещь, в которой было записано все, что произойдет в будущем. 12. Римский историк. 20. Крепость в средневековых городах Средней Азии. 21. Светское лицо в церковной вотчине в средневековой Европе. 22. «Гривой и хвостом похожа она на лошадь, а странным и несуразным своим видом — на фантастического фавна» (И. Акимовский). 24. Горная порода. 25. Русский философ, автор учения о «сердце» как духовном средоточии человека. 27. Кочевник. 28. Один из зачинателей негритянской городской музыки 40-х годов в США. 33. Разменная монета Великобритании. 34. «Неповторимый пейзаж», восхваленный Жаком Делилем. 35. Римский император, захвативший Иерусалим. 36. Благозвучие. 37. Аллея посреди улицы. 38. Ассюре (суть). 40. Австралийский знак, в пустынях разваливающийся подушками в рост человека. 41. Якутский воевода, пославший в 1641 году С. Дежнева на Оймякон. 42. «Злейший враг шахматной эстетики» (А. Нимцович). 44. Ненавистный документ «зайца». 45. Легкий металл. 47. Разновидность кордиерита. 48. Город на острове Калимантан.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

1. Бювар. 4. Кхаси. 11. Аллигатор. 12. Термометр. 15. Преддверие. 16. Кукрыниксы. 18. Скобка. 19. Инженер. 20. Притча. 23. Мичиган. 24. Шимановский. 26. Герат. 27. Переворошка. 30. Невар. 33. Конгломерат. 34. Евгений. 38. Тантал. 39. Забияка. 40. Смоква. 43. Космополит. 44. Дарданеллы. 45. Калорифер. 46. Рокировка. 47. Отвар. 48. «Фауст».

По вертикали:

2. Юрисдикция. 3. Атабек. 5. Химера. 6. Семинарист. 7. Аллегория. 8. Фолиант. 9. Рекуператор. 10. Штакетник. 13. Опись. 14. Цыган. 17. Легирование. 21. Валенок. 22. Волкова. 24. Шевер. 25. Марат. 26. Генералитет. 28. Горностай. 29. Игуанодонт. 31. Терменвокс. 32. Пискулька. 35. Этика. 36. Эквадор. 37. Батый. 41. «Лолита». 42. Ядрица.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ «Смена» № 7, 1992

28. А. Истомин. 1. Сс7.
29. В. Желтоножко. 1. Крb2? Крд3!, 1. Крb3? Крд1!, 1. Кd2!
30. В. Квятковский. 1. Фс7? Крf5!, 1. Фг7? Крд5!, 1. Крд3!
31. А. Феоктистов. 1. Крg6 ~ 2. Лg8, 1... Л8g7 2. Крh5!, 1... Л7g7 2. Крh6!
32. В. Щербина. 1. Кf3 Лb5 2. Сс5, 1... Лh7 2. Сh6.
33. В. Чаплыгин. 1. Фа8! Кh7 2. Фh8!, 1... Крf6 2. Фа1. Побочн. реш. 1. Кре7, 1. Фh4.
34. Ан. Кузнецов. 1. g5! fe 2. Фh4!, 1... f5 2. Фс4!, 1... fg 2. Фd4!
35. М. Марандюк. 1. Фh1 (2. Фg2) Кра3 2. Фа8, 1... Крb1 2. Кре2.
36. Н. Резвов и В. Черноус. 1. Лg1 ab 2. g7 b2 3. g8Л!, 1... a3 2. Ле1 a2 3. Сd1.

Правильные ответы на задания 28—36 быстрее других прислали в редакцию М. Власов (д. Карбас Пермской обл.); М. Дерябин (г. Ленинск Кзыл-Ординской обл.), В. Кожакин (Магадан) и Ю. Лялюшкин (Екатеринбург).

Журнал «Смена» объявляет II международный конкурс составления задач-миниатюр по трем разделам: двухходовки, трехходовки и многоходовки. В каждом разделе установлены денежные призы: I приз — 5000, II приз — 4000, III приз — 3000, специальный приз — 2000 рублей.

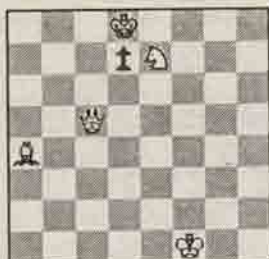
Оригинальные задачи, изображенные на диаграммах в двух экземплярах, с полным решением следует присылать по нашему адресу до 1 сентября 1993 года. Судья конкурса — международный арбитр В. Чепижный.

На конверте следует делать пометку «Конкурс составления шахматных задач». Все присланные композиции примут участие в конкурсе. Лучшие будут опубликованы в журнале. Присланные задачи не рецензируются. Результаты конкурса будут опубликованы в «Смене» в 1994 году.

Приглашаем наших читателей принять участие в конкурсе решения задач, опубликованных в журнале. Фамилии наиболее активных решателей будут публиковаться. После завершения конкурса решатели, приславшие правильные и наиболее полные ответы, будут награждены книжными призами.

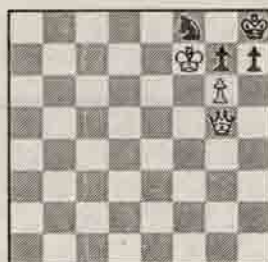
Решения миниатюр следует присылать на открытках (без конверта!) с пометкой «Конкурс решения шахматных задач» в течение месяца после выхода журнала. На открытке нужно указывать фамилию, имя, отчество и домашний адрес.

91. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

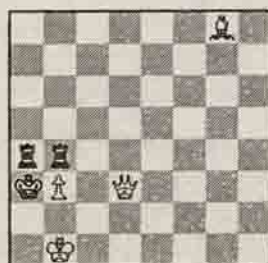
Мат в 2 хода

92. А. ДАШКОВСКИЙ
Черкассы

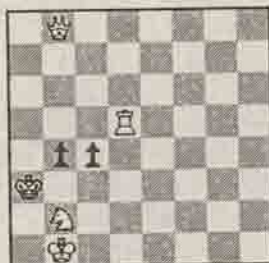
Мат в 2 хода

93. С. ТКАЧЕНКО
с. Приазовское Запорожской обл.

Мат в 2 хода

94. Н. ЧЕРНЯВСКИЙ
Львов

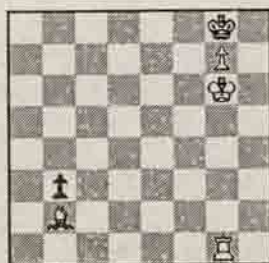
Мат в 2 хода
Близнецы 6-г); Лd5 - e6 - f7 - h8

95. В. КАМЕНСКИЙ
Екатеринбург

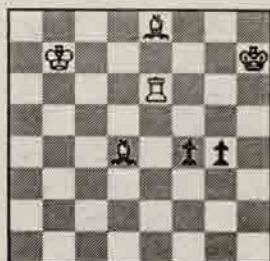
Мат в 3 хода

96. В. СИМОНОВ
Самара

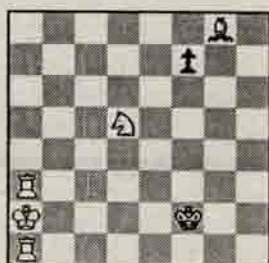
Мат в 3 хода

97. Н. ЗИНОВЬЕВ
г. Усть-Каменогорск

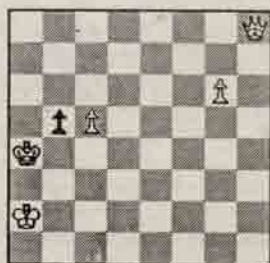
Мат в 3 хода

98. В. КОЖАКИН и О. САКС
Магадан

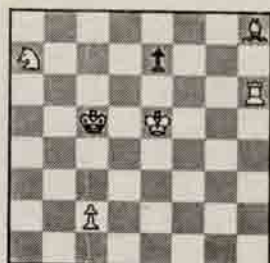
Мат в 3 хода

99. Ю. ЛЯЛЮШКИН
Екатеринбург

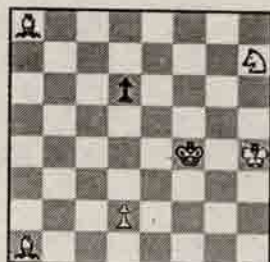
Мат в 4 хода

100. П. ПИРОГОВ и С. ШЕДЕЙ
Харьков

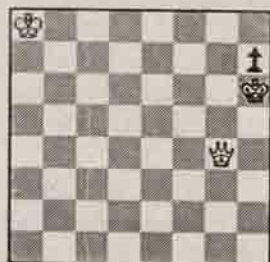
Мат в 4 хода

101. М. ОНИЩЕНКО
Калуга

Мат в 4 хода

102. Б. ЛИНДГРЕН
Швеция

Мат в 7 ходов

Андрей Крюков

Молодой московский художник Андрей Крюков считает себя эклектиком, человеком, который соединяет несоединимое. Он заново открывает красоту обыкновенных предметов — бутылок, картонных коробок, банок из-под пива или пепси-колы. В этом Андрей близок к эстетике поп-арта. Но в больших «программных» композициях он поднимается до обобщений. Полотна Крюкова символичны и ассоциативны. Ему

свойственна творческая свобода, легко и естественно опрокидывающая всякую ограниченность и провозглашающая высшей радостью вольность человеческой души...

Отец, воспитывавший в Андрее честолюбие и учивший всегда быть первым, заметив способности к рисованию, отвел Андрея сначала в изостудию, а затем в художественное училище памяти 1905 года на реставрационное отделе-

ние. Курс педагогики в училище вел Владимир Исаакович Пастухов, который первым разглядел в студенте не только будущего художника, но и незаурядную личность. Пожалуй, Пастухов и был его единственным учителем. В Суриковском институте, куда Андрей поступил после училища, он оказался в атмосфере полнейшей свободы. «Именно там, — вспоминает Андрей, — я понял, что никому не нужен, и, как ни странно, очень обрадовался. Меня никто не направлял, занимался чем хотел. И только гораздо позже понял: именно так и должен формироваться художник. У меня появился стойкий комплекс: работаю только один и рисую только то, что хочется. Я часто замечал: художники, которые объединяются в группы, делают неинтересные работы. Становится тоскливо от полотен, выполненных добротной, профессионально, но никому не нужных. Поэтому я никогда не стремился ни в какие «тусовки». Считаю, что художник — помойка для информации, куда попадают отдельные обрывки, странички, куски непонятных изображений. Все это переплавляется, и неизвестно, каков будет выход...»

Искусство Андрея Крюкова живет как бы не в трех-, а в четырехмерном пространстве. Объектом изображения становятся внутренние закономерности бытия. Художник стремится услышать в своей душе оригинальную и непрерывную мелодию внутренней жизни. Из картины в картину переходит мысль о непостоянстве мира, его изменчивости и зыбкости. Все происходящее вокруг имеет оборотную сторону. Даже голуби на картине «Голуби мира», которые всегда были символом мира и добра, олицетворяют здесь зло и войну, верх лицемерия и несут грязь под личиной чистоты. А зо-

лотые яблоки в «Несчастном случае в раю», являющиеся обычно символом благоденствия, падают и убивают. Даже крылатые ангелы в ужасе от того, что происходит с людьми. И Рай перед нами предстает в виде помойки на какой-то овощной базе, где валяются сгнившие овощи и фрукты.

Особое место в творчестве художника занимает картина «Праздничная битва». В центре композиции — триумфальная арка, с древних времен воздвигавшаяся в честь победы. Но победа оказывается мнимой; мнимые проблемы, которые ставят варвары и решают их столь же варварскими средствами — в драке, дикой схватке, — оборачиваются мыльными пузырями, композиционно повторяющими форму триумфальной арки. На белых полотнищах начертаны вечные, но приводящие к столь же мнимым победам общепринятые истины: «конец всегда лучше начала», «заслуженная награда ждет терпеливого», «пусть каждый идет путем, который избрал себе сам», «я всем бросаю вызов, ибо никого не боюсь».

Иронизируя над мыслью, что жизнь есть борьба, автор порицает гордыню и индивидуализм, забвение человеком вечных ценностей ради случайных, эгоистических, приводящих к «борьбе всех против всех».

«Художнику нет места в устоявшемся спокойном мире, — говорит Андрей Крюков. — Застывшие формы жизни не для него, их нужно разрушить, взорвать изнутри».

Насколько художник приближается к осуществлению своих задач — судить зрителю.

ЛЮДМИЛА КАНДАЛОВА

Несчастный случай в раю.

Голуби мира.

Праздничная битва.

ИНДЕКС 70820

ален
ДЕЛОН

Музыкальная антенна представляет: